



СОЧИНЕНІЯ
К. Ѳ. РЫЛЪЕВА,

ИЗДАНЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

М. Н. Мазаева.

Съ біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

къ журналу

„С Ѣ В Е Р Ѣ“,

ЗА

НОЯБРЬ

1893 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Евг. Евдокимова.

1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 ноября 1893 года.



24.156

Типографія Е. Евдокимова, Троицкая ул., № 18.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

СТР.

К. Θ. Рылѣвъ. Біографическій очеркъ VІІ

Д у м ы.

Предисловіе	1
I. Олегъ Вѣщій	—
II. Ольга при могилѣ Игоря	2
III. Святославъ	3
IV. Святополкъ	5
V. Рогнѣда	—
VI. Баянъ	9
VII. Владиміръ Святой	10
VIII. Мстиславъ Удамый	13
IX. Михаилъ Тверской	—
X. Димитрій Донской	15
XI. Глинскій	16
XII. Курбскій	19
XIII. Смерть Ермака	20
XIV. Борисъ Годуновъ	21
XV. Димитрій Самозванецъ	23
XVI. Иванъ Сусанинъ	24
XVII. Богданъ Хмѣльницкій	27
XVIII. Артемонъ Матвѣвъ	29
XIX. Петръ Великій въ Острогожскѣ	—
XX. Яковъ Долгорукій	30
XXI. Царевичъ Алексѣй въ Рожественѣ	31
XXII. Вольтинскій	32
XXIII. Видѣніе императрицы Анны	33
XXIV. Наталія Долгорукова	34
XXV. Державинъ	35
Примѣчанія къ «Думамъ».	36

Отрывки изъ думъ.

I. Вадимъ	43
II. Марѳа Посадница	—
III. Мийихъ	—
IV. Меньшиковъ	44
V. Державинъ (Первоначальная редакція)	—
VI. «На гордой крутизнѣ береговъ»...	45
VII. «Не тучи на небѣ сдвигались»...	—
VIII. «Повсюду вопли, стоны, крики»...	—

ПОЭМЫ.

СТР.

I. Войнаровский	45
А. А. Бестужеву (посвященіе)	—
Жизнеописаніе Мазепы. <i>А. Корниловича</i>	46
Жизнеописаніе Войнаровскаго. <i>А. Бестужева</i>	48
Часть первая	49
Часть вторая	56
Примѣчанія къ Войнаровскому	62
II. Наливайко (Отрывки изъ поэмы)	67
I. Кіевъ.	68
II. Картина Украйны. Чувства Наливайки	—
III. Разговоръ съ Лободой	69
IV. Смерть Чигиринскаго старосты.	—
V. Наливайко въ Печерской лаврѣ	70
VI. Исповѣдь Наливайки	—
VII. Походъ козаковъ.	71
VIII. Лагери полковъ и козаковъ	—
IX. Молитва Наливайки	72
III. Отрывокъ изъ поэмы «Хмѣльницкій»: Гайдамакъ	—
IV. Отрывки изъ поэмы «Мазепа».	74
I. Палѣй.	—
II. «Что ты замыслилъ»... Пѣсня сторонниковъ Мазепы.	75
V. Партизаны (Отрывокъ).	—
Разныя стихотворенія.	
I. Путешествіе на Парнасъ (Отрывокъ).	76
II. Къ временщику	—
III. Къ другу	77
IV. Къ Дели	78
V. Триолеть Наташѣ.	79
VI. Завѣтъ боговъ	—
VII. Эпиграмма: «Извѣстно всѣмъ давно, что стиходѣй Аристъ»...	—
VIII. Эпиграмма: «Не диво, что Врелевъ такъ много пишетъ вздору»...	—
IX. Эпиграмма: «Ты знаешь Өирса чудака»...	—
X. Эпиграмма: «Бездѣлокъ нѣсколько пашъ Бавій накропавъ»	80
XI. Надпись къ портрету одного стараго воина, умершаго отъ кровоусканія	—
XII. Романсъ: «Какъ счастливъ я»...	—
XIII. Къ Дели (подраженіе Тибуллу)	81
XIV. Шарада.	82
XV. Къ Каховскому.	—
XVI. Зablужденіе.	83
XVII. Счастливая перемѣна	—
XVIII. Нечаянное счастье (Подраженіе древнимъ)	84
XIX. Жестокой	85
XX. «Повѣрь, я знаю ужъ, Дорида» (Подраженіе Парни).	—
XXI. А. П. Ермолову	86
XXII. Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу (Подраженіе Депрео)	87
XXIII. Переводчику Андромахи	89
XXIV. Пустыня (къ М. Г. Ведрагѣ)	—
XXV. Къ А. А. Бестужеву («Хоть Пушкинъ судъ мнѣ строгій произнесъ»)	39

XXVI.	Надгробная надпись (Пр. Тих. Чир—ной)	93
XXVII.	М. Г. Бедрягъ	94
XXVIII.	На рождение Я. Н. Бедряги	—
XXIX.	Къ А. А. Бестужеву («Ты разлѣнился ужъ не кстати») .	—
XXX.	Къ Ѳ. Н. Глинкѣ	95
XXXI.	«Жена грѣхъ тяжкій совершила» (Черновой набросокъ) .	—
XXXII.	Видѣніе. Ода на день тезоименитства Е. И. В. В. К. Александра Николаевича	97
XXXIII.	Гражданское мужество. Ода	98
XXXIV.	Путь къ счастью. Сатира. (Соч. Ѳ. В. Булгарина)	99
XXXV.	Изъ «Слова о Полку Игоревѣ»	103
XXXVI.	Въ альбомѣ Т. С. К.	—
XXXVII.	Къ Н. Н. («У васъ въ гостяхъ бывать накладно»)	—
XXXVIII.	«Оставь меня! Я здѣсь молю»	—
XXXIX.	«Ахъ, гдѣ тѣ острова»	104
XL.	Элегія: «Исполнились мои желанья»	—
XLI.	Элегія: «Покинь меня, мой юный другъ!»	105
XLII.	Къ Н. Н. («Когда душа изнемогала»)	—
XLIII.	На смерть сына	106
XLIV.	Эпиграмма. На Франца, императора Австрійскаго.	—
XLV.	Эпиграмма. На болѣзнь Крылова	—
XLVI.	Надгробная Рыжку	—
XLVII.	На смерть Байрона	—
XLVIII.	Стансы. А. А. Бестужеву.	107
XLIX.	Вѣрѣ Николаевичъ Столыпиной.	108
I.	На смерть Чернова.	—
II.	Гражданинъ	—
LII.	Е. П. Оболенскому («Прими, прими, святой Евгеній»). .	109
LIII.	Е. П. Оболенскому («О, милый другъ, какъ внятень голосъ твой»)	—
LIV.	Е. П. Оболенскому («Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ») .	110
LV.	Наброски, писанные въ крѣпости	—
LVI.	Отрывки неизвѣстныхъ годовъ.	—
	Примѣчанія къ стихотвореніямъ.	111

Проза.

I.	Нѣчто о среднихъ временахъ	112
II.	Изъ писемъ изъ Парижа	113
III.	Объ Острогжскѣ.	114
IV.	Еще о храбрѣ М. Г. Бедрягѣ.	115
V.	Провинціалъ въ Петербургѣ:	
	I. Первый выѣздъ. Магазины	116
	II. Древніе и новые.	119
VI.	Чудаки	120
VII.	Нѣсколько мыслей о поэзіи (Отрывокъ изъ письма къ Н. Н.)	122
VIII.	Записка о дуэли Новосильцова съ Черновымъ	125
IX.	Отрывки и замѣтки.	127

Письма.

Отцу	128, 129, 132
Матери	132, 133, 134, 136, 137, 139, 140, 141, 151
Женѣ	144, 147, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 160, 161

	СТР.
Переписка съ женою изъ крѣпости	163
Свояченицѣ (Настасѣ Михайловнѣ, ур. Тевяшевой). . .	142
Баратынскому Е. А.	148
Булгарину Ѳ. В.	145, 146, 149, 156
Дельвигу А. А.	162
Нѣмцевичу Ю. У.	149
Оболенскому Е. П.	182
Пушкину А. С.	153, 154, 158, 159, 161, 162, 163
Неизвѣстному	157
Черновое письмо къ Государю.	183

К. О. РЫЛЪЕВЪ.

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Чтобы изучить какую-нибудь эпоху, нужно внимательно ознакомиться съ тѣми лицами, которыя явились ея представителями, которыя ее создали, выносили и передали на судъ грядущимъ потомкамъ. Въ біографіи каждаго выдающагося дѣятеля, какъ въ каплѣ воды, отразилась вся окружающая его обстановка, со всеми проявленіями современной жизни, принявшими въ этомъ случаѣ индивидуальный, конкретный характеръ, легче поддающійся уясненію, хотя и не представляющій той яркости, какую даетъ картина общественнаго движенія. Первая четверть текущаго столѣтія была эпохой особенно разительнаго столкновенія двухъ общественныхъ группъ, силы которыхъ были настолько уравновѣшены, что политика постоянно мѣняла свое направленіе, переходя изъ рукъ въ руки, и только подъ конецъ царствованія Александра I одна изъ этихъ партій сдѣлала попытку искусственнымъ переворотомъ занять первенствующее значеніе, — попытку, повлекшую за собою ея пораженіе на долгіе и долгіе годы. Партія эта, вдохновляемая пришедшими съ запада либеральными тенденціями, имѣла за собою тотъ крупный недостатокъ, что не обладала прочностью старой культуры своихъ противниковъ и путемъ насилія хотѣла достигнуть того, что пріобрѣтается естественнымъ упорнымъ развитіемъ. Эта группа выдѣлила изъ своей среды декабристовъ, по преимуществу молодыхъ и неустановившихся представителей ея, явившихся жертвами преждевременнаго историческаго процесса. Къ числу такихъ бесплодныхъ жертвъ принадлежитъ и Кондратій Ѳеодоровичъ Рылѣевъ.

Онъ родился въ захудалой дворянской семьѣ 18 сентября 1795 года. Отецъ его, Ѳеодоръ Андреевичъ, служившій главноуправляющимъ у князя С. Ѳ. Голицына, былъ человекъ жестокій, деспотичный. Съ женою онъ обращался круто, осыпалъ ее побоями и запиралъ даже въ погребъ; билъ онъ также и своего маленькаго сына. Мать Рылѣева, Анастасія Матвѣевна (ур. Эссенъ), была, напротивъ, женщина кроткая, покорная, олицетворявшая идеаль домостроевскаго порядка. Любовь къ сыну заставила ее идти на самопожертвованіе; она рѣшилась на разлуку съ нимъ, съ тѣмъ чтобы помѣстить его въ корпусъ и такимъ образомъ избавить отъ безчеловѣчнаго отца. Въ спискахъ перваго кадетскаго корпуса Рылѣевъ значится принятымъ 21 января 1801 года; это заставляетъ думать, что онъ по-

ступилъ въ отдѣленіе для малолѣтнихъ. Въ корпусѣ, которымъ въ это время управлялъ Клигеръ, царила строгость и тѣлесныя наказанія были въ полномъ ходу. По свидѣтельству Греча, Рылѣва сѣкли довольно часто, но онъ мужественно переносилъ подобныя пассажи; «не произносилъ ни малѣйшей жалобы, ни малѣйшаго стона и, ставъ на ноги, опять начиналъ грубить офицеру». Эта строптивость соединялась въ его характерѣ съ страстью къ проказамъ и шалостямъ. Исторической сдѣлалась его продѣлка съ экономомъ корпуса, А. П. Бобровымъ, — личностью, обратившеюся въ полупроизведенную и фигурирующую въ воспоминаніяхъ многихъ питомцевъ-кадетъ. Этому добрейшему человѣку сорванецъ подсунулъ въ треугольную шляпу вмѣсто рапорта, съ которымъ тотъ являлся по начальству, свою шуточную пѣсню «Кулакіяда», рассказывавшую о смерти и похоронахъ главнаго повара въ корпусѣ, Кулакова, и касавшуюся также и самого Боброва. *)

Шалости Рылѣва создали ему среди товарищей репутацію удалца, и онъ пользовался всеобщей любовью. Учился онъ порядочно, но былъ слабъ въ математикѣ. Страсть къ чтенію обнаружилась у него очень рано, и онъ просилъ у отца денегъ на покупку книгъ. Отецъ относился къ нему попрежнему сурово. Юный Рылѣвъ безплодно писалъ къ нему письма, не получая втеченіе трехъ лѣтъ отъ «виновника бытія» своего никакого отвѣта. Уже незадолго до выхода изъ корпуса онъ получилъ въ отвѣтъ на просьбу о деньгахъ, необходимыхъ будущему офицеру, только суровыя наставленія съ явнымъ недоверіемъ къ его доводамъ. 10 февраля 1814 года Рылѣвъ былъ произведенъ въ офицеры и выпущенъ въ 1-ую резервную артиллерійскую бригаду, въ конную № 1-й роту. Почти

*) «Кулакіяда», по сообщенію В. Е. Якушкина, — въ двухъ пѣсняхъ (всего 19 строфъ, 156 стиховъ). Вотъ ея начало:

Шуми, греми, невзвучна лира
Еще неопытна пѣвца,
Да возглашу въ предѣлы міра
Коячину пироговъ творя,
Да возвѣщу я плачь ужасный
Трехъ тафелей, всѣхъ поваровъ.
Друзья! Ужъ Кулаковъ несчастный
Не суетится средь котловъ,
Ужъ гласъ его не раздается
Въ обѣихъ кухняхъ здѣсь,
Отъ онаго ужъ не мятется
Соборъ его команды весь.

Далѣе является дѣйствующимъ лицомъ и самъ Бобровъ:

И ахъ, наперсника лишенный,
Восплакаль, возрыдалъ Бобровъ;
Такой потерей огорченный,
Онъ перебилъ всѣхъ поваровъ...

сейчасъ-же онъ былъ отправленъ въ дѣйствующую армію, и уже въ мартѣ мы находимъ его въ Шафгаузенѣ. Втеченіе полугода онъ совершилъ походъ въ Швейцарію и во Францію, а въ сентябрѣ находился при артиллерійскомъ магазинѣ въ Дрезденѣ, гдѣ былъ комендантомъ его дядя, Михайлъ Николаевичъ Рылѣвъ, оказавшій покровительство своему племяннику. Но здѣсь онъ долго не удержался и осенью уже выѣхалъ изъ Дрездена въ Россію, въ минскую губернію, гдѣ была расквартирована его бригада. 12 апрѣля 1815 г. онъ отправился вторично въ походъ во Францію и пробылъ въ Парижѣ до 23 сентября, когда выступилъ обратно, въ отечество. Время этихъ заграничныхъ походовъ было очень плодотворно для Рылѣва: онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ великими политическими событіями, ознакомился съ жизнью просвѣщеннаго запада и подъ вліяніемъ этого развился духовно въ тотъ богатый, многообщавшій типъ, какихъ было не мало въ русской арміи послѣ заграничныхъ походовъ, вызванныхъ двѣнадцатымъ годомъ.

Между тѣмъ матерьяльныя обстоятельства Рылѣва были очень плохи и запутаны. Отецъ его умеръ въ началѣ 1814 г., и по смерти его кн. В. В. Голицына сдѣлала на него начеть въ 80,000 р. и въ этой суммѣ предъявила претензію къ его наслѣдникамъ. Движимое имущество и деньги были арестованы, а опекунами были назначены М. Н. Рылѣвъ и И. С. Зубковскій. Имущество, оставленное Рылѣвымъ - отцомъ, не могло покрыть и десятой части долга. К. О. Рылѣвъ обращался къ княгинѣ съ просьбой прекратить это дѣло, а по смерти ея просилъ о томъ же ея сыновей, и кажется, въ концѣ концовъ его просьба была принята во вниманіе, хотя разбирательство еще не было окончено и со смертью Рылѣва.

По возвращеніи изъ похода Рылѣвъ, состоя въ 11-й (потомъ она переименована была въ 12-ю) конно-артиллерійской ротѣ, квартировалъ съ нею въ острогожскомъ уѣздѣ воронежской губерніи. Попавъ въ село Подгорное, онъ сошелся съ семействомъ мѣстнаго помѣщика Михайла Андреевича Тевяшева и увлекся его младшей дочерью, Натальей Михайловной. По желанію ея родителей, онъ вышелъ въ отставку 26 декабря 1818 г. съ чиномъ подпоручика. Но различныя дѣла все еще не давали ему устроиться семейнымъ образомъ, и только 22 января 1820 г. состоялась его свадьба съ Тевяшевой. Изъ переписки Рылѣва за это время съ матерью видно, какой онъ былъ любящій и почтительный сынъ.

Послѣ женитьбы Рылѣвъ переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, наѣзжая лѣтами въ деревню своей жены. Малороссія полюбилась ему; но жажда дѣятельной жизни не позволяла ему остаться въ провинціи навсегда; его тянуло въ столицу, гдѣ онъ могъ успѣшнѣе приложить къ дѣлу свои богатые способности и свою энер-

гію. Петербургскій періодъ его жизни былъ временемъ его служенія общественнымъ интересамъ, которымъ наконецъ онъ отдался вполнѣ. Еще будучи офицеромъ, онъ уже жилъ хорошою интеллигентною жизнью. Офицерство того времени не предавалось исключительно безпробуднымъ кутежамъ; собирались не для однѣхъ пооекъ, но много читали и разсуждали. Гораздо шире шла умственная жизнь въ столицѣ. Здѣсь зарождались новые, что-то обѣщавшіе журналы, основывались всякаго рода общества и даже салонныя собранія принимали нерѣдко характеръ литературныхъ кружковъ. Рылѣевъ былъ членомъ вольнаго общества любителей россійской словесности (бывшаго — соревнователей просвѣщенія и благотворенія) *) и вмѣстѣ съ тѣмъ примкнулъ къ масонамъ: онъ работалъ въ ложѣ № 9 «Пламеняющей звѣзды» и втеченіе 1820—21 гг. числился въ ней дѣйствительнымъ 1-й степени членомъ. Пренія въ этой ложѣ велись исключительно по нѣмецки, откуда можно заключить, что Рылѣевъ хорошо владѣлъ этимъ языкомъ.

Около этого-же времени появляются и его первыя произведенія въ печати: въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 г. помѣщена сатира «Къ временщику». Писать стихи Рылѣевъ началъ, какъ сказано, еще въ корпусѣ. Великая война двѣнадцатаго года, разумѣется, не могла пройти безлѣдно для его хотя еще юной и неопытной музы. Среди его рукописей находится ода, помѣченная 4 іюня 1813 года и озаглавленная — «Любовь къ отчизнѣ». **) Время заграничныхъ походовъ также отразилось на его произведеніяхъ; но это была уже не поэзія, а проза въ видѣ писемъ, которымъ не суждено было появиться въ свѣтъ при жизни автора. Сатира Рылѣева «Къ временщику» была неслыханною дерзостью: она мѣтила ни болѣе ни менѣе, какъ въ всеильнаго Аракчеева, этого «преданнаго безъ лести» царедворца, имя котораго темнымъ пятномъ легло на страницы русской исторіи. Ударъ, къ счастью, не былъ замѣченъ тамъ, куда онъ былъ нанесенъ; за то дебютъ молодого поэта произвелъ фуроръ въ литературномъ мірѣ и стяжалъ ему много друзей. Наиболѣе близкимъ изъ нихъ былъ А. А. Бестужевъ (Марлинскій). Немного позднеѣ Рылѣевъ былъ тѣсно связанъ съ А. С. Пушкинымъ и велъ съ нимъ дѣятельную переписку. Однимъ изъ раннихъ

*) 25 апрѣля 1821 г. онъ избранъ въ члены-корреспонденты, а 5 апрѣля 1823 г. въ дѣйствительные члены.

**) Вотъ нѣсколько стиховъ изъ заключительной строфы этой оды:

Хвала, отечества спаситель!
 Хвала, хвала, отчизны сынъ!
 Злодѣйскихъ замысловъ рушитель,
 Россіи вѣрный гражданинъ,
 И бичъ и ужасъ всѣхъ французовъ!
 Скончался тѣломъ ты, Кутузовъ,
 Но будешь вѣчно живъ, герой! и т. д.

его пріятелей былъ и Ѳ. В. Булгаринъ, который на первыхъ порахъ своей литературной дѣятельности игралъ роль либерала, но вскорѣ обнаружилъ низость своей души и отшатнулъ отъ себя всѣхъ порядочныхъ людей. Указанныя лица пользовались наибольшею интимностью Рылѣва, но собственно говоря, онъ находился въ болѣе или менѣе короткихъ отношеніяхъ почти со всѣми представителями тогдашняго писательскаго міра. Печатался онъ сравнительно немного и кромѣ «Невскаго Зрителя» помѣщалъ свои произведенія въ «Благонамѣренномъ» А. Е. Измайлова, «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» А. Ѳ. Воейкова, «Сынѣ Отечества» Н. И. Греча, «Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія», «Литературныхъ Листкахъ» и «Сѣверной Пчелѣ».

Литература, разумѣется, не могла дать Рылѣву средства къ существованію, и онъ долженъ былъ служить. Вѣроятно, благодаря тому, что у Рылѣвыхъ было имѣніе въ Петербургской губерніи, онъ былъ избранъ отъ дворянства 24 января 1821 года засѣдателемъ уголовной палаты. Непріятной стороною этой дѣятельности была борьба съ подвохами приказныхъ крючкотворцевъ, и Рылѣвъ не разъ жаловался на это; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ преданъ своему дѣлу и стяжалъ себѣ даже нѣкоторую популярность какъ непоколебимый поборникъ справедливости. По крайней мѣрѣ, Н. А. Бестужевъ рассказываетъ такой случай. Военный губернаторъ Петербурга Милорадовичъ допрашивалъ какого-то мѣщанина; такъ какъ послѣдній не хотѣлъ принять на себя взводимаго на него обвиненія, то Милорадовичъ, зная боязнь и недоувѣріе простонародья къ тогдашнимъ представителямъ юстиціи, пригрозилъ ему отдачей подъ судъ. Къ его удивленію, мѣщанинъ сталъ горячо благодарить его, увѣренный въ своемъ оправданіи: «тамъ—говорилъ онъ—есть Рылѣвъ: онъ не даетъ погибать невиннымъ». Эту черту его служебной дѣятельности отмѣтилъ даже и Гречъ, достаточно-таки старающійся очернить Рылѣва въ своихъ запискахъ.

Въ 1824 году изъ суда Рылѣвъ перешелъ на службу Россійско-американской компаніи правителемъ канцеляріи и пробылъ тамъ до конца своей свободы. И тутъ онъ отличался той-же честной исполнительностью, входя въ интересы компаніи, и старался быть ей полезнымъ, о чемъ свидѣтельствовало директоръ учрежденія И. В. Прокофьевъ. Вещественнымъ доказательствомъ его заслугъ была енотовая шуба въ 700 рублей, подаренная ему компаніей. Эта служба доставила Рылѣву знакомство съ такими людьми, какъ М. М. Сперанскій и графъ Н. С. Мордвиновъ. Особенно послѣдній поражалъ Рылѣва необыкновеннымъ величіемъ своей души, честностью и прямою убѣжденіемъ, однимъ словомъ, тѣми аристократическими качествами, какія встрѣчались только у рѣдкихъ представителей высшей администраціи. Свое уваженіе къ этой

личности поэтъ выразилъ, посвятивъ ему оду «Гражданское мужество» и отдѣльное изданіе думъ.

На литературныхъ собраніяхъ, бывавшихъ въ домѣ Рылѣва, возникла мысль объ изданіи ежегоднаго альманаха; эту идею осуществили самъ Рылѣвъ и его другъ А. Бестужевъ. Въ результатѣ явилась въ 1823 году «Полярная Звѣзда», составившая эру въ нашей журналистикѣ. Въ маленькой книжкѣ было сосредоточено все то, что только могла дать лучшаго современная литературная Россія. Новинкою была и критическая статья Бестужева, молодой задоръ которой и свѣжесть взглядовъ переполошили всѣхъ тогдашнихъ Аристарховъ и Катоновъ журнальной этики. Успѣхъ альманаха превзошелъ ожиданія. Съ такимъ-же сочувствіемъ была встрѣчена «Полярная Звѣзда» и въ 1824 году, когда 1500 экземпляровъ ея разошлось въ три недѣли. Оба эти года дѣйствительнымъ издателемъ былъ книгопродавецъ Сленинъ. Въ 1825 г. Рылѣвъ и Бестужевъ взяли изданіе на свой страхъ, причѣмъ опредѣлили вкладчикамъ альманаха извѣстный гонораръ. На 1826 г. они собирались издать за недосугомъ альманахъ въ меньшемъ объемѣ подъ названіемъ «Звѣздочка»; но послѣдней не пришлось блистать на горизонтѣ русской журналистики: будучи уже отпечатана, она послѣ 14 декабря попала въ подвалы какого-то учрежденія, гдѣ и сгнила. *) Третья книжка «Полярной Звѣзды» была посвящена государынямъ-императрицамъ, за что Бестужевъ получилъ золотую табакерку, а Рылѣвъ два брилліантовыхъ перстня.

Частная жизнь Рылѣва за это время шла довольно тревожно. Стали появляться дѣти: первымъ ребенкомъ былъ сынъ Александръ, умершій уже въ 1824 г.; въ 1823 г. у Рылѣвыхъ родилась дочь Анастасія. Въ 1824 г. скончалась мать Рылѣва, что окончательно разстроило дѣла его. Ему пришлось заложить имѣніе, и только служба въ Россійско-американской компаніи поставила его въ сравнительно сносное положеніе. Примѣрный мужъ, Рылѣвъ однако оказался не свободенъ отъ увлеченій. Н. Бестужевъ передаетъ случай изъ его жизни, когда онъ находился въ сѣтяхъ какой-то г-жи К., которая, какъ оказалось, завлекала его совершенно не изъ любовныхъ цѣлей. Онъ чувствовалъ страшныя мученія, потому что не переставалъ любить и жену, и только когда ему открылась настоящая роль г-жи К., онъ очнулся, увидѣвъ, какой опасности подвергалъ себя и то дѣло, которому служилъ. Повидимому, эта минутная страсть отразилась и на поэзіи Рылѣва: у него много эротическихъ ~~и~~ элегій, неизвѣстно кому адресованныхъ. Помимо собственныхъ увлеченій Рылѣву приходилось раздѣлываться и за чужія.

*) По уцѣлѣвшему случайно экземпляру «Звѣздочка» перепечатана въ «Русск. Старинѣ».

Въ его домѣ жила его побочная сестра Александра Ѳедоровна, дѣвушка уже не первой молодости, легкомысленная и вѣтренная. Съ ней вошелъ въ связь офицеръ финляндскаго полка, князь Шаховской, еще совершенный юнецъ, и афишировалъ эту связь. Рылѣевъ вызвалъ его; а когда тотъ уклонился, то Рылѣевъ плюнулъ ему въ лицо, заставивъ этимъ принять вызовъ,—какъ показываетъ А. Бестужевъ, который былъ секундантомъ Рылѣева въ послѣдовавшей дуэли. «Стрѣлялись безъ барьера,» пишетъ Бестужевъ.—«Съ перваго выстрѣла Рылѣеву пробило ногу навывлетъ, но онъ хотѣлъ драться до повалу,—и повѣрите-ли, что на трехъ шагахъ оба раза пули встрѣчали пистолетъ противника. Мы развели ихъ». Эта дуэль была въ началѣ 1824 года. Въ другой дуэли пришлось участвовать Рылѣеву въ качествѣ секунданта. Обстоятельства, заставившія флигель-адъютанта Новосильцова и Чернова стрѣляться, выяснены въ собственноручной запискѣ Рылѣева, который приходился Чернову двоюроднымъ братомъ. Дуэль, происходившая 8 сентября 1825 г., имѣла послѣдствіемъ смерть обоихъ противниковъ. Она произвела большую сенсацию въ обществѣ, а часть его, единомышленная декабристамъ, хотѣла видѣть въ ней общее значеніе, какъ-бы выраженное въ слѣдующихъ словахъ предсмертной записки Чернова: «Пусть паду я, но пусть падеть и онъ, въ примѣръ жалкимъ гордецамъ, и чтобы золото и знатный родъ не насмѣхались надъ невинностью и благородствомъ души». Похороны Чернова по своему многолюдству имѣли характеръ манифестаціи *).

Эта дуэль до нѣкоторой степени способствовала скорѣйшему разрѣшенію заговора декабристовъ. Въ этой исторической трагедіи на долю Рылѣева выпала не послѣдняя роль, хотя онъ примкнулъ къ жаждавшимъ переворота сравнительно поздно. Онъ не принадлежалъ ни къ Союзу Спасенія, ни къ Союзу Общественнаго благоденствія, возникшаго взаимнѣй первому въ 1818 году. Въ 1821 году и это общество вслѣдствіе внутреннихъ несогласій рушилось. Тѣмъ не менѣе бродильныя начала, вызвавшія эти тайные союзы невольныхъ, не изсякли. Тѣ-же самые элементы, которые входили въ составъ Союза благоденствія, послужили къ образованію двухъ новыхъ союзовъ: южнаго—главнымъ образомъ въ Тульчинѣ и сѣвернаго—въ Петербургѣ. На югѣ главнымъ дѣятелемъ былъ полковникъ вятскаго пѣхотнаго полка Павелъ Ивановичъ Пестель, а во главѣ сѣверной думы сталъ Никита Муравьевъ. Основанное въ исходѣ 1822 года Сѣверное общество раздѣлялось на *убѣжденныхъ* и *соединенныхъ* или *согласныхъ*. Послѣдній разрядъ состоялъ изъ

*) Мать Новосильцова построила въ память сына церковь близъ мѣста дуэли. Самая дуэль происходила за Выборгской заставой, на мѣстѣ нынѣшняго парка Лѣснаго института; въ восточномъ углу парка до сихъ поръ можно видѣть два круглыхъ камня на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли дуэлянты.

людей новыхъ, въ которыхъ общество еще не было увѣрено, тогда какъ убѣжденные, или верхній кругъ, были облечены довѣріемъ, могли набирать прозелитовъ, и изъ числа ихъ избиралась дума, или директорія. Рыльевъ былъ принятъ И. И. Пуцинымъ въ началѣ 1823 года прямо въ разрядъ убѣжденныхъ, въ чемъ, конечно, выразилось полное довѣріе къ нему. Въ концѣ того-же года дума имѣла уже трехъ предсѣдателей: Никиту Муравьева, князя Сергѣя Трубецкого и князя Е. П. Оболенскаго. Черезъ годъ Муравьевъ уѣхалъ въ Кіевъ, а на мѣсто Трубецкого былъ избранъ директоромъ Рыльевъ, который и сдѣлался главаремъ и душою Сѣвернаго общества. Своимъ энтузіазмомъ и энергіей онъ достигъ того, что его образъ мыслей сталъ раздѣляться почти вполне и обществомъ, которое чрезвычайно разнилось какъ въ организаціи, такъ и въ задачахъ отъ Южнаго союза. Южное общество, вдохновляемое Пестелемъ, въ своихъ планахъ относительно внѣшняго переустройства Россіи отличалось крайнимъ радикализмомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно устанавливало олигархію и съ презрѣніемъ смотрѣло на народъ. Почти таковъ-же былъ и проєктъ Никиты Муравьева, принимавшаго въ основу своихъ мечтательныхъ реформъ капиталистическія начала. Такой взглядъ Рыльевъ находилъ «несогласнымъ съ законами нравственности». Крайній демократъ, онъ высказался даже за принятіе въ члены общества купцовъ и мѣщанъ, хотя большинство рѣшило, что «это невозможно, что наши купцы—невѣжды». Но при всемъ томъ Рыльевъ склонялся къ монархическому принципу, въ которомъ справедливо видѣлъ опору народнымъ интересамъ. Въ планы Союза входило и освобожденіе крестьянъ; при этомъ Муравьевъ считалъ достаточнымъ надѣлить ихъ усадебною землею, тогда какъ Рыльевъ, вѣрный своимъ основнымъ принципамъ, желалъ ихъ видѣть надѣленными и полями, какъ это и осуществилось въ царствованіе императора Александра II. Съ крайней неохотой, не находя только иного исхода, согласился Рыльевъ на тотъ кровавый умыселъ, который вошелъ въ планъ дѣйствій декабристовъ. Сѣверное общество шло за нимъ; у него и собирались на квартирѣ для совѣщаній *); онъ дѣятельно вербовалъ новыхъ членовъ, поддерживалъ энергію въ падавшихъ духомъ и всѣхъ одушевлялъ своей убѣжденностью и энтузіазмомъ; если-же въ концѣ-концовъ онъ уступилъ чужому крайнему рѣшенію, то потому, что такъ же растерялся, какъ и все общество, узнавъ о смерти Александра I. Это событіе переполошило и Сѣверный и Южный союзъ; но ни тамъ, ни здѣсь не было строгой программы. Переворотъ предполагалось произвести силой войска; но могли-ли привлечь его на свою сторону люди, совершенно не

*) Онъ жилъ на Мойкѣ, близъ Краснаго моста, въ домѣ Россійско-американской компаніи.

знавшіе солдата, несмотря на то, что почти всё они въ качествѣ офицеровъ находились въ рядахъ арміи? Рылѣевъ, давно уже вышедшій въ отставку, не годился при этомъ въ роли руководителя, и на время рѣшительныхъ дѣйствій былъ избранъ *диктаторомъ* князь Трубецкой, человекъ нерѣшительный, котораго поддерживалъ и направлялъ Рылѣевъ. На послѣднихъ собраніяхъ было рѣшено вызвать бунтъ среди солдатъ обманомъ, убѣждая ихъ не присягать императору Николаю, потому-де, что великій князь Константинъ насильно отстраненъ отъ престола. Каховскій бралъ на себя совершеніе преступнаго злодѣянія, на которое согласился и Рылѣевъ. Медлить было уже нельзя, потому что о заговорѣ узнало правительство.

14-ое декабря, день, назначенный для присяги, является кровавой страницей этой исторіи. Легкомысліе заговорщиковъ вполне ясно обнаружилось въ этотъ день. Многіе изъ нихъ забыли свои обѣщанія, и самъ «диктаторъ» не показывался втеченіе цѣлаго дня. Горсть обманутыхъ солдатъ стояла на Сенатской площади, не зная что дѣлать, и была быстро разсѣяна присягнувшими войсками. Рылѣевъ мрачный вернулся домой и въ слѣдующую ночь былъ арестованъ и отвезенъ во дворецъ, гдѣ преступниковъ допрашивалъ самъ императоръ. Оттуда его свезли въ крѣпость и заключили въ казематъ № 17 Алексѣевского рavelина. Благодаря выгодному впечатлѣнію, произведенному Рылѣевымъ на императора Николая, онъ вскорѣ получилъ разрѣшеніе вести переписку съ женой, которой государь оказалъ существенное денежное пособіе. Изъ этой переписки довольно наглядно рисуется жизнь Рылѣева въ крѣпости. Онъ не палъ духомъ и энергично занимался семейными дѣлами, руководствуя свою жену и освѣдомляясь у ней объ успѣхѣ ея предпріятій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ спокойнѣе, письма его не дышатъ уже прежнимъ энтузіазмомъ, и порой въ нихъ мелькаетъ то же мистическое настроеніе, какое сказывается въ немногихъ стихахъ, написанныхъ въ казематѣ и адресованныхъ князю Е. П. Оболенскому. Развитію такого настроенія мѣшали, разумѣется, заботы о семьѣ, съ которой не прекратились сношенія. Притомъ, Рылѣевъ, какъ одинъ изъ главныхъ преступниковъ, былъ почти ежедневно вызываемъ для показаній, очныхъ ставокъ и т. п. въ слѣдственную комиссію, засѣдавшую въ домѣ коменданта Петропавловской крѣпости, Сукина. Показанія Рылѣева отличались прямою, причемъ онъ не старался, подобно нѣкоторымъ малодушнымъ, уменьшить свою вину, взваливая ее на другихъ; напротивъ, оспаривая невѣрныя показанія князя Трубецкого, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ: «Впрочемъ, я признаю себя главнымъ виновникомъ происшествій 14-го декабря: я могъ все остановить и напротивъ былъ пагубнымъ примѣромъ преступной ревности. Если кто заслужилъ казнь, вѣроятно нужную для блага Россіи, то конечно я, несмотря на мое раскаяніе и совершенную перемену образа мыслей». Въ маѣ 1826 года слѣдствіе было закон-

чено, и комиссія передала дѣло въ учрежденный 1 іюня Верховный уголовный судъ; изъ членовъ этого суда, по разсмотрѣніи дѣла, былъ избранъ Комитетъ въ числѣ 9 членовъ, который долженъ былъ опредѣлить мѣру наказаній преступникамъ. Въ это время женѣ Рылѣва было разрѣшено свиданіе съ мужемъ, которое и произошло 9 іюня. Во второй половинѣ іюня Комитетъ, согласуясь съ существовавшими узаконеніями, установилъ мѣры наказанія, и для опредѣленія степени виновности каждаго преступника дѣло снова перешло въ Верховный судъ. Преступники были раздѣлены на четырнадцать разрядовъ, и сообразно съ этимъ были опредѣлены имъ и наказанія. Рылѣвъ, Пестель, Сергій Муравьевъ, Бестужевъ-Рюминъ и Каховскій не вошли ни въ одинъ изъ этихъ разрядовъ: «превосходя другихъ, гласилъ докладъ суда,—во всѣхъ злыхъ умыслахъ силою примѣра, неукротимостью злобы, свирѣпымъ упорствомъ и, наконецъ, хладнокровною готовностью къ кровопролитію, они стоятъ внѣ всякаго сравненія». Въ росписи преступниковъ, приложенной къ всеподданнѣйшему докладу Верховнаго уголовного суда, Рылѣвъ стоитъ вторымъ среди названныхъ пяти лицъ и преступленія его выражены въ слѣдующихъ словахъ: «Умышлялъ на царубійство; назначалъ къ совершенію онаго лица; умышлялъ на лишеніе свободы, на изгнаніе и на истребленіе Императорской фамиліи и пріуготовлялъ къ тому средства; усилилъ дѣятельность Сѣвернаго общества; управлялъ онымъ, пріуготовлялъ способы къ бунту, составлялъ планы, заставлялъ сочинить манифестъ о разрушеніи правительства; самъ сочинялъ и распространялъ возмутительныя пѣсни и стихи и принималъ членовъ; пріуготовлялъ главныя средства къ мятежу и начальствовалъ въ оныхъ; возбуждалъ къ мятежу нижнихъ чиновъ чрезъ ихъ начальниковъ посредствомъ разныхъ обольщеній и во время мятежа самъ приходилъ на площадь». Эти пять преступниковъ присуждались къ смертной казни четвертованіемъ. 10 іюля послѣдовалъ Высочайшій указъ Верховному суду, которымъ наказанія преступникамъ всѣхъ 14 разрядовъ смягчались, а постановленіе рѣшенія относительно стоявшихъ внѣ разрядовъ предано Верховному суду. 11 іюля Верховный судъ положилъ замѣнить этимъ преступникамъ мучительную казнь четвертованіемъ смертной казнью чрезъ повѣшеніе. 12 числа окончательный приговоръ былъ объявленъ обвиненнымъ. Приговоренные къ смерти были закованы въ кандалы и заключены въ Кронверкскую куртину; Рылѣву достался № 14. 13-го іюля была совершена казнь. За нѣсколько минутъ до казни Рылѣвъ написалъ женѣ послѣднее письмо, трогательное, по показывающее, что бодрость не покидала его до конца. Казнь свершилась, и тѣла казненныхъ въ слѣдующую ночь зарыли на островѣ Голодаѣ.

Изслѣдуя роль Рылѣва въ декабристскомъ движеніи, приходится невольно столкнуться съ вопросомъ, какимъ образомъ достигъ онъ среди своихъ сообщниковъ такого значенія, не обладая ни родовитостью, ни матерьяльнымъ могуществомъ, ни сколько-нибудь замѣтнымъ оффиціальнымъ положеніемъ? Освѣщеніе этого интереснаго факта даютъ воспоминанія о немъ его современниковъ и друзей. Всѣ причины его выдающейся роли заключались въ немъ самомъ. Въ самой наружности Рылѣва было какое-то обаяніе. Вотъ его портретъ, набросанный княземъ Е. П. Оболенскимъ: «Росту онъ былъ средняго; черты его лица составляли довольно правильный овалъ, въ которомъ ни одна черта рѣзко не обозначалась передъ другой; волосы у него были черные, слегка завитые; глаза темные съ выраженіемъ думы и часто блестящіе при одушевленной бесѣдѣ; голова, немного наклонная впередъ, при мѣрной поступи, показывала, что мысль его всегда была занята тою внутренней жизнью, которая, въ минуту вдохновенія, выражалась во вдохновенной пѣснѣ, въ другое время искала той идеи, которая была побудительнымъ началомъ всей его дѣятельности». «Въ его взглядѣ,—говоритъ баронъ Розень—въ чертахъ его лица виднѣлась одушевленная готовность на великія дѣла; его рѣчь была ясна и убѣжденна». По словамъ Н. А. Вестужева, «Рылѣвъ былъ не краснорѣчивъ и овладѣвалъ другими не тонкостями риторики или силою силлогизма, но жаромъ простого и иногда несвязнаго разговора, который въ отрывистыхъ выраженіяхъ изображалъ всю силу мысли, всегда прекрасной, всегда правдивой, всегда привлекательной. Всего краснорѣчивѣе было его лицо, на которомъ являлось прежде словъ все то, что онъ хотѣлъ выразить, точно, какъ говорилъ Муръ о Байронѣ, что онъ похожъ на гипсовую вазу, снаружи которой нѣтъ никакихъ украшеній; но какъ скоро въ ней загорится огонь, то изображенія, изваянныя внутри хитрою рукою художника, обнаруживаются сами собою». Очень замѣчательнъ отзывъ о Рылѣвѣ, принадлежащій А. В. Никитенко. «Я не знавалъ—говоритъ онъ—другого человѣка, который обладалъ бы такой притягательной силой, какъ Рылѣвъ. Онъ съ перваго взгляда вселялъ обаяніе. Стоило взглянуть въ его удивительные глаза, чтобы всѣмъ сердцемъ отдаться ему. Въ первое же посѣщеніе я испыталъ на себѣ чарующее дѣйствіе его гуманности и доброты». Такой отзывъ будетъ вполне понятенъ, если принять во вниманіе, что Рылѣвъ возродилъ Никитенку къ новой жизни: благодаря ему, тотъ избавился отъ крѣпостнаго положенія и получилъ свободу отъ своего владѣльца графа Шереметьева. Исторія этого освобожденія, изложенная въ дневникѣ А. В. Никитенко, является характернымъ фактомъ и для біографіи Рылѣва. Здѣсь, по исключительности обстоятельствъ, требовалась и помощь энергичнаго человѣка; но Рылѣвъ не проходилъ мимо и

менѣе значительныхъ фактовъ, можетъ быть, лично даже не касавшихся его, но которыхъ его благородная натура не могла переносить хладнокровно; онъ не могъ оставаться постороннимъ свидѣтелемъ, если дѣло нарушало его понятія о справедливости и чести. Нѣкто фонъ-Дезинъ оскорбилъ мать Бестужева и уклонился отъ удовлетворенія. Рылѣвъ, чтобы заставить его принять вызовъ, наплеваль ему въ лицо, а при вторичной встрѣчѣ, вырвалъ изъ рукъ его хлыстъ и публично прибилъ его. По свидѣтельству Н. А. Бестужева, Рылѣвъ «готовъ былъ на всякую жертву для друга. Честь друга была для него выше всякихъ соображеній». Таковъ былъ онъ въ жизни.

Литературное его творчество, при всемъ энтузіазмѣ его природы, не было свободнымъ полетомъ фантазіи, смѣлой импровизаціей, не знающей преградъ. Онъ много и упорно работалъ надъ стихомъ, и если достигъ значительной версификаторской отдѣлки, то не сразу и не легко. Писалъ онъ послѣ долгаго обдумыванія, вынашивая избранную тему и составляя предварительный планъ работы, за что Пушкинъ называлъ его въ шутку «планщикомъ», хотя и самъ притерпѣвался той же системы.

«Я не поэтъ, а гражданинъ». Такъ опредѣлили свое литературно-общественное значеніе Рылѣвъ, какъ-бы указывая этимъ, какія притязанія имѣеть право обращать къ нему критика. Такое направленіе его поэзіи приняла, разумѣется, не сразу, хотя въ письмахъ молодого офицера уже можно предугадать, куда современемъ направятся его интересы. Первые поэтическія попытки Рылѣва были въ эротическомъ родѣ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ вліяніемъ Парни; но подраженіе ему было общимъ явленіемъ эпохи: начиная съ Батюшкова, претворившаго свои вождельнія въ перлъ красоты, и до лицейскаго Пушкина литература того времени полна подобныхъ перепѣвовъ.

Переломъ въ Рылѣвѣ случился тогда, когда онъ нашелъ осѣдность въ семейной обстановкѣ и смѣнилъ неизбѣжно бурную жизнь офицера на честное поприще гражданскаго дѣятеля. Первое проявленіе этой перемѣны выразилось въ сатиру, направленной по адресу Арачьева. Но скоро поэтъ увидѣлъ несостоятельность личныхъ нападковъ, да и невозможны были онѣ при тогдашнихъ условіяхъ; идеалы его стали шире, онъ сталъ искать новаго порядка вещей. Историческія событія запада давали готовое содержаніе этимъ стремленіямъ, и политическая свобода становится постояннымъ мотивомъ поэзіи Рылѣва. Онъ изучаетъ родную исторію и останавливается на такихъ моментахъ ея, которые, казалось, совпадали съ его настроеніемъ. Онъ пишетъ рядъ думъ, пишетъ «Войнаровскаго», задумываетъ рядъ другихъ поэмъ, даже собирается прослѣдить постепенное развитіе объявленной его идеи во всеобщей исторіи народовъ («О духъ времени»).

Рылѣвъ не обладалъ выдающимся литературнымъ талантомъ. Онъ долженъ былъ примкнуть въ пріемахъ литературнаго творчества къ тому новому и сильному слову, которое сказалъ представитель его эпохи Пушкинъ. И ученикъ, и учитель сознавали эту взаимную зависимость, подчиненность одного и менторство другого; «но — говорилъ о Рылѣвѣ Пушкинъ — онъ идетъ своей дорогой». Съ точки зрѣнія этой зависимости и произноситъ Пушкинъ свой судъ надъ стихотвореніями Рылѣва; это именно ѣдкия замѣчанія учителя на поляхъ тетрадки его ученика. Примѣряя рылѣвскія думы къ эстетическому катехизису, онъ находилъ, что по-русски слово «думы» ничего не значитъ и происходитъ оно не отъ польскаго слова, а отъ нѣмецкаго «dumm». «Всѣ онѣ,» писалъ онъ, «слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. Всѣ онѣ на одинъ покрой, составлены изъ общихъ мѣстъ (loci topici): описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и нравоученіе. Національнаго русскаго нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ имени». Изъ этого отзыва Пушкинъ исключилъ только думу объ Иванѣ Сусанинѣ, по которой «началъ подозрѣвать въ Рылѣвѣ истинный талантъ» (и былъ правъ, потому что эта дума перешла въ народъ и до сихъ поръ распѣвается имъ). Когда появился «Войнаровскій», учитель ставилъ ученику уже высшую отмѣтку: «Рылѣва Войнаровскій лучше всѣхъ его «Думъ»: слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти нѣтъ». Поэма «Чернецъ» (Козлова) «полна чувства и умѣе «Войнаровскаго», но въ Рылѣвѣ есть больше замашки или размашки въ слогѣ. У него есть какой-то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ», пишетъ онъ. Наконецъ, при новомъ произведеніи Пушкинъ говоритъ: «Если Палѣй пойдетъ, какъ начать, Рылѣвъ будетъ министромъ» (на Парнасѣ). Дѣлая общую оцѣнку Рылѣва, онъ прибавляетъ: «Онъ въ душѣ поэтъ; я опасаюсь его не на шутку и жалѣю очень, что его не застрѣлили, когда имѣлъ къ тому случай; да чортъ его зналъ!.. Ради Христа, чтобъ онъ писалъ, да болѣе, болѣе!»

Вся эта оцѣнка, въ концѣ-концовъ лестная для музы Рылѣва, много теряетъ однако вслѣдствіе своей односторонности. Великій художникъ просмотрѣлъ настоящее значеніе произведеній Рылѣва, отмѣченное другимъ современникомъ — княземъ П. А. Вяземскимъ. Послѣдній понялъ, что «Думы» Рылѣва требуютъ совершенно иного подхода и что цѣна ихъ въ общемъ обликѣ, необыкновенномъ «посреди пошлыхъ и одноличныхъ или часто безличныхъ стихотвореній» того времени. «Что и въ хорошихъ стихахъ,» писалъ онъ, — «когда нѣтъ въ нихъ особеннаго характера? Стройные, но несвязные, но ничего не выражающіе аккорды въ поэзіи хороши въ ребячествѣ. Въ зрѣлости лѣтъ нужна цѣль, нужно намѣреніе».

Поэзія Рылѣва требуетъ суда именно со стороны намѣренія. Въ этомъ отношеніи и сказалась его оригинальность, какъ про-

возвѣстника гражданской поэзіи. Если судить о формальной сторонѣ поэзіи Рылѣва, то она не только не выдержитъ художественной критики, но даже и самыя источники ея окажутся лишенными са-мобытности. Самая форма «думъ» заимствована имъ (о чемъ онъ и самъ заявляетъ) у Нѣмцевича; порой онъ бралъ у него даже цѣлыя строфы, а дума «Глинскій» представляетъ собою только близкій перифразъ соответствующей думы польскаго поэта. Рпскованнѣ другія заимствованія его, которыя красной ниткой проходятъ черезъ цѣлый рядъ его произведеній и касаются самаго содержанія его поэзіи. «Гражданинъ» и «общественное благо» — лишь переводъ французскихъ словъ «citoyen» и «salut public», которыя на своей родинѣ находили соответствующія понятія, а на русской почвѣ не имѣли никакого смысла. Тамъ, гдѣ Рылѣвъ беретъ эти понятія за идеалъ, ихъ можно простить ему, потому что онъ и пострадалъ за это, но въ устахъ его историческихъ героевъ, иногда полуварваровъ, слова эти звучать дико и измѣняютъ той обстановкѣ, въ которой находились эти подозрительные герои. Да и вообще, персонажи Рылѣвскихъ думъ и поэмъ отличаются мелодраматизмомъ. Отъ Байрона Рылѣвъ взялъ одну отрицательную сторону его направленія, не усвоивъ богатой внутренней заправки героевъ-гигантовъ англійскаго поэта.

Совершенно въ иномъ свѣтѣ представится поэзія Рылѣва, если взглянуть на нее глазами самого автора, который видѣлъ въ своемъ творествѣ не цѣль, а только средство. Это было гражданское служеніе, работа общественнаго дѣятеля, въ которой неважно, какимъ она почеркомъ написана, но важны фактическія послѣдствія, простирающіяся изъ нея. Въ этомъ отношеніи муза Рылѣва дополняла его собственную фигуру. Какъ въ личныхъ столкновеніяхъ онъ вносилъ обаятельную теплоту, завоевывая симпатіи окружающихъ, такъ и поэзія его вѣяла истиннымъ благородствомъ, чистотою стремленій, отсутствіемъ эгоистическихъ мотивовъ и съ непоколебимой вѣрностью, съ стойкимъ цѣломудріемъ служила предъизбранной цѣли. Поэзія такого рода имѣетъ нравственно-воспитательное значеніе, и таковою была поэзія Рылѣва для своего времени

М. Мазаевъ.

ДУМЫ.

Его высóкопревосходительству Николаю Семеновичу Мордвинову съ глубочайшимъ уваженіемъ посвящаетъ сочинитель.

«Напомянуть юношеству о подвигахъ предковъ, знакомить его со свѣтлѣйшими эпохами народной исторіи, сдружить любовь къ отечеству съ первыми впечатлѣніями памяти—вотъ вѣрный способъ для привітія народу сильной привязанности къ родинѣ: ничто уже тогда сихъ первыхъ впечатлѣній, сихъ равныхъ понятій не въ состояніи изгладить. Они крѣпнуть съ лѣтами и творятъ храбрыхъ для бою ратниковъ, мужей доблестныхъ для совѣта».

Такъ говоритъ Нѣмцевичъ о священной цѣли своихъ «Историческихъ пѣсенъ» (Spiewy Hystoryczne); эту самую цѣль имѣлъ и я, сочиняя «думы». Желаніе славить подвиги добродѣтельныхъ или славныхъ предковъ для русскихъ не ново; не новы самый видъ и названіе «думы».

Дума—старинное наслѣдіе отъ южныхъ братьевъ нашихъ, наше русское, родное избрѣтеніе. Поляки зняли ее отъ насъ. Еще до сихъ поръ украинны поютъ думы о герояхъ своихъ: Дорошенкѣ, Нечаѣ, Сагайдачномъ, Палѣѣ, — и самому Мазепѣ приписывается сочиненіе одной изъ нихъ. Сарницкій * свидѣтельствуетъ, что на Руси пѣлись элегии въ память двухъ храбрыхъ братьевъ Струсовъ, павшихъ въ 1506 году въ битвѣ съ валахами. «Элегіи сіи, говоритъ онъ, у русскихъ думами называются. Соглашая заунывный голосъ и глѣбодвиженія со словами, народъ русскій иногда сопровождаетъ пѣніе оныхъ печальными звуками свирѣли».

Въ числѣ предлагаемыхъ «думъ» читатели найдутъ двѣ піесы, которыя не должны бы войти въ сіе собраніе: это «Рогнѣда» и «Олеги Вѣщій». Первая по составу своему болѣе повѣсть, нежели дума; вторая есть историческая піеса (Spiew Hystoryczny). Она слаба и неудачно исполнена; но я рѣшился помѣстить ее въ числѣ «думъ», чтобы показать составъ историческихъ пѣсенъ Нѣмцевича, одного изъ лучшихъ поэтовъ Польши.

Примѣчанія, припечатанныя при «думахъ», кромѣ нѣкоторыхъ, сдѣланы П. М. Строевымъ.

І. ОЛЕГЪ ВѢЩІЙ.

Наскучивъ мирной тишиною,	Дружина храбрая героевъ
Собралъ полки Олегъ	На славныя дѣла,
И съ ними полетѣлъ грозою	Сгорая пылкой жаждой боевъ,
На цареградскій брегъ.	Съ веселіемъ текла.
Покрылся быстрый Дявпръ ладьями,	Въ пути ей не были преграды
Въ брегахъ крутыхъ взревѣлъ	Кремнистыхъ горъ скалы,
И подъ отважными рулями	Дявпра подводныя громады,
Напѣнась закигѣлъ.	Ни ярыхъ водъ валы.

* Annales Regni Pol. t. II к. 1198. Слово въ слово: „Anno 1506 duo fratres Strusii (Felix i Serzy, jak swiadcszy Niesiecki, Herb. IV. 218) adolescentes bellicosi a Valachis occubuerunt. De quibus etiam nunc elegiae, quas Dumas Russi vocant, canuntur voce lugubri et gestu canentium se in utramque partem motantium, id quod canitu exprimentes, quin et tibiis inflatis rustica turba passim modulis lamentabilibus, haec eadem imitando exprimit“.

Съдой Олегъ шумящей птицей
 Въ Эвксию черезъ лиманъ—
 И предъ Леоновой столицей
 Раскинулъ грозный станъ.
 Мгновенно войсками покрылась
 Окрестная страна,
 И кровь повсюду заструилась;
 Вездѣ кишить война.
 Горятъ деревни, села пышуть,
 Прахъ вьется средъ долинь;
 Въ сердцахъ убійствомъ хладнымъ
 дышуть
 Варягъ и славянинъ.
 Потомки Брута и Камилла
 Сокрылися въ стѣнахъ;
 Уже ихъ пѣга развратила,
 Пѣтъ мужества въ сердцахъ.
 Ихъ императоръ самовластный
 Въ чертогахъ трепеталъ
 И въ астрологін, несчастный,
 Спасенія искалъ.
 Межъ тѣмъ, замысливъ приступъ
 смѣлый,
 Лады свои Олегъ,
 Развивъ на каждой парусъ бѣлый,
 Вдругъ выдвинулъ на берегъ.
 «Идемъ, друзья!» рекъ князь Россіи
 Геройскимъ племенамъ —
 И шелъ по сушѣ къ Византіи,
 Какъ въ морѣ по волнамъ.
 Боязни, трепету покорный,
 Спасти желая тронъ,
 Пословъ и дань за миръ позорный
 Къ Олегу шлетъ Леонъ.
 Объятый праведнымъ презрѣньемъ,
 Беретъ князь русскій дань,
 Даритъ Леона примиреньемъ—
 И прекращаетъ брань.
 Но въ трепетъ гордой Византіи
 И въ память всемъ вѣкамъ,
 Прибилъ свой щитъ съ гербомъ
 Россіи
 Къ царьградскимъ воротамъ.
 Усиѣхомъ подвиговъ довольный
 И славою въ тѣхъ краяхъ,
 Олегъ помчался въ градъ прес-
 тольный
 На быстрыхъ парусахъ.
 Народъ, узрѣвъ съ крутого берега
 Возвратъ своихъ полковъ,
 Прославилъ подвиги Олега
 И восхвалялъ боговъ.
 Весь Кіевъ въ пышномъ пированіи
 Восторгъ свой изъявлялъ
 И князю «Вѣщаго» прозвание
 Единогласно далъ.
 Повести Литературы, 1822 г., ч. 1, № 11.

II. ОЛЬГА ПРИ МОГИЛѢ ИГОРЯ.

Осенній вѣтеръ бушевалъ,
 Крутя деревъ листьями,
 И сосны древнія качалъ
 Надъ мрачными холмами.
 Съ долины всталъ съдой туманъ
 И все сокрылъ отъ взгляда;
 Лишь Игоревъ синѣлъ курганъ,
 Какъ грозная громада.
 Слетала быстро ночь съ небесъ;
 Луна межъ тучъ всплывала
 И изрѣдка въ дремучій лѣсъ
 Иль въ доль лучомъ сверкала.
 Настала полночь... Вдругъ вдали —
 Какъ шелестъ по полянѣ...
 То Ольга съ Святославомъ шла
 И стали при курганѣ.
 И долго мудрая въ тиши
 Стояла предъ могилой,
 Съ волненьемъ горестной души
 И съ думою унылой.

О прошломъ, плавая въ мечтахъ,
Она, томяся, вздыхала,
По огонь блеснуль въ ея очахъ —
И мудрая вѣщала:

«Мой сынъ, здѣсь палъ родитель твой;
Вотъ храбраго могила!
По слезъ не лей: я местию злой
Древлянамъ заплатила.

Ты видишь: дикою травой
Окрестность вся заглохла,
И кровь, пролитая рѣкой,
Тутъ, мнится, не обсохла...

«Такъ, сынъ мой: Игорь отомщень;
Моя спокойна совѣсть;
Но самъ виновень въ смерти онъ —
Внемли объ оной повѣсть.

Уже надменный грекъ, смиренъ
Кровопрлитной бранью,
Покой отъ сѣверныхъ племенъ
Кушилъ позорной данью.

«И Игорь, бросивъ мечъ и щитъ
Къ подножію кумира,
Молил Иеруна, да хранить
Непарушимость мира.

Изъ града въ градъ вездѣ текла
Его дѣяній слава,
И счастьемъ мирнымъ процвѣла
Обширная держава.

«Вдругъ князя гордая душа
Покой пренебрегаетъ
И, къ золоту алчбой дыща,
Тревоги замышляетъ.

Дружины собралися въ станъ
Въ доспѣхахъ ярой брани
Новости Литературы. 1822, ч. 1, № 12.

И полетѣли въ край древлянъ
Сбирать покорства дани.

«Древляне дань сполна висели;
Но Игорь недовольный
Сталъ вновь налоги брать съ земли
Съ дружиной своевольной.

«О, князь!» народъ ему вѣщаль: —
«Чего еще желаешь?...
«Отъ насъ послѣднее ты взялъ
«И насъ же угнетаешь!»

«Но князь не видалъ моленнымъ симъ;
И угнетенныхъ племя
Рѣшилося сразиться съ нимъ
И сбросить ига бремя.

«Погибель хищнику, друзья!
«Пускай полетъ онъ мертвый!
«Его сразитъ стрѣла моя,
«Иль всё мы будемъ жертвой» —

«Древлянскій князь твердилъ въ
лѣсахъ...

Отважные возстали

И съ дикою яростью въ сердцахъ
На Игоря напали.

Дружина хищниковъ легла
Безъ славы и безъ чести,
А твой отецъ, виновникъ зла,
Палъ жертвой лютой мести.

«Отецъ будь поданнымъ своимъ
И болѣ князь, чѣмъ воинъ;
Будь другъ своихъ, гроза чужимъ —
И жить въ вѣкахъ достойнъ!»

Такъ князю-отроку рекла,
И поклонясь кургану,
Мать съ сыномъ тихо потекла
Ко дремлющему стапу.

III. СВЯТОСЛАВЪ.

И одинока, и блѣдна,
Въ туманныхъ облакахъ ныряя,
Текла двурогая луна
Надъ берегомъ быстрого Дуная.
Ея перловые лучи

Станъ усиленный озаряли;
Сверкали копы и мечи,
И ратниковъ ряды дремали.
Съ отвагой въ сердцахъ и въ очахъ,
Младой гусаръ вдалп отъ стапа,

Закутанъ буркой, на часахъ
Стоялъ на высотѣ кургана.
Предъ нимъ, на острову рѣки
Шатры турецкіе бѣлѣли;
Какъ лѣсъ вздымались бунчуки
И съ вѣтромъ въ воздухѣ шумѣли.

Въ давно минувшихъ временахъ
Крылатой думою летая,
О прошлыхъ онъ мечталъ бояхъ,
Гремѣвшихъ на берегахъ Дуная.
«На сихъ степяхъ, — такъ вонъ
пѣлъ, —

Съ Цимихіемъ въ борьбѣ кровавой,
Перазъ подъ тучей грозныхъ стрѣлъ
Нашъ Святославъ увѣнчанъ славой.

«По манію его руки
Безстрашный россъ, пылая местию,
На грозные враговъ полки
Леталъ и возвращался съ честью.
Онъ на равнинахъ дальнихъ сихъ,
Для славы на бѣды готовый,
Дивилъ и чуждыхъ, и своихъ
Свою жизнью суровой.

«Ему сводъ неба былъ шатромъ
И въ лѣтній зной, и въ зимній хо-
лодъ,
Земля подъ войлокомъ — одромъ,
А пищу — копина въ голодъ.

«Друзья, насъ бѣгство не спасетъ!»
Гремѣлъ герой на бранномъ полѣ:
«Позоръ на мертвыхъ не падетъ;
«Намъ биться волей, иль неволей...

«Сразимся-жь, храбрые, смѣлѣй;
«Не посрадимъ отчины милой —
«И груди вражескихъ костей
«Набросимъ надъ своей могилой!»
И гореть славянъ на тьмы враговъ
Текла, вождя слышавъ голосъ, —
И у врага хладѣла кровь,
И дыбомъ становился волосъ...

«Съ утра до вечера кипѣлъ
На ближнемъ полѣ бой кровавый;

Двѣнадцать разъ герой хотѣлъ
Вѣнчать побѣду звучной славой.
Валились груды тѣла,
И грекъ не разъ бѣжалъ изъ боя;
Но рать враговъ превозмогла
Надъ чудной доблестью героя.

«Закинувъ на-спину щиты,
Славяне шли, какъ львы съ ловитвы,
Грозя съ нагорной высоты
Кровопролетемъ новой битвы.
Столь дивной изумленъ борьбой,
Владыка гордой Византіи
Свиданіе и миръ съ собой
Здѣсь предложилъ главѣ Россіи.

«И къ славѣ сѣверныхъ племенъ
И царградскаго престола
Желанный миръ былъ заключенъ
Недалекъ отъ Доростола. —
О, князь! Давно истлѣлъ твой прахъ,
Но живъ еще твой духъ геройскій!
Питая къ славѣ жаръ въ сердцахъ,
Онъ окрыляетъ наши войски!

«Онъ тамъ, гдѣ пылъ войны кипить,
Орломъ ширясь передъ строемъ,
Чудесной силою творить
Вождя и ратника героемъ!
Но что?... Ужь вспыхнула заря!..
Взгремѣла пушка вѣстовая —
И войски бѣлаго царя
Покрыли берега Дуная.

«Трубы призывной слышенъ звукъ!
Меня зовутъ на пиръ кровавый!..
Туда, мой конь, гдѣ саблей стукъ,
Гдѣ можно пасть, вѣнчавшись сла-
вой!»...

Гусарь умчался... Громъ взревѣлъ...
Свистя, сшибалися картечи,
И смѣло строй на строй летѣлъ,
Ища съ врагами ярой сѣчи...

Вдругъ крови хлынула рѣка...
Отважный Вейсманъ палъ, но съ
честью;

И рои паѣздииковъ полка
На мусульманъ ударилъ местию.
Враги смѣшались, дали тыль,

И поле трупами покрыли;
И рускiй зпамя водрузилъ,
Гдѣ грековъ праотцы громпли.

Соревнователь Просвѣщенiя. 1822, ч. XIX, № 7.

IV. СВЯТОПОЛКЪ.

Въ глуши Богемскихъ дикихъ горъ,
Куда ни голосъ человѣка,
Ни любопытства дерзкiй взоръ
Не проникалъ еще отъ вѣка,
Гдѣ только въ дебряхъ сѣрый волкъ
Съ щетинистымъ вепрѣмъ встрѣ-
чался —

Братоубiйца Святополкъ,
Отъ всѣхъ оставленный, скитался...

Ему былъ страшенъ взоръ людей:
Онъ видѣлъ въ немъ себѣ укору;
Страдальцу мнилось: «ты злодѣй!»
Въ глухихъ отзывахъ вторять горы;
«Злодѣй!» казалось, вопiютъ
Ему лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И всюду грозныя бѣгутъ
За нимъ убитыхъ братьевъ тѣни.

Изъ дебри въ дебрь, изъ лѣса въ лѣсъ
Въ неистовствѣ перебѣгая,
Встрѣчалъ онъ всюду гнѣвъ небесъ
И кочилъ дни свои, страдая...

Сынъ Отечества. 1821, ч. 74, № 47.

Никто слезы не уронилъ
На прахъ отверженника неба,
И всѣхъ проклятье заслужилъ
Убийца-братъ святого Глѣба.

И обитатель той земли,
Завидѣвъ, трепетомъ объятый,
Его могилу издали,
Вѣжа, крестилъ себя трикраты.

Отъ современниковъ до насъ
Дошло ужасное преданье,
И сочеталъ народа гласъ
Съ нимъ «Окаяннаго» прозванье.

И въ страшной повѣсти объ немъ
Его ужасныя злодѣйства
Пересказавъ въ кругу родномъ,
Твердилъ дѣтямъ отецъ семейства:
«Ужасно быть рабомъ страстей!

Кто разъ ихъ предался стремленью,
Тотъ съ каждымъ днемъ летитъ
быстрѣй

Отъ преступленья къ преступленью.

V. РОГНѢДА.

(Посвящ. А. А. Воейковой).

Потухъ послѣднiй солнца лучъ;
Луна обычный путь свершала;
То пряталась, то изъ-за тучъ,
Какъ стройный лебедь, выплывала;
И ярче заблеставъ порой
Надъ берегомъ Лыбѣди скромной,
Свѣтъ блѣдный проливала свой
На теремъ пышный и огромной.

Все было тихо... Лишь потокъ,
Журча, ропталъ между кустами,
И перелетный вѣтерокъ

Въ дубравѣ шелестилъ вѣтвями.
Какъ мѣсяцъ утреннiй блѣдна,
Рогнѣда въ горести глубокой
Сидѣла съ сыномъ у окна,
Въ свѣтлицѣ ясной и высокой.

Отъ вздоховъ подъ фатой у ней
Младыя перси трепетали,
И изъ потупленныхъ очей,
Какъ жемчугъ, слезы упали.
Глядѣлъ невпипный Изяславъ
На мать умилывыми очами,

И къ персямъ матери припавъ,
Онъ обвивалъ ее руками.

— Родимая! твердилъ онъ ей: —
Ты все печальна, ты все ванешь;
Когда же будешь веселѣй,
Когда грустить ты перестанешь?
О, полно плакать и вздыхать!
Твои мнѣ слезы видѣть больно;
Начнешь ты только горевать,
Востоскуюсь вдругъ и я неволью.

— Ты бѣ лучше рассказала мнѣ
Дѣянья дѣда Рогволода:
Какъ онъ сражался на войнѣ,
И о любви къ нему народа.—
«О комъ, мой сынъ, напомнилъ ты,
Что отъ меня узнать желаешь!
Какія страшныя мечты
Ты симъ въ Рогнѣдѣ пробуждаешь!..

«Но такъ и быть, исполню я,
Мой сынъ, души твоей желанье.
Пусть Рогволодовъ духъ въ тебя
Вдохнетъ мое повѣствованье;
Пускай оно въ груди молодой
Зажжетъ къ дѣламъ великимъ рвенье,
Любовь къ странѣ твоей родной
И къ притѣснителямъ презрѣнье!..

«Родитель мой, твой славный дѣдъ,
Отъ тѣхъ варяговъ происходитъ,
Которыхъ дивный рядъ побѣдъ
Миръ въ изумленіе приводитъ.
Покинувъ въ юности своей
Дремучей Сканіи дубравы,
Вступилъ онъ въ землю кривичей
Искать владычества и славы.

«Народы мирной сей страны
На гордыхъ пришлецовъ возстали
И смѣло грозныхъ чадъ войны
Въ рукахъ съ оружіемъ встрѣчали...
Но тщетно! Роковой удѣлъ
Обречь въ подданство ихъ герою;
И скоро дѣдъ твой завладѣлъ
Обширной Сѣвера странюю.

«Воздвигся Полоцкъ. Рогволѣдъ
Привѣтливо и кротко правилъ,
И привязавъ къ себѣ народъ,
Власть князя полюбить заставилъ...
При Рогволѣдѣ кривичи
Томились жаждой дѣлъ великихъ;
Сверкали въ дѣбряхъ ихъ мечи,
Литовцевъ поражая дикихъ.

«Иноплеменные цари
Союза съ Полоцкомъ искали,
И чуждые богатыри
Ему служить за честь вмѣняли...»
Но шумъ раздался у крыльца...
Рогнѣда повѣсть прерываетъ—
И видитъ: нылъ и потъ съ лица
Гонецъ усталый отираетъ.

—Княгиня! онъ вѣщаль, войдя:—
Гоня звѣрей въ дубравѣ смежной,
Владимиръ посѣтитъ тебя
Прибудетъ въ теремъ сей прибреж-
ный. —

«Итакъ, онъ вспомнилъ объ жепѣ...
Но не желаніе свиданья,—
О, нѣтъ!—влечетъ его ко мнѣ
Одна лишь близость разстоянья!»

Вѣщала—и сверкнулъ въ очахъ
Негодованья пламень дикій.
Межъ тѣмъ ужъ пронеслись въ
поляхъ

Совы полуночныя крики...
Сгустился мракъ. Луна чуть-чуть
Лучомъ трепещущимъ свѣтила;
Холодный вѣтеръ началъ дуть—
И буря страшная завывала.

Лыбѣдъ вскричала межъ береговъ;
Съ деревьевъ листья полетѣли;
Дождь проливной изъ облаковъ,
И градъ и вихоръ зашумѣли;
Скопились тучи... и съ небесъ
Вилася молнія змѣюю;
Громъ грохоталъ; отъ молній лѣсъ
То здѣсь, то тамъ пылалъ порою...

Внезапно съ бурей звукъ роговъ
Въ долинь глухо раздается:
То вдругъ замолкнетъ средь громовъ,
То снова съ вѣтромъ пронесется...
Вотъ звуки ближе и громчѣй...
Замолкли... снова загремѣли...
Вотъ топотъ скачущихъ коней—
И всадники на дворъ влетѣли.

То былъ Владиміръ. На крыльцѣ
Его Рогнѣда ожидала;
На сумрачномъ ея лицѣ
Невѣдомая страсть пылала.
Смущенью мрачность приписавъ,
Герой супругу лобызаетъ,
И сына милого обнявъ,
Его привѣтливо ласкаетъ.

Отводятъ отроки коней...
Съ Рогнѣдой князь идетъ въ палаты,
И вотъ, въ кругу богатырей,
Садится онъ за пиръ богатый.
Подъ тучнымъ вепремъ столъ трещить,
Покрытый скатертю бранной;
Отъ яствъ прозрачный паръ летить
И вьется по избѣ брусяной.

Звѣдаясь, янтарный медъ шипить,
И ходитъ чаша круговая.
Всѣ веселятся... Но грустить
Одна Рогнѣда молодая.

«Воспой дѣянья предковъ намъ!»
Бояну витязи вѣщали.
Пѣвецъ ударилъ по струнамъ—
И вѣщія зарокотали.

Онъ славилъ Рюрика судьбу,
Пѣлъ Святославовы походы,
Его съ Цимпехіемъ борьбу
И покоренные народы;
Пѣлъ удивленіе враговъ,
Его нетрепетность средь боя,
И къ славѣ пылкую любовь,
И смерть, достойную героя...

Бояна пламеннымъ словамъ
Герои съ жаждою внимали,

И праотцевъ чудясь дѣламъ,
Въ восторгъ пылкою трететали...
Пѣвецъ умолкнулъ... но опять
Онъ пробудилъ живыя струны—
И началъ князя прославлять
И грозные его перуны:

«Дружины чуждыя грома,
Давно ль наполнилъ славой бранной
Ты дальной Нейстріи поля
И Альбіона край туманный?
Давно ли отъ твоихъ мечей
Упали Полоцка твердыни,
И нивы храбрыхъ кривичей
Преобразилися въ пустыни?»

«Самъ Рогволодъ...» Вдругъ тяжкіи
стонъ

И вопль отчаянья Рогнѣды
Перерываютъ гуслей звонъ
И радость шумную бесѣды...
«О, успокойся, другъ молодой!»
Вѣщаль ей князь: «не слезъ достоинъ,
Но славы, кто въ странѣ родной
И жилъ, и кончилъ дни какъ воинъ.

«Воскреснетъ храбрый Рогволодъ
Въ дѣлахъ и въ чадахъ Изяслава,
И пролетитъ изъ рода въ родъ
Объ немъ, какъ громъ гремящій,
слава».

Рогнѣды видъ покойнѣй сталъ;
Въ очахъ остановились слезы;
Но въ нихъ какой-то огонь сверкалъ.
И на щекахъ пылали розы...

При стукахъ чашъ Боянъ поетъ,
Виновъ тѣшитъ князя и дружину...
Но конченъ пиръ—и князь идетъ
Въ великолѣпную одрину.
Снявъ мечъ, висѣвшій при бедрѣ,
И вороненныя кольчуги,
Онъ засыпаетъ на одрѣ,
Въ объятыхъ молодой супруги.

Сквозь оконъ скважины порой
Проникнувъ, молнія пылаетъ

И брачный одръ во тьмѣ ночной
Съ четой лежащей освѣщаетъ.
Бушуй, ставнями стучить
И свицетъ въ щели вѣтръ порывный.
По кровлѣ градъ и дождь шумить,
И громъ гремитъ безперерывный.

Князь спитъ покойно... Тихо вставъ,
Рогѣда свѣточъ зажигаетъ,
И въ страхѣ, вся затрепетавъ,
Мечъ тяжкій со стѣны снимаетъ...
Идетъ... стоитъ... ступила вновь...
Едва дыханье переводить...
Въ ней то кипить, то стынеть кровь...
Но вотъ... къ одру она подходитъ...

Ужъ поднять мечъ!.. Вдругъ грянулъ
громъ;

Потряся теремъ озаренный,
И князь, объятый крѣпкимъ сномъ,
Воспрянулъ, трескомъ пробужденный,
И предъ собой Рогѣду зреть...
Ея глаза огнемъ пылаютъ...
Поднятый мечъ и грозный видъ
Преступницу изобличаютъ...

Мечъ выхвативъ, ей князь вскричалъ:
— На что дерзнула въ изступленьи?...
«На то, что мнѣ повелѣвалъ
Ужасный Чернобогъ—на мнѣнью!»
— Но долгъ супруги? Но любовь?...
«Любовь! Къ кому?... Къ тебѣ, губи-
тель?...

Забывъ, во мнѣ чья льется кровь,
Забывъ ты, кѣмъ убить родитель?...

«Ты, ты, тиранъ, его сразилъ!
Горя преступною любовью,
Ты жениха меня лишилъ
И братнею облился кровью!
Испенеливъ мой край родной,
Рѣкой ты кровь въ немъ пролилъ веюду
И Полоцкъ, дивный красотой,
Преобразилъ развалинъ въ груду.

«Но, недовольный, мстью злой,
Къ безильной илѣнницѣ пылая,

Ты бракъ свой совершилъ со мной
При заревѣ родного края!
Повлекъ меня въ престольный градъ;
Тебѣ я сына даровала...
И что жъ?... Еще презрѣнья хладъ
Въ очахъ тирана прочитала!...

«Вотъ страшный рядъ ужасныхъ дѣлъ,
Владимира покрывшихъ славой!
Не черезъ нихъ ли приобрѣлъ
Ты на любовь Рогѣды право?..
Страдала, мучилась, стелая;
Вся жизнь моя текла въ кручинѣ;
Но, боги, не ропгала я
На васъ въ злосчастіяхъ донинѣ!

«Впервые днесъ ропшу... увы!
Почто губителя отчизны
Сразить не допустили вы
И совершить достойной тризны!
Съ какою бъ жадностію я
На брызжущую кровь глядѣла,
Съ какимъ восторгомъ бы тебя,
Тиранъ, угасшаго узрѣла!...»

Супругъ, слова прервавъ ея,
Въ одрину стражу призываетъ.
— Ждетъ смерть, преступница, тебя!—
Пылая гнѣвомъ восклицаетъ.
— Съ зарей готова къ казни будь!
Сей брачный одръ пусть будетъ плаха!
На немъ проижу твою я грудь
Безъ сожалѣнія и страха!

Сказалъ—и вышелъ. Вдругъ о томъ
Мгновенно слухъ распространился;
И теремъ, весь объятый сномъ,
Отъ вопля женщинъ пробудился...
Въгугъ къ княгинѣ, слезы льютъ;
Терзаясь близостію разлуки,
Себя въ младыя перенъ бьютъ
И бѣлыя ломаютъ руки...

Въ тревогѣ все... Лишь Пязелавъ
Въ объятыхъ сна, съ улыбкой иѣжной.
Лежитъ, покровы разметавъ,
Покой вкушая безмятежный.

Объ участи Рогнѣды онъ
Въ мечтахъ певинности не знаетъ;
Ни бури ревъ, ни плачь, ни стонъ,
Отъ сна его не пробуждаетъ.

Но пересталъ гремятъ ужъ громъ,
Замолкли вѣтры въ чащѣ лѣса,
И на востокъ голубомъ
Рѣдѣла мрачная завѣса.
Вся въ перлахъ, златѣ и сребрѣ,
Ждала Рогнѣда безъ боязни
На изукрашенномъ одрѣ
Назначенной супругомъ казни.

И вотъ денница занялась;
Сверкнулъ сквозь окна лучъ багровый;
И входитъ съ витязями князь
Въ одрину, гнѣвный и суровый.
«Подайте мечъ!» воскликнулъ онъ —
И раздалось вездѣ рыданье...
Полярная Звѣзда 1823.

«Пусть каждаго страшить законъ!
Злодѣйство приметъ воздаянье!»
И быстро въ храмину вбѣжавъ:
«Вотъ мечъ! Коль не отецъ ты вынѣ,
Убей!» вѣщааетъ Изяславъ:
«Убей, жестокой, мать при сынѣ!»
Какъ громомъ неба пораженъ,
Стоитъ Владиміръ и трепещетъ;
То въ ужасѣ на сына онъ,
То на Рогнѣду взоры мечетъ...
Рѣчь замираетъ на устахъ,
Сперлось дыханье, сердце бьется;
Трепещетъ онъ; въ его костяхъ
И лютой хладъ, и пламень льется,
Въ душѣ кипитъ борьба страстей:
И милосердіе, и мщенье...
Но вдругъ, съ слезами изъ очей —
Изъ сердца вырвалось — прощенье!

VI. БОЯНЬ.

На брегъ Днѣпра, разбивъ болгаръ,
Владиміръ-солнце возвратился
И въ свѣтлой гридницѣ, въ кругу князей, бояръ,
На шумномъ пишествѣ съ друзьями веселился...

Медъ, въ старикахъ воспламенивши кровь,
Протекшую напомнилъ младость,
Побѣды славныя, волшебницу-любовь
И лѣтъ утраченныхъ былую радость.

Безпечнѣ веселый кругъ шумѣлъ,
Звучнѣ гусли раздавались.
Одинъ задумчиво Боянь сидѣлъ:
Въ немъ думы думами смѣшались...

«Какое зрѣлище мой видитъ взоръ!» —
Мечталъ пѣвецъ унылый:
«Бояръ, князей и витязей соборъ,
И государь народу милый!

«Дивятся ихъ безчислію побѣдъ
Иноплеменные державы,
И служить, трепеща, завистливый сосѣдъ
Для нихъ невольнымъ отголоскомъ славы.

«Ихъ именами всё мѣста
Исполнены на Сѣверѣ угрюмомъ,
И каждый дѣнь изъ устъ въ уста
Перелетаютъ съ шумомъ...

«И я, дивясь ихъ дѣламъ,
Пѣлъ витязей—и сонмы умолкали,
И персты вѣщце, по золотымъ струнамъ
Летая, славу рокотали!

«Но, можетъ быть, время губительныхъ полетъ
Всесокрушающею силой
Дѣянья славныя погубить въ безднѣ лѣтъ,
И будетъ Русь пространною могилой!...

«И пѣсни звучныя Бояна-соловья
На пиршествахъ не станутъ раздаваться;
Забудутъ витязей, которыхъ славилъ я,
И память ихъ хвалою не будетъ оживляться.

«Ахъ, такъ!—предчувствую: Бояна вѣщій гласъ
Вѣковъ въ пучинѣ необъятной,
Какъ эхо дальное въ безмолвной почѣ часъ
Межъ горъ, умолкнетъ невозвратно...

«По чувствамъ пламеннымъ не оцѣнить
Пѣвца потомокъ юный:
Въ мракъ неизвѣстности всё пѣсни рокъ умчить,
И звучныя порвутся струны!

«Но отлети скорѣй
Моей души угрюмое мечтанье:
Не погашай послѣдней искры въ ней
Надежды—жить хоть именемъ въ предашь!»
Соревнователь Просвѣщенія 1822, ч. XVII № 3.

VII. ВЛАДИМИРЪ СВЯТОЙ.

Ни громъ побѣдъ, ни звуки славы,
Ничто Владимира утѣшить не могло;
Не разъясняли и забавы
Его угрюмое и мрачное чело...

Братоубійствомъ отягченный,
На свѣтлыхъ пиршествахъ сидѣлъ онъ одинокъ
И, тайной мыслию смущенный,
Дичился радостей, какъ узанный порокъ.

Напрасно пѣніе Бояна
И рокотъ струнъ живыхъ ласкали княжій слухъ;

Души не исцѣлялась рана,
И все тревожился и тосковалъ въ цемъ духъ.

Однажды онъ съ привычной думой,
На длань склоненъ главою, уединясь, сидѣлъ
И съ дикостью души угрюмой
На вновь воздвигнутый Перуновъ ликъ глядѣлъ.

Вокругъ зеленого кургана
Толпами шумными на теремномъ дворѣ
Народъ кипѣлъ у истукана,
Сіяваго какъ лучъ и въ златѣ, и въ сребрѣ...

«Перунъ, твой ликъ я здѣсь поставилъ,
Вѣщалъ страдалецъ-князь. — Мироправитель-Богъ!
Тебя я всехъ признать заставилъ
И дубъ, священный дубъ передъ тобой возжогъ!

«Почто жъ не укротишь волненья
Обуреваемой раскаяньемъ души?
Увы, ужасныя мученья
Меня преслѣдуютъ и въ шумѣ, и въ тиши.

«Молю у твоего кумира:
Предѣлъ страданіямъ душевнымъ положи —
Пересели меня изъ міра
Или попржежнему съ веселіемъ сдружи!»

Вдругъ видитъ старца предъ собою...
Почтенный, важный видъ, спокойствіе въ чертахъ,
Брада до чреслъ сѣдой волною,
Кудрями волосы сѣдые на плечахъ.

На посохъ странничій склоненный,
Въ десной распятіе златое онъ держалъ,
И въ князя взоръ его вперенный
На душу грѣшника смятенъе проливалъ...

«Кто ты?» Владиміръ съ изумленьемъ
И гласомъ трепетнымъ пришельца спросилъ.
— «Посоль Творца!» онъ рекъ съ смиреньемъ:
«Ты Бога вышяго дѣлами прогнѣвилъ...

«Не въ Чернобогѣ, не въ Перунѣ,
Не въ славѣ, не въ пирахъ Владиміровъ покой;
Его ты, грѣшникъ, жаждешь втунѣ;
Какъ за добычей вранъ, такъ совѣсть за тобой!..

«... что, о князь, сіи терзанья?
Тебя, отверженецъ, ужаснѣйшія ждуть!

Наступить часъ—цѣнить дѣянья!
Воскреснуть мертвые! Настанетъ страшный судъ!

«И судъ сей будетъ непреложенъ;
Твое могущество тебя не защититъ:
Тамъ рабъ и царь равно ничтоженъ;
Всевышній судія на лица не глядитъ.

«Предъ нимъ угаснетъ блескъ короны!
И князю-грѣшнику одинъ и тотъ-же адъ,
Гдѣ вѣчный скрежетъ, плачь и стоны
Съ рабами низкими властителя сравнятъ».

Такъ говорилъ пришлецъ священный,
И пылкій, яркій огонь въ глазахъ его блисталъ;
И князь, трепещущій, смятенный,
Лія потоки слезъ, словамъ его внималъ...

«О, чѣмъ же я избѣгну ада?..
Наставь, наставь меня!...» Владиміръ старцу рекъ:
«Изъ твоего читаю взгляда,
Что ты, таинственный, спасти меня притекъ!..»

—«Крести себя, крести народы!»
Въ отвѣтъ вѣщаль святой: «и ты себя спасешь!
И славу дѣлъ изъ рода въ роды
Съ благословіемъ потомства перельешь.

«Тогда не адъ, блаженство рай
И вѣчность дивная тебя, Владиміръ, ждуть,
Гдѣ сонмы ангеловъ, порхая
Предъ трономъ Вышняго, твой подвигъ воспоютъ!»

—«Крести-жь, крести меня, о дивный!»
Въ восторгъ пламенномъ воскликнулъ мудрый князь.
На утро звукъ трубы призывный—
И рать Владиміра къ Херсону понеслась...

На новый подвигъ съ новымъ жаромъ
Летятъ дружинами съ вождемъ богатыри;
Зардѣлись небеса пожаромъ;
Трепещетъ Греція и гордые цари!...

Такъ въ князѣ огонь души надменной,
Остатокъ мрачнаго язычества, горѣлъ:
Съ рукой царевны несравненной
Онъ вѣру самую завоевать летѣлъ.

Русская Старина 1871 № 1.

УШ. МСТИСЛАВЪ УДАЛЫЙ.

(Посвящается Ѡ. В. Булгарину).

Какъ тучи съ горь текли косоги;
На встрѣчу имъ Мстиславъ летѣлъ.
Стеналь поморья брегъ пологій,
И въ полѣ гулъ глухой гремялъ.
Ужь звукъ трубы на полѣ брани
Сзывалъ храбрѣйшихъ изъ полковъ;
Ужь храбрый князь Тмутаракани
Кипѣлъ ударить на враговъ.

Вдругъ, кожею покрытъ медвѣдя,
Отъ вражыхъ отдѣлясь дружинъ,
Явился съ палицей Редѣля,
Племень косожекыхъ властелинъ.
Онъ къ войску шелъ, какъ въ океанѣ
Валится въ бурю черный валъ,
И сталь, какъ сѣна, на курганѣ,
И громогласно провѣщаль:

«Почто кровавыхъ битвъ упорствомъ
Губить и войско, и народъ?
Рѣшимъ войну единоборствомъ:
Пускай за всѣхъ одинъ падеть!
Иди, Мстиславъ, сразись со мною:
И кто въ сей битвѣ побѣдитъ,
Тому владѣть врага страну,
Или отдать ее на щитъ!»

«Готовъ!» князь русскій восклицаетъ—
И грозный сталь передъ бойцомъ;
Съ коня — и на курганъ взлетаетъ
Удалый яснымъ соколѣмъ.
Сошлись, схватились, въ бой вступили...
Могучъ и князь, и великанъ!
Другъ друга стиснули, сдавили;
Трещать... Колеблется курганъ...

Полярная Звѣзда 1823.

Стоять — и мигъ счастливый ловятъ;
Какъ вихрь крутятся... Прахъ летитъ...
Погибель, падая, готовится,
И каждый яростно кипитъ...
Хранятъ молчаніе два строя,
Но души воиновъ въ очахъ:
Смотря по перемѣнамъ боя,
Въ нихъ блещетъ радость или страхъ.

То русскій хочетъ славить Бога,
Простерши длани къ небесамъ;
То вдругъ слышна мольба косога:
«О, помоги, Всевышній, намъ!»
И вотъ князья, напрягли силы,
Другъ друга ломаютъ, летятъ поть...
На нихъ какъ верви вздулись жини;
Колеблется и сей, и тотъ...

Глаза, палившись кровью, блещутъ,
Колѣпа крѣпкія дрожатъ,
И мышцы сильныя трепещутъ,
И искры сыплются отъ латъ...
Но вотъ — Мстиславъ изнемогаетъ...
Онъ падаетъ... Конецъ борьбѣ...
«Святая Дѣва!» восклицаетъ:
«Я храмъ сооружу тебѣ!»

И сила дивная мгновенно
Влилася въ князя... Онъ возсталъ,
Рванулся бурей разъяренной —
И новый Голіаѣвъ упалъ!
Упалъ — и сталь курганъ горою...
Мстиславъ широкой мечъ извлекъ,
И придавивъ врага пятою,
Главу огромную отсѣкъ.

ІХ. МИХАИЛЪ ТВЕРСКОЙ.

(Посвящ. Ѡ. В. Булгарину).

За Узбекомъ велѣдъ влекомый
Кавгадыемъ, Михаилъ
Въ край чужой и незнакомый
Съ сыномъ юношей вступилъ.

Мчался Терекъ быстрымъ бѣгомъ
Межъ нависшихъ береговъ;
Зрѣлись горь хребты подъ снѣгомъ
Изъ-за синихъ облаковъ.

Стань Узбековъ за рѣкою,
На стени, въ глуши цестрѣль;
Всюду воины толпою;
Всюду гуль глухой шумѣль.
Ветхимъ рубищемъ покрытый,
Съ мрачною грустію въ груди,
Князь-страдалецъ знаменитый
Сѣлъ въ цѣпяхъ на площади.

Исчастливица обступила
Любовытныи толпою;
«Это князь былъ!» говорили
И качали головой:
«Опъ обширными страпами,
Какъ Узбекъ нашъ, обладалъ;
Опъ съ отважными полками
Кавгадыя поразалъ!»

Въ рѣчи вслушавшись чужія,
Загрустилъ сильнѣе князь;
Вспомнилъ славу—и впервые
Слезы брызнули изъ глазъ.

«До какого униженія,
Опъ мечталъ, потупя взоръ:
«Довели насъ заблужденія
И погибельный раздоръ!

«Тѣ, которыхъ трепетали
Хитрый грекъ и храбрый ляхъ,
Нынѣ вдругъ рабами стали
И предъ хапомъ пали въ прахъ!..

Я любилъ страну родную
И пылалъ разрушить въ ней
Нашихъ бѣдъ вину прямую—
Распри злобныя князей.

«О, Георгій, ты виною,
Ты одинъ всему виной,
Если кровь согражданъ мною
Пролита въ странѣ родной!
Ты на дядю поднялъ длани;
Ты въ душѣ былъ столь жестокъ,
Что на Русь всю лютость брани
И татаръ толпы навлекъ!

«Смерть свою давно предвижу;
Для побѣга други есть,

Но побѣгомъ не унижу
Незапятнанную честь!
Такъ, правъ чести не нарушу!
Пусть мой врагъ, гонитель мой,
Насыщаетъ въ злобѣ душу
Лютымъ мщеньемъ надо мной!

«Пусть вымаливаетъ казни!
Твердъ и правъ въ душѣ своей,
Смерть я встрѣчу безъ боязни,
Какъ въ бояхъ слетался съ ней.

Не хочу своимъ спасеньемъ
На родимый край привлечь
Кавгадыя съ лутымъ мщеньемъ
И Узбека грозный мечъ!»

Подкрѣпленный сею думой,
Приподнялся Михаилъ,
И спокойный, но угрюмый,
Тихо въ свой шатеръ вступилъ.

Кавгадыемъ обольщенный,
Между тѣмъ молодой Узбекъ,
Въ сердцѣ трепетный, смятенный,
Смерть невинному изрекъ...

Ужъ Георгій съ палачами
И коварный другъ царя
Шли поспѣшными шагами
Къ жертвѣ, злобою горя...

Предъ иконою святою
Михаилъ псаломъ читалъ;
Вдругъ съ той вѣстью роковою
Отрокъ княжескій вбѣжалъ...

Вслѣдъ за нимъ убійцы съ крикомъ
Ворвались въ густыхъ толпахъ:
Блещетъ гнѣвъ во взорѣ дикомъ,
Злоба алчная въ чертахъ...

Ворвались—и нанали...
Какъ гроза въ глухой почвѣ,
Падъ упавшимъ засверкали
Ягаганы и мечи...

Кровь изъ лизвъ лилась струею..
И пробилъ его конецъ:
Сердце хладною рукою
Вырвалъ дикій Романецъ.

Князь скопчался жертвой мщенья! Михаила за мученья
Съ той поры онъ веюду чтимъ: Церковь празднуетъ святымъ.
Новости Литературы 1822, ч. 2, N 19.

Х. ДМИТРІЙ ДОНСКОЙ.

«Доколь намъ, други, предъ тираномъ Идутъ какъ мрачныя дубравы,
Склоняютъ покорную главу И вторяютъ степи гуль глухой.
И заодно съ презрѣннымъ ханомъ Идутъ... Тамъ ханъ, здѣсь чада
Позорить сильную Москву? славы—
Не намъ, не намъ страшиться битвы И закинулъ кровавой бой.
Съ толпами грозными враговъ: «Богъ намъ приближице и сила!»
За насъ и Сергія молитвы, Рекъ Дмитрій на челъ полковъ:
И прахъ замученныхъ отцовъ! «Умремъ, когда судьба судила!»
«Летимъ—и возвратимъ народу И первый грянулъ на враговъ.
Залогъ блаженства чуждыхъ страхъ: Кровь хлынула, и тучи пыли,
Святую праотцевъ свободу, Поднявшись вихремъ къ небесамъ,
И древнія права гражданъ. Свѣтило дня отъ глазъ сокрыли,
Туда—за Донъ!... Настало время! И мракъ простерся по полямъ.
Надежда наша—Богъ и мечъ! Повсюду хлещетъ кровь ручьями;
Сразимъ монголовъ и какъ бремя Зеленыя побавровѣлъ доль.
Яро Мамаю сбросимъ съ плечъ!» Тамъ русскій пораженъ врагами,
Такъ Дмитрій, рать обозрѣвая, Здѣсь палъ растоптанный монголъ;
Красуясь на конѣ, гремѣлъ, Тутъ слышенъ копій трескъ и звуки,
И въ помощь Бога призывалъ, Тамъ сокрушился мечъ о мечъ;
Перуномъ грознымъ полетѣлъ... Летятъ отсѣченныя руки,
«Къ врагамъ! За Донъ!» вскричали И головы катятся съ плечъ.
войски: А тамъ, подъ тѣнію кургана,
«За вольность, правду и законъ!» Презрѣвшій славу, санъ и свѣтъ,
И повторяя кликъ геройскій, Лежитъ, низвергнувъ великана,
За княземъ кинулися въ Донъ. Отважный иннокъ Пересвѣтъ;
Несутся, полные отваги, Тамъ Вълосерскій князь и чада,
Волнъ упрещдаютъ быстрый бѣгъ; Достоинныя его любви,
Летятъ какъ соколы—и стая И окрестъ ихъ татаръ громада,
Противный осѣнили брегъ. Въ своей потопшала крови.
Мгновенно солнце озарило Ужъ многіе изъ храбрыхъ пали,
Равнину и берега рѣки; Великодушный сонмъ рѣдѣлъ;
И взору вдаль открыло Уже враги одолѣвали,
Татаръ несмѣтные полки. Татаринъ дикій свирѣдѣлъ;
Луга, равнины, доли, горы Къ концу клонился бой кровавой,
Толпами пестрыми кипятъ; И черныи стая былъ пасть готовъ;
Всѣхъ силъ объять не могутъ взоры... Какъ вдругъ орломъ изъ-за дубравы
Повсюду бердыши блестятъ. Вольнскій грянулъ на враговъ.

Враги смѣшались... Отъ кургана	Уже-ль изречено судьбою
Промчалось: «Силень русской Богъ!»	Ему быть жертвой битвы сей?
И побѣжала рать тирана,	Но вотъ къ стенищему герою
И сокрушенъ гордыни роугъ!...	Притекъ сонмъ воевъ и князей.
Помчался ханъ въ глухія степи,	Вотъ, преклонивъ трофеи брани,
За нимъ шумящимъ враномъ страхъ;	Гласятъ: «Ты побѣдилъ! Возстань!»
Расторгнулъ русской рабства цѣпи	И князь, воздѣвши къ небу длани:
И сталъ на вражескихъ костяхъ.	«Великъ насъ онолчившій въ брань!
Но кто тамъ блѣденъ, близъ дубравы,	Великъ!» речеть: «къ нему молитвы!
Обрызганъ кровію лежитъ?	Онъ Сергія услышалъ гласъ!
Что зрю?... «Первоначальникъ славы»,*	Ему вся слава грозной битвы!
Димитрій раненъ... Страшный видъ!...	Онъ, онъ одинъ прославилъ насъ!»

Сынъ Отечества 1822, ч. 80, № 40.

ХІ. ГЛИНСКІЙ.

Подъ сводомъ обширнымъ темницы подземной,
 Куда лучъ привѣтнѣй отрадныхъ свѣтилъ
 Страшился проникнуть, гдѣ въ области темной
 Лишь блѣдный свѣтъ лампы, мерцающій, бродилъ,—
 Гремѣвшій въ Варшавѣ, Литвѣ и Россіи
 Безславьемъ и славой свершенныхъ имъ дѣлъ,
 Въ тяжелой цѣпи по рукамъ и по выи,
 Князь Глинскій задумчивъ сидѣлъ.

Волось уцѣлѣвшихъ сѣдые остатки
 На сморщенно вѣкомъ и грустью чело
 Спадали кудрями, вѣявъ въ беспорядкѣ;
 Страданье на Глинскомъ бразды провело...
 Сидѣлъ онъ склоненный на длань головою,
 Угрюмою думой въ минувшемъ леталъ;
 Звучалъ средь безмолвья цѣпями порою
 И тяжело, стонавъ, вздыхалъ.

При немъ неотступно въ темницѣ сидѣла
 Прелестная дѣва, отрада слѣща;
 Свободой, и счастьемъ, и свѣтомъ презрѣла
 И блага всѣ въ жертву она для отца.
 Блескъ пышный чертога для ней замѣнила
 Могильная мрачность темницы сырой;
 Здѣсь дѣвичью прелесть дочь нѣжная скрыла
 И жизни зарю молодой.

«О, долго ли будешь, стонавъ, лить слезы?
 Рекла она нѣжно: «печали забудь!

* Выраженіе лѣтописца.

Быть можетъ, расторгнешь сія ты желѣзы:
Надежда лелѣеть и узниковъ грудь!
Быть можетъ, остатокъ несчастливой жизни,
Спокою волненье и бурю души,
Какъ граждаинъ вѣрный, на лонѣ отчизны
Ты счастливо кончишь въ тиши».

«На лонѣ отчизны!» воскликнулъ измѣнникъ:
«Не мнѣ утѣшаться падеждою сей;
Страшась угрызений, степенующій плѣнникъ,
Несчастный, и вспомнить трепещеть о ней.
Могу ль быть покоенъ хотя на мгновенье?
Червь совѣсти тайно терзаетъ меня;
Къ себѣ самому я питаю презрѣнье
И мучусь, измѣну кляня.

«Природа дала мнѣ возможныя блага,
Чтобъ славнымъ быть въ мирѣ, иль грознымъ въ войнѣ;
Богатство, познанья, порода, отвага —
Все съ щедростью было ниспослано мнѣ.
Желалъ еще славы и лавровъ побѣды;
Душа трепетала, духъ юный кипѣлъ...
Вдругъ поднялись тучей на Польшу сосѣды —
И лавръ мнѣ достался въ удѣлъ.

«Монгольскія орды влетѣли бѣдою:
Литва задымилась въ пылу боевомъ,
И старцы, и жены, и дѣти толпою
Влеклися въ неволю свирѣпымъ врагомъ;
И въ пепель деревни и пышные грады;
И буйный татаринъ въ крови утопалъ;
Ни вѣку, ни полу не зрѣли пощады:
Мечъ жадный надъ всѣми сверкалъ.

«Встревоженъ невзгодой, я къ хищнымъ на встрѣчу
Съ дружиною храбрыхъ помчался грозой,
Достигъ — и отважно въ кровавую сѣчу,
И кровь полилася, напѣнясь, рѣкой.
Покрылись тѣлами поля и равнины;
Литвинъ и татаринъ упорно стоялъ;
Но съ яростью новой за мною дружины —
И гордый монголъ побѣждалъ.

«Боролся съ кончиной властитель державный;
Тревогой и плачемъ наполненъ дворецъ;
И вдругъ о побѣдѣ и громкой, и славной,
Отъ Глинскаго съ вѣстью примчался гонецъ.

Чело Александра веселость покрыла:
«Когда торжествуеть родная страна,»
Опъ рекъ предстоящимъ: «тогда и могила,
Повѣрьте, друзья, не страшна!»

«Симъ подвигомъ славнымъ чрезъ мѣру падменный,
Не могъ укротить я волненья страстей —
И родъ Забржезенскихъ, давно мнѣ враждебный,
Внезапно средь ночи палъ жертвой мечей.
Погибъ опъ — и други мнѣ стали врагамъ,
И преданъ душою лишь мести одной,
Дерзнулъ я вступить съ чужими полками
Въ отчизну свирѣбой войной.

«О, мука! О, совѣсть — тиранъ неотступный!..
Ни зрѣлище стяговъ родимой земли,
Ни тайный гласъ сердца—изъ длани преступной
Въ часъ битвы исторгнуть меча не могли!
Среди раздраженныхъ, пылающихъ мщеньемъ,
И ярыхъ, и грозныхъ душой москвитянъ,
Увы, къ преступленью влекомъ преступленьемъ,
Разилъ я своихъ согражданъ!..

«Бой конченъ; и Глинскій узрѣлъ на равнинѣ
Растерзанныхъ трупы и груды костей;
Душа предалася невольпо кручинѣ;
И брызнули слѣзы на грудь изъ очей.
Не въ пору позналъ я тоску преступленья!
Вся гнусность измѣны представилась мнѣ;
Молилъ Сигизмунда проступкамъ забвенья;
Мечталъ о родной сторонѣ!

«Но гений враждебный о тайнѣ душевной
Царю въ злое время извѣстіе далъ,
И русскій властитель, смущенный и гнѣвный,
Раскаянье сердца измѣной назвалъ;
Лишилъ меня зрѣнья убійцы руками,
Забывши и славу, и старость мою;
И дялю царицы, опутавъ дѣпами,
Забросилъ въ темницу сію.

«Лѣтъ десять живу я въ могилѣ сей хладной;
Ни звѣзды, ни солнце не свѣтятъ ко мнѣ;
Тоскую, угрюмый, въ тоскѣ безотрадной
И думой стремлюся къ родимой странѣ;
Примѣтно слабѣю въ утраченныхъ силахъ;
Чуть сердце трепещеть, пѣмбеть мой гласъ,

И медленнѣй льется кровь хладная въ жилахъ,
И смерти ужъ близится часъ.

«О, дочь моя, скоро, надъ гробомъ рыдая,
Ты бросишь на прахъ мой горсть чуждой земли!
Скорѣе, другъ юный, бѣги сего края:
Отъ милой отчизны жить грустно вдали!
Свободный народъ нашъ, дѣяньями славный,
Издавна извѣстный въ далекихъ краяхъ,
Проступки несчастныхъ отцовъ своею правдою
Не будетъ отмщать на дѣтяхъ.

«Край милый увидишь—и сердца утраты,
И юныхъ лѣтъ горе въ душѣ облегчинишь;
И башни, и храмы, и предковъ палаты,
И сердцу святыхъ гробницы узришь!
Отца проклиная, дочь милую нѣжно
И ласково примуть отчизны сыны,
И ты дни окончишь въ тиши безмятежной
На лонѣ родимой страны.

«Пусть рокъ мой, исполненъ тоской и мученьемъ,
Пребудетъ примѣромъ отчизнѣ моей;
Да каждый, пылая преступнымъ отмщеньемъ,
Идти не посмѣетъ стезею страстей!
Да видятъ во мнѣ моей родины братья,
Что рано или поздно—измѣнѣ взгрезятъ
Ужасныя сердцу согражданъ проклятыя
И совѣтъ отъ сна пробудятъ!»

Несчастный умолкнулъ съ душевной тоскою...
Вдругъ стонъ по темницѣ—и Глинскій узналъ
На дочерп лоно сѣдой головою,
И холодъ кончины его оковалъ...
Такъ Глинскій—мужъ Думы и пламенный воинъ—
Погибъ на чужбинѣ, какъ гнусный злодѣй;
Хвалы бы онъ вѣчной былъ въ мѣрѣ достоинъ,
Когда бы не буря страстей.

Соревнователь Просвѣщенія 1822, ч. XIX, № 9.

ХИ. КУРВСКІЙ.

На камнѣ мшистомъ въ часъ ночной, Позоръ и слава русскихъ странъ,
Изъ милой родины изгнанникъ, Въ совѣтъ мудрой, страшный въ
Сидѣлъ князь Курбскій, вождь молодой, брани,
Въ Литвѣ враждебной грустный стран- Надежда скорбныхъ россиянь,
никъ; Гроза ливонцевъ, бичъ Казани...

Сидѣль—и въ перекатахъ громъ
На небѣ мрачномъ раздавался,
И темный лѣсъ, шума, кругомъ
Отъ блеска молній освѣщался.

«Далеко отъ страны родной,
Далеко отъ подруги милой,»
Сказалъ онъ, покачавъ головой,—
«Я долженъ вѣкъ вести унылый.

«Ужъ болѣ пылкихъ я дружинъ
Не поведу къ кровавой брани,
И врагъ не побѣжитъ съ равнинъ
Отъ покорителя Казани.

До дряхлой старости влача
Унылу жизнь въ тиши безславной,
Не обажу за Русь меча,
Гонимъ судьбою своеправной.

«За то, что изнемогъ отъ ранъ,
Что въ битвахъ край родной просла-
вилъ,

Меня неистовый тиранъ
Бѣжать отечества заставилъ,

Сынъ Отечества 1821, ч. 71, № 29.

XIII. СМЕРТЬ ЕРМАКА.

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молніи летали;
Безперерывно громъ гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали...
Ко славлъ страстию дыша,
Въ странѣ суровой и угрюмой,
На дикомъ брегѣ Иртыша
Сидѣль Ермакъ, обаятый думой.

Товарищи его трудовъ,
Побѣдъ и громозвучной славы,
Среди раскинутыхъ шатровъ
Безнечно спали близъ дубравы.
«О, спите, спите,» мнилъ герой:
«Друзья, подъ бурей ревущей!
Съ разсвѣтомъ гласъ раздастся мой,
На славу или на смерть зовущій!

«Вамъ нуженъ отдыхъ; сладкій сонъ
И въ бурю храбрыхъ успокоитъ;
Въ мечтахъ напомнить славу онъ

Покинуть сына и жену,
Покинуть все, что мнѣ священно,
И въ чуждую уйти страну
Съ душою, грустью отягченною.

«Въ Литвѣ я пылъ сталь вождемъ;
Но, ахъ, ни почести велики
Не веселятъ въ краю чужомъ,
Ни ласки чуждаго владыки!
Я все стенаю и грущу,
И на пирахъ сижу угрюмый,
Чего-то для души нищу,
И часто погружаюсь въ думы...

«И въ хижинѣ, и во дворцѣ
Меня гласъ внутренней тревожитъ,
И мрачность на моемъ лицѣ
Веселость шумныхъ пиршествъ мно-
жить...

Увы, всего меня лишилъ
Тирани отечества драгова!
Сколь жалокъ, рокъ кому судилъ
Некаты въ странѣ чужой покров!»

И силы ратниковъ удвоить.
Кто жизни не щадилъ своей,
Въ разбояхъ злато добывая,
Тотъ думать будетъ ли о ней,
За Русь святую погибая,

«Своей и враждей кровью смывъ
Всѣ преступленья буйной жизни
И за побѣды заслуживъ
Благословенія отчизны?...
Намъ смерть не можетъ быть страшна;
Свое мы дѣло совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы—не праздно въ мірѣ жили!»

Но роковой его удѣлъ
Уже сидѣль съ героемъ рядомъ
И съ сожалѣніемъ глядѣлъ
На жертву любопытнымъ взглядомъ.
Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молніи летали;

Безперерывно громъ гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

Иртышъ кипѣлъ въ крутыхъ берегахъ:
Вздымались съдыя волны
И разсыпались съ ревомъ въ прахъ,
Бія о брегъ казачьи чолны.
Съ вождемъ покой въ объятяхъ сна
Дружина храбрая вкушала;
Съ Кучумомъ буря лишь одна
На ихъ погибель не дремала!

Страшась вступитъ съ героемъ въ бой,
Кучумъ къ шатрамъ, какъ тать пре-
зрѣнный,

Прокрался тайною троюй,
Татаръ толпами окруженный.
Мечи сверкнули въ ихъ рукахъ—
И окровавилась долина,
И пала грозная въ бояхъ,
Не обнаживъ мечей, дружина...

Ермакъ воспрянулъ ото сна,
И гибель зря, стремится въ волны;
Русскій Инвалидъ 1822, № 14.

Душа отвагою полна;
Но далеко отъ берега чолны!
Иртышъ волнуется сильнѣй...
Ермакъ всѣ силы напрягаетъ—
И мощною рукой своей
Валы съдые разсѣкаетъ....

Плыветъ... Ужъ близко челнока,
Но сила року уступила,
И закипѣвъ страшнѣй, рѣка
Героя съ шумомъ поглотила.
Лишивши силу богатыря
Бороться съ ярою волною,
Тяжелый панцырь—даръ царя—
Сталъ гибели его виною.

Ревѣла буря.... Вдругъ луной
Иртышъ кипящій осеребрился,
И трупъ, извергнутый волной,
Въ бронѣ мѣдяной озарился.
Посились тучи, дождь шумѣлъ,
И молнии еще сверкали,
И громъ вдали еще гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

XIV. БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Москва рѣка дремотною волной
Катилась тихо межъ берегами;
Въ нее, гордясь, глядѣлся Кремль стѣной
И златоверхими главами.
Умолкъ по улицамъ и вдоль береговъ
Кинящаго народа гулъ шумящій.
Все въ тихомъ снѣ; одинъ лишь Годуновъ
На ложѣ бодрствуетъ стаящій.

Предъ образомъ Спасителя, въ углу,
Лампада тусклая трепещеть,
И блѣдный лучъ, блуждая по челу,
Въ очахъ страдальца странно блещеть.
Тутъ зрѣлся скиптръ, корона тамъ видна,
Здѣсь золото и серебро сіяло!
Увы, лишь добродѣтели и сна
Великому не доставало!...

Онъ тщетно звалъ его въ ночной тиши:
До сна ль, когда шептала совѣсть

Изъ глубины встревоженной души
Ему пареубійства повѣсть?
Предъ нимъ прошедшее, какъ смутный сонъ,
Тревожной оживлялось думой—
И, трепету невольно преданъ, онъ
Страдалъ въ душѣ своей угрюмой.
Ему представился тотъ страшный часъ,
Когда достичь пылая трона,
Онъ заглушилъ священный въ сердцѣ гласъ,
Гласъ совѣсти, и вѣры, и закона.
«О, заблужденіе!» онъ возопилъ:
«Я мнилъ, что гласъ сей сокровенный
На вѣкъ съномъ непробуднымъ усыпилъ
Въ душѣ, злодѣйствомъ омраченной!
«Я мнилъ: взойду на тронъ—и рѣки благъ
Пролью съ высотъ его къ народу;
Лишь одному злодѣйству буду врагъ;
Всѣмъ дамъ законную свободу.
Начнуть торговлю вездѣ цвѣсти
И грады пышные, и села;
Полезному открою всѣ пути,
И возвеличу блескъ престола.
«Я мнилъ: народъ меня благословить,
Зря благоденствіе отчизны,
И общая любовь мнѣ будетъ щить
Отъ тайной сердца укоризны.
Добро творю; но ропота души
Оно остановить не можетъ:
Гласъ совѣсти въ чертогахъ и въ глуши
Вездѣ равно меня тревожить.
«Вездѣ, какъ неотступный стражъ за мной,
Какъ злой, неумолчный гевій,
Влечится вслѣдъ и шепчетъ мнѣ порой
Невнятно повѣсть преступленій...
Ахъ, удались! Дай сердцу отдохнуть
Отъ нестерпимаго страданья!
Не раздирай страдальческую грудь:
Полна ужъ чаша наказанья!
«Взываю я—но тщетны всѣ мольбы!
Не отгоню ужасной думы:
Повсюду зрю грозящій перстъ судьбы
И слышу сердца гласъ угрюмый.

Терзай же, тайный гласъ, коль суждено,
Терзай! Но я восторжествую
И смою черное съ души пятно,
И кровь царевича святую!

«Пусть злобный рокъ преслѣдуетъ меня:
Не утомляюся отъ страданья
И буду царствовать до гроба я
Для одного благодѣянья.
Святою мудростью и правотой
Свое правленіе прославлю
И прахъ несчастнаго почтить слезой
Потомка поздняго заставлю.

«О, такъ! Хоть стануть проклинать во мнѣ
Убийцу отрока святова,
Но не забудутъ же въ родной странѣ
И дѣль полезныхъ Годунова».
Страдая внутренно, такъ думалъ онъ;
И вдругъ, на гласъ святой надежды,
Къ царю слетѣлъ давно желанный сонъ
И осѣнилъ страдальца вѣжды.

И съ той поры державный Годуновъ,
Перенося гоненье рока,
Творилъ добро, былъ поданнымъ покровъ
И врагъ лишь одного порока.
Скопчался онъ, и тихо приняла
Земля несчастнаго въ объятья....
И загремѣли за его дѣла
Благословенья и—проклятья!...

Полярная Звѣзда 1823.

XV. ДИМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

Чьи такъ дико блещутъ очи?	Вотъ къ окну оборотился;
Дыбомъ чорный волосъ веталь?	Вдругъ луны сребристый лучъ
Онъ страшится мрака ночи;	На чело къ нему скатился
Зрю—сверкнулъ въ рукѣ княжалъ!...	Изъ-за мрачныхъ, грозныхъ тучъ.
Вотъ идетъ... стоитъ... трепещеть... Быстро бросился назадъ	Что я зрю? То хищникъ власти— Лжедимитрій тамъ стоитъ!
И какъ злой преступникъ мечеть Вдоль чертога робкій взглядъ.	На лицѣ пылаютъ страсти; Трепеща, онъ говоритъ:
Не убійца ль сокровенный, За Москву и за народъ, Надъ стезею потаенной Самозванца стережетъ?...	«Тамъ въ чертогахъ кто-то бродитъ... Шорохъ... Заскрипѣла дверь!.. И вотъ призракъ чей-то входитъ... Это ты—Бориса дщерь!..

«О, молю, избавь отъ взгляда!..
Укоризною горя,
Онъ вселяетъ муки ада
Въ грудь преступнаго царя!..
Но — исчезла у порога...
Это кто жъ мелькнулъ и сталъ,
Притаясь въ углу чертога?...
Это Шуйскій!.. Я пропалъ!»...

Такъ страдалъ злодѣй коварный
Въ часъ спокойствія въ Кремлѣ;
Проступалъ безперестанно
Ночь холодный на челѣ.

«Не укроюсь я отъ мщенья!»
Онъ невнятно прошепталъ:
«Для тирана нѣтъ спасенья;
Другъ ему — одинъ кинжалъ!

«На престолѣ, иль на ложѣ,
Иль въ толпѣ на площади,
Рано, поздно ли, но все же
Быть ему въ моей груди!
Прекращу свой вѣкъ постыльи;
Мнѣ наскучило страдать
Во дворцѣ, какъ средь могилы,
И убійцу нажидать».

Сталь занесъ; она сверкнула,
И преступный задрожалъ:
Смерть тирана ужаснула;
Выпалъ поднятый кинжалъ.
«Не настало еще время!»
Простоналъ онъ: «но придетъ —
И несносной жизни бремя
Тяжкой ношею спадетъ!»

Но какъ будто вдругъ очнувшись:
«Что свершить рѣшилъ я?»
Онъ воскликнулъ, ужаснувшись:
«Нѣтъ, не погублю себя!

Завтра жъ, завтра все разрушу,
Завтра хлынетъ кровь рѣкой —
И встревоженную душу
Вновь порадуетъ покой!

«Вмѣсто праотцевъ закона
Я введу законъ римлянъ;
Грозной местию гряну съ трона
Въ подозрительныхъ гражданахъ.
И твоя падетъ на плахѣ,
Буйный Шуйскій, голова!
И дымясь въ крови и прахѣ,
Затрепещешь ты, Москва!»

Смолкъ... Преступныя надежды
Удалили страхъ; и онъ
Легъ на пышный одръ, и вѣжды
Оковалъ тревожный сонъ.
Вдругъ среди безмолвья грянулъ
Бой набата близъ дворца,
И тиранъ съ одра воспринулъ
Съ смертной блѣдностью лица...

Побѣжалъ и зреть у входа:
Изо вѣхъ кремлевскихъ вратъ
Волны шумныя парада,
Ко дворцу стремясь, кипятъ.
Вотъ приблизились, напали,
Храбрый Шуйскій впереди —
И сарматы побѣжали
Съ хладнымъ ужасомъ въ груди.

«Все погибло! Нѣтъ спасенья!
Смерть — прибѣжище одно!»
Рекъ тиранъ... Еще мгновенье —
И бросается въ окно.

Палъ на камни, и при стукахъ
Сабель, копій и мечей,
Жизнь окончилъ въ страшныхъ мукахъ
Нераскаянный злодѣй.

Новости Литературы. 1822, ч. 1, № 2.

XVI. ИВАНЪ СУСАНИНЪ.

«Куда ты ведешь насъ?... Не видно ни зги!...»

Сусанину съ сердцемъ вскричали враги:

«Мы вязнемъ и тонемъ въ сугробинахъ снѣга;
Намъ, знать, не добратся съ тобой до ночлега.

Ты сбился, братъ, вѣрно нарочно съ пути;
Но тѣмъ Михаила тебѣ не спасти!

«Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушуетъ:
Но смерти отъ ляховъ вашъ царь не минуетъ!..
Веди жь насъ — такъ будетъ тебѣ за труды;
Иль бойся — недолго у насъ до бѣды!
Заставилъ всю ночь насъ пробиться съ мятелью...
Но что тамъ чериѣтъ въ долинѣ за елью?»

«Деревня!» сарматамъ въ отвѣтъ мужичокъ:
«Вотъ гумна, заборы, а вотъ и мостокъ.
За мною! Въ ворота! Избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрѣта.
Войдите — не бойтесь!» — «Ну, то-то, москаль!..
Какая же, братцы, чертовская даль!

«Такой я проклятой не видывалъ ночи!
Слѣпились отъ снѣгу соколи очи...
Жупанъ мой — хоть выжми, нѣтъ нитки сухой!»
Вошедъ, проворчалъ такъ сарматъ молодой.
«Вина намъ, хозяинъ! Мы смокли, иззябли!
Скорѣй!.. Не заставъ насъ приняться за сабли!»

Вотъ скатерть простая на столъ постлана,
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша и щи предъ гостями,
И хлѣбъ передъ каждымъ большими ломтями.
Въ окончины вѣтеръ, бушуя, стучить;
Уныло и съ трескомъ лучина горить.

Давно ужъ за-пѣлnochь... Сномъ крѣпкимъ объаты,
Лежать беззаботно по лавкамъ сарматы.
Всѣ въ дымной избушкѣ вкушаютъ покой;
Одинъ, на-сторѣжѣ, Сусанинъ сѣдой
Въ полгѣлоса молить въ углу у иконы
Царю молодому святой обороны.

Вдругъ кто-то къ воротамъ подъѣхалъ верхомъ.
Сусанинъ поднялся и въ двери тайкомъ...
«Ты-ль это, родимый?... А я за тобою!
Куда ты уходишь несчастной порою?
За-пѣлnochь... а вѣтеръ еще не затихъ...
Наводишь тоску лишь на сердце родныхъ!» —

«Приводить самъ Богъ тебя къ этому дому!
Мой сынъ, поспѣшай же къ царю молодому:
Скажи Михаилу, чтобъ скрылся скорѣй;

Что гордые ляхи, по злобѣ своей,
Его потаенно убить замышляютъ
И новой бѣлою Москвѣ угрожаютъ.

«Скажи, что Сусанинъ спасаетъ царя,
Любовью къ отчизнѣ и вѣрѣ горя.
Скажи, что спасенье въ одномъ лишь побѣгѣ
И что ужь убійцы со мной на почлегѣ».
«Но что ты затѣялъ? Подумай, родной!
Убьютъ тебя ляхи... Что будетъ со мной?»

«И съ юной сестрою и съ матерью хилой?»
«Творецъ защититъ васъ святой Своей силой.
Не дастъ Онъ погнубнуть, родимые, вамъ:
Покровъ и помощникъ Онъ веѣмъ сиротамъ.
Прощай же, о сынъ мой, намъ дорого время!
И помни: я гибну за русское племя!»

Рыдая, на лошадь Сусанинъ молодой
Вскочилъ — и помчался свистящей стрѣлой.
Луна, между тѣмъ, совершила полкруга;
Свистъ вѣтра умолкнулъ, утихнула вьюга;
На небѣ восточномъ зарѣлась заря;
Проснулись сарматы — злодѣи царя.

«Сусанинъ!» вскричали: «что молишься Богу?
Теперь ужь не время: пора намъ въ дорогу!»
Оставивъ деревню шумящей толпой,
Въ лѣсъ темный вступаютъ окольной тропой.
Сусанинъ ведетъ ихъ... Вотъ утро настало,
И солнце сквозь вѣтви въ лѣсу засіяло:

То скроется быстро, то ярко блеснетъ,
То тускло засвѣтитъ, то вновь пропадетъ.
Стоять не шелохнясь и дубъ, и береза;
Лишь снѣгъ подъ ногами скрипитъ отъ мороза,
Лишь временно воронъ, вспорхнувъ, прошумитъ,
И дятель душлистую иву долбитъ.

Другъ за-другомъ идутъ въ молчаньи сарматы;
Все далѣ и далѣ сѣдой ихъ вожатый.
Ужъ солнце высоко сіяетъ съ небесъ;
Все глуше и диче становится лѣсъ...
И вдругъ пропадаетъ тропинка предъ ними!
И сосны, и ели, вѣтвями густыми

Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стѣну изъ сучьевъ сплели.

Вотще на-сторожѣ тревожное ухо:
Все въ томъ захохотѣ и мертво, и глухо...
«Куда ты завелъ насъ?» ляхъ старый вскричалъ.
«Туда, куда нужно!» Сусанинъ сказалъ.
«Убейте! замучьте! — Моя здѣсь могила!
Но знайте и рвитесь: я спасъ Михаила!
Предателя, мнили, во мнѣ вы нашли:
Ихъ пѣть и не будетъ на русской земли!
Въ ней каждый отчизну съ младенчества любить
И душу измѣной свою не погубить».

«Злодѣи!» закричали враги, закипѣвъ:
«Умрешь подъ мечами!» — «Не страшнѣтъ вашъ гнѣвъ!
Кто русскій по сѣрдцу, тотъ бодро и смѣло
И радостно гибнетъ за правое дѣло!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнувъ, умру за царя и за Русь!»

«Умри же!» сарматы герою вскричали —
И сабли надъ старцемъ, свистя, засверкали.
«Погибни, предатель! Конецъ твой насталь!»
И твердый Сусанинъ весь въ язвахъ упалъ.
Снѣгъ чистый чистѣйшая кровь обаграла:
Она для Россіи спасла Михаила!

Полярная Звѣзда, 1823.

XVII. БОГДАНЪ ХМЪЛЬНИЦКІЙ.

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда украдкой проникаль,
Скользя по сводамъ, лучъ денницы
И ужасъ мѣста озарялъ,
Въ цѣняхъ, и грозный, и угрюмый,
Лежалъ Хмѣльницкій на землѣ;
Въ немъ мрачныя кипѣли думы
И выражались на челѣ.

Темницы мертвое молчанье
Ни стонъ, ни вздохъ не нарушалъ;
Надежду мести и страданье
Герой въ груди своей циталъ.
«Такъ, такъ!» онъ думаль: «часъ
настанетъ!

Освобожденный отъ оковъ,
Забытый узникъ бурей грянетъ
На притѣснителей-враговъ!

«Отметить холодное презрѣнье
Къ священнѣйшимъ правамъ
людей;

Отметить убійства и хищенье,
Безчестье женъ и дочерей;
Позорныя разрушить цѣпи,
И рабства сокруина кумиръ,
Вновь водворить въ родныя стени
Съ святой свободой тихій миръ.

«Покростъ ржа враговъ кольчуги
И прахъ ихъ вѣтеръ разнесетъ,
Застопутъ нѣжныя супруги
И мать дѣтей не обойметъ.
А ты, приходецъ иноплемennyй,
Тиранъ родной страны моей,
Мучитель мой ожесточенный,
Чаплицкій, трепещи, злодѣи!

«За кровь пролитую, за слезы
И женъ, и старцевъ, и сиротъ,
За все — и за сін желѣзы
Тебя мое отмщенье ждеть!
Но гдѣ о вольности мечтаю?
Увы, въ темницѣ дни влача,
Свой вѣкъ, быть можетъ, окончаю
Отъ рукъ презрѣнныхъ палача!

«И долго, можетъ быть, стаяя
Подъ тяжкимъ бременемъ оковъ,
Хмѣльницкаго страна родная
Пребудетъ жертвою враговъ!»
Чела страдальца видъ суровый
Мрачнѣе сталь отъ думы сей,
И на заржавыя оковы
Упали слезы изъ очей.

Вдругъ слышнѣтъ: загремѣли створы,
Со скрипомъ дверь отворена,
И входить, потуцкая взоры,
Младая робкая жена.

«Кто ты?» Хмѣльницкій изумленный
Представшей незнакомкѣ рекъ:

«Оковы ль снять?... О, часъ бла-
женный!

О, еслибъ этотъ часъ притекъ!

«Или съ жестокою душою,
Съ презрѣньемъ хладнымъ на очахъ,

Ты не пришла ли падо мною
Ругаться, зря меня въ цѣпяхъ?»

«О, нѣтъ!» привѣтно произноситъ:

«Въ душѣ любви питая жаръ,
Жена Чаплицкаго приносить
Тебѣ съ рукой свободу въ даръ».

«Жена Чаплицкаго!» — «Мученья

И вмѣстѣ мужество твое
Вдохнули въ душу мнѣ почтенье
И сердце тропули мое:

Я полюбила — и пылала
Изъ сихъ оковъ тебя извлечъ;

Я связь съ тираномъ разорвала;
Будь мой!» — «Я твой!» — «Прими

свой мечъ!»

Русскій Инвалидъ. 1822, № 54.

«Мой мечъ!» Хмѣльницкій восклицаетъ:

«Живъ Богъ! — и ты погибъ, злодѣй!
Заря свободы засіяетъ

Отъ блеска метительныхъ мечей!»
Сребрила долъ царица ночи,
Въ брега волною Днѣпръ плескалъ;
Опѣнивъ удила, у роцѣ
Нетерпѣливый копь стоялъ.

Герой вкочилъ, веселья полный,
Летить — и зрить поля отцовъ,
И вкругъ его, какъ моря волны,
Рои толпятся казаковъ.

«Друзья!» опъ къ храбрымъ восклицаетъ:

«За мной, чью грудь волнуетъ месть,
Кто рабству смерть предпочитаетъ,
Кому всего дороже честь!

«Самъ Богъ поборникъ угнетеннымъ!
Вожди — рѣшительность и я!

На встрѣчу ко врагамъ презрѣннымъ,
На Воды Желтыя, друзья!»

И вотъ сошлись два народа:

И съ яростью всгупили въ бой
Съ тиранствомъ бодрая свобода,
Кипя отвагою молодой.

Сармать, и храбрый, и надменный,
Вотще упоретвовать хотѣлъ;

Вотще, разбитый, побѣжденный,
Бѣжалъ мечей и мѣткихъ стрѣлъ.

Преслѣдуя, какъ ангелъ мщенья,
Герой вездѣ враговъ сражалъ,

И трупы ихъ безъ погребенья
Волкамъ въ добычу разметалъ.

И воцарилася свобода

Съ тѣхъ поръ въ украинскихъ степяхъ,
И стала съ счастьемъ народа

Цвѣсть радость въ селахъ и градѣхъ.

И чтя посломъ небесъ желаннымъ,
Въ замѣну всѣхъ наградъ и хвалъ,

Вождя-героя — «Богомъ даннымъ»
Народа общій гласъ назвалъ.

XVIII. АРТЕМОНЪ МАТВѢВЪ.

Мужъ знаменитый, другъ добра,
Бояринъ Артемонъ Матвѣевъ
Быль сосланъ въ ссылку отъ двора
По клеветамъ своихъ злодѣевъ.
Семь лѣтъ томился онъ въ глуши;
Семь лѣтъ позоръ и стыдъ изгнанья
Сносилъ съ величьемъ души,
Безъ слезъ, безъ скорби и роптанья.

«Когда защитникъ намъ законъ
И совѣсть сердца не тревожить,
Тогда ни ссылка, думалъ онъ,
Ни казнь позорить насъ не можетъ.
Бывъ другомъ добраго царя,
Народа русскаго любимецъ,
Всегда въ душѣ спокоенъ я
И въ злополучиѣ счастливецъ.

«Для блага согражданъ моихъ
Усилія мои не тщетны,
Коль всюду слышу я за нихъ
Гласъ благодарности привѣтнѣй.
Всѣ козни злыхъ клеветниковъ
Потомству время обнаружить,
И ненависть моихъ враговъ
Къ безславию для нихъ послужить.

«Пускай передъ царемъ меня
Черпиль и клевета, и злоба.
Предъ ними не унижусь я:
Мнѣ честь сопутницей до гроба.
Щитомъ противъ коварства стрѣлъ
Среди моей позорной ссылки—
Воспоминанье добрыхъ дѣлъ
И духъ къ добру, какъ прежде пылкій.

«Того не потемпится честь,
Кому, почтивъ дѣла благія,
Народъ не пощадилъ принести
Въ даръ камни предковъ гробовыя.

Русскій Инвалидъ. 1822, № 35.

Опалой царской не лишешь
Я гордости той благородной,
Которой только одаренъ
Мужъ справедливый и свободный.

«Пустоозерска дикій видъ,
Угрюмая его природа,
Не въ силахъ твердости лишить
Благотворителя народа.

Своей покорствуя судьбѣ,
Быть твердымъ всюду я умѣю;
Жалѣю я не о себѣ,
Я болѣю о царѣ жалѣю.

«На страшной трона высотѣ
Необходима прозорливость.
О, государь, внявъ клеветѣ,
Ты оказалъ несправедливость!
Меня ты въ ссылку осудилъ
За то-ль, что я служилъ полвѣка?
Но я давно тебя простилъ,
О, царь, простилъ, какъ человѣка.

«Близъ трона, притаясь, всегда
Гнѣздается лезть и вѣроломство.
Сколь много для царей труда!
Дѣянїй ихъ судьей — потомство.
Увы, его склонить пельзя
Ни златомъ блещущимъ, ни страхомъ:
Нелицемерный сей судья
Творить свой приговоръ надъ пра-
хомъ».

Такъ изгнанный мечталъ въ глуши,
Неся позорной ссылки бремя —
И правоту его души
Предъ свѣтомъ оправдало время:
Другъ истины и другъ добра,
Горя къ отечеству любовью,
Налъ мертвъ за юнаго Петра,
Запечатлѣвъ невинность кровью.

XIX. ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ОСТРОГОЖСКѢ.

Въ пышномъ гетманскомъ уборѣ,
Кто сей мужъ, суровъ лицомъ,

Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
Лицъ узналъ передъ Петромъ?

Съ бунчукомъ и булавою
Вкругъ монарха сердюки *),
Судья, сотники толпою
И толпами казаки.

«Виленъ промысла святова
Надъ тобою дивный щить!»
Покорителю Азова
Старець бодрый говорить:
«Оглася побѣдой славной
Моря Черпаго берега,
Ты смириль, монархъ державный,
Непокорнаго врага.

«Странный въ брани, мудрый въ мпрѣ,
Превзошелъ ты всѣхъ владыкъ:
Ты не блещущей порфирой,
Ты душой своею великъ.
Чту я славою и честью
Быть врагомъ твоимъ врагамъ
И губительною местью
Пролетѣть по ихъ полкамъ.

«Усиѣжился черный волосъ
И булатъ дрожить въ рукѣ,
Но зажжетъ еще мой голосъ
Пылъ отваги въ казакѣ.
Въ пылкомъ сердцѣ жажда славы
Не остыла въ зиму дней:
Праздество мнѣ — бой кровавый;
Мнѣ музыка — стукъ мечей!»

Копчилъ и къ стопамъ Петровымъ
Щить и саблю положилъ;
Но, казалось, вождь суровый
Что-то въ сердцѣ затаилъ..
Въ пышномъ гетманскомъ уборѣ,
Кто сей мужъ, суровъ лицомъ,

Соревнователь Просвѣщенія 1823. ч. XXI, № 3.

XX. ЯКОВЪ ДОЛГОРУКІЙ.

Корабль летѣлъ какъ на крылахъ,
Шумя уныло парусами,
И зарываясь въ волнахъ,
Клубилъ ихъ и вздымалъ буграми.

Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
Лиць упалъ передъ Петромъ?

Сей пришлецъ въ странѣ пустынной—
Былъ Мазепа, вождь сѣдой;
Можетъ быть, еще невинный,
Можетъ быть, еще герой.
Гдѣ жъ свиданіе съ Мазепою
Дивный свѣту царь имѣлъ?
Гдѣ герою вождь свирѣпый
Клястся въ искренности смѣлъ?

Тамъ, гдѣ волны Острогоя
Въ Сосну тихую влились;
Гдѣ дубовъ сѣнистыхъ рощъ
Надъ потокомъ разрослись;
Гдѣ съ отвагой молодецкой
Русскій крымцевъ поражалъ;
Гдѣ напрасно Брюховецкой
Добрыхъ гражданъ возмущалъ;
Гдѣ плѣнпный славы звукомъ,
Посѣдѣвшій въ битвахъ дѣлъ
Завѣщалъ кипящимъ внукамъ
Жажду воли и побѣдъ;
Тамъ, гдѣ съ щедростью обыцной,
За ничтожный, легкій трудъ,
Плодь оратаю сторичный
Нивы тучныя даютъ;

Гдѣ въ лугахъ необозримыхъ,
При журчаніи волны,
Кобылицъ неукротпмыхъ
Гордо бредятъ табуны;
Гдѣ въ странѣ благословенной
Потонулъ въ глуши садовъ
Городокъ уединенный
Острогояскихъ казаковъ.

Сѣдая пѣпа за кормой
Рѣкой клубящейся бѣжала
И шумъ однообразный свой
Съ ревущей бурей сливала.

*) Сердюки — гвардія гетмана.

Вижу я издалека...
 Видишь самъ: ужъ все презрѣнно—
 Предковъ правы и права,
 И обычаи ихъ священныи,
 И родимая Москва.

— Ждетъ спасенья наша вѣра
 Отъ тебя, молодой герой!
 Иль не зришь себѣ примѣра:
 Мать твоя передъ тобой.

Все царица въ жертву Богу
 Деятнадцатый Вѣкъ, 1872.

Равнодушно принесла
 И блестящему чертогу
 Мрачну келью предпочла.
 Въ рай иль въ адъ тебѣ дорога?..
 Сынъ мой, слушай чернеца:
 Иль отца забудь для Бога
 Или Бога для отца! —

Смолкъ монахъ. Царевичъ юный
 Съ пня поднялся, говоря:
 «Такъ и быть! Сберу перуны
 На отца и на цари!»

XXII. ВОЛЫНСКІЙ.

«Не тотъ отчины вѣрный сынъ,
 Не тотъ въ странѣ самодержавья
 Царю полезный гражданинъ,
 Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!
 Пусть будетъ мужъ совѣта онъ
 И мученикъ позорной казни,
 Стоять за правду и законъ,
 Какъ Долгорукій, безъ боязни.

«Пусть будетъ онъ, дыша войной,
 Врагамъ въ часы кровавой брани
 Неотразимую грозой,
 Какъ покорители Казани;
 Пусть удивляетъ... Но когда
 Онъ все творить то изъ тщеславья:
 Бѣда несчастному, бѣда!
 Онъ сынъ не славы, а безславья!

«Глазъ общій цѣпу дастъ дѣламъ;
 Изобличатся вѣроломства —
 И на проклятіе вѣкамъ
 Предастся рабъ сей отъ потомства.
 Не тотъ отчины вѣрный сынъ,
 Не тотъ въ странѣ самодержавья
 Царю полезный гражданинъ,
 Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!

«Но тотъ, кто съ сильными въ борьбѣ,
 За край родной иль за свободу,
 Забывши вовсе о себѣ,
 Готовъ всемъ жертвовать народу.
 Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,

Онъ будетъ и въ цѣпяхъ свободенъ,
 Въ часъ казни правотою гордъ
 И вѣчно въ чувствахъ благороденъ.

«Повсюду честный человекъ,
 Повсюду вѣрный сынъ отчины,
 Онъ проживетъ и кончитъ вѣкъ,
 Какъ другъ добра, безъ укоризны.
 Ковать ли станетъ па гражданъ
 Пришлецъ иноплеменный цѣпи —
 Онъ на него, какъ хищный врагъ,
 Какъ вихрь губительный изъ степи...

«И пусть падеть! — Но будетъ живъ
 Въ сердцахъ и памяти народной
 И онъ, и пламенный порывъ
 Души прекрасной и свободной.
 Славна кончина за пародъ!
 Пѣвцы, герою въ воздаянье,
 Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ
 Передадутъ его дѣянье!»

«Вражда къ тиранству закипитъ
 Неукротимая въ потомкахъ —
 И Русь священная узритъ
 Власть чужеземную въ обломкахъ!»
 Такъ, сидя въ крѣпости, въ цѣпяхъ,
 Волынской думалъ справедливо;
 Душою чистъ и правъ въ дѣлахъ,
 Свой жребій несъ онъ горделиво.

Странъ сѣверныхъ отважный сынъ,
 Презрѣвъ и казнь, и Бирюкомъ,

Дерзнул на пришлеца одинъ
 Всю правду высказать предъ трономъ:
 Открылъ царичѣ корень зла,
 Любимца гордаго пороки,
 Его ужасныя дѣла,
 Коварный умъ и нравъ жестокой.

Свершилъ, исполнилъ долгъ святой,
 Открылъ вину народныхъ бѣдствій
 И ждалъ съ безтрепетной душой
 Дѣянью правому послѣдствій.
 Недолго, вольности лишень,
 Герой влачилъ свои оковы:
 Однажды вдругъ заповоръ звонъ —
 И входитъ стражъ къ нему суровый.

Проникъ — и, обнявъ крестомъ,
 Сказалъ онъ: «за тебя свобода!»
 И къ мѣсту казни съ торжествомъ
 Шель бодро вѣрный другъ народа.
 Притекъ... увидѣлъ палача —

И голову склонилъ безъ страха;
 Сверкнуло лезвіе меча—
 И кровью освятилась плаха.

Сыны отечества! Въ слезахъ
 Ко храму древнему Самсона!
 Тамъ за оградой, при вратахъ
 Почіетъ прахъ врага Бирона.
 Отецъ семейства, приведи
 Къ могилѣ мученика сына:
 Да закипитъ въ его груди
 Святая ревность гражданина!

Любовью къ родинѣ дыша,
 Да все для ней онъ переноситъ—
 И, благородная душа,
 Пусть личность всякую отброситъ.
 Пусть будетъ чести образцомъ,
 За страждущихъ—железной грудью,
 И вѣчно заклятымъ врагомъ
 Постыдному неправосудью...

Новости Литературы. 1822. ч. 2, № 16.

XXIII. ВИДѢНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ.

Свершилась казнь—и образецъ
 Любви къ отечеству священной,
 Пріялъ страдальческій вѣнецъ—
 Вѣнецъ прекрасный и пеглбнный.
 Волынкій твердъ былъ до конца;
 Не уstraшенный мукой казни,
 Онъ важность гордаго лица
 Не измѣнилъ чертой боязни.

Презрѣннаго злодѣя мечъ
 Сверкнулъ надъ выей патріота,
 Сверкнулъ—глава упала съ плечъ
 И покатила съ эшафота.
 И страхъ и тайную тоску
 Лстецы въ душѣ презрѣнной кроя,
 Чтобъ угодить временнику,
 Торжествовали казнь герол.

Одна царица лишь была
 Смрачена печальной думой:
 Какъ будто камень залегла
 Тоска въ душѣ ея угрюмой.

Съ тѣхъ поръ отъ ней веселье прочь,
 И стала сна она чуждаться:
 Ея очамъ и день и ночь
 Какой-то призракъ сталъ являться...

Однажды пиръ шумѣлъ въ дворцѣ;
 Гремѣла музыка на хорахъ;
 У всѣхъ веселье на лицѣ
 И упоеніе во взорахъ.
 Въ душѣ своей утомлена,
 Блѣдна, печальна и угрюма,
 Царца въ тронную одна
 Ушла украдкою отъ шума.

Увы, и радость не могла
 Ее порадовать улыбкой,
 И мрачность блѣднаго чела
 Развеселить хотя ошибкой.
 «О, гдѣ найду душѣ покой?»
 Она въ раздумьи возопила,
 И опершись на тронъ рукой,
 Уныло голову склонила.

«И въ шумѣ пиршествъ, и въ тиши
 Меня раскаянье терзаетъ:
 Оно изъ глубины души
 Волинскаго напоминаетъ!...»
 «Онъ здѣсь!» — внезапно зазвучалъ
 По сводамъ тронной страшний голосъ...
 Въ царицѣ трепеть пробѣжалъ,
 И дыбомъ приподнялся волосъ!...

Она взглянула: передъ ней
 Глава Волинскаго лежала
 И на нее изъ-подъ бровей
 Съ укоромъ очи устремляла.
 Ликъ смертной блѣдностью покрытъ,
 Уста раскрытыя трепещутъ;
 Какъ огонь болотный въ ночь горитъ,
 Такъ очи въ ней неясно блещутъ.

Кругомъ главы во тьмѣ ночной
 Какой-то чудный свѣтъ сияетъ,
 И каплющая кровь порой
 Помость чертога обагряетъ...

Русская Старина, 1870. № 11.

XXIV. НАТАЛІЯ ДОЛГОРУКОВА.

Настала осени пора.
 Въ долинахъ вѣтры бушевали,
 И волны мутнаго Дибра
 Песчаный берегъ подрывали.
 На берегъ сей дикій и крутой,
 Невольно слезы проливая,
 Бесѣдовать съ своей тоской
 Пришла страдалица младая.

«Свершится завтра жребій мой:
 Раздастся колоколъ церковный—
 И я на вѣкъ съ своей тоской
 Сокроюсь въ келии безмолвной.

О, лейтесь, лейтесь же изъ глазъ
 Вы, слезы, въ мѣстѣ семъ уныломъ:
 Сегодня я въ послѣдній разъ
 Могу мечтать о другѣ миломъ!

«Въ послѣдній разъ въ нѣмой глуши
 Брожу съ воспоминальемъ смутнымъ
 И тяжкую печаль души
 Въвѣрю роцамъ безпріютнымъ.

Рисуетъ каждая черта
 Страдальца славнаго отчизны...
 Вдругъ посинѣлыя уста
 Залепетали укоризны:

«Что медлишь ты?... Давно я жду
 Тебя къ Творцу на судъ священный,
 Гдѣ каждый воспринметъ мзду:
 Равны тамъ рабъ и царь надменный!...»

Окончивъ грозныя слова,
 По-прежнему изъ мрака ночи
 Вперила мертвая глава
 Въ царицу трепетную очи...

Громъ музыки звучалъ еще,
 Весельемъ оживлялись лица;
 Всѣ ждали Анну—по вотще!
 Не возвращалася царица...

Исчезла радость, шумъ затихъ;
 Лишь тайный попотъ всюду бродитъ,
 И каждый, глядя на другихъ,
 Изъ залы сумрачный выходитъ.

Была гонима всюду я
 Жезломъ судьбины самовластной;
 Увы, вся молодость моя
 Промчалася осенью ненастной!

«Въ борьбѣ съ враждующей судьбой
 Я отцвѣтала въ заточеньѣ;
 Мнѣ другъ прекрасный и молодой
 Былъ данъ, какъ призракъ, на мгновенье
 Забыла я родной свой градъ,
 Богатство, почести и знатность,
 Чтобъ съ нимъ дѣлить въ Сибири хладъ
 И испытать судьбы превратность.

«Все съ твердостью перенесла,
 И бѣдствуя въ странѣ пустынной,
 Для Долгорукова спасла
 Любовь души своей цевинной.
 Онъ жертвой мести лютой палъ:
 Кровь друга плаху оросила;
 Но я, бродя межъ снѣжныхъ скалъ,
 Ему въ душѣ не измѣнила.

«Судьба отраду мнѣ дала
 Въ моемъ изгнаніи уныломъ:
 Я угѣшалась, я жила
 Мечтой вседашиною о миломъ!
 Въ странѣ угрюмой и глухой
 Она являлась мнѣ какъ радость
 И въ душу, сжатую тоской,
 Невольно проливала сладость.

«Но завтра—завтра я должна
 На вѣкъ забыть о страсти нѣжной!
 Живая въ гробъ заключена,
 Отъ жизни отрекусь мятежной.
 Забуду вес: людей и свѣтъ,
 И холодна къ любви и злобѣ,
 Суровый выполню обѣтъ —
 Мечтать до гроба лишь о гробѣ.

«О, лейтесь, лейтесь же изъ глазъ
 Вы, слезы, въ мѣстѣ семъ уныломъ:
 Сегодня я въ послѣдній разъ
 Могу мечтать о другѣ миломъ!
 Въ послѣдній разъ въ нѣмой глуши
 Брожу съ воспоминальемъ смутнымъ
 И тяжкую печаль души
 Въбѣряю рощамъ безпріютнымъ».

Новости Литературы 1822, ч. 5, № 30.

XXV. ДЕРЖАВИНЪ.

(Посвящ. Н. И. Гнѣдичу).

Съ деревьевъ падалъ желтый листъ;
 Не слышно птицъ въ лѣсу угрюмомъ;
 Въ поляхъ осеннихъ вѣтровъ свистъ,
 И плещеть Волховъ въ берегъ съ шумомъ.

Надъ Хутышскимъ монастыремъ
 Прямотно солнце догарало
 И на главахъ златымъ лучомъ,
 Изъ тучъ прокравшись, трепетало...

Какой-то думой омраченъ,
 Младой ибвецъ бредилъ въ оградѣ;
 Но вдругъ остановился онъ,
 И заблесталъ огонь во взглядѣ.
 «Что вижу я?—онъ возопилъ—
 Предъ мной Державина могила!

Тутъ, снявъ кольцо съ своей руки,
 Она его поцѣловала,
 И бросивъ въ глубину рѣки,
 Лицо закрыла и взрыдала.
 «Сокройся въ шумной глубинѣ,
 Ты перстень, перстень обручальный!
 И въ монастырской жизни мнѣ
 Не оживляй любви печальной!»

Рѣка клубилась въ берегахъ,
 Поблеклый листъ валился съ шумомъ:
 Порывный вѣтръ шумѣлъ въ поляхъ
 И бушевалъ въ лѣсу угрюмомъ.
 Полна унынья и тоски,
 Слезами перси орошая,
 Пошла обратно вдоль рѣки
 Дочь Шереметева младая.

Обрядъ свершился роковой....
 Прости послѣднее веселье!
 Одна съ угрюмою тоской
 Страдальца сокрылась въ кельѣ.
 Тамъ дни свои въ постѣ влача,
 Спѣдалась грустью безотрадной
 И угасала какъ свѣча,
 Какъ предъ иконой огонь лампадный.

Тебя ли рокъ, о бардъ, сразилъ?
 Тебя ли смерть не пощадилъ?»

И засіяли, какъ росой,
 Слезами юноши рѣницы,
 И онъ съ удвоенной тоской
 Съѣлъ у подошья гробницы.
 И долго, молча, онъ сидѣлъ,
 И мрачною тревожимъ думой,
 Ибвецъ задумчивый глядѣлъ
 На грустный памятникъ угрюмо.

«Но что,—вѣщаль онъ наконецъ,—
 Что я напрасно здѣсь тоскую?
 Не умеръ пламенный ибвецъ:
 Онъ ибѣлъ и славилъ Русь святую!
 Онъ выше всѣхъ на свѣтѣ благъ

Общественное благо ставилъ
И въ огненныхъ своихъ стихахъ
Святую добродѣтель славилъ.

«О, какъ удѣлъ пѣвца высокъ!
Кто въ мірѣ съ нимъ судьбою равенъ?
Не въ силахъ отказать и рокъ
Тебѣ въ безсмертіи, Державинъ!
Не умерь ты, хотя здѣсь прахъ...
И въ звукахъ лиры сладкогласной,
И гражданъ въ пламенныхъ сердцахъ
Ты оживляешься всечасно.

«О, такъ! Нѣтъ выше ничего
Предназначенія поэта:
Святая правда—долгъ его;
Предметъ—полезнымъ быть для свѣта.
Избранникъ и посолъ Творца,
Не долженъ быть ничѣмъ онъ связанъ;
Святой, великій санъ пѣвца
Онъ дѣломъ оправдать обязанъ.

«Къ неправдѣ онъ кипитъ враждой,
Ярмо гражданъ его тревожить;
Какъ вольный славянинъ душой,
Онъ раболѣпствовать не можетъ.
Повсюду твердъ, гдѣ-бъ ни былъ онъ,
Наперекоръ судьбѣ и року,
Повсюду честь ему закопъ,
Вездѣ онъ явный врагъ пороку.

«Гремѣтъ грозою противъ зла
Онъ чтитъ святымъ себѣ закономъ,
Съ спокойной важностью чела
На эшафотъ и предъ трономъ;
Ему невѣдомъ низкій страхъ,
На смерть съ презрѣнемъ онъ взираетъ

Сынъ Отечества 1822, ч. 82, № 47. «Къ общественному благу ревность!»

И доблесть въ молодыхъ сердцахъ
Стихомъ свободнымъ зажигаетъ.

«Ему ли ожидать стыда
Въ судѣ грядущихъ поколѣній?
Не осквернитъ онъ никогда
Порочной мыслию твореній.
Повсюду правды вѣрный жрецъ,
Томяся жаждой чистой славы,
Не станетъ портить онъ сердце
И развращать народа нравы.

«Поклопникъ пламенный добра,
Ничѣмъ себя не опорочитъ
И освященнаго пера
Въ нечестьи буйномъ не омочитъ.
Надъ нимъ и рокъ не властелинъ!
Онъ истину достойно цѣпитъ,
И ей нигдѣ, какъ вѣрный сынъ,
И въ тайныхъ думахъ не измѣнитъ!

«Таковъ нашъ бардъ Державинъ былъ;
Повсюду чести неизмѣнный,
Царямъ ли правду говорилъ,
Иль поражалъ порокъ надменный!»
Пѣвецъ умолкъ и тихо всталъ;
Въ немъ сердце билось, и въ волненьи
Вздохнувъ, онъ, отходя, вѣщалъ
Въ какомъ-то дивномъ изступленьи:

«О, пусть не буду въ гимнахъ я
Разнообразенъ, дивенъ, громокъ,
Лишь только бъ молвилъ про меня
Мой образованный потомокъ:
«Парилъ онъ мыслию въ вѣкахъ,
«Сѣдую вызывая древность,
«И воспалая въ младыхъ сердцахъ

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДУМАМЪ.

№ 1 (стр. 1). Рюрикъ, основатель Россійскаго государства, умирая (въ 879 г.), оставилъ малолѣтняго сына, Игоря, подъ опекою своего родственника, Олега. Опекуи мало-по-малу сдѣлались самовластными владѣтелями. Время его правленія примѣчательно походомъ къ Константинополю, въ 907 году. Лѣтописцы сказываютъ, что Олегъ, приплывъ къ стѣнамъ Византійской столицы, велѣлъ вытащить лады на берегъ, поставилъ ихъ на колеса и, развернувъ паруса, подступилъ къ городу. Изумленные греки заплатили ему дань. Олегъ умеръ въ 912 году. Его прозвали *Вѣщимъ* (мудрымъ).

Изь II (стр. 2). Игорь, сынъ основателя Россійскаго государства Рюрика, принявъ правленіе въ 912 году. Первымъ его подвигомъ было усмиреніе возмущившихся древлянъ. Сіе народное славянское племя обитало въ лѣсахъ нынѣшней Волынской губерніи. Игорь наложилъ дань, которую древляне платили до 945 года. Въ сіе время ему захотѣлось умножить сборъ. Древляне возмутились снова — и корыстолюбивый Игорь погибъ: они привязали его къ двумъ деревьямъ, нагнули ихъ и такимъ образомъ разорвали надвое. По немъ остался малолѣтній сынъ Святославъ. Супруга его, Ольга, правила государствомъ около десяти лѣтъ: скончалась въ 969 году. Церковь причла ее къ лику святыхъ женъ.

Изь III (стр. 3). Святославъ, сынъ русскаго князя Игоря Рюриковича, принявъ правленіе около 955 года. Въ исторіи славны походы его въ Болгарію Дунайскую и битвы съ греками. Передъ одною изъ сихъ послѣднихъ Святославъ воспламенилъ мужество своихъ воиновъ слѣдующею рѣчью: «Вѣгство не спасетъ насъ; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрамитъ отечества, но ляжемъ на мѣстѣ битвы: мертвымъ не стыдно! Станемъ крѣпко. Иду предъ вами, и когда положу голову, дѣлайте, что хотите!» Возвращаясь въ отечество, Святославъ (въ 972 г.) зимовалъ у Днѣпровскихъ пороговъ; на него напали печенѣги — и герой погибъ. Враги сдѣлали чашу изъ его черепа.

Изь IV (стр. 5). Святополкъ — сынъ Ярополка Святославича, усыновленный Владиміромъ Великимъ. Сей властолюбивый князь захватилъ великокняжескій престолъ и умертвилъ своихъ братьевъ: Бориса, Глѣба и Святослава (въ 1015 году). Ярославъ Владиміровичъ, князь новгородскій, послѣ продолжительныхъ междоусобій, разбилъ его на берегахъ рѣки Альги. Святополкъ бѣжалъ изъ предѣловъ россійскихъ, скитался въ пустыняхъ Богеміи, разслабъ душою и тѣломъ и кончилъ жизнь въ припадкахъ ужаса (1019 г.): ему мечтались враги, непрерывно его преслѣдующіе. Проклятіе современниковъ увѣковѣчило память о Святополкѣ. Лѣтописи называютъ его *Окаяннымъ*.

Изь V (стр. 5) Около 970 года варягъ Рогволодъ, оставивъ отечество, поселился въ Полоцкѣ, главномъ городѣ тогдашней области Кривской. Онъ имѣлъ прекрасную дочь, по имени Рогнѣду или Гориславу; ее сговорили за великаго князя Ярополка Святославича. Братъ его, Владиміръ Великій, взявъ Полоцкъ (въ 980 г.), умертвилъ Рогволода, двухъ сыновей его и насильно понялъ Рогнѣду. Отъ ней родился сынъ, Изяславъ. Впослѣдствіи Владиміръ разлюбилъ жену, выслалъ ее изъ дворца и заточилъ на берегу Лыбеди, въ окрестностяхъ Кіева. Однажды, гуляя въ сихъ мѣстахъ, князь заснулъ крѣпко; мстительная Рогнѣда, приблизившись, хотѣла нанести ему смертельный ударъ; но Владиміръ проснулся. Въ ярости онъ захотѣлъ казнить несчастную, велѣлъ ей надѣть брачную одежду и, сидя на богатомъ ложѣ, ожидать казни. Входитъ Владиміръ; юный Изяславъ, наученный Рогнѣдою, бросается къ нему и подаетъ мечъ. «Родитель! — говоритъ онъ: — ты не одинъ; сынъ твой будетъ свидѣтелемъ твоей ярости». Изумленный Владиміръ простилъ Рогнѣду и вмѣстѣ съ сыномъ отправилъ ее въ новопостроенный городъ, названный имъ Изяславлемъ. Сіе происшествіе описано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ.

Изь VI (стр. 9) Сочинитель извѣстнаго *Слова о полку Игоревѣ* называетъ Бояна «*соловьемъ стараго времени*». Неизвѣстно, когда жилъ сей славянскій бардъ. Н. М. Карамзинъ, въ «*Шантеонъ Росс. Авторовъ*», говоритъ о немъ такъ: «Можетъ быть, жилъ Боянъ во времена героя Олега; можетъ быть, пѣлъ онъ славный походъ сего аргонавта къ Царю-граду, или несчастную смерть храбраго Святослава, который съ горетію своихъ погибъ среди безчисленныхъ печенѣговъ, или блестящую красоту Гостомысловой правнучки Ольги, ея невинность въ сельскомъ уединеніи, ея славу на тронѣ». Не менѣе правдоподобно, что Боянъ былъ пѣвцомъ подвиговъ Великаго Владиміра и знаменитыхъ его сподвижниковъ: Добрыни, Яна Усовича, Рогдая. Можно предполагать, что при блистательномъ дворѣ сѣвернаго Карломана находились и пѣснопѣвцы: ихъ при-

влекали великолѣпныя пиршества, богатырскія потѣхи и привѣтливость добраго князя, а славныя побѣды надъ греками, ляхами, печенѣгами, лтвягами и болгарями—могли воспламенить духъ шитизма въ сихъ дикихъ сынахъ сѣвера. II грубые норманны услаждали слухъ свой пѣснями скальдовъ.

Къ VIII (стр. 13). Мстиславъ, сынъ Владиміра Великаго, былъ удѣльный князь тмутараканскій. Столица сего княжества—Тмутаракань (древняя Тамара) находилась на островѣ Тамани, который образуютъ рукава рѣки Кубани, при впаденіи ея въ Азовское море. Въ сосѣдствѣ жили косоги, племя горскихъ черкесовъ. Въ 1022 г. Мстиславъ объявилъ имъ войну. Князь косожскій, Редедя, крѣпкотѣлый великанъ, по обычаю богатырскихъ временъ, предложилъ ему рѣшить расирю единоборствомъ. Мстиславъ согласился. Произшелъ бой: тмутараканскій князь повергъ врага и умертвилъ его. Косоги признали себя данниками Мстислава. Онъ умеръ около 1036 г. Лѣтописи называютъ его *Удалымъ*.

Къ IX (стр. 13). Несчастный Михайлъ, сынъ тверскаго князя Ярослава Ярославича, по смерти Андрея Александровича (1304 г.) долженъ былъ выступить на великокняжескій престолъ; но племянникъ его, Георгій Даниловичъ, князь московскій, началъ оспаривать у него сіе право. Россія находилась тогда подъ владычествомъ монголовъ: оба князя отправились въ Орду, и ханъ (Тохта) утвердилъ Михаила. Болѣе десяти лѣтъ протекло мирно; но злоба не угасла въ сердцахъ Георгія; онъ не пропустилъ случая вредить Михаилу. Между тѣмъ Тохта умеръ (1312 г.); ему наследовалъ сынъ его, Узбекъ. Несогласія князей возобновились, и Георгія призвали въ Орду (1315 г.). Цѣлые три года онъ работѣствовалъ передъ Узбекомъ, дарами и просками снискалъ себѣ милостивое расположеніе и, въ довершеніе всего, женился на сестрѣ его Кончакѣ (1318 г.). Ханъ наименовалъ Георгія старѣйшимъ изъ князей русскихъ и далъ ему войско. Михайлъ выступилъ къ нему навстрѣчу, сразился и одержалъ побѣду: татарскій полководецъ Кавгадый и супруга Георгія впади въ плѣнъ; послѣдняя умерла скоростижно въ Твери. Раздраженный Узбекъ призвалъ Михаила въ Орду, жестоко истязалъ его и наконецъ велѣлъ лишить жизни. Церковь причла сего князя-страдальца къ лику св. мучениковъ.

Къ X (стр. 15). Подвиги великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго извѣстны всякому русскому. Онъ былъ сынъ великаго князя московскаго Іоанна Іоанновича; родился въ 1350 году; великокняжескій престолъ занялъ 1362 года. Владычествовавшая надъ Россією Золотая или Сарайская Орда въ это время раздиралась междоусобіями. Одинъ изъ князей татарскихъ, Мамай, властвовалъ тамъ, подъ именемъ Мамантъ-Салтана, слабаго и ничтожнаго хана. Недовольный великимъ княземъ, Мамай отправилъ (въ 1378 г.) мурзу Бегича со множествомъ татарскаго войска. Ополченіе Дмитрія встрѣтило ихъ на рѣкѣ Вождѣ, сразилось мужественно и одержало побѣду. Раздраженный Мамай, совокупивъ еще большія толпы иноплеменниковъ, двинулся съ ними къ предѣламъ Россіи. Дмитрій вооружился; противники сошлись на Куликовомъ полѣ (при рѣкѣ Непрядвѣ, впадающей въ Донъ). Бой былъ жестокой и борьба ужасная (8 сентября 1380 г.). На пространствѣ двадцати верстъ кровь русскихъ мѣшалась съ татарскою. Наконецъ Мамай предался бѣгству, и Дмитрій восторжествовалъ. Сія знаменитая побѣда доставила ему великую славу и уваженіе современниковъ. Потомство наименовало его *Донскимъ*. Дмитрій умеръ въ 1389 году.

Къ XI (стр. 16). Князь Михайлъ Львовичъ Глинскій, нѣкогда знатный и богатый литовскій вельможа. Родъ его происходилъ отъ татарскаго князя, выѣхавшаго изъ Орды во времена в. к. Витовта. Воспитанный въ Германіи, Глинскій принялъ тамошніе обычаи, долго служилъ императору и отличался храбростію и умомъ. Возвратясь въ отечество, онъ снискалъ милость короля Александра и былъ его любимцемъ и другомъ. Когда (въ 1508 г.) Сигизмундъ сдѣлался королемъ, завистники обнесли предъ нимъ Глинскаго. Главнй врагъ его былъ панъ Забржезенскій. Князь Глинскій, обще съ двумя братьями, перешелъ вел. князю московскому Василю Іоанновичу, былъ принятъ имъ съ

уваженіемъ и сдѣланъ воеводою. Глинскій сражался противъ своихъ соотечественниковъ и оказалъ особенныя услуги при взятіи Смоленска (1514 г.). Вел. князь обѣщаль его сдѣлать владѣтелемъ сего княжества, но не сдержалъ слова. Глинскій вошелъ въ переписку съ Сигизмундомъ и намѣренъ былъ ему перебраться: его схватили, привезли въ Москву и заключили въ темницу. Тамъ онъ просидѣлъ болѣе двѣнадцати лѣтъ. Вел. князь женился на его племянницѣ, княжнѣ Еленѣ, дочери брата его Василия. Черезъ годъ царица выпросила своему дѣду прощеніе (1527 г.), и кн. Глинскій пришелъ еще въ болшую силу. По кончинѣ вел. князя, Елена сдѣлалась правительницею государства. Князь Михаилъ былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ членовъ Думы. Нескромная слабость племянницы къ любимцу ея, князю Телпневу-Оболенскому, возбудила въ немъ справедливое негодованіе: онъ сталъ дѣлать ей увѣщанія и подпалъ гнѣву; снова его заключили въ темницу, гдѣ онъ и умеръ (въ 1534 году).

Въ XII (стр. 19). Князь Андрей Михайловичъ Курбскій, знаменитый вождь, писатель и другъ Іоанна Грознаго. Въ казанскомъ походѣ, при отраженіи крымцевъ отъ Тулы (1552 г.) и въ войнѣ ливонской (1560 г.) онъ оказалъ чудеса храбрости. Въ 1564 г. Курбскій былъ воеводою въ Дерптѣ. Въ сіе время Грозный преслѣдовалъ друзей прежняго своего любимца Адашева, въ числѣ которыхъ былъ и Курбскій: ему дѣлали выговоры, оскорбляли и наконецъ угрожали. Опасаясь погибели, Курбскій рѣшился измѣнить отечеству и бѣжалъ въ Польшу. Сигизмундъ II принялъ его подъ свое покровительство и далъ ему въ помѣстье княжество Ковельское. Отсюда Курбскій велъ бранную и язвительную переписку съ Іоанномъ; а потомъ еще далѣе простеръ свое мнѣніе: забылъ отечество, предводительствовала поляками во время ихъ войны съ Россією и возбуждалъ противъ нея хана крымскаго. Онъ умеръ въ Польшѣ. Предъ смертію сердце его нѣсколько умягчилось: онъ вспомнилъ о Россіи и называлъ ее милымъ отечествомъ. Спасаясь изъ Дерпта, Курбскій оставилъ тамъ супругу и девятилѣтняго сына; потомъ, въ Польшѣ, вторично женился на княгинѣ Дубровицкой, съ которою король повелѣлъ ему развестися. Курбскій извѣстенъ также литературными своими трудами: онъ описалъ жестокости царя Іоанна и перевелъ нѣкоторыя бесѣды Златоуста на «Дѣянія Св. Апостолъ». Въ концѣ XVII вѣка правнуки его выѣхали въ Россію.

Въ XIII (стр. 20). Подъ словомъ Сибирь разумѣется нынѣ неизмѣримое пространство отъ хребта Уральскаго до береговъ Восточнаго океана. Нѣкогда Сибирскимъ царствомъ называлось небольшое татарское владѣніе, коего столица, Искеръ, находилась на рѣкѣ Иртышѣ, впадающей въ Обь. Въ половинѣ XVI вѣка сіе царство зависѣло отъ Россіи. Въ 1569 году царь Кучумъ былъ *принятъ подъ руку* Іоанна Грознаго и обязался платить дань. Между тѣмъ сибирскіе татары и подвластные имъ остяки и вогуличи вторгались иногда въ Пермскія области. Это заставило русскіе правительство обратить вниманіе на обезпеченіе сихъ украинъ укрѣпленными мѣстами и умноженіемъ въ нихъ народонаселенія. Богатые въ то время купцы Строгоновы получили во владѣніе обширныя пустыни на предѣлахъ Перміи: имъ дано было право заселить ихъ и обработать. Сзывая вольницу, сіи дѣятельные помѣщики обратились къ казакамъ, кои, не признавая надъ собою никакой верховной власти, грабили на Волгѣ промышленниковъ и купеческіе караваны. Лѣтомъ 1579 года 540 сихъ удалцовъ пришли на берега Камы; предводителемъ у нихъ было пятеро; главнымъ назывался Ермакъ Тимофеевъ. Строгоновы присоединили къ нимъ 300 человекъ разныхъ вселенниковъ, снабдили ихъ порохомъ, свинцомъ и другими припасами и отправили за Уральскія горы (въ 1581 г.). Въ теченіе слѣдующаго года казаки разбили татаръ въ многихъ сраженіяхъ, взяли Искеръ, плѣнили Кучумова племянника, царевича Маметкула, и около трехъ лѣтъ господствовали въ Сибири. Между тѣмъ число ихъ мало-по-малу уменьшалось: много погибло отъ оплошности. Сверженный Кучумъ бѣжалъ въ Киргизскія степи и замышлялъ способы истребить казаковъ. Въ одну темную ночь (5 августа 1584 г.), при сильномъ дождѣ-

онъ учинилъ неожиданное нападеніе: казаки защищались мужественно, но не могли стоять долго: они должны были уступить силѣ и внезапности удара. Не имѣя средствъ къ спасенію кромѣ бѣгства, Ермакъ бросился въ Иртышъ, въ намѣреніи переплыть на другую сторону, и погибъ въ волнахъ. Лѣтописцы представляютъ сего казака-героя крѣпкотѣлымъ, осанистымъ и широкоплечимъ; онъ былъ роста средняго, имѣлъ плоское лицо, быстрые глаза, черную бороду, темные и кудрявые волосы. Нѣсколько лѣтъ послѣ сего Сибирь была оставлена россиянами; потомъ пришли царскія войска и снова завладѣли ею. Въ теченіе XVII вѣка непрерывныя завоеванія разныхъ удалцовъ-предводителей отнесли предѣлы Россійскаго государства къ берегамъ Восточнаго океана.

Въ XIV (стр. 21). Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ является въ исторіи съ 1570 года: тогда онъ былъ царскимъ оруженосцемъ. Возвышаясь постепенно, Годуновъ сдѣлался бояриномъ и конюшимъ: титла важныя при прежнемъ дворѣ Россійскомъ. Сынъ Іоаннъ Грознаго, царь Θεодоръ, сочетался бракомъ съ его сестрою, Иринуою Θεодоровною. Тогда Годуновъ пришелъ въ неограниченную силу; онъ имѣлъ столь великое вліяніе на управленіе государствомъ, что иностранныя державы признавали его совратителемъ сего кроткаго, слабодушнаго монарха. По кончинѣ Θεодора Іоанновича (1598 г.), духовенство, государственныя чины и повѣренныя народа избрали Годунова царемъ. Правленіе его продолжалось около осьми лѣтъ. Въ сіе время Годуновъ старался загладить непріятное впечатлѣніе, какое оставили въ народѣ прежніе честолюбивые и хитрые его виды; между прочимъ ему приписывали отдаленіе отъ двора родственниковъ царской фамиліи (Нагихъ, кн. Сицкихъ и Романовыхъ) и умерщвленіе малолѣтняго царевича Димитрія, брата царя Θεодора, въ 1591 году, погибшаго въ Угличѣ. Годуновъ расточалъ награды царедворцамъ, благотворилъ народу и всѣми мѣрами старался приобрести общественную любовь и довѣренность. Между тѣмъ явился ложный Димитрій; къ нему пристало множество приверженцевъ—и государству угрожала опасность. Въ сіе время (1605 г.) Годуновъ умеръ внезапно; полагаютъ, что онъ отравился. Историки несогласны въ сужденіяхъ о Годуновѣ: одни ставятъ его на ряду государей великихъ, хвалятъ добрыя дѣла и забываютъ о честолюбивыхъ его проискахъ; другіе, многочисленнѣйшіе, называютъ его преступнымъ тираномъ.

Въ XV (стр. 23). Читавшимъ отечественную исторію извѣстенъ странный Лжедимитрій — Григорій Отрѣпьевъ. Повѣствуютъ, что онъ происходилъ изъ сословія дѣтей боярскихъ; нѣсколько лѣтъ находился въ Чудовѣ монастырѣ іеродьякономъ и былъ келейникомъ у патріарха Іова. За безпорядочное поведеніе Отрѣпьевъ заслуживалъ наказаніе; онъ желалъ избѣжать сего и предался бѣгству. Долго скитался внутри Россіи и переходилъ изъ монастыря въ монастырь, наконецъ выѣхалъ въ Польшу. Тамъ онъ замыслилъ выдать себя царевичемъ Димитріемъ, сыномъ Іоанна Грознаго, который умерщвленъ былъ въ 1591 г.) въ Угличѣ — какъ говорили — по проискамъ властолюбиваго Годунова. Онъ началъ разглашать выдуманная имъ обстоятельства мнимаго своего спасенія, привлекъ къ себѣ толпу легковѣрныхъ и, съ помощію сендомирскаго воеводы Юрія Мнишка, вторгся въ отечество вооруженною рукою. Странное стеченіе обстоятельствъ благопріятствовало Отрѣпьеву: Годуновъ умеръ внезапно, и на престолѣ Россійскомъ возсѣлъ самозванецъ (1605 г.). Но торжество Отрѣпьева было не долговременно: явная преданность католицизму и терпимость іезуитовъ сдѣлали его ненавистнымъ въ народѣ, а развратное поведеніе и дурное правленіе ускорило его паденіе. Князь Василій Шуйскій (въ 1606 г.) произвелъ заговоръ; возникло народное возмущеніе — и Лжедимитрій не стало. Явленіе сего самозванца, быстрые его успѣхи и странное стеченіе обстоятельствъ того времени составляютъ важную загадку въ нашей исторіи.

Въ XVI (стр. 24). Въ исходѣ 1612 года юный Михаилъ Θεодоровичъ Романовъ, послѣдній отъяслъ Рюриковой династіи, скрывался въ Фотомской области. Въ то время Москву занимали поляки: сіи пришельцы хотѣли утвер-

дять на російскомъ престолѣ царевича Владислава, сына короля ихъ Сигизмунда III. Одинъ отрядъ проникнулъ въ костромскіе предѣлы и искалъ захватить Михаила. Вблизи отъ его убійца враги схватили Ивана Сусанина, жителя села Домнина, и требовали, чтобы онъ тайно провелъ ихъ къ жилищу будущаго вѣиценосца Россіи. Какъ вѣрный сынъ отечества, Сусанинъ захотѣлъ лучше погибнуть, нежели предательствомъ спасти жизнь. Онъ повелъ поляковъ въ противную сторону и извѣстилъ Михаила объ опасности; бывшіе съ нимъ успѣли увести его. Раздраженные поляки убили Сусанина. По востшествіи на престолъ Михаила Ѳеодоровича (въ 1613), потомству Сусанина дана была жалованная грамота на участокъ земли при селѣ Домнинѣ; ее подтверждали и послѣдующіе государи.

Въ XVII (стр. 27). Зиповій (Богданъ) Хмѣльницкій, сынъ чигиринскаго сотника, воспитывался въ Кіевѣ и кончилъ ученіе у іезуитовъ въ польскомъ городѣ Ярославцѣ. Въ исторіи онъ становится извѣстенъ съ 1620 г. Въ сраженіи при Цецорѣ турки взяли его въ плѣнъ и держали въ неволѣ два года. По возвращеніи своемъ Хмѣльницкій служилъ въ войскѣ польскомъ; потомъ нѣскольکو лѣтъ жилъ въ селеніи Субботовѣ, въ покоѣ. Чигиринскій подстароста Чаплицкій, захвативъ селеніе, похитилъ у него подругу и высѣкъ плетью малолѣтняго его сына. Хмѣльницкій поѣхалъ въ Варшаву жаловаться, но не нашель управы. Тогда онъ поклялся отомстить всемъ полякамъ. Въ 1647 г. въ Малороссіи вспыхнуло возмущеніе. Хмѣльницкій принялъ въ немъ дѣятельное участіе, поощрялъ недовольныхъ и умножалъ толпы ихъ. Дошло до явной войны. Хмѣльницкій выбранъ былъ гетманомъ. Онъ пошелъ въ связи съ крымцами, призвалъ ихъ на помощь и слишкомъ четыре года противостоялъ полякамъ. Примѣчательны сраженія: на Желтыхъ Водахъ, подъ Корсуномъ и при Берестечкѣ. Въ 1651 г. прекратились раздоры. Поляки заключили съ малороссіянами и запорожскимъ войскомъ мирный договоръ подъ Бѣлоу Церковію, но, не смотря на сіе, не упускали случая оскорблять ихъ. Сіи притѣвленія заставили Хмѣльницкаго просить російскаго государя о принятіи его съ войскомъ въ подданство (1654 года). Онъ умеръ въ Чигиринѣ 15 августа 1657 года. За освобожденіе отчины его прозвали «Богданомъ», т.-е. Богомъ дарованнымъ избавителемъ.

Въ XVIII (стр. 29). Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ родился въ 1625 г. Въ правленіи царя Алексѣя Михайловича онъ отличился доблестями на поприщѣ военномъ и политическомъ: сражался съ поляками, шведами и татарами, заключилъ договоръ о сдачѣ Смоленска (1656 года), убѣдилъ запорожцевъ къ подданству Россіи и уничтожилъ невыгодный для нея Андрусовскій миръ (1667). Начальствуя надъ посольскимъ приказомъ, Матвѣевъ умѣлъ вселить въ другихъ европейскіхъ дворахъ должное уваженіе къ Россіи. Въ его домѣ воспитывалась Наталія Кирилловна Нарышкина, вторая супруга царя Алексѣя Михайловича, отъ которой родился Петръ Великій. Впослѣдствіи государь возвелъ Матвѣева въ ближніе бояре и оказывалъ ему особенную довѣренность и даже дружбу. Съ кончиною царя Алексѣя Михайловича (1676 г.) кончилось блистательное поприще Матвѣева: враги оклеветали его и удалили отъ двора. Матвѣевъ получилъ назначеніе въ Верхотурье воеводою; на дорогѣ настигъ его гонецъ и отвезъ въ отдаленный Пустозерскій острогъ. Цѣлые семь лѣтъ Матвѣевъ пробылъ въ заточеніи. Наконецъ ему велѣно было ѣхать въ городъ Лухъ (Костромской губерніи). Въ дорогѣ Матвѣевъ узналъ о кончинѣ царя Ѳеодора Алексѣевича и получилъ приглашеніе ко двору воцарившихся соправителей. Въ столицѣ ожидало его новое бѣдствіе: на четвертый день пріѣзда (15 мая 1682) взбунтовались стрѣльцы, и Матвѣевъ палъ жертвою преданности къ государямъ Любля добродѣтель, онъ уважалъ просвѣщеніе и науки; сочинилъ «Россійскую Исторію»; имѣлъ вкусъ къ изящнымъ искусствамъ: живописи, музыкѣ и драматическимъ представленіямъ. При немъ впервые стали извѣстны у насъ театральныя зрѣлища.

№ 189 (стр. 29). Петръ Великій, по взятіи Азова (въ августѣ 1696 г.), прибылъ въ Острогожскъ. Тогда прѣхалъ въ сей городъ и Мазепа, охранявшій у Коломака, вмѣстѣ съ Шереметевымъ, предѣлы Россіи отъ татаръ. Онъ поднесъ царю богатую турецкую саблю, оправленную золотомъ и осыпанную драгоценными камнями, и на золотой цѣпи щить съ такими-жъ украшениями. Въ то время Мазепа былъ еще невиненъ. Какъ бы то ни было, но уклончивый, хитрый гетманъ умѣлъ вырваться въ милость Петра. Монархъ почтилъ его поощреніемъ, обласкалъ, изъявилъ особенное благоволеніе и съ честію отпустилъ въ Украину.

№ 190 (стр. 30). Взятый въ плѣнъ въ битвѣ подъ Нарвой, кн. Я. О. Долгорукій десять лѣтъ провелъ въ Стокгольмѣ, подъ крѣпкимъ карауломъ. Въ 1711 г., по случаю недостатка въ хлѣбѣ, нѣсколько плѣнныхъ отправлены моремъ въ Умео. Въ числѣ 44-хъ русскихъ плѣнниковъ, посаженныхъ на одномачтовое небольшое судно, былъ и Я. О. Долгорукій. Семидесятилѣтній воинъ составилъ заговоръ и овладѣлъ судномъ, обезоруживъ, послѣ схватки, своихъ стражей-шведовъ. Корабль былъ направлень къ русскимъ берегамъ, и плѣнники спаслись.*

№ 191 (стр. 31). Село Рожествено, находящееся на рѣкѣ Ореджи, въ нынѣшнемъ Царскосельскомъ уѣздѣ, принадлежало даревичу Алексѣю Петровичу.

№ 192 (стр. 32). Волынской началъ поприще службы при Петрѣ Великомъ. Получивъ чинъ генерал-маіора, онъ оставилъ военную службу и сдѣлался дипломатомъ: ѣздилъ въ Персію, въ качествѣ министра, былъ вторымъ посломъ на Немировскомъ конгрессѣ и въ 1737 году пожалованъ въ статсъ-секретари. Манштейнъ изображаетъ его человѣкомъ обширнаго ума, но крайне искастельнымъ, гордымъ и сварливымъ. Неосторожность погубила Волынскаго. Однажды, примѣтя холодность императрицы Анны къ герцогу Бирону, онъ рѣшился подать ей меморію, въ которой обвинялъ во многомъ герцога и нѣкоторыхъ сильныхъ при дворѣ особъ: ему хотѣлось отдалить ихъ. Узнавъ о семъ, жестокой Биронъ излилъ мечь на Волынскаго: его отдали подъ судъ и приговорили къ смертной казни (въ 1740 году).

№ 193 (стр. 33). Основою этой «Думы» послужило преданіе о томъ, будто бы императрица Анна, изъ угожденія къ Бирону предавъ Волынскаго мучительной казни, страдала угрызеніемъ совѣсти и тѣмъ Волынскаго являлась государынѣ. Она умерла съ небольшимъ черезъ три мѣсяца послѣ казни Волынскаго, 17 октября 1740 года.

№ 194 (стр. 34). Княгиня Наталія Борисовна, дочь фельдмаршала Шереметева, знаменитаго сподвижника Петра Великаго. Цѣльная ея любовь къ несчастному своему супругу и непоколебимая твердость въ страданіяхъ увѣковѣчили ея имя.

№ 195 (стр. 35). Державинъ родился 1743 года въ Казани. Онъ былъ воспитанъ сперва въ домѣ своихъ родителей, а послѣ въ казанской гимназіи; въ 1760 г. записанъ былъ въ инженерную школу, а въ слѣдующемъ году, за успѣхи въ математикѣ и за описаніе Болгарскихъ развалинъ, переведенъ въ гвардію. Въ чинѣ поручика отличился въ корпусѣ, посланномъ для усмиренія Пугачева. Въ 1777 году поступилъ въ статскую службу, а въ 1802 году пожалованъ былъ въ министры юстиціи. Скопчался іюля 6 дня 1816 года въ помѣсть своемъ на берегу Волхова. «Къ безсмертнымъ памятникамъ Екатеринина вѣка принадлежатъ пѣнопѣтніа Державина. Громкія побѣды на морѣ и сухомъ пути, «покореніе двухъ царствъ, униженіе гордости Оттоманской Порты, столь страшной «для европейскихъ государей, преобразованія Имперіи, законы, гражданская «свобода, великолѣпныя торжества просвѣщенія, тонкій вкусъ — все это было «сокровищемъ для генія Державина. Онъ былъ Гораций своей государыни.. «Державинъ великій живописецъ... Державинъ хвалить, укоряетъ и учитъ.. Онъ «возвышаетъ духъ націи и каждую минуту даетъ чувствовать благородство «своего духа»... говоритъ г. Мерзляковъ.

* Приписанія къ XX, XXI и XXIII «Думамъ», не бывшимъ въ печати въ изданіи 1825 года составлены для изданія 1872 г. и приводятся здѣсь для полноты.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДУМЪ.

I. ВАДИМЪ.

Надъ кипящею пучиною,
 Подпершись, сидитъ Вадимъ
 И на Новгородъ съ кручиною
 Смотритъ иѣмъ и недвижимъ.

(Страсти пылкія рисуются
 На челѣ его младомъ;
 Перси юныя волнуются
 И глаза блестятъ огнемъ).

Громъ гремитъ; змѣей огнистою
 Сумракъ молнія сѣчетъ;
 Волховъ пѣной серебристою
 Въ берегъ хлещетъ и реветъ.

Вотъ ужъ небо въ звѣзды рядится,
 Какъ въ узорчатый вѣнецъ,
 И луна сквозь тучи крадется,
 Будто въ саванѣ мертвецъ.

Какъ утесъ средь моря каменный,
 Какъ полночи вѣчный ледъ,

Русская Старина. 1871 № 1,—Вѣстникъ Европы 1888, № 11.

Хладенъ, крѣпокъ витязь пла-
 менный
 Въ грозныхъ битвахъ за народъ!
 Не смотря на хладъ убійственный
 Сограждавъ къ правамъ своимъ,
 Ихъ отъ бѣды спасти насиль-
 ственно

Хочетъ пламенный Вадимъ.

«До какого насъ безславія
 «Довели вражды гражданъ!
 «Насыластъ Скапдинавія
 «Властелиновъ для славянъ!...

«Грозенъ князь самовластитель-
 ный!

«Но наступятъ мракъ ночной;
 «И настанетъ часъ рѣшительный,
 «Часъ для гражданъ роковой!...

.

II. МАРѢА ПОСАДНИЦА.

Была ужъ полночь. Бранный шумъ
 Затихъ на стогнахъ Новограда,
 И Марѣы безпокойный умъ —

Свободы тщетная ограда —
 Вкушалъ покой отъ мрачныхъ

думъ. Покой и мракъ среди домовъ...

Въ поляхъ сверкали огоньки;
 Расположась обширнымъ станомъ
 Близъ озера и вдоль рѣки,
 Вдали чернѣли за туманомъ
 Царя отважные полки.

Вдругъ съ Ярослава Дворища
 Звонъ вѣчевыхъ колоколовъ —
 И грянулъ, бросивъ пенелица,
 Народъ со всѣхъ пяти Концовъ.

.

Русская Старина 1871, № 1.

III. МИНИХЪ.

Сидѣлъ лишь Минихъ одинокъ
 И, тайною тревожимъ думой,

Съ презрѣніемъ, какъ на порокъ,
 Глядѣлъ на деспота угрюмо.

Русская Старина 1871 № 1.

IV. МЕНЬШИКОВЪ.

Въ странѣ угрюмой и глухой,
Гдѣ Сосна съ бурей часто воетъ
И берегъ дилій и крутой
Шумящею волною роетъ,
Между кудрявымъ тальникомъ,
Близъ церкви, осѣненной боромъ,
Чернѣетъ обветшалый домъ
Съ полуразрушеннымъ заборомъ.

«Будь ласковъ, дѣдушка, ко мнѣ:
Скажи, надъ чьей простой могилой
Стоитъ подъ елью, въ сторонѣ,
Къ землѣ склонившись, крестъ унылый?»
Сугробы снѣга занесли
Пустынный холмъ и все кладбище...
Тамъ церковь новая вдали,
Тутъ обветшалое жилище.
Съ могилки двѣ стези бѣгутъ:
Одна бѣжитъ по косягору
Въ убогій пещеты пріютъ,
Другая змѣйкой вьется въ гору...
Вѣстникъ Европы 1888, № 12.

Не въ сихъ мѣстахъ мнѣ край родной:
Я на чужбинѣ здѣсь, я—въ ссылке..
Скажи мнѣ, дѣдушка съдой,
Чей прахъ почіетъ въ той могилкѣ?»
— Какъ ты, изъ дальней стороны
Въ сей край изгнанныи судьбою,
Подъ той могилою простою
Отецъ и дочь схоронены...

Отецъ, какъ здѣсь болтали тайно,
Быль другомъ мудраго Петра...

Любилъ уединенье онъ:
Склоняся на руку главою,
Угрюмый, мрачный и безмолвный,
Онъ часто позднюю порой
Сидѣлъ на паперти церковной...

Тутъ познакомился я съ нимъ;
Онъ подалъ мнѣ на дружбу руку...

V. ДЕРЖАВИНЪ.

(Первоначальная редакція).

По небу голубому
Ныль мѣсяцъ молодой;
По валу крѣпостному
Вдоль ходить часовой.
Вокругъ мгновенный трепеть
И шелестъ парусовъ,
Певы невнятный лепеть
И крики рыбаковъ.
Шумить рѣка; но воинъ
Не слышитъ плеску волкъ
И бродитъ неспокоенъ,
Сердечной думы полкъ.
Кипятъ въ немъ и роняетъ
Высокія мечты
И вылетѣтъ стремятся
Какъ будто изъ тюрьмы.
Лучъ мѣсяца играетъ
На трепетныхъ струяхъ;
Вѣстникъ Европы 1888, № 11.

Огонь души пылаетъ
У воина въ очахъ.
Съ волненьемъ обычнымъ
Отрадою дыша,
Томятся чѣмъ-то тайнымъ
Высокая душа.
Безмолвіе въ природѣ;
Но въ немъ волнуетъ кровь.
И къ правдѣ, и къ свободѣ
Священная любовь.
Свое предназначенье
Узнавъ въ тиши ночной, —
«Настало вдохновенье!»
Рекъ воинъ молодой.
Кто-жъ былъ сей несравненный,
Сей дивный часовой?
Пѣвецъ нашъ вдохновенный,
Державинъ молодой!

VI.

На гордой крутизнь береговъ
Стоитъ во мракъ холмъ Олеговъ;
Подъ Киевомъ вокругъ костровъ
Пируютъ шайки печенѣговъ.
Ограда имъ — гроза набѣговъ,
Имъ наслажденіе — война...
На лицахъ варваровъ видна

Печать свирѣпныхъ, дикихъ правъ.
Среди вождей передъ костромъ
Ихъ князь сидитъ на пшѣ сѣдомъ,
И буйную толпу кругомъ
Обходитъ черепъ Святославовъ
Съ заморскимъ пѣнистымъ виномъ...

VII.

Не тучи на небѣ сдвигались,
Не дождь шумѣлъ изъ облаковъ:
Въ степи съ татарами слетались
Дружины буйныхъ козаковъ.
Вѣстникъ Европы 1888, № 11.

Ихъ кони страшно землю роютъ,
Несутся бурно, чуя бой;
Поля притоптанныя воютъ,
Клубится пыль, какъ дымъ густой...

VIII.

Повсюду вопли, стоны, крики
Надъ бѣлокаменной Москвой;
Лишь временемъ Иванъ Великій
Сквозь огонь, сквозь дымъ и мракъ почной
Русская Старина 1871.

Столпомъ огромнымъ прорѣзаяся,
И въ небесахъ блестя челомъ,
Во всемъ величій своемъ,
Великой жертвой любовался...

П О Э М Ы.

I.

В О Й Н А Р О В С К І Й.

..... Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria
Dante.

А. А. Бестужеву.

Какъ странникъ грустный, одинокой,
Въ степяхъ Аравіи пустой,
Изъ края въ край съ тоской глубокой
Бродилъ я въ мірѣ сиротой.
Ужъ къ людямъ холоду ненавистный
Примѣтно въ душу проникалъ,
И я въ безуміи дерзалъ
Не вѣрить дружбѣ безкорыстной.

Внезапно ты явился мнѣ...
Повязка съ глазъ моихъ упала;
Я разувѣрился вполне,
И вновь въ небесной вышинѣ
Звѣзда надежды засіяла.

Прими-жь плоды трудовъ моихъ,
Плоды безмечнаго досуга!
Я знаю, другъ, ты примени ихъ
Со всей заботливостью друга.
Какъ Аполлоновъ строгій сынъ,
Ты не увидишь въ нихъ искусства —
Зато найдешь живыя чувства:
Я не поэтъ, а гражданинъ.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ МАЗЕПЫ *).

Мазепа принадлежит къ числу замѣчательнѣйшихъ лицъ въ російской исторіи XVIII столѣтія. Мѣсто рожденія и первые годы его жизни покрыты мракомъ неизвѣстности. Достоверно только, что онъ провелъ молодость свою при варшавскомъ дворѣ, находился пажемъ у короля Іоанна Казимира и тамъ образовался среди отборнаго польскаго юношества. Несчастныя обстоятельства, до сихъ поръ еще не объясненныя, заставили его бѣжать изъ Польши. Исторія представляетъ намъ его въ первый разъ въ 1674 году главнымъ совѣтникомъ Дорошенки, который, подъ покровительствомъ Польши, правилъ землями, лежащими по правой сторонѣ Днѣпра. Московскій дворъ рѣшилъ присоединить въ то время сія страны къ своей державѣ. Мазепа, попавшись въ плѣнъ при самомъ началѣ войны съ Дорошенкомъ, совѣтами про ивъ бывшаго своего начальника много способствовалъ успѣху сего предпріятія и остался въ службѣ у Самойловича, гетмана Малороссійской Украйны. Самойловичъ, замѣтивъ въ немъ хитрый умъ и проницательство, увлеченный его краснорѣчіемъ, употреблялъ его въ переговорахъ съ царемъ Θεодоромъ Алексѣевичемъ, съ крымскимъ ханомъ и съ поляками. Въ Москвѣ Мазепа вошелъ въ связи съ первыми боярами царскаго двора и послѣ неудачнаго похода любимца Софіи князя Василья Васильевича Голицына въ Крымъ, въ 1687 году, чтобы отклонить отвѣтственность отъ сего вельможи, онъ приписалъ неуспѣхъ сей войны благодѣтелю своему, Самойловичу, отправилъ о семъ доносъ къ царямъ Іоанну и Петру и въ награду за сей поступокъ былъ, по проискамъ Голицына, возведенъ въ званіе гетмана обѣихъ Украйнъ.

Между тѣмъ, война съ крымцами не устала: походъ 1688 года былъ еще неудачнѣе прошлогодняго; здѣсь въ то время произошла перемѣна въ правленіи. Владычество Софіи и ея любимца кончилось, и власть перешла въ руки Петра. Мазепа, опасаясь раздѣлить несчастную участь съ вельможею, которому онъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ, рѣшился объявить себя на сторонѣ юнаго государя, обвинилъ Голицына въ лихоимствѣ и остался гетманомъ.

Утвержденный въ семь достоинствъ, Мазепа всячески старался снискать благоволеніе російскаго монарха. Онъ участвовалъ въ азовскомъ походѣ; во время путешествія Петра по чужимъ краямъ счастливо воевалъ съ крымцами, и одинъ изъ первыхъ совѣтовалъ разорвать миръ съ шведами. Въ словахъ и поступкахъ онъ казался самымъ ревностнымъ поборникомъ выгодъ Россіи, изъявлялъ совершенное покорство волѣ Петра, предупреждалъ его желанія, и въ 1701 году, когда буджацкіе и бѣлгородскіе татары просили его о принятіи ихъ въ покровительство, согласно съ древними обычаями казаковъ: «прежнія казацкія обыкновенія миновались», отвѣчалъ онъ депутатамъ: «гетманы ничего не дѣлаютъ безъ повелѣній государя». Въ письмахъ къ царю Мазепа говорилъ про себя, что онъ одинъ и что всѣ окружающіе его недоброжелательствуютъ Россіи; просилъ, чтобъ доставили ему случай показать свою вѣрность, позволивъ участвовать въ войнѣ противъ шведовъ, и въ 1704 году, послѣ похода въ Галицію, жаловался, что король Августъ держалъ его въ бездѣйствіи, не далъ ему способовъ къ оказанію важныхъ услугъ русскому царю. Петръ, глѣбный его умомъ, познаніями, и довольный его службою, благоволилъ къ гетману особеннымъ образомъ. Онъ имѣлъ къ нему неограниченную довѣрен-

*) Можетъ быть, читатели удивятся противоположности характера Мазепы, выведеннаго поэтомъ и изображеннаго историкомъ. Считаемо за нужное напомнить, что въ поэмѣ самъ Мазепа описываетъ свое состояніе и представляетъ оное, можетъ быть, въ лучшихъ краскахъ: но неумолимое потомство и справедливые историки взвѣзютъ его въ настоящемъ видѣ. И могло ли быть иначе?.. Для исполненія своихъ самолюбивыхъ влдохъ онъ употреблялъ всѣ средства убѣжденія. Желая преклонитъ Войнаровскаго, своего племянника, онъ прельщалъ его краснорѣчивыми разсказами и завлекъ его, по неопытности, въ войну противъ великаго государя; по истинѣ восторжествовала — и PROVIDENTIA наказало имѣнника.

пость, осыпалъ его милостями, сообщалъ ему самыя важныя тайны, слушалъ его совѣтовъ. Случалось ли, что недовольные, жалуясь на гетмана, обвиняли его въ измѣнѣ, государь велѣлъ отсылать ихъ въ Малороссію и судить, какъ ябедниковъ, осмѣлившихся поносить достойнаго повелителя казаковъ. Еще въ концѣ 1705 года Мазепа писалъ къ Головину: «никогда не оторгнусь отъ службы премилостивѣйшаго моего государя». Въ началѣ 1706 года былъ онъ уже измѣнникъ.

Нѣсколько разъ уже Станиславъ Лещинскій подсылалъ къ Мазепѣ повѣренныхъ своихъ съ пышными обѣщаніями и убѣжденіями — преклониться на его сторону, но послѣдній отсылалъ всегда сіи предложенія Петру. Замысливъ измѣну, повелитель Малороссіи почувствовалъ необходимость притворства. Ненавидя россиянъ въ душѣ, онъ вдругъ началъ обходиться съ ними самымъ привѣтливымъ образомъ; въ письмахъ своихъ къ государю увѣрялъ онъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, въ своей преданности, а между тѣмъ потаенными средствами раздувалъ между казаками неудовольствіе противъ Россіи. Подъ предлогомъ, что казаки ропщутъ на тягости, понесенныя ими въ прошлогоднихъ походахъ и въ крѣпостныхъ работахъ, онъ распустилъ войско, вывелъ изъ крѣпостей гарнизоны и сталъ укрѣплять Батуричь; самъ Мазепа притворился больнымъ, слегъ въ постель, окружилъ себя докторами, не вставалъ съ одра по нѣскольку дней сряду, не могъ ни ходить, ни стоять, и въ то время, какъ всѣ полагали его близкимъ ко гробу, онъ приводилъ въ дѣйствіе свои намѣренія: переписывался съ Карломъ XII и Лещинскимъ, велъ по ночамъ переговоры съ присланнымъ отъ Станислава іезуитомъ Зеленскимъ о томъ, на какихъ основаніяхъ сдать Малороссію полякамъ, и отправлялъ тайныхъ агентовъ къ запорожцамъ съ разглашеніями, что Петръ намѣренъ истребить Сѣчу и чтобы они готовились къ сопротивленію. Гетманъ еще болѣе началъ притворяться по вступленіи Карла въ Россію. Въ 1708 году болѣзнь его усилилась. Тайныя переписки съ шведскимъ королемъ и письма къ Петру сдѣлались чаще. Карла умолялъ онъ о скорѣйшемъ прибытіи въ Малороссію и извѣщеніи его отъ ига русскихъ, и въ то же время писалъ къ графу Гаврилу Ивановичу Головкину, что никакія прелести не могутъ оторгнуть его отъ высокодержавной руки царя русскаго и поколебать недвижимою его вѣрности. Между тѣмъ, шведы были разбиты при Добромъ и Лѣсномъ, и Карлъ обратился въ Украину. Петръ повелѣлъ гетману слѣдовать къ Кіеву и съ той стороны напасть на непріятельскій обозъ; но Мазепа не двигался изъ Борзны. Притворныя страданія его часъ отъ часу усиливались. 22 октября 1708 г. писалъ онъ еще къ графу Головкину: что онъ не можетъ ворочаться безъ пособія своихъ слугъ, болѣе 10 дней не употребляетъ пиши, лишенъ сна и, готовясь умереть, уже соборовался масломъ, а 29, явившись въ Горкахъ съ 5000 казаковъ, положилъ къ стопамъ Карла XII булаву и бунчукъ, въ знакъ подданства и вѣрности.

Что побудило Мазепу къ измѣнѣ? Ненависть ли его къ русскимъ, полученная имъ еще въ дѣтствѣ, во время его пребывания при польскомъ дворѣ? Любовная ли связь съ одною изъ родственницъ Станислава Лещинскаго, которая принудила его перейти на сторону сего короля? Или, какъ нѣкоторые полагаютъ, любовь къ отечеству, внушившая ему неумѣстное опасеніе, что Малороссія, оставшись подъ владычествомъ русскаго царя, лишится правъ своихъ? Но въ современныхъ актахъ ея не вижу въ поступкѣ гетмана Малороссіи сего возвышеннаго чувства, предполагающаго отверженіе отъ личныхъ выгодъ и пожертвованіе собою пользѣ согражданъ. Мазепа, въ универсалахъ и письмахъ своихъ къ казакамъ, клялся самыми священными именами, что дѣйствовать для ихъ блага; но въ тайномъ договорѣ съ Станиславомъ отдавалъ Польшѣ Малороссію и Смоленскъ, съ тѣмъ, чтобы его признали владѣтельнымъ княземъ полоцкимъ и витебскимъ. Низкое, мелочное честолюбіе привело его къ измѣнѣ. Благо казаковъ служило ему средствомъ къ умноженію числа своихъ соумышленниковъ и предлогомъ для скрытія своего вѣроломства, и могъ

ли онъ, воспитанный въ чужбинѣ, уже два раза опятнавшій себя предательствомъ, двигаться благороднымъ чувствомъ любви къ родинѣ?

Генеральный судья Василій Кочубей былъ давно уже въ несогласіи съ Мазепою. Ненависть его къ гетману усилилась съ 1704 года, послѣ того какъ сей послѣдній, во зло употребляя власть свою, обольстилъ дочь Кочубея, и смѣясь надъ жалобами родителей, продолжалъ съ нею виновную связь. Кочубей поклялся отомстить Мазепѣ: узнавъ о преступныхъ его замыслахъ, можетъ быть, движимый усердіемъ къ царю, рѣшился открыть ихъ Петру. Согласившись съ полтавскимъ полковникомъ Искрою, они отправили доносъ свой въ Москву, а вскорѣ потомъ и сами туда явились, но двадцатилѣтняя вѣрность Мазепы и шестьдесятъ четыре года жизни отдаляли отъ него всякое подозрѣніе. Петръ, приписывая поступокъ Кочубея и Искры личной ненависти на гетмана, велѣлъ отослать ихъ въ Малороссію, гдѣ сіи несчастные, показавъ подъ пыткой, что ихъ показанія ложны, были казнены 14 іюля 1708 года въ Борцаговкѣ, въ 8 миляхъ отъ Бѣлой Церкви.

А. Когниловичъ.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ ВОЙНАРОВСКАГО.

Андрей Войнаровскийъ былъ сынъ родной сестры Мазепы, но объ его отцѣ и дѣтствѣ нѣтъ никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній. Знаемъ только, что бездѣтный гетманъ, провидя въ племянникѣ своемъ дарованія, объявилъ его своимъ наслѣдникомъ и послалъ учиться въ Германію наукамъ и языкамъ иностраннымъ. Обѣхавъ Европу, онъ возвратился домой, обогативъ разумъ познаніемъ людей и вещей. Въ 1705 году Войнаровскийъ посланъ былъ на службу царскую. Мазепа поручилъ его тогда особому покровительству графа Головина; а въ 1707 г. мы уже встрѣчаемъ его атаманомъ пятитысячнаго отряда, посланнаго Мазепою подъ Люблинъ въ усиленіе Меньшикова, откуда и возвратился онъ ссенью того же года. Участникъ тайныхъ замысловъ своего дяди, Войнаровскийъ, въ рѣшительную минуту впаденія Карла XII въ Украину, отправился къ Меньшикову, чтобы извинить медленность гетмана и заслонить его поведеніе. Но Меньшиковъ уже былъ разочарованъ: сомнѣнія объ измѣнѣ Мазепы превращались въ вѣроятія, и вѣроятія склонились къ достовѣрности; рассказы Войнаровскаго остались втунѣ. Видя, что каждый часъ умножается опасность его положенія, не принося никакой пользы его сторонѣ, онъ тайно отбѣжалъ къ войску. Мазепа еще притворствовалъ: показалъ видъ, будто разбѣгался на племянника, и чтобы удалить отъ себя тягостнаго наждателя, полковника Протасова, уприсилъ его исходатайствовать лично у Меньшикова прощеніе Войнаровскому за то, что тотъ убѣжалъ не простясь. Протасовъ дался въ обманъ и оставилъ гетмана, казалось, умирающаго. Явная измѣна Мазепы и прилученіе части казацкаго войска къ Карлу XII послѣдовали за симъ немедленно, и отъ сихъ поръ судьба Войнаровскаго была нераздѣльна съ судьбою сего славнаго измѣнника и вѣщесоснаго рыцаря, который не разъ посылалъ его изъ Бендеръ къ хану крымскому и турецкому двору, чтобы возстановить ихъ противу Россіи. Станиславъ Лещинскій нарекъ Войнаровскаго короннымъ воеводою царства польскаго, а Карлъ далъ ему чинъ полковника шведскихъ войскъ и по смерти Мазепы назначилъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Однакожъ Войнаровскийъ, потерявъ блестящую и вѣрную надежду быть гетманомъ всей Малороссіи, ибо намѣреніе дяди и желаніе его друзей призывали его въ преемники сего достоинства, отклонилъ отъ себя безземельное гетманство, на которое осудили его одни бѣглецы, и даже откупился отъ онаго, придавъ Орлику 3000 червонныхъ къ имени гетмана и заплативъ кошевому 200 червонцевъ за склоненіе казаковъ на сей выборъ. Наслѣдовавъ послѣ дяди знатное количество денегъ и драгоцѣнныхъ каменьевъ, Войнаровскийъ прѣхалъ изъ Турціи и сталъ очень роскошно жить въ Вѣнѣ, въ Бреславлѣ и въ Гамбургѣ. Его образованность и богатство ввели его въ самый блестящій кругъ

дворомъ германскихъ и его ловкость, любезность доставили ему знакомство (кажется весьма двусмысленное) съ славною графинею Кенигсмаркъ, любовницею противника его, короля Августа, матерью графа Морица - де - Сакса. Между тѣмъ какъ счастье ласкало такъ Войнаровскаго забавами и дарами, судьба готовила для него свои перуны. Намѣреваясь отправиться въ Швецію для полученія съ Карла занятыхъ имъ у Мазепы 240000 талеровъ, онъ пріѣхалъ въ 1716 году въ Гамбургъ, гдѣ и былъ схваченъ на улицѣ магистратомъ, по требованію російскаго резидента Беттахера. Однакожь, вслѣдствіе протестаціи вѣнскаго двора, по правамъ нейтралитета, отправленіе его изъ Гамбурга длилось долго, и лишь собственная рѣшимость Войнаровскаго отдалась милости Петра I предала его во власть русскихъ. Онъ представился государю въ день именинъ императрицы, и ея заступленіе спасло его отъ казни. Войнаровскій былъ сосланъ со всѣмъ семействомъ въ Якутскъ, гдѣ и кончилъ жизнь свою, но когда и какъ—неизвѣстно. Миллеръ, въ бытность свою въ Сибири, въ 1736 и 1737 годахъ, видѣлъ его въ Якутскѣ, но уже одичавшаго и почти забывшаго иностранные языки и свѣтское обхожденіе.

Такова была жизнь Войнаровскаго, и нравъ его виденъ въ дѣлахъ. Онъ былъ отваженъ, ибо Мазепа не вѣрилъ бы ему многочисленнаго отряда людей независимыхъ, у коихъ одни личныя достоинства могли скрѣплять власть; краснорѣчивъ, что доказываютъ порученія отъ Карла XII и Мазепы; рѣшителенъ и неуклончивъ, какъ это видно изъ размовки его съ Меньшиковымъ; наконецъ ловокъ и обходительнъ, ибо тщеславіе не нарекло бы его въ Вѣнѣ графомъ,*) если бы любезный дикарь сей не имѣлъ тонкости свѣтской. Однимъ словомъ, Войнаровскій принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которыхъ Великій Петръ почтилъ именемъ опасныхъ враговъ. Безъ сомнѣнія, Войнаровскій, одаренный сильнымъ характеромъ, которому случай далъ развернуться въ такую славную эпоху, принадлежить къ числу любопытнѣйшихъ лицъ прошлаго вѣка—лицъ, равно присвоенныхъ исторіи и поэзіи, ибо превратность судьбы его предупредила всѣ вымыслы романтика.

А. БЕСТУЖЕВЪ.

ВОЙНАРОВСКІЙ.

ПОЭМА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ странѣ метелей и снѣговъ,
 На берегу широкой Лены,
 Чернѣетъ длинный рядъ домовъ
 И юртъ¹ бревенчатыя стѣны.
 Кругомъ сосновый частоколь
 Поднялся изъ снѣговъ глубокихъ,
 И съ гордостью на дикій долъ
 Глядятъ верхи церквей высокихъ;
 Вдали шумитъ дремучій боръ,
 Вѣлбютъ снѣжныя равнины,
 И тянутся кремнистыхъ горъ
 Разнообразныя вершины...

Всегда сурова и дика
 Сихъ странъ угрюмая природа;
 Реветь сердитая рѣка,

Бунуетъ часто непогода,
 И часто мрачны облака...

Никто страны сей безотрадной,
 Обширной узниковъ тюрьмы,
 Не посѣтитъ, боясь зимы
 И продолжительной и хладной.
 Однообразно дни ведетъ
 Якутска житель одичалый;
 Лишь разъ иль дважды въ круглый
 годъ,
 Съ толпой преступниковъ усталой,
 Дружина волповъ придѣтъ.
 Иль за якутскими мѣхами,
 Изъ ближнихъ и далекихъ странъ,
 Приходитъ съ русскими купцами

*) Въ Вѣнѣ называли его графомъ.

Въ забытый городъ караванъ.
На мигъ въ то время оживится
Якутскъ ушлый и глухой;
Все зашумитъ, засуетится,
Народы разяые толной:
Якуть и юагирь пустынный,
Цеся богатый свой ясакъ, ²
Лѣшой тунгузъ и съ шкой длинной
Сибирекій стровой казакъ.

Тогда зима на мигъ единый
Отъ мѣсть угрюмыхъ отлетитъ:
Безмолвный лѣсъ заговоритъ,
И чрезъ зеленыя долины
По камнямъ Лена зашумитъ.
Такъ посѣщаетъ въ подземельѣ
Почти убитаго тоской
Страдальца-узника порой
Души минутное веселье;
Такъ въ душу мрачную влетитъ
Подъ часъ спокойствіе ошибкой
И принужденною улыбкой
Чело злодѣя прояснитъ...

Но кто украдкою изъ дому,
Въ туманѣ равнису порой,
Идетъ по берегу крутому
Съ винтовкой длинной за спиной,
Въ полукафтаньи, въ шапкѣ черной
И перетянутъ кушакомъ,
Какъ странъ Дибѣра казакъ про-
ворный
Въ своемъ нарядѣ боевомъ?
Взоръ безпокойный и угрюмый,
Въ чертахъ суровость и тоска,
И на челѣ его слегка
Тревожныя рисуетъ думы
Судьбы враждующей рука.

Вотъ къ западу простертъ онъ руки;
Въ глазахъ вдругъ пламень засвер-
каль,
И съ видомъ нестерпимой муки,
Въ волненьи сильномъ онъ сказалъ:

«О, край родной! Поля родныя!
Миѣ васъ ужъ болѣ не видать!

Васъ, гробы праотцевъ святыя,
Изгнаннику не обнимать!

«Горитъ напрасно пламень пылкій...
Я не могу полезнымъ быть:
Средь дальной и позорной ссылки
Миѣ суждено въ тоскѣ испытъ.

«О, край родной! Поля родныя!
Миѣ васъ ужъ болѣ не видать!
Васъ, гробы праотцевъ святыя,
Изгнаннику не обнимать!»

Сказалъ—пошелъ по косогору;
Едва примѣтною тропой
Поворотилъ къ сырому бору,
И вотъ исчезъ въ глуши лѣсной.
Кто селыный сей, никто не знаетъ;
Давно въ страну изгнанья онъ,
Молва народная вѣщаетъ,
Въ кибиткѣ крытой привезенъ.
Улыбки не видать привѣтной
На незнакомцѣ никогда,
И посѣдѣли ужъ примѣтно
Его и усы и борода.
Онъ не варнакъ; ³ смотри: не видно
Печати роковой на немъ,
Для челоуѣчества постыдной,
Рукою дерзкой и безстыдной
Въ чело вклеименной палачемъ.
Но видъ его суровѣи вдвое,
Чѣмъ дикій видъ чела съ клеймомъ;
Покосенъ онъ: но такъ въ покоѣ
Байкаль ⁴ предъ бурей мрачнымъ
днемъ...

Какъ въ часъ глухой и мрачной ночи,
Когда за тучей мѣсяцъ спитъ,
Могильный огонекъ горитъ —
Такъ незнакомца блещутъ очи.
Всегда дичится и молчитъ,
Одигъ, какъ отчужденный, бродитъ,
Ни съ кѣмъ знакомства не заводитъ,
На всѣхъ сурово онъ глядитъ...

Въ странѣ той хладной и дубравной
Въ то время жилъ нашъ Миллеръ ⁵
славный;

Въ укромномъ домицѣ, въ тиши,
 Работалъ для вѣковъ въ глуши,
 Съ судьбой боролся своеправной
 И жажду утолялъ души.
 Изъ родины своей далекой
 Въ сей край пустынный завлечёнъ
 Къ познаньямъ страстию высокой,
 Здѣсь наблюдалъ природу онъ.
 Въ часы суровой непогоды
 Любилъ рассказы стариковъ
 Про Ермака и казаковъ,
 Про ихъ отважные походы
 По царству хлада и сѣговъ.
 Какъ часто, вышедши изъ дому,
 Бродилъ по дѣльмъ онъ часамъ
 По океану сѣговому
 Или по дѣбрямъ и горамъ.
 Слѣдилъ, какъ солнце, яркій пламень
 Разливъ по тверди голубой,
 На мигъ за Кангалацкій камень
 Уходитъ лѣтнею порой.
 Все для пришельца было ново:
 Природы дикой красота,
 Климатъ жестокий и суровый,
 И дикихъ нравовъ простота.
 Однажды онъ въ морозъ трескучій
 Олепя гнавъ съ сибирскимъ псомъ,
 Вобжалъ на лыжахъ въ лѣсъ дре-
 мучій...
 И мракъ, и тишина кругомъ!
 Повсюду сосны вѣковья,
 Иль кедры въ инеѣ сѣдомъ;
 Сплелся вѣтви ихъ густыя
 Непроницаемымъ шатромъ.
 Не видно изъ лѣсу дорогъ...
 Чрезъ хворостъ, кочки и сѣга
 Олень несетъ быстропогій,
 Закинувъ на спину рога,
 Влали межъ соснами мелькаетъ,
 Летить... Вдругъ выстрѣлъ!.. Быстрый
 бѣгъ
 Олень внезапно прерываетъ...
 Вотъ запатался — и на сѣгъ
 Окровавлённый упадетъ.

Смущенный Миллеръ робкій взоръ
 Туда, гдѣ палъ олень, бросаетъ
 Сквозь чащу, вѣтви, дичь и боръ
 И зреть: къ оленю подбѣгаетъ
 Съ виптовкой длинною въ рукъ,
 Окутанный дахю ⁶ черной
 И въ длинношерстномъ чебакѣ, ⁷
 Охотникъ ловкій и проворный...
 То сильный былъ. Угрюмый взглядъ,
 Вооруженье и нарядъ,
 И незнакомца видъ унылый —
 Все душу странника страшило.
 По трепеца въ глуши лѣсной
 Блуждать одинъ, путей не зная,
 Преодолѣлъ онъ ужасъ свой
 И быстрой полетѣлъ стрѣлой,
 Бѣгъ къ незнакомцу направляя.
 «Кто бъ ни былъ ты», онъ такъ
 сказалъ,
 «Будь мнѣ вожатымъ, ради Бога!
 Гнавъ звѣря, я съ тропы сбѣжалъ
 И въ глушь нечаянно попалъ.
 Скажи, гдѣ на Якутскъ дорога?»
 — «Она осталась за тобой,
 За часъ отсюда, въ ближнемъ долѣ:
 Кругомъ все дичь и лѣсъ густой,
 И врядъ-ли до ночи глухой
 Успѣешь выбраться ты въ поле;
 Уже вечерняя пора...
 Но мы вблизи займки ⁸ скудной:
 Пойдемъ: тамъ въ юртѣ до утра
 Ты отдохнешь съ охоты трудной».
 Они пошли. Все глуше лѣсъ,
 Все рѣже виденъ сводъ небесъ...
 Погасло дневное свѣтло;
 Настала ночь... Вотъ мѣсяцъ всплылъ,
 И одинокій, и унылый,
 Дремучій лѣсъ осеребрилъ
 И юрту путникамъ открылъ.
 Пришли; и сильный, торопливо
 Вошедъ въ угрюмый свой пріютъ,
 Вдругъ застучалъ кремнемъ въ огниво,
 И искры сыпались на трутъ,
 Мракъ освѣщая молчаливый;

И каждый въ сталь ударъ кремня
 Въ углу обители пустынной
 То дуло озарялъ ружья,
 То ратовище палмы ° длинной,
 То саблю, то конецъ копья.
 Глазъ съ незнакомца не спуская,
 Близъ двери Миллеръ передъ нимъ,
 Въ душѣ невольный страхъ скрывая,
 Стоить и нѣмъ, и недвижимъ...

Вотъ, вздувъ огонь, пришлецъ суровый
 Проворно жирникъ ¹⁰ засвѣтилъ,
 Скамью придвинулъ, столъ сосновый
 Простою скатертью накрылъ
 И съ лаской гостя посадилъ.
 И вотъ за трапезою сытной,
 Въ хозяина вперяя взоръ,
 Заводитъ странникъ любопытный
 Съ нимъ о Сибири разговоръ...
 Съ отвѣтомъ каждымъ становилась
 Ихъ рѣчь живѣе и живѣй
 И вдругъ нечаянно склонилась
 Къ судьбѣ народовъ и царей...
 Въ какое-жъ Миллеръ удивленье
 Былъ незнакомцемъ приведенъ;
 И кто бы не былъ пораженъ:
 Странъ европейскихъ просвѣщенье
 Въ лѣсахъ сибирскихъ встрѣтилъ онъ!
 Покинувъ родину, съ тоскою
 Два года Миллеръ, какъ чужой,
 Бродилъ бездомнымъ сиротою
 Въ странѣ забытой и глухой.
 Но тутъ, въ пустынѣ отдаленной,
 Онъ неожиданно, въ глуши,
 Впервые могъ тоску души
 Отвести бесѣдой просвѣщенной.
 При строгой важности лица,
 Слова, высокихъ мыслей полны,
 Изъ устъ сѣдого пришлеца,
 Въ избыткѣ чувствъ, текли какъ волны.
 Въ бесѣдѣ долгой и живой
 Глаза у обоихъ сверкали;
 Они другъ друга понимали —
 И, какъ друзья, въ глуши лѣсной
 Взаимно души открывали.

Усталый странникъ позабылъ
 И поздній часъ, и сонъ отрадный,
 И слушать незнакомца жадный,
 Казалось, весь вниманье былъ.

«Ты знать желаешь, добрый странникъ,

Кто я, и какъ сюда попалъ?»
 Такъ незнакомецъ продолжалъ:
 «Того до сей поры изгнанникъ
 Здѣсь никому не повѣрялъ.

Иныхъ здѣсь чувствъ и мнѣній люди:
 Они не поняли бъ меня,
 И повѣсть мрачная моя
 Не взволновала бы ихъ груди.
 Тебѣ же тайну ввѣрю я
 И чувства сердца обнаружу;
 Ты въ родинѣ, какъ должно мужу,
 Наукой просвѣтилъ себя:
 Ты все поймешь, ты все оцѣнишь
 И несчастливцу не измѣнишь...

«Дивись же, странникъ молодой,
 Какъ гонитъ смертныхъ рокъ свирѣпый:

Въ одеждѣ дикой и простой —
 Узнай — сидитъ передъ тобой
 И другъ, и родственникъ Мазены!
 Я Войнаровский. Обо мнѣ
 И о судьбѣ моей жестокой
 Ты, можетъ быть, въ родной странѣ
 Слыхалъ не разъ, съ тоской глубокой...

Ты видишь: дикъ я и угрюмъ,
 Брожу какъ остовъ, очи впали,
 И па челѣ бразды печали,
 Какъ отпечатокъ тяжелыхъ думъ,
 Стралалицу видъ суровый дали.
 Между лѣсовъ и грозныхъ скалъ,
 Какъ вѣчный узникъ безотрадепъ,
 Я одряхлѣлъ, я одичалъ
 И, какъ климатъ сибирскій, сталъ
 Въ своей душѣ жестокъ и хладенъ.
 Ничто меня не веселитъ,
 Любовь и дружество мнѣ чужды,
 Печаль свинцомъ въ душѣ лежитъ.

Ни до чего нѣтъ сердцу нужды.
 Бѣгу, какъ недругъ, отъ людей;
 Я не могу спести ихъ вида:
 Ихъ жалость о судьбѣ моей —
 Мнѣ нестерпимая обида.
 Кто брошенъ въ дальныя снѣга
 За дѣло чести и отчизны,
 Тому сносите укоризны,
 Чѣмъ сожалѣніе врага...

«Къ чему напрасное моленье!
 И ты печально не гляди,
 Не изъявляя мнѣ сожалѣнье,
 И такъ жестоко не буди
 Въ моей измученной груди
 Тоски, уснувшей на мгновенье.
 Признаться-ль, странникъ: я бѣ же-

лаль,
 Чтобъ люди узника чуждались,
 Чтобъ взглядъ мой душу ихъ сму-

щаль,
 Чтобы меня средь этихъ скалъ,
 Какъ привидѣнія, пугались.
 Ахъ, можетъ быть, тогда покой
 Сдружился бы съ моей душой...
 Но зналъ и я когда-то радость
 И отъ души людей любилъ,
 И полной чашею испилъ
 Любви и тихой дружбы сладость.
 Среди родной моей земли,
 На лонѣ счастья и свободы,
 Мои младенческіе годы

Ручьемъ игривымъ протекли;
 Какъ легкій сонъ, какъ привидѣнье,
 За ними радость на мгновенье,
 А вмѣстѣ съ нею суеты,
 Война, любовь, печаль, волненье
 И пылкой юности мечты...

«Врагъ хищныхъ крымцевъ, врагъ
 поляковъ,
 Я часто за Палѣемъ ¹¹ вслѣдъ,
 Съ ватагой ¹² храбрыхъ гайдамаковъ ¹³,
 Искаль иль смерти, иль побѣдъ.
 Бывало, кони быстроноги

Въ степяхъ и дикихъ, и глухихъ,
 Гдѣ нѣтъ жилья, гдѣ нѣтъ дороги.
 Мчатъ вихремъ всадниковъ лихихъ.
 Дыша любовью къ дикой волѣ,
 Бодры и веселы безъ сна,
 Мы воздухомъ питались въ полѣ
 И малой горстью толокна. ¹⁴
 Въ неотразимые наѣзды
 Намъ путь указывали звѣзды,
 Иль шумный вѣтеръ, иль кургантъ;
 И мы, какъ туча громовая,
 Внезапно и отъ разныхъ странъ,
 Пустыню воплемъ оглашая,
 На вражій наѣзжали станъ,
 Дружины грозныя громили,
 Селенія и грады — въ прахъ,
 И въ земли чуждыя вносили
 Опустошеніе и страхъ.

Враги вездѣ отъ насъ бѣжали
 И, трепеща постыдныхъ узъ,
 Постыдной данью покупали
 У насъ сомнительный союзъ.

«Однажды, увлеченъ отвагой,
 Я, съ малочисленной ватагой
 Неустрашимыхъ удалцовъ,
 Ударилъ на толпы враговъ.
 Бой длился до ночи. Поляки
 Уже смѣшались въ рядахъ,
 И строясь далѣ, на холмахъ,
 Намъ уступали поле драки.
 Вдругъ слышимъ крымцевъ дикій
 гласъ...

Поля и стонуть, и трясутся...
 Глядимъ — со всѣхъ сторонъ на
 насъ

Толпы враждебныя несутся...
 Въ одно мгновенье тучи стрѣлъ
 Въ дружину нашу засвистали;
 Вотще я устоять хотѣлъ;
 Враги все болѣ насъ стѣсняли,
 И наконецъ, покинувъ бой,
 Мы степью дикой и пустою
 Разсыпались и побѣжали...
 Погоню слыша за собой,

И равенный, и изнуренный,
Я на конѣ летѣлъ стрѣлой,
Страхнася въ плѣвъ попасть пре-
зрѣнный.

«Ужь Крыма хищные сыны
За мною гнаться перестали;
За рубежемъ родной страны
Ужь хутора ¹⁵ вдали мелькали.
Ужь въ куреняхъ ¹⁶ я зрѣлъ огонь,
Уже я думалъ — вотъ примчался!
Какъ вдругъ мой изнуренный конь
Остановился, зашатался
И близъ границъ страны родной
На землю грянулся со мной...

«Одинъ, вблизи степной могилы, ¹⁷
Съ конемъ издохнувшимъ своимъ,
Подъ сводомъ неба голубымъ
Лежалъ я, мрачный и унылый.
Катился градомъ потъ съ чела,
Изъ раны кровь ручьемъ текла...
Напрасно помощь призывая,
Я слабый голосъ подавалъ:
Въ степи пустынной исчезая,
Едва родясь, онъ умиралъ.

«Все было тихо... Лишь могила
Улыло съ вѣтромъ говорила.
И одипока, и блѣдна,
Плыла двурога луна
И озаряла сумракъ ночи.
Я безъ движенія лежалъ;
Ужь я, казалось, замиралъ;
Уже, заглядывая въ очи,
Надъ мною хищный вранъ леталъ...
Вдругъ слышу шорохъ за кургашомъ
И зрю: покрытая серциномъ,
Казачка юная стоитъ
Склоняясь робко надо мною,
И на меня съ нѣмой тоскою
И нѣжной жалостью глядитъ.

«О, незабвенное мгновенье!
Воспоминанье о тебѣ,
На зло враждующей судьбѣ,
И здѣсь страдалцу упоенье!

Я не забылъ его съ тѣхъ поръ.
Я помню сладость первой встрѣчи,
Я помню ласковые рѣчи
И полный состраданья взоръ.
Я помню радость дѣвы пѣвной,
Когда страдалецъ безнадежный
Былъ подъ хранительную сѣнь
Снесенъ къ отцу ея въ курень.
Съ какой заботою ходила
Она за страждущимъ больнымъ;
Съ какимъ участіемъ живымъ
Мои желанія ловила.
Я всё утѣхи находилъ
Въ моей казачкѣ черноокой;
Въ ея словахъ я нѣгу пилъ
И облегчалъ недугъ жестокой.
Въ часы бессоницы моей
Она, пригнувъ къ изголовью,
Сидѣла съ тихою любовью
И не сводя съ меня очей.
Въ часъ моего успокоенья
Она ходила собирать
Степныя травы и коренья,
Чтобъ ими друга врачевать.
Какъ часто нѣжно и привѣтно
На мнѣ прекрасный взоръ бродилъ...
И я казачку непримѣтно
Душою пылкой полюбилъ.
Въ своей невинности сначала
Она меня не понимала;
Я тосковалъ, кипѣла кровь;
Но скоро пылкая любовь
И въ милой дѣвѣ запылала...
Настала счастья пора!
Подругой юной исцѣленный,
Съ душой, любовью упоенной,
Я обновленный всталъ съ одра.
Недолго мы любовь таяли;
Мы скоро жаръ сердець своихъ
Ея родителямъ открыли
И на союзъ сердець просили
Благословенія у нихъ.

«Три года молшею промчались
Подъ кровомъ хижины простой;

Съ моей подругой молодой
 Ни разу мы не разлучались.
 Среди пустынь, среди степей,
 Въ кругу рѣзвигшихся дѣтей,
 На мирномъ лонѣ сладострастья,
 Съ казачкой милою моею
 Вполицъ узналъ я цѣну счастья.
 Угрюмый гетманъ насъ любилъ,
 Какъ дѣдъ, дарилъ малютокъ милыхъ,
 И наконецъ, изъ мѣсть унылыхъ
 Въ Батуринъ насъ переманилъ.

«Все шло обычной чередой.
 Я счастливъ былъ; но вдругъ покой
 И счастье мое сокрылось.
 Нагрянулъ Карлъ на Русь войной:
 Все на Украинѣ ополчилось,
 Съ весельемъ все летятъ на бой;
 Лишь только мракомъ и тоской
 Чело Мазепы обложилось.
 Изъ-подъ бровей нависшихъ сталъ
 Сверкать какой-то пламень дикій.
 Угрюмый съ нами, онъ молчалъ
 И равнодушнѣе внималъ
 Полковъ привѣтственные клики.

«Вину таинственной тоски
 Вогще я разгадать старался;
 Мазена ото всехъ скрывался,
 Молчалъ — и собиралъ полки.
 Однажды поздною порою
 Опъ въ свой дворецъ меня призывалъ;
 Вхожу — и слышу: «Я желалъ
 Давно бесѣдовать съ тобою;
 Давно хотѣлъ открыться я
 И важную повѣрить тайну;
 Но напередъ завѣрь меня,
 Что ты, при случаѣ, себя
 Не пожалѣешь за Украину».

— «Готовъ все жертвы я принести»,
 Воекликнулъ я, «страшнѣ родимой;
 Отдамъ дѣтей съ женою любимой,
 Себѣ одну оставлю честь». —
 Глаза Мазепы засверкали;
 Какъ предъ развѣтомъ ночи мгла,
 Съ его угрюмага чела

Сбѣжало облако печали.
 Сжавъ руку мнѣ, опъ продолжалъ:
 «Я зрю въ тебѣ Украйны сына!
 Давно прямого гражданина
 Я въ Войпаровскомъ угадалъ.
 Я не люблю сердецъ холодныхъ:
 Они враги родной страши,
 Враги священной старинѣ,
 Ничто имъ бремя бѣдъ народныхъ;
 Имъ чувствъ высокихъ не дано,
 Въ нихъ нѣтъ огня душевной силы.
 Отъ колыбели до могилы
 Имъ пресмыкаться суждено.
 Ты не таковъ—я это вижу;
 Но чувствъ твоихъ я не унижу,
 Сказавъ, что родину мою
 Я болѣе, чѣмъ ты, люблю.
 Какъ должно юному герою,
 Любя страну своихъ отцовъ,
 Женою, дѣтями и собою
 Ты ей пожертвовать готовъ...
 Но я, но я, пылая местию,
 Ее спасая отъ оковъ,
 Я жертвовать готовъ ей—честью.
 Но къ тайнѣ приступить пора:
 Я чту Великаго Петра;
 Но — покоряся судьбинѣ —
 Узнай: я врагъ ему отнынѣ!..
 Шагъ этотъ дерзокъ, знаю я;
 Отъ случая всему рѣшенье;
 Успѣхъ не вѣренъ, и меня
 Иль слава ждетъ, иль попошенье.
 Но я рѣшился; пусть судьба
 Грозитъ странѣ родной злосчастьемъ,
 Ужъ близокъ часъ, близка борьба,
 Борьба свободы съ самовластьемъ!»

«Началомъ бѣдъ моихъ была
 Сія бесѣда роковая!
 Съ тѣхъ поръ нора утѣхъ прошла,
 Съ тѣхъ поръ, о родина святая,
 Лишь ты всю душу запыла!
 Мазепѣ преданъ я слѣпо,
 И другъ отчизны, другъ добра,
 Я повлялся враждой свирѣпой

Противъ Великаго Петра.
 Ахъ, можетъ, былъ я въ заблуж-
 день,
 Кипящей ревностью горя,
 Но я въ слѣпомъ ожесточеннѣ
 Тираномъ почиталъ царя...
 Быть можетъ, увлеченный страстью,
 Не могъ я цѣну дать ему
 И относить то къ самовластью,
 Что свѣтъ отнесъ къ его уму.
 Судьбѣ враждующей послушнѣ,
 Переносу я жребій свой;
 Но, ахъ, вдали страны родной,
 Могу ль всегда быть равнодушнѣ?
 Рожденный съ пылкою душой,
 Полезнымъ быть родному краю,
 Съ надеждою славиться войной,
 Я бесполезно изнываю
 Въ странѣ пустынной и чужой.
 Какъ тѣнь вездѣ тоска за мною...
 Ужъ гаснетъ огонь моихъ очей,

И таю я, какъ ледъ весною
 Отъ распалющихся лучей.
 Душѣ честолюбивой бремя
 Вести съ бездѣйствіемъ борьбу;
 Но какъ ужасно знать до время
 Свою ужасную судьбу!
 Судьбу—всю жизнь влача въ кру-
 чинѣ,
 Тая тоску въ душѣ своей,
 Зрѣть гробъ въ безбрежной сей пу-
 стынѣ,
 Далеко отъ родныхъ степей...
 Почто, почто въ битвѣ кровавой,
 Летая гордо на конѣ,
 Не встрѣтилъ смерти подъ Полтавою?
 Почто съ безславіемъ иль съ славой
 Я не погибъ въ родной странѣ?
 Увы, умру въ семъ царствѣ почи!
 Мнѣ такъ судилъ жестокой рокъ;
 Умру я — и чужой песокъ
 Изгнанника засыплетъ очи!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ужъ было ясно и свѣтло,
 Морозъ стрѣлялъ въ глуши дубравы,
 Но небу сѣрому текло
 Свѣтило дня, какъ шаръ кровавый.
 Но въ юрту день не проникалъ.
 Скользя сквозь вѣтви дровъ густыя,
 Едва на окна ледяныя
 Лучъ одинокой ударялъ.
 Знакомцы новые сидѣли
 Уже давно предъ очагомъ;
 Дрова сосновыя дотлѣли,
 Лишь угли красныя блестѣли
 Порою снимъ огонькомъ.
 Недвижно добрый странникъ внемлетъ
 Страдальца горестный разсказъ,
 И часто гнѣвъ его объемлетъ,
 Иль слѣзы падаютъ изъ глазъ...

«Видалъ ли ты, когда весной,
 Освобожденная изъ плѣна,
 Въ брегахъ крутыхъ песется Лена?
 Когда, гоня волну волной

И разрушая все преграды,
 Ломаешь льдыстыя громады,
 Иль поднимая дикий вой,
 Клубится и бугры вздымаешь,
 Утесы съ ревомъ отторгаешь
 И ихъ уносить за собой,
 Шумя, въ невѣдомыя степи?
 Такъ мы, свои разрушивъ плѣци,
 На гласъ свободы и вождей,
 Ниспровергая все препоны,
 Помчались защищать закопы
 Среди отеческихъ степей.
 «Летая за гремящей славой,
 Я жизни юной не щадилъ;
 Я степи кровью обогриль
 И свой булатъ въ войнѣ кровавой
 О кости русскихъ притушилъ.

«Мазепа съ сѣвернымъ героемъ
 Давалъ въ Украинѣ бой за боемъ.
 Дымились кровію поля,
 Тѣла разбросанныя гнили.

Ихъ псы и волки теребили;
 Казалась трупомъ вся земля!
 Но всё усиляя тщетны были:
 Ихъ умъ Петровъ преодолѣлъ;
 Часть битвы роковой приспѣлъ —
 И мы отчизну погубили!
 Полтавскій громъ захохоталъ...
 Но въ грозной битвѣ Карль свирѣпый
 Противъ Петра не устоялъ.
 Разбить, впервые онъ бѣжалъ;
 Во слѣдъ ему — и мы съ Мазепою.

«Почти безъ отдыха пять дней
 Бѣжали мы среди степей,
 Бояся вражеской погощи;
 Уже измученные кони
 Служить отказывались намъ.
 Дрожа отъ стужи по ночамъ,
 Изнемогая въ день отъ зноя,
 Едва сидѣли мы верхомъ...»

«Однажды, въ полночь, подъ лѣскомъ
 Мы для минутнаго покоя
 Остановились за Днѣпромъ.
 Вокругъ синѣла степь глухая;
 Луну затмили облака,
 И тишину перерывая,
 Шумѣла въ берегахъ рѣка.
 На войлокѣ простомъ и грубомъ,
 Главою на сѣдло склоненъ,
 Усталый Карль дремалъ подъ дубомъ,
 Толпами ратныхъ окруженъ.
 Мазепа предъ костромъ сосновымъ,
 Вдали, на почернѣвшемъ пнѣ,
 Сидѣлъ въ глубокой тишинѣ,
 И съ видомъ мрачнымъ и суровымъ,
 Какъ другу, открывался мнѣ:

«О, какъ невѣрны наши блага!
 О, какъ подвластны мы судьбѣ!
 Вотще въ душахъ кипитъ отвага:
 Уже насталъ конецъ борьбѣ!
 Одно мгновенье все рѣшило,
 Одно мгновенье погубило
 На вѣкъ страны моей родной
 Свободу, славу и покой...»

Но мнѣ ли духомъ унижаться?
 Не буду рока я рабомъ!
 И мнѣ ли съ рокомъ не сражаться,
 Когда сражался я съ Петромъ?
 Такъ, Войнаровскій, испытаю,
 Покуда длится жизнь моя,
 Всё способы, всё средства я,
 Чтобы помочь родному краю.
 Спокоенъ я въ душѣ своей;
 И Петръ и я — мы оба правы:
 Какъ онъ, и я живу для славы,
 Для пользы родины моей». —

«Замолкнулъ онъ... Глаза сверкали...
 Дивился я его уму.
 Дрова, треща, ужъ догорали.
 Мазепа легъ; но вдругъ къ нему
 Двухъ плѣнныхъ казаки примчали.
 Облокотися, вождь сѣдой,
 Волнуемъ тайно мрачной думой,
 Спросилъ, взглянувъ на нихъ угрюмо:
 «Что новаго въ странѣ родной?»
 — «Я изъ Батурина недавно,
 Одинъ изъ плѣнныхъ отвѣчалъ:
 Народъ Петра благословлялъ
 И, радуясь побѣдѣ славной,
 На стогнахъ шумно пировалъ.
 Тебя жъ, Мазепа, какъ Іуду,
 Клянуть украинцы повсюду...
 Дворецъ твой, взятый на коньѣ,
 Былъ преданъ намъ на расхищенье,
 И имя славное твое
 Теперь — и брань, и поношенья!»

«Въ отвѣтъ, склонивъ на грудь главу,
 Мазепа горько улыбнулся;
 Прилегъ, безмолвный, на траву
 И въ плащъ широкій завернулся.
 Мы всё съ участіемъ живымъ,
 За гетмана пылая мезью,
 Стояли молча передъ нимъ,
 Поражены ужасной вѣстью.
 Онъ приковалъ къ себѣ сердца:
 Мы въ немъ главу народа чтимъ,
 Мы обожали въ немъ отца,

Мы въ немъ отечество любили.
 Не знаю я, хотѣлъ ли онъ
 Спасти отъ бѣдъ народъ Украйны,
 Пль въ ней себѣ воздвигнуть тронъ—
 Миѣ гетманъ не открылъ сей тайны.
 Ко нраву хитраго вождя
 Успѣлъ я въ десять лѣтъ привыкнуть;
 Но никогда не въ силахъ я
 Былъ замысловъ его проникнуть.
 Онъ скрытенъ былъ отъ юныхъ дней,
 И, странникъ, повторю: не знаю,
 Что въ глубинѣ души своей
 Готовилъ онъ родному краю.
 Но знаю то, что затая
 Любовь, родство и гласъ природы,
 Его сразилъ бы первый я,
 Когда-бъ онъ сталъ врагомъ свободы.

«Съ разсвѣтомъ дня мы снова въ путь
 Помчались по степи унылой.
 Какъ тяжело взволновалась грудь,
 Какъ сердце юное забыло,
 Когда рубежъ страны родной
 Узрѣли мы передъ собой!

«Въ волиеньи чувствъ, тоской то-
 мимый,

Я какъ ребенокъ зарыдалъ,
 И взявши гореть земли родимой,
 Къ кресту съ молитвой привязалъ.
 «Быть можетъ—думалъ я, рыдая—
 Украйны миѣ ужъ не видать!
 Хоть ты, земля родного края,
 Меня въ чужбинѣ утѣшая,
 Отъ грусти будешь врачевать,
 Отчизну миѣ напоминая!..»

«Увы, предчувствіе сбылось:
 Судьбы велѣньемъ самовластной
 Съ тѣхъ поръ на родинѣ прекрасной
 Миѣ побывать не довелось...

«Въ странѣ глухой, въ странѣ без-
 водной,
 Гдѣ только изрѣдка ковыль

По стѣпи стелется безплодной,
 Мы мчались, поднимая пыль.
 Коней мы вовсе изнурили;
 Страдалъ увѣнчанный бѣглець,*)
 И съ горестью шведовъ, наконецъ,
 Въ Бендеры къ туркамъ мы вступили.
 Тутъ въ страшный недугъ гетманъ
 впасть;

Онъ непрестанно трепеталъ,
 И взглядъ кругомъ бросая быстрый,
 Меня и Орлика онъ звалъ,
 И задыхаясь, увѣрялъ,
 Что Кочубея видить съ Искрой.

«Вотъ, вотъ они!.. При нихъ палачъ!»
 Онъ говорилъ, дрожа отъ страху:
 «Вотъ ихъ звели уже на плаху,
 Кругомъ стенанія и плачь...
 Готовъ ужъ исполнитель муки;
 Вотъ засучилъ онъ рукава,
 Вотъ взялъ уже сѣкиру въ руки...
 Вотъ покатилась голова...
 И вотъ другая!.. Всѣ трепещутъ!
 Смотри, какъ страшно очи бле-
 щутъ!..»

«То въ ужасѣ порой съ одра
 Бросался онъ въ мои объятія:
 «Я вижу грознаго Петра!
 Я слышу страшныя проклятія!
 Смотри: блеститъ свѣчами храмъ,
 Съ кадильницъ вѣется оміамъ...
 Митрополитъ, грозящій взоромъ,
 Тамъ возглашаетъ съ громкимъ хо-
 ромъ:
 Мазепа проклятъ въ родъ и родъ—
 Онъ погубить хотѣлъ народъ!»

«То, трепещя и цѣпенѣя,
 Онъ часто зрѣлъ въ глухую ночь
 Жену страдальца Кочубея
 И обольщенную ихъ дочь.
 Въ страданьяхъ сихъ изнемогая,
 Молитву громко онъ читалъ,

*) Карлъ XII.

То горько плакаль и рыдалъ,
То, дикій взглядъ на всѣхъ бросая,
Онъ, какъ безумный, хохоталъ;
То, въ память приходя порою,
Онъ очи, полныя тоскою,
На насъ уныло устремлялъ.

«Въ девятый день примѣтно стало
Мазепѣ подъ вечеръ труднѣй;
Изнеможенный и усталый,
Дышалъ онъ рѣже и слабѣй;
Томимъ болѣзнію своей,
Хотѣлъ онъ скрыть, казалось, муку...
Къ нему я бросился, взявъ руку:
Увы, она уже была
И холодна, и тяжела!

Глаза, остановясь, смотрѣли,
Потъ проступалъ: онъ отходилъ...
Но вдругъ, собравъ остатокъ силъ,
Онъ приподнялся на постели,
И бросивъ пылкій взглядъ на насъ:
«О, Петръ! О, родина!» — воскликнулъ.
По съ нимъ въ страдалцѣ замеръ
гласъ;

Онъ вновь упалъ, головой поникнулъ,
Въ меня недвижный взоръ вперилъ
И вздохъ послѣдній испустилъ...
Безъ слезъ, безъ чувствъ, какъ мраморъ
хладный,

Передъ умершимъ я стоялъ;
Я умъ и память потерялъ,
Убитый грустью безотрадной...

«День грустныхъ похоронъ насталъ:
Самъ Карлъ, и мрачный, и унылый,
Вождя Украйны до могилы
Съ дружиной шведовъ провожалъ.
Казакъ и шведъ равно рыдали;
Я шелъ, какъ тѣнь, въ кругу друзей.
О, странникъ! Всѣ предугидали,
Что мы съ Мазепой погребали
Свободу родины своей.
Увы, послѣдній долгъ герою
Черезъ силу я отдать успѣлъ.

Въ тотъ самый день внезапно мною
Недугъ жестокой овладѣлъ.

Я былъ ужъ на краю могилы;
Но жизнь во мнѣ зазгласъ опять,
Мои возобновились силы,
И снова началъ я страдать.

«Бендеры мнѣ противны стали,
Я ихъ покинулъ и летѣлъ
Отъ земляковъ въ чужой предѣлъ —
Разсѣять мракъ своей печали.
Но, ахъ, напрасно! Рокъ за мной
Съ неотразимою бѣдой,
Какъ духъ враждующій, стремился:
Я схваченъ былъ толной враговъ —
И въ вѣчной ссылке очутился
Среди пустынныхъ сихъ лѣсовъ...

«Ужъ много лѣтъ прошло въ изгнаньѣ.
Въ глухой и дикой сторонѣ
Спасеніе и упованье
Была святая вѣра мнѣ.

«Я привыкалъ къ несчастной долѣ:
Лишь объ Украйнѣ и родныхъ,
Украдкой отъ враговъ моихъ,
Грустилъ я часто поневолѣ.
Что случилось съ родиной моею?
Кого въ Петрѣ — врага, или друга
Она нашла въ судьбѣ своей?
Гдѣ слезы льетъ моя подруга?
Увижу-ль я своихъ друзей?

Такъ я души покой минутный
Въ своемъ изгнаньи возмущалъ,
И отъ тоски и думы смутной,
Покинувъ городъ «зпріютный»,
Въ лѣса и дѣбри лѣгалъ.
Въ моей тоскѣ, въ моемъ несчастьи.
Мнѣ былъ отрадепъ шумъ лѣсовъ,
Отрадно было мнѣ ненастье,
И вой грозы, и плескъ валовъ.
Во время бури заглушала
Борьба стихій борьбу души;
Она мнѣ силы возвращала,
И на мгновеніе, въ глуши,
Душа страдать переставала.

«Разъ у якутской юргы я
Стоялъ подъ сѣной одинокой;

Буранъ шумѣлъ вокругъ меня,
И свирѣпѣлъ морозъ жестокий.
Передо мной скалы и лѣсъ
Грядой тянулись безбрежной;
Вдали, какъ море, съ степью снѣжной
Сливался темный сводъ небесъ.
Отъ юрты вдали тальникъ кудрявый
Подъ снѣгомъ стлался между горъ.
Въ боку былъ виденъ черный боръ
И берегъ Лены величавой.
Вдругъ вижу: женщина идетъ,
Дахой убогою прикрыта,
И связку дровъ едва несетъ,
Работой и тоской убита.
Я къ ней... И что же?... Узнаю
Въ несчастной сей, въ морозъ и вьюгу,
Казачку юную мою,
Мою прекрасную подругу!..

«Узнавъ объ участи моей,
Она изъ родины своей
Пошла искать меня въ изгнаннѣ.
О, странникъ! Тяжко было ей
Не раздѣлять со мной страданье!
Встрѣчала много на пути
Она страдальцевъ знаменитыхъ,
Но не могла меня найти:
Увы, я здѣсь въ числѣ забытыхъ.
Законъ велить молчать, кто я;
Начальникъ самъ того не знаетъ.
Объ томъ и спрашивать меня
Никто въ Якутскѣ не дерзаетъ.

«И добрая моя жена,
Судьбой гонимая жестокой,
Была блуждать осуждена,
Тая тоску въ душѣ высокой.

«Ахъ, говорить ли, странникъ мой,
Тебѣ объ радости печальной
При встрѣчѣ съ доброю женой
Въ странѣ глухой, въ странѣ сей
дальной?»

«Я ожилъ съ нею; но дѣтей
Я не нашелъ уже при ней!..
Отца и матери страданья

Имъ не судилъ узнать Творецъ;
Они, не зрѣвъ страны изгнанья,
Вкусили радостный конецъ...

«Съ моею подругой возвратилось
Душѣ спокойствіе опять;
Мнѣ будто легче сталоилось;
Я началъ рѣже тосковать.
Но, ахъ, недолго счастье длилось;
Оно, какъ сонъ, исчезло вдругъ.
Давно закрашійся недугъ
Въ младую грудь подруги милой,
Съ весной, примѣтно сталъ сближать
Ее съ безвременной могилкой.
Тутъ мнѣ судилъ Творецъ узнать
Всю доброту души прекрасной
Моей страдальцы несчастной.
Болѣзню изнурена,
Съ какой заботою она
Свои страданья скрыть старалась:
Она шутила, улыбалась,
О прежнихъ говорила дняхъ,
О падшемъ дядѣ, о дѣтяхъ...
Къ ней жизнь, казалось, возвраща-
лась
Съ порывомъ пылкихъ чувствъ ея;
Но часто, тайно отъ меня,
Она слезами обливалась.
Ей жизнь и силы возратить
Я небеса молилъ напрасно;
Судьбы ничѣмъ не отвратить.
Насталъ для сердца часъ ужасный!

«Мой другъ!» сказала мнѣ она:
«Я умираю, будь покоенъ;
Намъ здѣсь печаль была дана;
Но, другъ, есть лучшая страна!
Ты по душѣ ея достоинъ.
О, такъ! Мы свидимся опять!
Тамъ ждетъ награда за страданья,
Тамъ пѣтъ ни казней, ни изгнанья,
Тамъ насъ не будутъ разлучать...»
Она умолкла. Вдругъ примѣтно
Сталъ угасать огонь очей,
И наконецъ, вздохнувъ сильнѣй,

Она, съ улыбкою привѣтной,
Увяла въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Безвременно, въ Сибири хладной,
Какъ на изсохнемъ стеблѣ цвѣтъъ
Въ теплицѣ душивой, безотрадной!

«Могильный, грустный холмъ ея
Близъ юрты сей насыпаль я.
Съ закатомъ солнца я порою
На немъ въ безмолвіи сижу
И чудотворною мечтою
Лѣта протекшія бужу.
Все воскресаетъ предо мною:
Друзья, Мазепа и война,
И съ чистою своею душою
Невозвратимая жена.

«О, странникъ! Память о подругѣ
Страдальцу бодрость въ душу льетъ;
Онъ равнодушнѣй смерти ждетъ
И плачетъ сладостно о другѣ.

«Какъ часто вспоминаю я
Надъ хладною ея могилой
И свойства добрая ея,
И пылкій умъ, и образъ мялый!
Съ какою страстію она,
Высокихъ помысловъ полна,
Свое отечество любила!
Съ какою живостью объ немъ
Въ своемъ изгнаньи роковомъ,
Она со мною говорила!
Неутолимая печаль,
Ее тягча, снѣдала тайно;
Ея тоски не зрѣлъ москаль;
Она ни разу и случайно
Врага страны своей родной
Порадовать не захотѣла
Ни тихимъ вздохомъ, ни слезой.
Она могла, она умѣла
Гражданкой и сузругой быть,
И жаръ къ добру души прекрасной,
Въ укоръ судьбинѣ самовластной,
Въ самомъ страданьи сохранить...

«Съ утратой сей, отъ бѣдъ усталый,
Съ душой для счастья увялой,
Я вѣру въ счастье потерялъ;
Я много горя испыталъ,
Но, тяжкою жизнью недовольный,
Какъ трусъ презрѣнный, не искалъ
Спасенія въ смерти самовольной.
Не разъ встрѣчалъ я смерть въ бояхъ;
Она кругомъ меня ходила
И груди труповъ громоздила
Въ родныхъ украинскихъ степяхъ.
Но никогда, ей въ очи глядя,
Не содрогнулся я душой;
Не забывалъ, стремяся въ бой,
Что мнѣ Мазепа другъ и дядя.
Чтить Брута съ дѣтства я привыкъ:
Защитникъ Рима благородный,
Душою истинно свободный,
Дѣлами истинно великъ.
Но онъ достоинъ укоризны —
Согражданъ самъ онъ погубилъ:
Онъ торжество враговъ отчизны
Самоубійствомъ утвердилъ...
Ты видишь самъ, какъ я страдаю,
Какъ жизнь въ изгнаньи тяжела;
Мнѣ бѣ смерть отрадою была:
Но жизнь и смерть я презираю...
Мнѣ надо жить: еще во мнѣ
Горитъ любовь къ родной странѣ;
Еще, быть можетъ, другъ народа
Спасетъ несчастныхъ земляковъ,
И, достойніе отцовъ,
Воскреснетъ прежняя свобода!...»

Тутъ Войпаровскій замолчалъ;
Съ лица исчезнулъ мракъ печали,
Глаза слезами засверкали,
И онъ молиться тихо сталъ.
Гость просвѣщенный угадалъ,
Объ чемъ страдалецъ сей молился;
Онъ самъ неволью прослезился
И несчастливцу руку далъ,
Въ душѣ съ тоской и грустью сильной.
Въ знакъ дружбы вѣрной, домогналъ

ной...

Дни уходили съ быстротой.
 Зима обратно налетѣла
 И хладною рукой одѣла
 Природу въ саванъ снѣговой.
 Въ пустынь странникъ просвѣщенный
 Страдалца часто навѣщалъ,
 Тоску и грусть съ нимъ раздѣлялъ
 И объ Украинѣ незабвенной,
 Какъ сынъ Украины, онъ мечталъ.
 Однажды онъ въ уединеньи
 Съ отрадной вѣстью о прощеньѣ
 Къ страдалцу-другу поспѣшалъ.
 Морозъ трещалъ. Глухой тропею
 Олень пернатую стрѣлюю
 Его на быстрой вартѣ мчалъ.
 Уже онъ ловить жаднымъ взоромъ
 Сквозь вѣтви дровъ, въ глуши лѣсной,
 Кровь одинокой и простой
 Съ полуразрушеннымъ заборомъ.
 «Съ какимъ восторгомъ сладкимъ я
 Скажу: окончены страданья!
 Мой другъ, покинь страну изгнанья!
 Лети въ родимые края!
 Тамъ ждуть тебя, въ странѣ пре-
 красной,
 Благословенье земляковъ,
 И кругъ друзей съ душою ясной,
 И мирный домъ твоихъ отцовъ!»
 Такъ добрый Миллеръ предавался

Дорогой сладостнымъ мечтамъ.
 Но вотъ онъ къ низкимъ воротамъ
 Пустышпой хижины примчался.
 Никто встрѣчать его неидеть...
 Онъ входитъ въ двери. Лучъ привѣт-
 ный
 Сквозь занесенный снѣгомъ ледъ
 Украдкой свѣтъ угрюмый льетъ:
 Все пусто въ юртѣ безотвѣтной;
 Лишь мракъ и холодъ въ ней живеть.
 «Все въ запущѣнны! мыслить страп-
 никъ:
 Куда жъ сокрылся ты, изгнанникъ?»
 И думой мрачной отягченъ,
 Тревожимъ тайною тоскою,
 Идетъ на холмъ могильный онъ —
 И что же видитъ предъ собою?
 Подъ наклонившимся крестомъ,
 Съ опущеннымъ на грудь челомъ,
 Какъ грустный памятникъ могилы,
 Изгнанникъ мрачный и унылый
 Сидитъ на холмѣ гробовомъ
 Въ одѣятыи роковымъ;
 Въ глазахъ недвижныхъ хладъ кон-
 чины;
 Какъ мраморъ лоснится чело,
 И отъ соседственной долины
 Ужъ мертвеца до половины
 Пушистымъ снѣгомъ запесло.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВОЙНАРОВСКОМУ.

1. Юрта—жилище дикихъ сибирскихъ обывателей. Онѣ бываютъ лѣтнія и зимнія, подвижныя и постоянныя; бываютъ бревенчатыя, берестяныя, иногда войлочныя и кожаныя.

2. Ясакъ—подача мѣхами, собираемая съ сибирскихъ народовъ.

3. Варнакъ—преступникъ, публично наказанный и заклеенный.

4. Байкаль—Святое море или озеро, справедливѣе Ангарскій провалъ, лежитъ въ Иркутской губерніи между 51° и 58° сѣверной широты и между 121° и 127° восточной долготы, считая отъ острова Ферро. Непостоянные вѣтры, непрерывныя жестокия бури и непроходимые туманы, особенно въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцѣ, бывающіе на семъ озерѣ, были причиною многихъ бѣдствій. Часто во время весьма хорошей погоды вѣтръ неожиданно и мгновенно перемѣняется, начинается буря, и до того спокойныя и свѣтлыя воды Байкала подымаются горами, чернѣютъ, дѣются, ревуть, и все представляетъ ужасное и вмѣстѣ величественное зрѣлище.

5. «Въ странѣ той хладной и дубравной
 Въ то время жилъ нашъ Миллеръ славный.

Миллеръ.—Россійскій исторіографъ Гергардъ Фридрихъ Миллеръ родился 7 октября 1705 г. въ Вестфалии. Первое воспитаніе получилъ онъ подъ надзоромъ отца своего, который былъ ректоромъ Герфордской гимназіи. Тогда еще открывалась въ юношѣ склонность къ исторіи. Онъ любилъ по вечерамъ въ семейственномъ кругу рассказывать братьямъ и сестрамъ слышанное того утра о грекахъ и римлянахъ, съ жадностью читалъ жизни великихъ мужей древности, и когда Петръ I проѣзжалъ въ 1717 г. черезъ Герфордъ, двѣнадцатилѣтній Миллеръ ушелъ тайнымъ образомъ босой изъ отцовскаго дома, чтобы имѣть случай посмотрѣть на Великаго. На 17-мъ году возраста Миллеръ отправился въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ довершилъ свое воспитаніе подъ руководствомъ Готшеда, въ свое время ученѣйшаго мужа въ Германіи.

Между тѣмъ Петръ, окончивъ войну съ Швеціею, занялся исключительно водвореніемъ просвѣщенія въ своемъ отечествѣ. Зная, что прежде заведенія училищъ нужно было образовать учителей, онъ учредилъ академію: и чтобы достигнуть своей цѣли, далъ ей направленіе, соотвѣтственное своимъ видамъ. Всѣ европейскія заведенія сего рода состоятъ изъ ученыхъ людей, которые сочиненіями своими обязаны способствовать успѣху наукъ и искусствъ. Санктпетербургская академія, сверхъ сей обязанности, имѣла другую: образованіе молодыхъ россіянъ, которые въ свою очередь должны были сообщать приобретенныя познанія своимъ соотечественникамъ. Она была свѣтиломъ, котораго благотворные лучи должны были распространиться во все концы Россіи. Президенту ея Блюментросту поручено было вызвать для сего изъ Германіи ученыхъ, и по его-то приглашенію Миллеръ прибылъ въ Россію.

Петра I не стало, но намѣренія его исполнились: академія открыла свои засѣданія 16 декабря 1725 г., и Миллеръ началъ свое поприще въ Россіи преподаваніемъ латинскаго языка, географіи и исторіи въ верхнемъ классѣ академической гимназіи. Познанія его, рачительность въ исполненіи возложенной на него обязанности и точное исполненіе порученной ему секретарской должности, во время которой онъ издалъ три части «Комментаріевъ», заслужили ему всеобщее уваженіе. Въ половинѣ 1730 года Миллеръ произведенъ былъ въ профессора исторіи и назначенъ дѣйствительнымъ членомъ академіи.

Скорое его возвышеніе поселило зависть въ людяхъ, которые хотя уступали ему въ познаніяхъ, но полагали, что имѣютъ равныя съ нимъ права на почести. Чтобы удалиться отъ непріятностей, Миллеръ подъ предлогомъ домашнихнихъ обстоятельствъ поѣхалъ въ чужіе края и во время своего путешествія имѣлъ случай оказать услугу академіи, приобрѣтши для нея новаго члена, ученаго, ориенталиста Кера, который положилъ основаніе нынѣшнему азіатскому миндъ-кабинету при петербургской академіи наукъ.

Новое важнѣйшее порученіе ожидало Миллера по возвращеніи его въ Россію. Въ это время петербургская академія наукъ предприняла достойный ея трудъ. Снаряжена была экспедиція для приведенія въ извѣстность земель, составляющихъ сѣверную часть Азіи. Профессоръ Делиль-де-ла-Крокеръ отправленъ былъ для астрономическихкихъ наблюденій; Гмелинъ долженъ былъ заняться описаніемъ всего, что касалось до естественныхъ наукъ, а Миллеру поручено было обратить вниманіе на географію, древности и исторію народовъ, населяющихъ Сибирь. Путешествіе сіе, начатое въ февралѣ 1733 г., продолжалось 10 лѣтъ. Не будемъ слѣдовать за ученымъ изслѣдователемъ во время его пути, наблюдать съ нимъ вмѣстѣ обычаи черемисовъ и вотяковъ и простые нравы телеутовъ, тунгузовъ и якутовъ. Довольно если скажемъ, что онъ велъ подробный журналъ всему пути, самъ заготовлялъ карты оному, съ точнымъ означеніемъ мѣстности каждой страны, составляя историческія и географическія описанія городовъ, чрезъ которые проѣзжалъ, разбиралъ архивы оныхъ и тщательно выписывалъ все, что находилъ въ нихъ для русской исторіи, сносывалъ вездѣ древности, какія ему попадались, и кромѣ того привезъ кучу замѣчаній о нравахъ, языкѣхъ и вѣрѣхъ народовъ, которыхъ постигаль. Сіе множе-

ство трудовъ и суровый климатъ Сибири разстроили его здоровье. Онъ не могъ ѣхать далѣ Якутска и большою возвратился въ Петербургъ въ 1743 г. Здѣсь къ физическимъ болѣзнямъ присоединились нравственные. Въ отсутствіе Миллера сдѣланъ былъ президентомъ академіи Шумахеръ, человекъ познаній ограниченныхъ, не прощавшій Миллеру его достоинствъ: посредственностью ненавидитъ истинное дарованіе. Шумахеръ, съ завистью смотрѣвшій на возвышеніе Миллера, еще болѣе вознегодовалъ на него, когда сей возвратился изъ Сибири, предшествуемый славою, что кончилъ столь важное для наукъ порученіе. Миллеръ за десятилѣтніе труды свои получилъ вмѣсто награды однѣ непріятности. Онъ не оспаривалъ у другихъ права ползати передъ сильными, не искалъ посторонними путями и непозволенными средствами того, чего имѣлъ право требовать, не унижалъ дарованій своихъ, измѣняя истинѣ, а потому имѣлъ многихъ неприятели. Таубертъ, Телловъ, и даже великій нашъ Ломоносовъ, ни въ чемъ не терпѣвшій соперниковъ, были врагами Миллера. На полезные труды его не обращали вниманія и даже, повѣрить ли этому потомство, диссертацию о началѣ русскаго народа, которую онъ напечаталъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ и готовился читать въ публичномъ собраніи академіи 5-го сентября 1743 г., въ день именинъ императрицы, запретили потому только, что исторіографъ утверждалъ въ ней, будто Юрикъ вышелъ изъ Скандинавіи. Несмотря на сіи непріятности, Миллеръ, любившій науки не изъ личныхъ видовъ и движимый любовью къ общей пользѣ, былъ неунышенъ въ трудахъ своихъ. Казалось, что дѣятельность его возрастала съ препятствіями, какія онъ встрѣчалъ на каждомъ шагу. За работою ученый мужъ находилъ утѣшеніе отъ несправедливости людей, которыхъ отзывы не доходили до его кабинета. По званію русскаго исторіографа, въ 1747 г. занимался онъ составленіемъ сибирской и разными изслѣдованіями по части русскаго исторіи и географіи, составляя родословныя таблицы русскаго великихъ князей, исправляя должностно конференц-секретаря при академіи и былъ самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ въ изданіи «Ежемесячныхъ Сочиненій» съ 1757 по 1764 годъ.

Со вступленіемъ императрицы Екатерины занялась въ Россіи новая заря на горизонтѣ наукъ. Заслуги Миллера были наконецъ уважены. По просьбѣ Ив. Ив. Бецкаго, назначенъ онъ былъ въ 1763 г. директоромъ московскаго воспитательнаго дома, а въ 1766 году, по представленію графа Никиты Ивановича Панина и князя Александра Михайловича Голицына, опредѣленъ въ начальники московскаго архива иностранныхъ дѣлъ. Никто лучше Миллера не могъ исполнить обязанностей, сопряженныхъ съ симъ мѣстомъ. Онъ радовался какъ дитя, когда получилъ оное, и по цѣлымъ суткамъ проводилъ въ семь хранилищъ отечественныхъ хартій, занимаясь приготовленіемъ матеріаловъ для русскаго исторіи и объясненіемъ встрѣчающихся въ оной темныхъ мѣсть. Государыня, бывъ еще великою княжною, знала Миллера и во время пребыванія его въ Москвѣ часто призвала его къ себѣ для совѣтовъ. Миллеръ былъ избранъ академію въ 1767 г. депутатомъ въ комиссію законовъ, находившуюся въ Москвѣ, и здѣсь предлагалъ различные планы для водворенія наукъ и распространенія просвѣщенія въ Россіи. Когда комиссія переведена была въ Санкт-петербургъ, онъ получилъ отъ императрицы позволеніе остаться въ Москвѣ, и кромѣ архива иностранныхъ дѣлъ, занялся, по приказу государыни, разборомъ архивовъ разряднаго и сибирскаго приказа. Онъ работалъ съ утра до ночи и жалѣлъ только, что ему минуло 63 года и онъ не будетъ имѣть ни времени, ни силы для исполненія ожиданій монархини и соотечественниковъ. Въ 1775 году академія поручила ему написать ея исторію отъ самаго ея основанія. Въ томъ году праздновали 50-лѣтнее ея существованіе. Миллеръ, единственный изъ членовъ, который находился при ея основаніи, былъ свидѣтелемъ и участникомъ въ томъ, что въ ней происходило во все время ея засѣданій, и потому лучше всякаго другого могъ исполнить сіе назначеніе. Окончивъ сию работу,

онъ занялся по прежнему извлеченіями изъ архивскихъ бумагъ и приготовленіями матеріаловъ для русской исторіи. Необъятный трудъ сей занималъ послѣдніе годы его жизни. Иногда для поправленія своего здоровья отвлекалъ онъ себя поѣздками въ города, лежащіе поблизости Москвы; но и тутъ, чтобъ употребить время съ пользою, составлялъ историческое и географическое описаніе оныхъ. Миллеръ скончался въ 1783 году, имѣя 79 лѣтъ отъ роду.

Заслуги Миллера по нашей исторіи болѣе или менѣе извѣстны всякому образованному россіянину. Излишне было бы исчислять его сочиненія. Здѣсь прибавимъ только, что нравственныя его качества не уступали его познаніямъ. Миллеръ зналъ, что человѣкъ, готовящійся къ исправленію другихъ, долженъ самъ собою подавать примѣръ, что въ писателѣ добродѣтельная жизнь есть лучшее предисловіе къ его сочиненіямъ. Избравъ Россію своимъ отечествомъ, онъ любилъ ее какъ родной ея сынъ, всегда предпочиталъ ея пользу частнымъ выгодамъ, никогда не жаловался на оказанныя ему несправедливости и вездѣ, гдѣ могъ, старался быть ей полезенъ. Никогда не унижалъ онъ достоинства своего лестью, искательствомъ; никогда не старался выставять себя: скромность, отличительная черта истиннаго таланта, и даже нѣкоторая застѣнчивость составляли главныя черты его характера. Многія особы, занимавшія послѣ важнѣйшія мѣста при дворѣ Екатерины, обязаны ему своимъ воспитаніемъ. Онъ охотно помогалъ совѣтами молодымъ людямъ изъ россіянъ, или иностраннымъ писателямъ, желавшимъ имѣть свѣдѣнія по части россійской исторіи. Въ домашнемъ быту онъ служилъ образцомъ семейственнаго счастья, былъ лучшимъ супругомъ, лучшимъ отцомъ семейства. Онъ имѣлъ многихъ враговъ, которые, завидуя его славѣ, старались очернить его въ глазахъ современниковъ, но справедливость восторжествовала: обвиненія ихъ, внушенныя корыстолюбіемъ, были опровергнуты, и Миллеръ въ концѣ жизни своей имѣлъ утѣшеніе видѣть, что истинное достоинство найдетъ всегда защитниковъ и почитателей.

6. Даха — шуба вверхъ шерстью, изъ шкуры дикой козы.

7. Чебакъ — большая теплая шапка съ ушами.

8. Займка — вѣдъ города мѣсто, занятое подъ частный домъ, или крестьянскій дворъ съ огородамъ и съ другими принадлежностями: словомъ, русская дача или малороссійской хуторъ.

9. Пальма. Такъ называются въ Сибири длинныя, широкіе и толстыя ножки, укрѣпленные наиболѣе въ березовыхъ, для крѣпости прокопченныхъ ратовищахъ, обшитыхъ снаружи кожею. Съ ними якуты, юкагиры и другіе сѣверные народы ходятъ на лосей, медвѣдей, волковъ и проч.

10. Жиринокъ — ночникъ съ какимъ нибудь масломъ или жиромъ, засвѣчаемый на ночь.

11. Хвостовскій (Хвостовъ—мѣстечко въ кievской губерніи, васильковскаго уѣзда) полковникъ *Симеонъ Палмъ*, отважный предводитель заднѣпровскихъ наѣздниковъ, родился въ Борзнѣ и сталъ славенъ подвигами около 1690 года. Подъ рукою гетмана своего *Самуса*, онъ, какъ владѣтельный князь, бралъ дань съ земель по Днѣстру и Случь, запиралъ Россію и Польшу отъ татаръ, нерѣдко вторгался въ орды Буджацкую и Бѣлгородскую и захватилъ однажды въ плѣнъ самого салтана. Получалъ отъ первыхъ награды, бралъ отъ другихъ добычи и выкупы. Очаковъ не разъ выдалъ его истребительный пламень вокругъ стѣнъ своихъ. Возставъ на поляковъ за ихъ неправды, онъ попалъ въ плѣнъ, но вырвался изъ крѣпкой тюрьмы Магдебургской и сторидею заплатилъ имъ за свою неволю, разивъ поляковъ подъ Хвостовымъ, подъ Бердичевымъ и покорившій Россіи. Въ 1694 году, съ Мокіевскимъ, набѣжавъ на турокъ подъ Очаковымъ, не вкладывая сабли въ ножны, съ черниговскимъ полковникомъ Лизогубомъ вторгся въ орду Буджацкую. Добыча и побѣда увѣнчали оба предпріятія. Удалые промыслы его надъ поляками переменялись только тогда, когда онъ громилъ татаръ. Онъ бралъ и палилъ польскіе города и, опустошивъ край Волины, овладѣлъ Трояновкою. Между тѣмъ коварный Мазепа, завистливый

къ славі, жадный къ богатству, недовѣрчивый къ силѣ Самуся и Палѣя, своихъ соперниковъ, старался очернить ихъ въ глазахъ Петра Великаго. Съ навѣтами представилъ и доказательства: жалобы Августа, письма Потоцкаго и Яблоновскаго, которые писали, что «Палѣй вѣтъ себѣ разбойничьи гнѣзды въ крѣпостяхъ Ржечи-Посполитой и кормится хлѣбомъ, котораго не сѣялъ». Мазепа тайно дѣйствовалъ противъ Самуся и Палѣя, а они явно воевали Польшу. Первый занялъ Вогуславъ, Корсунъ, Бердичевъ; второй взялъ Немировъ и Бѣдую-Церковъ; перерѣзали тамъ шляхтичей и жидовъ, и всѣхъ окружныхъ крестьянъ подняли на поляковы, обѣщая имъ права и вѣчную свободу. Мазепа жаловался на послушаніе, Августъ просилъ удовлетворенія. Петръ повелѣвалъ оставить въ покоѣ своего союзника: но ожесточенные полководцы дѣлали свое, ни чему не внимая. Наконецъ рѣшился Мазепа извѣсть Палѣя, какъ бы то ни было. Окруженный всѣмъ своимъ войскомъ, выступившимъ тогда на помощь Августу противъ шведовъ, сильный собственною властію и милостію царскою, онъ не смѣлъ однакожь захватить Палѣя силою: позвалъ къ себѣ въ гости въ Бердичевъ и за дружескою чашею заковалъ довѣрчиваго героя въ дѣши, какъ это видно изъ слѣдующихъ стиховъ одной пѣсни:

«Ой пѣе Палій, ой пѣе Семень да головоньку клонитъ,
«А Мазепинъ чура» * Палію Семѣну кайданы готовитъ».

Вслѣдъ за симъ онъ отослалъ его въ Батурино, извѣщая Головина, что Палѣй оказался явнымъ измѣнникомъ государю и передался Карлу XII, въ надеждѣ черезъ посредство Любомирскихъ получить гетманство въ Малороссіи. Въ слѣдующемъ году онъ былъ отправленъ въ Москву, а оттолкъ, по указу государеву, сосланъ въ Енисейскъ, гдѣ дѣлая пять лѣтъ томился вдалекѣ отъ родины и родныхъ, сѣдаемъ тоскою бездѣйствія и неволи. Измѣна Мазепы открыла глаза Петру, и онъ посреди заботъ военныхъ вспомнилъ объ оклеветанномъ Палѣѣ и возвратилъ ему имущество, чинъ и свободу. Но какъ земная власть могла возвратить ему здоровье! Однакожь послѣдніе дни Палѣевой жизни были отрадны для сердца стараго воина. Онъ пріѣхалъ къ войску въ день полтавской битвы, сѣлъ на коня и, поддерживаемый двумя казаками, явился передъ своими. Радостные клики огласили воздухъ: видъ Палѣя воспламенилъ всѣхъ мужествомъ. Старикъ ввелъ казаковъ въ дѣло, и хотя сабля его не могла уже разить враговъ, но еще однажды указала путь къ побѣдѣ. Весело было умирать послѣ полтавскаго сраженія! Недолго пережилъ его и Палѣй отъ язвъ, трудовъ, лѣтъ, несчастій и славы.

Въ характерѣ сего безстрашнаго вождя украинцевъ видны всѣ черты дикаго рыцарства. Открытъ въ дружбѣ и жестокъ въ мести, дѣятеленъ и сметливъ въ войнѣ, которая стала его стихіею, онъ не менѣе былъ искусенъ и въ распорядкѣ дѣлъ гетманскихъ, которыя велъ его головою; ибо Самусь, лишась его, сложилъ булаву правленія. Когда имя Палѣево сторожило границу Заднѣпрія, татары не нарушали ея покоя и посяки не смѣли тамъ умничать. Поперемѣнно вождь и подчиненный, онъ умѣлъ повиноваться своеизбранной власти и строго хранилъ ему врученную; былъ любимъ какъ братъ своими товарищами и какъ отецъ—своими казаками. Когда Мазепа захватилъ его, то насилу могъ взять Бѣдую-Церковъ и то измѣною мѣщанъ. «Умремъ тутъ вси, говорили казаки Палѣевы, а не поддадимся, коли нѣтъ здѣсь нашего батьки». Врагъ татаръ за ихъ грабежи, врагъ поляковъ за ихъ угнетенія, онъ въ обоихъ случаяхъ былъ полезенъ Россіи, хотя не вполне исполнялъ ея требованія, какъ воспитанникъ необузданной свободы. Сынъ сего неустрашимаго воина, по неотступной просьбѣ старшинъ Бѣлоцерковскаго полка, заступилъ его мѣсто.

12. Ватага — малороссійское слово, имѣетъ слѣдующія значенія: толпа, шайка, стадо, стая, ватага разбихакъ, шайка разбойниковъ. (Котляревскій).

* Чура—слуга.

13. Гайдамакъ—иногда удалецъ, иногда разбойникъ. Слово сіе, какъ видно изъ его корня, взято съ татарскаго языка и въ собственномъ смыслѣ значить—*бродяга* или бѣглецъ; поему гайдамаки въ Малороссіи значать то же, что *ускоки* у славянъ иллирійскихъ.

14. Толокно—мука изъ пересушеннаго овса. Извѣстно, что въ дальнихъ своихъ походахъ, какъ нынѣ въ *чумаковани*, то есть поѣздкахъ за рыбою и солью, малороссіяне запасались всегда небольшимъ количествомъ толокна или гречневыхъ крупъ для кашицы, которую называютъ они *кумишъ*. Умѣренность есть одна изъ похвальныхъ добродѣтелей сихъ простодушныхъ сыновъ природы. Идучи обозомъ, они останавливаются въ полѣ, разводять огонь и всѣмъ *кошемъ* т. е. артелью, садятся за кашницу, которую варить для нихъ такъ называемый *кашеварь*. Кто ѣдетъ въ осеннюю ночь по степнымъ полямъ полтавской, екатеринославской, херсонской и таврической губерній, тому часто случается видѣть нѣсколько такихъ огней, мелькающихъ какъ звѣздочки въ разныхъ разстояніяхъ на гладкой, необозримой равнинѣ.

15. Хуторъ—небольшая деревушка, часто одинъ домъ, стоящій среди поля или въ лѣсу, въ сторонѣ отъ жилыхъ мѣстъ. Обыкновенно почти таковыя хутора строятся при яругахъ, лѣсистыхъ оврагахъ, или подъ прикрытіемъ *чаньжника* (дробнолѣска).

16. Курень—хижина или землянка, въ каковыхъ и понынѣ еще живутъ многіе черноморскіе казаки. Нѣсколько таковыхъ куреней состоятъ подъ вѣдѣніемъ *курентаго*, или старшины, назначаемаго отъ начальства.

17. Курганы—высокія земляныя насыпи, видимыя и нынѣ во многихъ мѣстахъ Малороссіи и Украйны. Курганы сіи служили иногда общими могилами на мѣстахъ столь частыхъ сшибокъ, бывавшихъ у малороссіянь съ всегдашними ихъ врагами татарами, и во время отторженія ихъ отъ Польши—съ поляками. Въ таковыхъ курганахъ и понынѣ при разрытіи оныхъ находятъ кости и волосы человѣческіе, недотлѣвшіе лоскутки одеждъ, отломки оружія, старинныя монеты, сткляницы, и т. п. Иногда же цѣлый рядъ таковыхъ кургановъ, идущій на далекое пространство по одному направленію, подобно цѣпи горъ, служилъ какъ бы ведетами или подзорными возвышеніями, для наблюденія за неприятелемъ. Таковыхъ кургановъ много можно видѣть по древнимъ границамъ Малороссіи и Украйны съ ордою Крымскою, особливо въ губерніяхъ слободско-украинской и полтавской.

II.

НАЛИВАЙКО.

(Отрывки изъ поэмы).

Программа: Сельская картина. Нравы малороссіянь. *Кіевъ. Чувства Наливайки. Картина Украйны. Унаты, евреи, поляки. Притѣсненія и жестокость поляковъ. Смерть старосты. Возстаніе народа. Наливайко—гетманъ. Новая жестокость поляковъ. Походъ [Церковь. Пенцера. Походъ казаковъ. Молтва Наливайки. Онъ можетъ и не хочетъ бѣжать.] Сраженіе. Тризна. Миръ. Лобода и Наливайко въ Варшавѣ. [Наливайко въ темницѣ]. Казнь ихъ. Эпилогъ. *)*

*) Курсивомъ отмѣчены исполненныя части программы.

І. К І Е В Ъ.

Едва возникнувшій изъ праха,
Съ полуразвѣнчаннымъ челомъ,
Добычей дерзостнаго ляха
Дряхлѣть Кіевъ надъ Днѣпромъ.
Какъ все измѣнчиво, непрочно!
Когда-то роскошью восточной
Въ странѣ богатой онъ сіялъ;
Смотрѣлся въ Днѣпръ съ береговъ вы-

сокихъ
И красотой изъ странъ далекихъ
Пришельцевъ чуждыхъ привлекалъ.
На шумныхъ торжищахъ звенѣли
Царьградскимъ золотомъ купцы,
Въ садахъ по улицамъ блестяли
Великолѣпные дворцы.
Среди хазаръ и печенѣговъ,
Дружиной витязей хранимъ,
Онъ посмѣвался, не вредимъ,
Грозѣ ихъ буйственныхъ набѣговъ.
Народамъ диво и краса,
Полярная Звѣзда 1825.

Воздвигнуты рукою дерзкой,
Легко вносились въ небеса
Главы обители Печерской,
Какъ души иноковъ святыхъ
Въ своихъ молитвахъ неземныхъ.
Но ужъ давно, давно не видно
Богатствъ и славы прежнихъ дней;
Всѣ Русь утратила постыдно
Междоусобіемъ князей:
Дворцы, серебро, врата златыя,
Толпы гражданъ, толпы дѣтей —
Все стало жертвою Батыя;
Но Гедиминъ нанесъ ударъ:
Прошло владычество татаръ!
На мигъ раздался гласъ свободы,
На мигъ воскреснули народы...
Но Кіевъ на степи глухой,
Дивить ужъ болѣ неспособный,
Подъ властью ляха роковой,
Стоить какъ памятникъ надгробный
Надъ угнетенною страной.

ІІ. КАРТИНА УКРАИНЫ. ЧУВСТВА НАЛИВАЙКИ.

Блеститъ весна; ея дыханьемъ,
Какъ бы волшебнымъ врачеваньемъ,
Край утѣсенный оживленъ.
Все отрясаетъ зимній сонъ:
Пестрѣть степь, цвѣтеть долина,
Одѣлся лѣсъ, стада бѣгутъ,
Тяжелый плугъ поселанина
Волю послушные влекутъ;
Кружится жаворонокъ звонкій;
Лазурный тихій небосклонъ,
И воздухъ чистый, воздухъ тонкій
Благоуханьемъ напоенъ.
Всѣ веселятся, всѣ ликуютъ,
Веснѣ цвѣтущей каждый радъ;
Полякъ, еврей и унѣтъ
Безпечно, буйственно пируютъ.
Всѣ радостью оживлены;
Одни украинцы тоскуютъ,
И имъ не въ праздникъ пиръ весны.
Что за веселье безъ свободы,

Что за весна—весна рабовъ!
Имъ чужды всѣ красоты природы,
Въ душахъ ихъ вѣчный мракъ
гробовъ.
Печали облако не сходитъ
Съ ихъ истомленнаго лица;
На души ихъ, на ихъ сердца
Все новую тоску наводитъ.
Лазурь небесъ, цвѣты полей
Имъ не отрадны, имъ не дивны;
Глядятъ уныло на дѣтей,
Всѣ радости для нихъ противны,
И пѣсни дѣвъ ихъ заунывны,
Какъ заунывенъ звукъ пѣпей.
Но Наливайко всѣхъ сильнѣй
Томится думою и страждетъ;
Его душа чего-то жаждетъ,
Онъ что-то на сердцахъ таитъ;
Друзей, родныхъ, семьи бѣжить,
Одинъ въ степи пустынной бродитъ

Нерѣдко онъ по дѣлымъ днямъ;
Ему отрадно, сладко тамъ,
Тамъ грусть душевную отводить

Въ бесѣдѣ онъ съ самимъ собой
И изъ глуши въ Чигиринъ свой
Назадъ спокойнѣе приходить.

III. РАЗГОВОРЪ СЪ ЛОБОДОЙ.

«Ты другъ давно мнѣ, Лобода,
Давно твои я чувства знаю,
Твою любовь къ родному краю
Я уважалъ, я чтить всегда;
Ты ненавидишь какъ злодѣевъ
И дерзкихъ ляховъ, и евреевъ;
Но ты отецъ, но ты супругъ,
А ужъ давно пора, мой другъ,
Быть не мужьями, а мужами.
Всѣхъ оковалъ какой-то страхъ;
Всѣ пресмыкаются рабами,
И дерзостно надменный ляхъ
Ругается надъ казаками»...

—Ты правъ, мой другъ: люблю род-
ныхъ;

Мнѣ тяжело видѣть ихъ въ неволѣ,
Всѣмъ жертвовать готовъ для нихъ,
Но родину люблю я болѣ.
Нѣтъ, не одна къ женѣ любовь
Мой умъ быть осторожнѣй учить,
Вѣстникъ Европы 1888, № 12.

Нерѣдко дума сердце мучить:
Не тщетно ли прольется кровь?
Что, если снова неудача?
Вотъ я чего, мой другъ, боюсь:
Тогда, тогда святая Русь
Навѣкъ старою будетъ плача.

«Забывъ вражду великодушно,
Движенью тайному послушный,
Быть можетъ, я еще могу
Дать руку личному врагу;
Но вѣковыя оскорбленья
Тиранамъ родины прощать
И стыдъ обиды оставлять
Безъ справедливаго отмщенья
Не въ силахъ я; одинъ лишь рабъ
Такъ можетъ быть и подлъ, и слабъ.
Могу ли равнодушно видѣть
Порабощенныхъ земляковъ?
Нѣтъ, нѣтъ! Мой жребій—ненавидѣть
Равно тирановъ и рабовъ!...»

IV. СМЕРТЬ ЧИГИРИНСКАГО СТАРОСТЫ.

Съ пищалью мѣткой и копьемъ,
Съ булатомъ острымъ и съ нагайкой,
На аргамакѣ ворономъ
По степи мчится Наливайко.
Какъ вихоръ бурный конь летить,
По вѣтру хвостъ и грива вьется,
Густая пыль изъ-подъ копытъ
Какъ облако во слѣдъ несется...
Летить... привсталъ на стременахъ,
Въ туманъ далекий взоры топить,
Узрѣлъ—и съ яростью въ очахъ
Коня и вудить, и торопить...
Какъ точка передъ нимъ вдали
Чернѣетъ что-то въ дымномъ полѣ;
Вотъ отдѣлилась отъ земли,
Вотъ съ каждымъ мигомъ болѣ, болѣ.

И наконецъ, на вышинѣ,
Средь мглы сѣдой, въ степи пустынной
Вдругъ показался на конѣ
Красивый всадникъ съ пикой длинной...
Казакъ коня быстрѣй погналъ;
Въ его очахъ веселье злое...
И вотъ — почти ужъ доскакалъ...
Копье направилъ роковое,
Настигъ, ударилъ — всадникъ палъ,
За стремя зацѣпясь ногою,
И конь испуганный помчалъ
Младого ляха подъ собою.
Летить какъ ястребъ витязь вслѣдъ;
Коня измученнаго колеть
Или въ ребро, или въ хребетъ
И въ дальный бѣгъ его неволить.

Давно законъ въ Варшавѣ дремлетъ, Ни въ часъ мольбы въ церквахъ
 Вотще народный злышени гласъ: святыхъ.
 Ему никто, никто не внемлетъ. «Пора!» мнѣ шепчетъ голосъ тайный:
 Въ полякамъ ненависть съ тѣхъ «Пора губить враговъ Украйны!»
 поръ Известно мнѣ: погибель ждетъ
 Во мнѣ кипить, и кровь бушуетъ. Того, кто первый возстаетъ
 Угрюмъ, суровъ и дикъ мой взоръ; На утѣснителей народа;
 Душа безъ вольности тоскуетъ. Судьба меня ужъ обрекла.
 Одна мечта и ночь, и день Но гдѣ, скажи, когда была
 Меня преслѣдуетъ какъ тѣнь; Безъ жертвъ искуплена свобода?
 Она мнѣ не даетъ покоя Погибну я за край родной,—
 Ни въ тишинѣ степей родныхъ, Я это чувствую, я знаю,
 Ни въ таборѣ, ни въ вихрѣ боя, И радостно, отецъ святой,
 Полярная Звѣзда 1825 г. Свой жребій я благословляю!»

VII. ПОХОДЪ КАЗАКОВЪ.

Вѣетъ, вѣетъ, повѣваетъ Вослѣдъ за войскомъ идутъ व्यюки...
 Тихій вѣтръ съ днѣпровскихъ водъ... Свирѣлей, трубъ, суремокъ звуки,
 Войско храбрыхъ выступаетъ И гаркъ летящихъ удалцовъ,
 Съ шумной радостью въ походъ. И шумъ, и пѣнье казаковъ,—
 Полкъ за полкомъ безбрежной Все Наливайку веселило,
 степью Все добрымъ предвѣщаньемъ было.
 Иль тянутся лѣсистой цѣпью, «Смотри,—онъ Лободѣ сказалъ,—
 Или несутся на рысяхъ. Какъ измѣнилось все. Давно ли
 По сторонамъ на скакунахъ Казакъ съ печали увядаль,
 Гарцуютъ удалцы лихіе; Стоналъ и подъ ярмомъ неволи
 То быстро, какъ орлы степенные, Въ себѣ всѣ чувства подавлялъ?
 Изъ глазъ умчатся, то порой, Возьмутъ свое права природы;
 Дразня другъ друга, ѣдутъ тихо, Безсмертна къ родинѣ любовь;
 То вскачъ опять, опять стрѣлой Раздастся гласъ святой свободы,
 И вдоль полковъ несутся лихо. И рабъ проснетсѣ къ жизни вновь».

VIII. ЛАГЕРИ ПОЛЯКОВЪ И КАЗАКОВЪ.

Глухая ночь. Молчить рѣка. Тотъ хвалится лихимъ конемъ,
 Луна сокрылась въ облака, Тотъ саблю дѣдовскую точить
 И Чигиринъ и оба стана И дерзостно надъ казакомъ
 Обвиты саваномъ тумана. Побѣду землякамъ пророчить.
 Вокругъ костровъ шумять и пьютъ Въ кунтушѣ пышномъ, на коврѣ,
 Толпами буйные поляки; Жолкевскій спитъ въ своемъ шатрѣ.
 Ихъ души яростныя ждуть, Надъ нимъ летаетъ страшный сонъ:
 Какъ праздника, кровавой драки. Въ Варшавѣ площадь видитъ онъ;
 Одни враговъ своихъ клянуть, На площади костеръ высокий,
 Другіе спорять, тѣ поютъ, Въ срединѣ—столбъ. Палачъ жестокой
 Тотъ, богохульствуя, хохочетъ, Кого-то въ саванѣ влечетъ;

Вослѣдъ ему народъ толпами
 Изъ улицъ медленно идетъ
 И головы свои несетъ
 Окровавленными руками,
 Поднявъ ихъ странно надъ плечами...
 Вотъ неизвѣстный съ палачомъ
 Къ костру подходитъ безъ боязни.
 Взняли... Безмолвіе кругомъ...
 Вотъ хладный исполнитель казни
 Его къ столбу ужъ привязалъ,
 Зажегъ костеръ, костеръ вспылалъ,
 И надъ высокими домами
 Понесся черный дымъ клубами.
 Вдругъ въ небесахъ раздался гласъ:
 «Свершилось все! На васъ, на васъ
 Страдальца кровь и шумъ проклятій!
 Погибъ,—но онъ погибъ за братій!»
 Народъ ужасно застоналъ,
 Кругомъ костра толпиться сталъ
 И, головы бросая въ пламень,
 Назадъ по площади бѣжалъ
 И упалъ на хладный камень...
 Все тихо... Только кровь шумитъ...
 Во снѣ Жолкевскій странно стонетъ,
 Трепещетъ, молится... Вдругъ зреть,
 Что онъ въ волнахъ кровавыхъ
 тонетъ...
 Душа невольно обмерла;

Сонъ отлетѣлъ; въ шатрѣ лишь мгла,
 Но онъ, но онъ еще не знаетъ,
 Что въ крупныхъ капляхъ упа-
 даетъ—
 Иль кровь, иль потъ съ его чела...
 Межъ тѣмъ, потопленный въ туманахъ,
 Казакскій таборъ на курганахъ
 Спокойно дремлетъ вдоль рѣки;
 Какъ звѣзды въ небесахъ пустынь,
 Кой-гдѣ чуть свѣтятъ огоньки;
 Вкругъ нихъ у коневязей длинныхъ
 Лежатъ рядами казаки.
 Сны благодатные надъ ними
 Летаютъ рѣзвою толпой:
 Тотъ зреть себя между родными
 Подъ кровомъ хижины родной;
 Сей, по Днѣпру раскинувъ сѣти,
 Обрато къ берегу плыветъ;
 Вотъ сотни рыбъ на ставъ влечетъ...
 Напрасно Тямсинъ быстры воды,
 Шумя, въ очеретахъ струить,
 Напрасно, вѣстникъ непогоды,
 Вѣтръ буйный по степи шумить:
 Спать сладко ратники свободы,
 Ихъ сна ничто не возмутитъ...

IX. МОЛИТВА НАЛИВАЙКИ.

Ты зришь, о Боже всемогущій!
 Злодѣйствамъ ляховъ нѣтъ числа;
 Какъ дубъ, на темѣ горъ растущій,
 Тирановъ дерзость возросла.
 Я невиновенъ, Боже правый,
 Когда здѣсь хлынетъ кровь рѣкой;
 Войну воздвигъ я не для славы,—
 Вѣстникъ Европы 1888, № 12.

Я поднялъ мечъ за край родной.
 Ты лицемѣровъ ненавидишь,
 Ты грозно обличаешь ихъ;
 Ты съ высоты небесъ святыхъ
 На днѣ морскомъ песчинку видишь;
 Ты проницаешь, мой Творецъ,
 Въ изгибы тайные сердець...

III.

отрывокъ изъ поэмы: «хмѣльницкій.»

ГАЙДАМАКЪ.

Осенней ночью близъ кургана,
 Въ степи глухой, у огонька,

Сидятъ одни во мглѣ тумана
 Два запорожскихъ казака.

Напрасно зоркія ихъ очи
Сквозь черный мракъ угрюмой ночи
Чего-то ищутъ въ дальней мглѣ;
Вотще они къ сырой землѣ
Свое прикладываютъ ухо;
Кругомъ все сумрачно и глухо;
Молчить рѣка, безмолвень лѣсъ;
Ни звѣздочки среди небесъ.
Объята черной пеленою,
Какъ будто вся природа спитъ...
Лишь налетая вѣтръ порою
Сухой ковылью шевелить,
Да кони борзые, на волѣ
Гуляя, травку щиплютъ въ полѣ...

«Гдѣ запоздалъ онъ?... Ужъ пора
Ему примчаться. Отъ Дибра
Тутъ недалеко... Конь надежный;
Съ нимъ и въ такую ночь никакъ
Съ дороги сбиться невозможно;
Удалъ отважный гайдамакъ!
Пусть ночь, удвоя черный мракъ,
На степь унылую наляжетъ,—
Казакъ всегда казакъ: ему
На Запорожіе сквозь тьму
Пустынный вѣтеръ путь укажетъ...

«Не подстерегъ ли удалца
Въ глуши татаринъ кровожадный?
Ну, чтожъ? Пусть такъ: у молодца
Булатъ съ пищалью семипядной.
И въ ясный день, и въ часъ ночной
Онъ самъ верѣдко съ самопаломъ
Стрежетъ враговъ въ травѣ густой,
Иль рыцетъ по степи шакаломъ...

«Я хорошо тотъ помню день,
Когда пришелъ онъ въ нашъ курень
И клятву далъ быть гайдакомъ,
За Сѣчь свободную стоять
И вѣчно ненависть питать
И къ хищнымъ крымцамъ, и къ поля-

камъ.
Непринужденный разговоръ,
Движенья, поступъ, гордый взоръ,
Черты, жупанъ—все родъ высокій

Изображало въ прищлецѣ;
Прекрасенъ гость былъ черноокій,
Все насъ плѣняло въ молодцѣ;
Но зрѣлся слѣдъ тоски глубокой
На молодомъ его лицѣ...

«Всѣ, полюбя его, ласкали,
Шутили съ нимъ среди шумныхъ игръ;
Но разогнать его печали
Не могъ никто... Какъ юный тигръ,
На всѣхъ глядѣлъ, нахмурия брови,
Былъ дружбы чуждъ, былъ чуждъ
любви,

Леталъ въ пустыняхъ на конѣ
И, уводя въ тишинѣ,
Онъ рвался въ бой, онъ жаждалъ
крови...

«Обылось желанье. Саранчей
Мы понеслися подъ Очаковъ,
И удалствомъ прищлецъ молодой
Въ грязь затопталъ всѣхъ гайдамаковъ.

«Суровъ и дикъ, и одинокъ,
Чуждаясь всѣхъ, всегда угрюмый,
И нынѣ бродитъ, какъ порокъ,
Въ мѣстахъ глухихъ онъ съ тайной
думой.

Печаль, какъ черной ночи мгла,
Ему на сердце налегла.
Она, жестокая, тревожить
Его повсюду и всегда;
Ничѣмъ, нигдѣ и никогда
Ея разсѣять онъ не можетъ.

«Ему несносна тишина;
Безъ крови вражеской, безъ боя,
Онъ будто чахнетъ средь покоя;
Его душѣ нужна война;
Опасность, кровь и шумъ военный
Одни его животворятъ
И въ бурѣ битвъ покой мгновенный
Душѣ встревоженной дарятъ.
Толпой и крымцы, и поляки
Не разъ гонимы были имъ;
Какъ Божій гнѣвъ, ужасны съ нимъ
Въ набѣгахъ буйныхъ гайдамаки...

«Въ немъ не волнують уже кровь
 Младыхъ украинокъ любовь
 И вѣрной дружбы гласъ привѣтный:
 Давно онъ ко всему примѣтно
 Остылъ безчувственной душой;
 Въ ней вѣетъ холодъ гробовой:
 Она, какъ хладная могила,
 Его все блага поглотила...
 Всегда опущены къ землѣ
 Его сверкающія очи;
 Темнѣетъ на его челѣ
 Какой-то грѣхъ, какъ сумракъ ночи.
 Еще никто не зрѣлъ того,
 Чтобы хотя на мигъ единый
 Улыбкой сгладились морщины
 На бронзовомъ лицѣ его.
 Однажды только, увѣряли,
 Въ немъ очи радостью сверкали:
 То было въ замкѣ богача,
 Убитаго имъ па Волыни,
 Гдѣ превратилъ онъ все въ пустыни,
 Какъ гнѣвъ небесный—саранча;
 Гдѣ кровь ручьями лилъ онъ хладно,
 Гдѣ все погибло безпощадно
 Иль отъ огня, иль отъ меча.
 Вотще молила дочь младая,
 Вотще у ногъ лежалъ магпачъ:
 Въ грудь старца, воплямъ не внимая,
 Вознялъ онъ съ хохотомъ булатъ...»

Такъ говорили межъ собою
 Про гайдамака-молодца
 Два запорожскихъ удалца...
 Межъ тѣмъ ужъ началъ за рѣкою
 Мерцать на дальнемъ небѣ свѣтъ,
 А запорожда нѣтъ какъ нѣтъ.
 Несется почь... И вотъ зарю

Соревнователь Просвѣщенія 1825, ч. XXX.

IV.

Отрывки изъ поэмы «мазепа».

I. ПАЛЪИ.

Не тучи солнце обступали,
 Не вѣтры въ полѣ бушевали:
 Палѣя, съ горстью казаковъ,
 Толпы несмѣтныя враговъ
 Въ пустынномъ полѣ окружали...
 Куда укрыться молодцу?

Какъ избѣжать неравной драки?
И тамъ, и здѣсь—вездѣ поляки...
По смуглому его лицу
Давно ужъ градомъ потъ катится;
Отъ мѣткого свинца валится
Съ коня казакъ за казакомъ...
Уже обхваченъ онъ кругомъ...
Ужъ плѣнъ ему грозитъ позорный...
Но вдругъ, одинъ, съ копьемъ въ рукѣ,
Сквозь густоту толпы упорной
Несется онъ, какъ вѣтръ нагорный.
Вотъ вправо, влѣво—и къ рѣкѣ.
Коню проворною рукою
Набросилъ на глаза башлыкъ,
Самъ головой къ лукѣ приникъ,
Ударилъ плетью—и стрѣлою

Сѣверная Пчела 1825, № 2.

Слетѣлъ съ береговъ, отваги полнъ;
И вотъ средь брызговъ и средь волнъ
Исчезъ въ клубящейся пучинѣ...
Бушуетъ вѣтръ, рѣка реветъ...
Ужъ онъ спокойно на срединѣ
Днѣпра шумящаго плыветъ.
Враги напрасно мечутъ стрѣлы,
Свинецъ напрасно тратятъ свой;
Разить лишь воздухъ онъ пустой—
И невредимо витязь смѣлый
Выходитъ на берегъ крутой.
Конь опѣненный встрепенулся,
Прочхнулъ, радостно заржалъ...
Палѣй съ насмѣшкой оглянулъ,
Врагамъ проклятіе послалъ
И въ степь глухую усекалъ...

II.

Что ты задумалъ, хитрый Мазепа,
Что ты замыслилъ, гетманъ сѣдой...

(пѣсня сторонниковъ мазепы).

Съ самопаломъ и булатомъ,
Съ самою храбростію въ сердцахъ,
Смѣло, други, братъ за братомъ,
На лихихъ своихъ коняхъ!
Смѣло грянемъ за свободу,
Оградивъ себя крестомъ,—

Вѣстникъ Европы 1888, № 12.

Возвратимъ права народу
Иль со славою умремъ!
Пусть гремѣющей, быстрой славой
Разнесетъ вездѣ молва,
Что мечомъ въ битвѣ кровавой
Приобрѣлъ казакъ права!
Смѣло, други, въ бой свирѣпый!
Жаждетъ битвы вѣрный конь...
Смѣло, дружно за Мазепою—
На мечи и на огонь!

У.

П А Р Т И З А Н Ы.

(отрывокъ).

Въ лѣсу дремучемъ, на полянѣ
Отрядъ наѣздниковъ сидитъ.
Окрестность вся въ сѣдомъ туманѣ;
Кругомъ осенній вѣтръ шумитъ;
На тусклый мѣсяцъ набѣгаютъ
Порой густыя облака;
Надулась черная рѣка,
И молніи вдали сверкаютъ.

Плащи навѣшаны шатромъ
На пикахъ, вглубь земли вонзенныхъ;

Биваки въ сумракѣ ночномъ
Вокругъ костровъ воспламененныхъ...
Средь нихъ толпами удалцы:
Ахтырцы, бугцы и дошцы.

Пируютъ всадники лихіе,
Свершивъ отчаянный набѣгъ.
Заботы трудны боевыя,
Но весель шумный ихъ почлегъ.
Живой бесѣдой сокращаютъ
Они другъ другу часъ ночной;

Дѣла вождей страны родной
Воспоминаямъ оживляютъ
И лѣсъ угрюмый и густой
Веселымъ пѣньемъ пробуждаютъ.

пѣсня партизанская.

Вкушаетъ врагъ безпечный сонъ,
Но мы не спимъ, мы надзираемъ
И вдругъ на станъ со всѣхъ сторонъ
Какъ снѣгъ внезапный налетаемъ.

Въ одно мгновенье врагъ разбитъ,
Врасплохъ застигнуть удалцами,
Сѣверные Цвѣты 1828.

И вслѣдъ за ними страхъ летить
Съ неутомимыми донцами.

Свершивъ набѣгъ, мы въ лѣсъ густой
Съ добычей вражеской уходимъ
И тамъ за чашей круговой

Минуты отдыха проводимъ.

Съ зарей бросаемъ свой ночлеги,
Съ зарей опять съ врагами встрѣча,
На нихъ нечаянный набѣгъ
Иль неожиданная сѣча...

Такъ сонмы ратниковъ простыхъ
Досугъ безпечный провождали...

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I. ПУТЕШЕСТВІЕ НА ПАРНАССЪ.

(отрывокъ).

.....
Тамъ многихъ авторовъ творенья,
Въ пыли валяясь, гниютъ.
Тамъ Лета есть, рѣка забвенья:
Въ ней также многіе живутъ.
Я видѣлъ, какъ въ ней Львовъ ку-
пался
И обмывалъ своихъ дѣтей;
Я зрѣлъ—Шихматовъ въ ней остался,
А съ нимъ и тысяча статей.
Я самъ свидѣтель былъ въ то время,
Какъ нѣсколько прочтя листовъ,
За нанесенное тѣмъ бремя,
Былъ столкнутъ съ берега Хвостовъ.

Я былъ при томъ, когда Гераковъ,
Пузатый, лысый, небольшой,
Потомокъ вздорливый Иракловъ,
Былъ Леты поглощенъ волной.
Я зрѣлъ, какъ нашъ пѣить слезливый
«Красу дужковъ, лазурь небесъ,
«И сельску жизнь, и злачны шивы»
Пѣлъ, пѣлъ—и, наконецъ, исчезъ.
Такая жъ участь, можетъ статья,
И намъ, о други, суждена!
Такъ лучше въ даль намъ не пу-
скается,
Чтобъ не измѣрить Леты дна...

Дрезденъ. 15 октября, 1814.
Изд. 1872.

II. КЪ ВРЕМЕНИЦКУ.

Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Внесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь
И въ грозномъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь.

Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!
Изъ устъ твоихъ хула—достойныхъ хвалъ вѣнецъ!
Смѣюсь мнѣ сдѣланнымъ тобой униженіемъ!
Могу-ль унизиться твоимъ пренебреженіемъ,
Боль самъ съ презрѣніемъ я на тебя гляжу,
И гордъ, что чувствъ твоихъ въ себѣ не нахожу.
Что сей кимвальный звукъ твоей мгновенной славы?
Что власть ужасная и санъ твой величавый?
Ахъ, лучше скрыть себя въ безвѣстности простой,
Чѣмъ съ низкими страстями и подлою душой
Себя, для строгаго своихъ согражданъ взора,
На судъ ихъ выставлять, какъ будто для позора!
Что пользы въ санѣ мнѣ и въ почестяхъ моихъ?
Не санъ, не родъ—одни достоинства почтенны...
Сеянъ! И самые цари безъ нихъ—презрѣнны,
И въ Цицеронѣ мной не консулъ, самъ онъ чтимъ,
За то, что имъ спасенъ отъ Катилины Римъ...
О мужъ, достойный мужъ! Почто не можешь снова,
Родившись, согражданъ спасти отъ рока злова?
Тиранъ, вострепещи! Родиться можетъ онъ!
Иль Кассій, или Брутъ, иль врагъ царей Катонъ!
О, какъ на лирѣ я потщусь того прославить,
Отечество мое кто отъ тебя избавить!
Подъ лицемѣріемъ ты мыслишь, можетъ быть,
Отъ взора общаго причины зла укрыть...
Не зная о своемъ ужасномъ положеніи,
Ты заблуждаешься въ несчастномъ ослѣпленіи:
Какъ ни притворствуешь и какъ ты ни хитришь,
Но свойства зlobныя души не утаишь;
Твои дѣла тебя изблнчать народу;
Познаетъ онъ, что ты стѣснилъ его свободу,
Налогомъ тягостнымъ довелъ до нищеты,
Селенія лишилъ ихъ прежней красоты...
Тогда вострепещи, о временникъ надменный!
Народъ тиранствами ужасенъ разъяренный!
Но если зlobный рокъ, злодѣя полюбя,
Отъ справедливой мзды и сохранить тебя,—
Все трепещи, тиранъ! За зло и вѣроломство
Тебѣ свой приговоръ произнесетъ потомство!
Невскій Зритель 1820, IV.

III. КЪ ДРУГУ.

Не намъ, мой другъ, съ тобой чуж- Утѣхъ и радостей земныхъ,
даться Красою милыхъ не прельщаться

И сердцем дорожить для нихъ.
 Пусть мудрецы всё за химеру
 Считаютъ блага жизни сей;
 Не намъ ихъ слѣдовать примѣру
 Въ цвѣтущей юности своей.
 Тенерь еще въ насъ свѣжи силы,
 И сердце бьется для любви;
 Придутъ дни старости унылы, —
 Угаснетъ прежній огонь въ крови,
 Къ утѣхамъ чувства онѣмѣютъ,
 Кровь медленнѣй полется въ насъ,
 Всѣ наши нервы ослабѣютъ...
 И все напомнить смерти часъ!
 Тогда, тогда уже не время
 О милыхъ будеть вспоминать
 Невскій Зритель 1820, IV.

И сей угрюмой жизни бремя
 Въ объятяхъ нѣжныхъ облегчать...
 Итакъ, доколь не промчалась
 Быстротекущихъ дней весна,
 Дколь еще не показалась
 На нашихъ кудряхъ сѣдина,
 Дколь любовью полны очи
 Прелестницъ юныхъ насъ манять
 И подъ покровомъ мрачной ночи
 Восторгъ и радости суютъ, —
 Мой другъ, въ свой домикъ безо-
 пасный,
 Когда сну преданъ Петроградъ,
 Слѣши съ Доридою прекрасной
 На лоно пламенныхъ отрадь.

IV. КЪ ДЕЛІИ.

Опять, о Делія, завистливой судьбою
 Надолго, можетъ быть, я разлученъ съ тобою!
 Опять, опять одинъ съ унылою душой
 Въ Пальмирѣ Сѣвера прекрасной
 Брожу какъ спрота несчастный,
 Питая мрачный духъ тоской!
 Ничтожной славой ослѣпленный,
 Жилище скромное и нѣги, и отрадь,
 Жилище радостей — твой домъ уединенный,
 Безумецъ, промѣнять дерзнулъ на Петроградъ,
 Гдѣ все тоску мою питаетъ,
 Гдѣ сердце юное страдаетъ!
 Почто моленіямъ твоимъ я не внималъ!
 Почто, о Делія, съ тобою я разстался!
 Ахъ, я бѣ теперь съ тоской и грустью не скитался,
 Но въ хижинѣ бѣ твоей съ любовью обиталъ,
 Въ сей хижинѣ, гдѣ я узналъ тебя впервые,
 Гдѣ въ жизни первый разъ, съ потокомъ сладкихъ слезъ,
 Въ часы для сердца дорогіе
 Несмѣлымъ голосомъ «люблю» я произнесъ;
 Гдѣ ты мнѣ на любовь любовью отвѣчала,
 Гдѣ сладострастіе и нѣгу я вкушалъ;
 Гдѣ ты въ объятіяхъ счастливица трепетала,
 Гдѣ я мгновенія восторгами считалъ!..
 Ахъ, скоро ли опять изъ шумной и огромной
 Столицы Сѣвера, о мой безцѣнный другъ,

Нечаянно въ твой домикъ скромный
Предстанеть пѣжннй твой супругъ,
И ты въ объятія къ нему полунагая
Съ постели бросишься, вся въ радости, въ слезахъ,
И я забуду все, на трепетныхъ гудяхъ
Въ восторгахъ пылкихъ утопая...

Невскій Зритель 1820, IV.

V. ТРИОЛЕТЪ НАТАШЪ.

Ахъ, должно, должно быть бездушнымъ,
Чтобы Наташу не любить!
Чтобъ, зря ее, быть равнодушнымъ,
Ахъ, должно, должно быть бездушнымъ.
Я сердцу вѣчно былъ послушнымъ,
Такъ какъ-же мнѣ не говорить:
Ахъ, должно, должно быть бездушнымъ,
Чтобы Наташу не любить!

Невскій Зритель 1820, IV.

VI. ЗАВѢТЪ БОГОВЪ.

Кого не побѣдитъ Аглаи томный взоръ,
Младенческая словъ небрежность,
Ея пріятный разговоръ
И чувствъ нслицемерна пѣжнность,—
Тому любви во вѣкъ не знать;
Тотъ будетъ въ мнрѣ сиротою,
Какъ отчужденный тосковать
Съ своей холодною душою.

Невскій Зритель 1820, IV.

VII. ЭПИГРАММА.

Извѣстно всемъ давно, что стиходѣй Аристъ
Грамматикѣ еще не обученъ какъ должно;
Теперь же изъ его пѣсы видѣть можно,
Что онъ и на руку не чистъ!

VIII. ЭПИГРАММА.

Не диво, что Вралевъ такъ много пишетъ вздору,
Когда онъ хочетъ быть Плутархомъ въ пашу пору.
Невскій Зритель 1820, IV.

IX. ЭПИГРАММА.

«Ты знаешь Фирса чудака?
Зачѣмъ онъ головой киваетъ?»

— Отъ пустоты она ужъ такъ легка,
Что и зефиръ ее качаетъ.

Благонамѣренный 1820, № 5.

X. ЭПИГРАММА.

Бездѣлокъ нѣсколько нашъ Бавій накропавъ,
Твердить, что можетъ онъ съ Державиннымъ рав-
няться...

Въ жару мечтать такъ Бавій правъ;
Но вправѣ же зато и мы надъ нимъ смѣяться!

Благонамѣренный 1820, № 13.

XI. НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ

одного стараго война, умершаго отъ кровопу-
скавля.

Вотъ вѣрное изображенье
Того, котораго падали сорокъ лѣтъ
Трехгранные штыки и пули на сраженъѣ; —
Не пощадилъ его лишь докторскій ланцетъ!

Благонамѣренный 1820, № 5.

XII. РОМАНСЪ.

Какъ счастливъ я, когда сижу съ тобою,
Когда люблюя я, глядя на тебя,
Твоею милою, любезной красотою...
Какъ счастливъ я!

Какъ счастливъ я, когда ты, другъ мой милый,
Свой голосъ съ звуками гитары съедина,
Посешь иль пѣсенку, или романсъ унылый,
Какъ счастливъ я!

Какъ счастливъ я, когда умильнымъ взоромъ,
Прелестный, милый другъ, ты подарить меня,
Иль обратишься вдругъ ко мнѣ ты съ разговоромъ,
Какъ счастливъ я!

Какъ счастливъ я, когда ты понимаешь
Изъ взора моего, сколь я люблю тебя,
Когда мнѣ ласками на ласки отвѣчаешь,
Какъ счастливъ я!

Какъ счастливъ я, когда своей рукою
Ты тихо жмешь мою и, глядя на меня,
Твердишь вполголоса, что счастлива ты мною,
Какъ счастливъ я!

Какъ счастливъ я, когда вдругъ осторожно,
Украдкой ото всѣхъ дѣлуешь ты меня!
Ахъ, смертному едва ль такъ счастливымъ быть можно,
Какъ счастливъ я!

Благонамѣренный 1820, № 5.

ХІІІ. КЪ ДЕЛІИ.

Почто, о Делія, съ колѣнопреклоненьемъ
Къ безсмертнымъ прибѣгалъ съ напраснымъ я моленьемъ?
Почто на алтаряхъ имъ өміямъ куриль,
Коль рокъ тебя ко мнѣ еще не возвратилъ?
Дерзаль ли у боговъ въ своихъ моленьяхъ скромныхъ
Тибулль испрашивать себѣ палатъ огромныхъ
Иль крезовыхъ богатствъ, иль славы и честей,
Иль тучныхъ пожитыми Церериныхъ полей,
Иль стадъ безчисленныхъ съ обширными лугами?
Объ скромной бѣдности лишь имъ скучаль мольбами,
Которую бѣ дѣлилъ всегда съ тобою я;
Молилъ, чтобъ при тебѣ застала смерть меня...
На что сокровища, на что стада мнѣ тучны?
Иль будемъ болѣ мы съ тобой благополучны
Въ чертогахъ мраморныхъ, для коихъ привезли
Огромны глыбы горъ изъ разныхъ странъ земли?
Ахъ, нѣгъ! Ни золото, ни ткани драгоцѣнны,
Ни храмины, рукой искусства изсѣченны,
Ни въ златѣ блещуща толпа наемныхъ слугъ
Намъ счастье даровать не въ силахъ, милый другъ!
Съ тобой мнѣ, Делія, и домикъ мой убогій
Олимпомъ кажется, гдѣ обитаютъ боги;
Скудельностью своей и скромной простотой
Онъ гонить отъ себя суетъ крылатыхъ рой;
И я за мигъ одинъ, съ тобой въ немъ проведенный,
Не соглашуся взять сокровищъ всей вселенной.

О, боги! Пусть Тибулль, всѣхъ благъ земныхъ лишаась,
Но только съ Деліей своей соединясь,
Въ дому родительскомъ съ ней вмѣстѣ обитаетъ
И вмѣстѣ съ нею же въ немъ дни свои скончается.

О, дщерь Сатурнова! И ты, любви мать!
Дерзаю къ вамъ мольбы усердны возсылать;
Вы съ благосклонностью, вамъ сродной, имъ внемлите
И Делію навѣкъ Тибуллу возвратите.
Но если Парки мнѣ сего не прорекли,
Коль Деліи не зрѣтъ мнѣ болѣ на земли,
То пусть сейчасъ сойду въ подземныя пещеры,

Гдѣ сестры лютыя безжалостной Мегеры,
Въ жилищѣ мрачномъ ихъ тѣнь новую узря,
Улыбкой адскою прѣвѣтствуютъ себя.

Благонамѣренный 1820, № 13.—Подражаніе Тибуллу (Tibulli elegiae, III, 3).
Это одна изъ тѣхъ элегій, которыя приписываются не самому Тибуллу, а кому-либо изъ его знакомыхъ.

XIV. ШАРАДА.

Часть *первая* моя, отъ зною укрывая,
Усталыхъ путниковъ подѣ тѣнь свою манить,
И ихъ прохладой освѣжая,
Съ Зефиромъ шепчетъ и шумить.
Вторая часть моя приводитъ въ восхищенье,
Коль былъ творцомъ ея Державинъ или Петровъ;
Когда-жъ скропалъ Свистовъ, —
Всѣхъ погружаетъ въ усыпленье!

А *цѣлое* — замѣть, читатель дорогой! —
Въ себѣ волшебника всю заключало силу,
Посредствомъ коей онъ прекрасную Людмилу
Похитилъ дерзостно въ часъ полночи глухой
Изъ брачной храмины въ волшебный замокъ свой.

Благонамѣренный 1820, № 23—24.

XV. КЪ КАХОВСКОМУ. *

Чтобъ я младые годы
Лѣтнимъ сномъ убилъ!
Чтобъ я не поспѣшилъ
Подъ знамена свободы!
Нѣтъ, нѣтъ, тому во вѣкъ
Со мною не случится....
Тотъ жалкій человекъ,
Кто славой не плѣнител!
Кумиръ молодой души,
Она меня, трубою
Будя въ нѣмой глуши,
Вслѣдъ кличетъ за собою
На берега Невы.

Итакъ простите вы,
Краса благой природы —
Цвѣтущіе сады,
И пышные плоды,

И Дона тихи воды,
И миръ души моей,
И кровь уединенный,
И тишина полей
Страны благословенной,
Гдѣ, горя и суетъ
И обольщеній чуждый,
Прожить бы могъ поэтъ
Безъ прихотливой нужды;
Гдѣ-бъ дни его текли
Подъ сѣнью безмятежной,
Въ объятяхъ дружбы нѣжной
И родственной любви!

Все это оставляя,
Плающій поэтъ
Направилъ свой полетъ,
Совѣтамъ не внимая,

* Въ отвѣтъ на стихи, въ которыхъ онъ совѣтовалъ мнѣ навсегда остаться въ Украинѣ.—К. Р.

За чародѣйкой вслѣдъ,
Въ тревожномъ шумѣ свѣта,
Средь горы и заботъ,
Въ мои младыя лѣта,
Быть можетъ, для поэта

Она вѣнокъ советъ.
Онъ мнѣ въ уединеньѣ,
Когда я буду сѣдъ,
Послужить въ утѣшенье
Средь дружескихъ бесѣдъ.

1820.

Русская Старина 1872, V.

XVI. ЗАБЛУЖДЕНІЕ.

Завѣса наконецъ съ очей моихъ упала,
И я коварную Дориду разгадалъ!
Ахъ, еслибъ прежде я измѣнницу узналъ,
Тогда бы менѣ душа моя страдала,
Тогда бъ я слезъ не проливалъ!
Но могъ ли я имѣть сомнѣнье?...
Ея плѣнительный и непорочный видъ,
Стыдливости съ любовію боренье,
И взгляды нѣжныя, и жаръ ея ланить,
И страстный поцѣлуй, и персей трепетанье,
И пламень молодой крови,
И робкое въ чзсы отрадъ признанье —
Все, все казалось въ ней свидѣтельствомъ любви
И нѣжной страсти пылкимъ чувствомъ!
Но было все коварствъ плодомъ
И записныхъ гетеръ искусствомъ,
Корысти низкія трудомъ!...
А я, безумецъ, въ ослѣпленьи,
Дориду хитрую въ душѣ боготворилъ,
И страсти пламенной въ отрадномъ упоеньи,
Боговъ лишь равными себѣ въ блаженствѣ мнилъ!...

1820.

Невскій Зритель 1821, V.

XVII. СЧАСТЛИВАЯ ПЕРЕМѢНА.

Свершилось наконецъ! Я Лидой обладаю
И за протекшія страданія мои,
Въ награду пламенной любви
Теперь въ восторгахъ утопаю!
Вчера, еще вчера, суровый бросивъ взглядъ,
Надежды Лидинька навѣкъ меня лишила
И въ сердцѣ юномъ породила
Любви пренебреженной адъ.
Въ отчаяньи, въ тоскѣ, печальный и угрюмый,
Въ уединеніе свое я прибѣжалъ;

Въ умѣ рождались мрачно думы;
Я то нѣмѣлъ, то трепеталъ...
Вдругъ слышу голосъ я... и вижу предъ собою
Младую Лидиньку вечернею порою,
Въ слезахъ раскаянья, съ любовію въ очахъ,
Съ улыбкой горестной на розовыхъ устахъ!
«Прости, что я не довѣряла,
«Мой милый другъ, любви твоей;
«Но нынѣ я тебя узнала —
«И предаюсь взаимно ей!»
И съ тѣми нѣжными словами
Вдругъ бросилась въ мои объятія она,
И страсти пламенной полна,
Къ моимъ устамъ касалась устами.
Огонь любви въ очахъ ея пылалъ...
Въ восторгахъ страстныхъ я и млѣлъ, и трепеталъ,
И Лиду прижималъ
Къ трепещущей груди дрожащими руками!
1820.
Русская Старина 1872, V.

XVIII. НЕЧАЯННОЕ СЧАСТІЕ.

(Подражаніе древнимъ).

О радость, о восторгъ! Я Лилу молодую
Вчера нечаянно узрѣлъ полунагую!
Какое зрѣлище отрадное очамъ!
Власы волнистыя небрежно распущенны
По алебастровымъ плечамъ,
И перси дѣвственны, и ноги обнажены,
И стройный, тонкій станъ подъ дымкою одной,
И полныя огня плѣнительныя очи,
И все, и все—въ часы глубокой ночи,
При ясномъ свѣтѣ лампъ, въ обители нѣмой...
Дыханья перевести не смѣя въ изумленьи,
На прелести ея въ безмолвьи я взиралъ,
И сердце юное пылало въ восхищеньи;
Въ восторгахъ таялъ я, и млѣлъ, и трепеталъ,
И взоры жадные сквозъ дымку устремлялъ...
Но что я чувствовалъ, когда младая Лида,
Увидѣвъ въ храминѣ меня между столповъ,
Вдругъ въ страхъ вскрикнула и руки опустила—
И съ тайныхъ прелестей послѣдній спалъ покровъ!
1821.
Изд. 1872.

XIX. ЖЕСТОКОЙ.

Смотри, о Делія, какъ вянетъ сей цвѣточекъ,
Съ какой свирѣпостью со стебелька
Всгдѣ за листочкомъ рветъ листочекъ
Суровой осени рука!

Ахъ, скоро, скоро онъ красы своей лишится,
Не станетъ болѣе благоухать;
Послѣдній скоро листъ свалится,
Зефиръ не будетъ съ нимъ играть.

Угрюмый Аквилонъ нагонитъ тучи мрачны,
Въ уныніе природу приведетъ,
Одѣнетъ снѣгомъ доли злачны,—
Твой взоръ и стебля не найдетъ...

Такъ точно, Делія, дни жизни скоротечной
Умчитъ Сатурнъ, завистливый и злой,
И блага юности безпечной

Ссѣчетъ губительной косой...

Все измѣняется подъ лавью Крона холодной;
Остынетъ младости кипящей кровъ;
Но скука жизни безотрадной

Подъ старость, къ злу, родитъ любовь.

Тогда, жестокая, познаешь, какъ ужасно
Любовью тицетною въ душѣ пылать
И на очахъ не пламень страстный,
Но холодъ презрѣнія встрѣчать.

Невскій Зритель 1821 г.

XX.

Повѣрь, я знаю ужъ, Дорида,
Про то, что скрыть желаешь ты!
Твой тусклый взоръ и тѣмнота вида
Отцвѣтшей рано красоты
Мнѣ слишкомъ много объяснили:
Тебя, прелестная, плѣнили
Любви неясныя мечты...
Онъ, вездѣ тебя тревожа,
Въ уединеніе манять
И среди дѣвственнаго ложа,
Лишь жажду наслажденій множа,
Отраду слабую дарять...
При свѣтѣ дня, иль въ мракѣ ночи,
Въ тотъ мигъ, какъ жертвуешь мечтамъ,
Почти закрывшіяся очи

Склоняешь съ робостью къ дверямъ,
 И если юная подруга
 Иль кто другой къ тебѣ войдетъ,
 Въ одно мгновенье отъ испуга
 Румянецъ пѣжный пропадетъ...
 Потупишь взоръ... Несвязность рѣчи,
 И твой смущенный, робкій видъ,
 И неожиданность сей встрѣчи
 Тебя кой-въ-чѣмъ изобличить...
 Но ты краснѣешь, другъ безцѣнный!
 Меня давно ты поняла...
 Оставь же сей порокъ презрѣнный,
 Доколь совсѣмъ не отцвѣла...
 Бѣги, бѣги сего порока;
 Въ мечтахъ себя не погуби,
 Не будь сама къ себѣ жестока
 И хоть меня ты полюби.

1821.

Библиографическія Записки 1861, № 19. — Вольное подражаніе нѣкоторымъ стихамъ стихотворенія Парни «*Coup d'oeuil sur Cuthègre*».

XXI. А. П. ЕРМОЛОВУ.

Наперникъ Марса и Паллады,
 Надежда согражданъ, Россіи вѣрный сынъ,
 Ермоловъ, посѣвши спасать сыновъ Эллады
 Ты, геній сѣверныхъ дружинъ!
 Узрѣвъ тебя, любимецъ славы,
 По манію твоей руки,
 Съ врагами лютыми какъ вихрь на бой кровавый
 Помчатся грозные полки.
 И цѣпи сбросивши невольничьяго страха,
 Какъ фениксъ молодой,
 Воскреснетъ Греція изъ праха
 И съ древней доблестью ударить за тобой!
 Уже въ отечествѣ потомковъ Ѳемистокла
 Повсюду подняты свободы знамена;
 Геройской кровью ужъ земля намокла
 И трупами враговъ удобрена!
 Проснулись вздремавшіе перуны,
 Отвсюду храбрые текутъ...
 Теки-жь, теки и ты, о витязь юный:
 Тебя герои тамъ, тебя побѣды ждуть!

1821.

Русская Старина 1877, XVIII.

XXII. ПОСЛАНИЕ КЪ Н. И. ГНѢДИЧУ.

Питомецъ важныхъ музъ, служитель Аполлона,
 Пѣвецъ, который намъ паденье Иліона
 И битвы грозныя ахеянъ и троянъ,
 Съ Пелидомъ бѣдственну вражду Агамемнона,
 Вторженье Гектора въ враждебный грековъ станъ,
 И бой и смерть сего пергамскаго героя
 Воспѣлъ плѣнительно на лирѣ золотой,
 На древній ладъ ее съ отважною настрой,
 И путь открылъ себѣ безсмертья въ храмъ святой!
 Не думай, чтобъ и ты, плѣмя всѣхъ лирой звучной,
 Отъ всѣхъ хвалу обрѣлъ во мзду своихъ трудовъ:
 Бореніе съ толпой совѣтниковъ, враговъ,
 И съ предрасудками, и съ завистью докучной—
 Всегдашній былъ удѣлъ отличнѣйшихъ пѣвцовъ.
 Ахъ, иногда они въ друзьяхъ враговъ встрѣчали,
 П имъ съ безпечною ввѣряя душой,
 У сердца нѣжнаго змѣю отогрѣвали
 И цѣлый вѣкъ кляли несчастный жребіи свой...
 Судьи-завистники, убійцы дарованій,
 Вездѣ преслѣдуютъ несчастнаго пѣвца;
 И похвалы друзей, и шумъ рукоплесканій,
 И лавры свѣжіе прекраснаго вѣнца—
 Все души низкія завистниковъ тревожить,
 Все дикую вражду къ ихъ бѣдной жертвѣ множить!
 Одна, одна лишь смерть гоненье прекратить;
 И успокоясь въ мирной сѣни,
 Дань должной похвалы возьметъ съ потомства гепій
 И, торжествующій, злоловъ постыдить.
 Таланта каждаго сопутникъ неизмѣнный,—
 Негодованіе толпы неспросвѣщенной,
 И зависть злобная,—его всегдашній врагъ,
 Оспаривали здѣсь ко славъ каждый шагъ
 Творца Димитрія, Фингала, Поликсены.
 Любимца перваго російской Мельпомены
 Ядъ низкой зависти спокойствія лишилъ
 И, сердце отравивъ, дни жизни сократилъ.
 Но вѣсть печальная лишь всюду пролетѣла,
 Почувствовали всѣ, что безъ него у насъ
 Трагедія осиротѣла...
 Тогда судей-невѣждъ умолкъ презрѣнный гласъ,
 Вѣнки посыпались, и зависть онѣмѣла...
 Судьбу подобную-жъ Фонъ-Визинъ претерпѣлъ,
 И Змѣйкина, себя узнавши въ Простаковой.

Сулила автору жизнь скучную въ удѣлѣ
Въ странѣ далекой и суровой.

На трудномъ поприщѣ ты только могъ одинъ
Въ пріятной звучности прелестнаго размѣра
Намъ вѣрно передать всю красоту картинъ
И всю гармонію Гомера.

Не удивляйся же, что зависть вкругъ тебя
Шипитъ, какъ черная змѣя!

И здѣсь, какъ и вездѣ, насъ небо наставляеть;
Мудрецъ во всемъ, во всемъ читаетъ
Уроки для себя:

На лонѣ праздности дремавшій долго геній,
Стрѣлами зависти бывъ пробужденъ отъ лѣни,
Ширясь, какъ орелъ, на небеса паритъ
И съ высоты на низъ съ презрѣніемъ глядитъ,
Гдѣ клеветой его порочить пустомеля...

Такъ деспотъ-кардиналъ съ ученою толпою
Уничжить хотѣлъ безсмертнаго Корнеля,
На Сиду оружилъ злоловъ дерзкій рой....
Сидъ бранью угнетенъ; но трагикъ оскорбленный
Явился съ Цинною во храмъ Мельпомены,

И посрамленный кардиналъ
Смотрѣлъ съ ничтожными льстецами,
Какъ геніемъ своимъ Корнель торжествовалъ
Надъ академіей и жалкими судьями.
Такъ и Жуковский нашъ, любимый Феба вняъ,
Сокровищъ языка счастливый властелинъ,
Возвышеннаго полнъ, эдема пышны двери,
Въ отвѣтъ ругателямъ, открылъ для юной Пери.

И ты примѣру слѣлуй ихъ
И на сужденія завистниковъ твоихъ,
На площадную брань и приговоръ суровой
Съ Гомеромъ отвѣчай всегда бесѣдой новой.
Орла ль парящаго среди эфирныхъ странъ
Въ полетѣ карканьемъ удержать наглый вранъ?

Иди безтрепетно проложенной стезею
И лавры свѣжіе рви смѣлою рукою.
Пускай завистники вкругъ тебя шипятъ!
О, Гнѣдичъ! Вопли ихъ—и дикіе и громки—
Тобой заслуженной хвалы не заглушать:
Защитникъ твой—Гомеръ, твои судьи—потомки!
Зачѣмъ тревожиться, когда твоихъ трудовъ
Не вздумаетъ читать какой-нибудь Вралевъ,
Иль жалкій Азбукинъ, иль Клитъ стихокрочатель,

Иль въ колпакѣ магистръ, или Дамонъ ругатель?
Нѣтъ, нѣтъ, читателей достоинъ ты другихъ!
Желаю, Гибдичъ, я, чтобы въ стихахъ твоихъ
Восторги сладкіе поэты почерпали,
Чтобы царица-мать красѣ дивилась ихъ,
Чтобъ переводъ прекрасный твой читали
Съ воспламеняющею душой
Изящнаго цѣнители прямые,
Хранящіе любовь къ странѣ своей родной
И посвященные музѣ въ таинства святыя.
Немного ихъ! Зато вниманіе пѣвцамъ
Средь вопля дикаго должно быть драгоцѣнно,
Какъ въ Ливіи, отъ солнца раскаленной,
Для странника ручей журчащій по пескамъ...

Сынъ Отечества 1821, № 50.—Подражаніе VII-му посланію Буало-Депрео.

XXIII. ПЕРЕВОДЧИКУ АНДРОМАХИ.

(на случай пятаго изданія перевода сей прекрасной расиновой трагедіи).

Пусть современники красотъ не постигаютъ,
Которыми вездѣ твои стихи блестятъ;
Пушкой отъ зависти ихъ даже не читаютъ
И имъ забвеніемъ грозятъ!
Хвостовъ! Будь твердъ и не страшись забвенья:
Твой славный переводъ Расина, Буало,
Въ награду за труды и дивное терпѣнье,
Врагамъ, завистникамъ на зло,
Вънцомъ безсмертія вѣнчалъ твое чело.
Такъ, такъ; твои стихотворенья
Въ потомствѣ будутъ всё читать
И слезы сожалѣнья
За претерпѣнные гоненья
На мавзолей твой проливать.

Сынъ Отечества 1821.—Русская Старина 1892, LXXV.

XXIV. ПУСТЫНЯ.

(къ м. г. ведрагъ).

Вѣжавшій отъ суетъ	Смѣнилъ я на покой...
И отъ слѣпой богини,	Безумной молодежи
Твой другъ — молодой поэтъ —	Покажется смѣшно,
Вдругъ сталъ анахоретъ	Что я не пью вино,
И жизнь ведетъ въ пустынь.	Что мнѣ вода дороже,
Въ душѣ моей молодой	И что я сплю давно
Нѣтъ болѣ жажды славы,	На одинокомъ ложѣ;
И шумныя забавы	Но не смотря на то,

На тихій звукъ свирѣли
 Въ уютный домикъ мой
 Вертявою толпой
 Утѣхи налетѣли
 И весело обѣли
 Въ немъ всѣ углы, другъ мой!
 Съ печалію жъ докучной
 Сопутникъ неразлучный,
 Томительный недугъ
 И, дочь мірекого шума
 Со свитою своей,
 Души угрюмой дума
 Отъ хижины моей
 Стремятся торопливо...
 Лишь только боязливо
 Задумчивость порой
 Заглянетъ въ уголъ мой,
 Покойный и счастливый.

Оставивъ шумный свѣтъ
 И нѣгу сладострастья,
 Какъ могъ во цвѣтѣ лѣтъ
 Найти дорогу счастья
 Твой вѣтреный поэтъ —
 Ты спросишь въ изумленьи.
 Мой другъ, въ уединеньи,
 Какъ пышные цвѣты,
 Кипятъ въ воображеньи
 Прелестныя мечты!
 Онѣ волшебной силой
 Въ тѣни моей нѣмой,
 Съ своей подругой милой —
 Фантазіей молодой,
 Меня увеселяютъ
 Чудесною игрой
 И сердцу возвращаютъ
 Утраченный покой,
 Который мнѣ въ пустынѣ
 Милѣ всѣхъ даровъ
 Обманчивой богини:
 И злата, и чиновъ,
 И шумныхъ пированій,
 И ласковыхъ рѣчей,
 И вѣтреныхъ лобзаній
 Предательницъ - цирцей...

Но ты, мой другъ безцѣнный,
 Быть можетъ, хочешь знать,
 Какъ дни мои летятъ
 Въ Украинѣ отдаленной?
 Изволь: твой другъ молодой,
 Простаясь съ коварнымъ міромъ,
 Съ свободою златой,
 Душъ пламенныхъ кумиромъ,
 Живетъ въ степи глухой,
 Судьбу благословляя;
 Онъ съ ложа здѣсь встаетъ,
 Зарю предупреждая,
 И въ садикъ свой идетъ
 Немного потрудиться,
 Взявъ заступъ, на грядахъ.
 Когда-жъ устанетъ рыться,
 Онъ съ книгою въ рукахъ
 Подъ тѣнь деревъ садится
 И въ пламенныхъ стихахъ,
 Иль въ прозѣ чистой, плавной,
 Чуждъ горя и заботъ,
 Восторги сладки пьетъ.
 То Пушкинъ своенравный,
 Парнасскій нашъ шалунъ,
 Съ Русланомъ и Людмилой,
 То Батюшковъ-рѣзвунъ,
 Мечтатель легкокрылый;
 То Баратынскій милый,
 Иль съ громомъ звучныхъ струнъ,
 И честь и слава россовъ,
 Какъ диво-исполинь,
 Парящій Ломоносовъ;
 Иль Озеровъ, Княжнинъ,
 Иль Тацитъ-Карамзинъ
 Съ своимъ «девятымъ томомъ»,
 Иль баловень-Крыловъ
 Съ гремушкою и Момомъ,
 Иль Гнѣдичъ и Костровъ
 Со старикомъ-Гомеромъ,
 Или Жанъ-Жакъ-Руссо
 Съ проказникомъ-Вольтеромъ;
 Воейковъ-Буало,
 Жуковский несравненный,
 Иль Дмитріевъ почтенный.

Иль фаворитъ его,
 Милоповъ — бичъ пороковъ,
 Иль ветхій Сумароковъ,
 Иль Душеньки творецъ,
 Любимецъ музъ и грацій;
 Иль важный нашъ Гораций,
 Поэтовъ образецъ,
 Иль сладостный пѣвецъ —
 Нелединскій унылый,
 Или Панаевъ милый
 Съ идилліей своею —
 Въ тиши уединенной
 Дарятъ попеременно
 Мечты душѣ моей...

Но полдень. Въ домъ укромный
 Иду; давно ужъ тамъ
 Меня обѣдъ ждетъ скромный;
 Приятный енімямъ
 Отъ сочныхъ яствъ курится;
 Мгновенно возбуждятся
 Завидный аппетитъ,
 И труженикъ-питъ
 За шаткій столъ садится...
 Потомъ на одръ простой
 Онъ на часокъ приляжетъ;
 Богъ сна, Морфей молодой,
 Ему гирлянду свяжетъ
 Изъ маковыхъ цвѣтовъ
 И въ легкомъ снѣ покажетъ
 Приятелей-пѣвцовъ.
 Они всѣ въ Петрополѣ;
 Въ моей счастливой долѣ
 Лишь ихъ недостаетъ!
 Подъ вечеръ за работу
 Иль въ садъ, иль въ кабинетъ,
 Иль грозно на охоту
 Съ котомкой за спиной
 Иду съ ружьемъ — на бой
 Иль съ зайцами, иль съ дичью;
 И, возвратясь домой
 Обремененъ добычью,
 Пью ароматный чай...
 Вдругъ входитъ невзначай
 Ко мнѣ герой Кавказа,

Котораго въ горахъ
 Ни страшная зараза,
 Ни абадзехъ, ни бахъ,
 Ни грозный кабардинецъ,
 Ни яростный лезгинъ,
 Ни хищный абазинецъ
 Среди своихъ долинъ
 Въ шесть лѣтъ не въ силахъ были
 Духъ твердый сокрушить.
 Непобѣдимымъ быть,
 Казалось, сулили
 Герою небеса;
 Но вдругъ его плѣнили
 Прелестные глаза...
 Вздыхая и вздыхая,
 Не умеръ чуть босецъ;
 Но сжался наконецъ,
 Красавица младая
 И сердце и себя,
 Героя полюбя,
 Съ рукой ему вручила
 Во храмѣ подъ вѣнцомъ;
 Но скоро измѣнила
 И молодымъ пѣвцомъ
 Бойца перемѣнила...

Сей отставной майоръ,
 Гроза кавказскихъ горъ,
 Привезъ съ собою газеты.
 Принявши грозный видъ,
 «Почто,—входя, кричить,—
 Мои младыя лѣты
 Съ такою быстротой,
 О, труженикъ молодой,
 Сокрылись въ безднахъ Леты?
 Война, война кипитъ!
 Въ Морей пышетъ пламя!
 Поднявъ свободы знамя,
 Грекъ оттоману мститъ!
 А я, а я не въ силахъ
 Летѣть туда стрѣлой,
 Куда стремлюсь душой!...
 Кровь тихо льется въ жилахъ.
 И съ каждымъ, съ каждымъ днемъ
 Все болѣе хладѣтъ;

Рука владѣть мечомъ,
 Какъ прежде, не умѣетъ,
 И бичъ кавказскихъ странъ
 Часть-отъ-часу дряхлѣетъ,
 И грозный оттоманъ
 Предъ нимъ не поблѣдѣтъ! »
 Со вздохомъ кончивъ рѣчь,
 Майоръ съ себя снимаетъ
 Полузаржавый мечъ
 И слезы отираетъ.
 О прошлой старинѣ,
 О сѣчи своевольной,
 О мирѣ, о войнѣ
 Поговоривъ довольно,
 Мы къ ужину идемъ;
 Тамъ снова въ разговоры,
 А изрѣдка и въ споры,
 Разгорячася виномъ,
 Майоръ со мной вступаешь:
 И Порту, и Кавказъ
 Въ покоѣ оставляетъ,
 Поэзію ругаетъ
 И приступомъ Парнассъ
 Взять грозно обѣщаетъ!
 Но вотъ ужъ первый часъ.
 Морфей зоветъ къ покою
 И старому герою
 На вѣжды вѣетъ сонъ;
 Вакхъ также наступаетъ,
 А старость помогаетъ,
 И въ спальню быстро онъ,
 Качаясь, отступаетъ
 Въ атакѣ съ трехъ сторонъ...

Майора въ ретирадѣ
 До ложа проводя,
 Я освѣжить себя
 Иду въ прохладномъ садѣ.
 Чуть слышный вѣтерокъ,
 Цвѣтовъ благоуханье,
 Лепечущій потокъ,
 Листочковъ трепетанье,
 И мракъ, и тѣнь деревьевъ,
 И тишина ночная,
 Лучина голубая

Безоблачныхъ небесъ,
 И въ ней, въ дали безбрежной,
 Уныла и блѣдна,
 Среди яркихъ звѣздъ одна,
 Какъ лебедь бѣлоснѣжный,
 Плывающая луна,
 И древъ и неба своды,
 И хижинка моя,
 Смотрящіяся въ воды
 Шумящаго ручья,
 И лодки колыханье,
 И Филомелы гласъ, —
 Все, все очарованье
 Въ священный ночи часъ!
 Природы красотами
 Спокойно наслаждаясь,
 Я тихими шагами
 Въ пріютъ свой возвращусь,
 Пенатамъ поклонюсь,
 Къ нимъ вѣрой пламенѣя,
 И на одрѣ простомъ
 Въ объятіяхъ Морфея
 Забудусь сладкимъ сномъ...

Такъ юнаго поэта,
 Вдали отъ шума свѣта,
 Проходятъ дни въ глуши.
 Ничто его души,
 Мой другъ, не беспокоитъ,
 И онъ въ нѣмой тиши
 Воздушны замки строить.
 Заботы никогда
 Его не посѣщаютъ;
 Напротивъ, завсегда
 Съ нимъ вмѣстѣ обитаютъ
 Свобода и покой
 Съ веселостью безпечной...
 Но здѣсь мнѣ жить не вѣчно,
 И часъ разлуки злой
 Съ пустынею нѣмой
 Мчитъ время быстротечно.
 Покину скоро я
 Украинскія степи
 И снова на себя
 Столичной жизни цѣпи,

Суровый рокъ кланя,
Увы, надѣну я!
Опять подѣ часъ въ прихожей
Надутаго вельможи
(Тогда какъ онъ покои
На пурпуровомъ ложѣ
Съ прелестницей молодой
Вкушаетъ безмятежно,
Ее лобзая нѣжно),
Съ растерзанной душой,
Съ главою преклоненной,
Межъ челядью златой,
И чинно и смиренно
Я долженъ буду ждать
Судьбы своей рѣшенья
Отъ глупаго сужденья,
Которое мнѣ дать
Изъ милости разсудить

Лѣнивый полу-царь,
Когда его разбудить
Въ полудни секретарь...
.....
Для пылкаго поэта
Какъ больно, тяжело
Въ триумфѣ видѣть зло
И въ шумномъ вихрѣ свѣта
Встрѣчать вездѣ ханжей,
Корнетовъ-дуэлистовъ,
Поэтовъ-эгоистовъ,
Или убійцъ-судей,
Досужихъ журналистовъ,
Которые тогда,
Какъ вспыхнула война
На югѣ за свободу, —
О срамъ! о времена! —
Поссорились за оду.

Соревнователь Просвѣщенія 1821, № 12.

XXV. КЪ А. А. БЕСТУЖЕВУ.

Хоть Пушкинъ судъ мнѣ строгій произнесъ
И слабый даръ, какъ недругъ тайный, взвѣсилъ,
Но отъ того, Бестужевъ, еще носъ
Я недругамъ въ угоду не повѣсилъ.

Моя душа до гроба сохранить
Высокихъ думъ кипящую отвагу;
Мой другъ, не даромъ въ юношѣ горитъ
Любовь къ общественному благу!

Въ чью грудь порой тѣснится цѣлый свѣтъ,
Кого съ земли восторгъ души уносить,
На зло врагамъ тотъ завсегда поэтъ,
Тотъ славы требуетъ, не проситъ!

Такъ и ко мнѣ, храня со мной союзъ,
Съ улыбкою и съ ласковымъ привѣтомъ,
Слетитъ порой толпа вертлявыхъ музъ,
И я вдругъ дѣлаюсь поэтомъ.

1821.

Русская Старина 1871, № 1.

XXVI. НАДГРОВНАЯ НАДПИСЬ.

(Пр. Тих. Чир—ной).

Подъ тѣнью миртовъ и акацій
Въ могилѣ скромной сей

Лежить прелестная подруга юныхъ грацій:
Ни плачущій Эротъ, ни скорбный Гименей,
 Ни прелестъ майской розы,
Ни друга юнаго, ни двухъ младенцевъ слёзы
 Спасти Полину не могли!
Судьбы во цвѣтъ лѣтъ навѣки обрекли
 Ее изъ пламенныхъ объятій
Супруга пѣжнаго, дѣтей, сестеръ и братій
 Въ объятія хладныя земли...
Соревнователь Просвѣщенія 1821 г., № 12.

XXVII. М. Г. БЕДРАГЪ.

На смерть Полины молодой,
Твое желанье исполняя,
Въ смущеньи, трепетной рукой
Я написалъ стихи, вздыхая.
Коль не понравятся они—
Чего и ожидать не трудно—
Тогда не лѣньность ты вини,
А даръ отъ Аполлона скудный,
Который данъ мнѣ съ юныхъ лѣтъ;
Желалъ бы я, пачкунъ бумаги,
Писать какъ истинный поэтъ,
А особливо для Бедрэги;
Но что же дѣлать... силы пѣтъ!
1821.

Изд. 1872.

XXVIII. НА РОЖДЕНЬЕ Я. Н. БЕДРАГИ.

Да будешь, малютка, какъ папа безстрашенъ,
Пусть пламень гусара пылаетъ въ крови;
Какъ маменька—доброй душою украшенъ
И общей достоинъ любви.
Но что я желаю? Любезность, отвага
И пылкость души молодой
Уже въ колыбели, малютка, съ тобой:
Безъ нихъ—не родится Бедрэга.

13 июля 1821.

Русская Старина 1871, № 7.

XXIX. КЪ А. А. ВЕСТУЖЕВУ.

Ты разлѣнился ужъ не кстати,
Бѣглець Парнасса молодой!
Скажи, что сдѣлалось съ тобой?

Въ своемъ болотистомъ Кронштадтѣ
Ты позабылъ совсѣмъ о братѣ
И о поэтѣ, чтѣ, порой

Сидя как труженникъ въ палатѣ,
 Чтобъ свой исполнить долгъ святой,
 Забылъ и нѣгу, и покой....
 Но тщетны всѣ его порывы:
 Укоренившееся зло
 Свое презрѣнное чело,
 Какъ кедръ Ливана горделивый,
 Превыше правды вознесло.
 Такъ.... Сдѣлавшись жрецомъ Ѡемиды
 Я о Парнассѣ позабылъ....
 Къ тому-жъ боюсь, чтобъ Аониды
 За то, что я имъ измѣнялъ,
 Пѣвцу не сдѣлали обиды.
 Хоть я и некрасивъ собой,
 Но музы изстари ревнивы;
 А я—любovníкъ боязливый....
 И вотъ что, другъ мой молодой,
 Въ столицѣ вкуса прихотливой
 Молчанью моему виной.
 Твое-жъ молчанье непонятно!...
 Драгунъ ты хоть куда лихой,
 Остришься ловко и пріятно,
 И приголубивъ пѣжныхъ музъ,
 Ихъ такъ плѣнить умѣлъ собою,

26 апрѣля, 1822.

Русская Старина 1870, № 7.

Что въ дѣтствѣ соверша союзъ,
 Опѣ вертлявою толпою,
 Вездѣ порхаютъ за тобою
 И не измѣнятъ никогда,
 Пока ты всѣмъ имъ не измѣнишь;
 Но кажется, что иногда
 Ты ласковость ихъ худо дѣнишь.
 Такъ напримѣръ: прошелъ здѣсь
 слухъ,
 Не знаю я, по чьей огласкѣ,
 Что будто Мейеровой глазки
 Твой возмутили твердый духъ,
 И вѣрность къ дѣвамъ пѣснопѣвнѣй
 Поработилъ свободный геній,
 Поколебалъ любви недугъ....
 А между тѣмъ, какъ очарованъ
 Ты юной прелестію глазъ,
 Паэосскихъ шалостью проказъ
 Къ Кронштадту скучному прикованъ,
 Забвенью предаешь Парнассъ,
 Одинъ пигмей литературный,
 Изъ грязи выникнувъ главою,
 Дерзнулъ взглянуть на сводъ лазурный
 И вызывать тебя на бой.

XXX. КЪ Ѡ. Н. ГЛИНКѢ.

Ты, Глинка, правъ, и твой совѣтъ
 На мудромъ опытѣ основанъ;
 Но пусть чернить поэта свѣтъ:
 Ужъ я давно разочарованъ,
 И заблужденій прошлыхъ лѣтъ
 Въ душѣ увялъ минутный цвѣтъ...

1822.

Русская Старина 1871, № 1.

Я славою не избалованъ;
 Но къ благу общему дыша,
 Къ нему отъ дѣтства я прикованъ;
 Къ нему летитъ моя душа,
 Его пою на звучной лирѣ....

XXXI.

(Черновой набросокъ).

Жена грѣхъ тяжкій сотворила:
 Молодка мужа умертвила
 И погребла его въ лѣску,
 При ручеечкѣ, на лужку.
 Курганъ цвѣтами засѣвала

И, засѣвая, припѣвала:
 «Растите такъ вы высоко,
 Какъ мужъ зарытъ мой глубоко;
 Цвѣтите, розы, и растите,
 Растите долго и цвѣтите....»

Окровавленная, потомъ
 Преступница бѣгѣтъ, бѣгѣтъ
 Черезъ пни, суки и черезъ кочки,
 Черезъ горы, доли, ручеечки!...
 Порывный въ полѣ вѣтръ свиститъ,
 Темно и холодно средь долины,
 Кой-гдѣ ворона прокричитъ,
 Или раздастся крикъ совиный.
 Окровавленная бѣжитъ
 Со страхомъ вдоль лѣсной опушки;
 Спустилась въ доль, гдѣ старый букъ;
 Вотъ въ лѣсъ, къ пустынника из-
 бункѣ—

И въ двери ветхія стукъ-стукъ!

«Скажи святыми мнѣ устами,
 Что дѣлать бѣдная должна,
 И чѣмъ спасусь предъ небесами?
 На муки всѣ готова я,
 На тяжкій постъ, на бичеванья,
 Лишь только бѣ тайна злодѣянья
 Упала навсегда съ меня!...»

— «Жена!» ей отвѣчаетъ старый:

«Тебя убійство не страшитъ,
 Но мучитъ страхъ достойной кары
 И сердце ужасъ бременитъ.
 Иди-жь себѣ и будь въ покоѣ;
 Откинь напрасную боязнь;
 Пребудетъ тайной дѣло злое,
 И не близка преступной казнь.
 Такъ суждено Творцомъ издавна:
 Чтѣ жены дѣлаютъ не явно —
 Однимъ мужьямъ то знать дано,
 А мужъ твой спитъ въ землѣ
 давно».

Такимъ довольная отвѣтомъ,
 Бѣжитъ преступница домой;
 Бѣжитъ черезъ лѣсъ — и предъ раз-
 свѣтомъ

Узрѣла пышный теремъ свой.

Ея дѣтей кружокъ унылый

Передъ воротами стоитъ:

«А гдѣ нашъ тятя, тятя милый?»

Навстрѣчу матери кричитъ.

«Кто? Тятя вапъ?...» Но замеръ голосъ,
 На головѣ сталъ дыбомъ волосъ,
 Не знаетъ, что сказать дѣтямъ...
 «Онъ ѣдетъ, дѣти, ѣдетъ къ намъ!...»

«Бѣги скорѣе, я въ тревогѣ,
 Бѣги, Демидъ, я слышу стукъ...
 Тамъ конскій топотъ, крикъ и гукъ,
 Тамъ пыль клубится по дорогѣ...
 Бѣги за роуцу въ лѣсъ густой:
 Не гости-ль ѣдутъ въ теремъ мой?»

Вотъ пыли облака густыя;
 Все ближе, ближе... Черезъ лѣсокъ
 Вотъ ѣдутъ, скачутъ воронье,
 Вотъ вправо, влѣво — на мостокъ...
 Сребромъ и златомъ блещутъ платья,
 Мечи булатныя блестятъ
 И въ золотыхъ ножнахъ гремятъ:
 То въ гости къ брату скачутъ
 братья...

«Невѣстка, здравствуй!... Гдѣ-же
 братъ?»

— «Гдѣ братъ? Гдѣ братъ? Гдѣ мужъ
 мой милый?...

Давно уже (онъ) взять могилой!...»
 «Когда и гдѣ?» — «Въ чужой страѣ
 Погибъ несчастный на войнѣ!...»

Жена отъ страха поблѣднѣла,
 Затрепетала и замлѣла —
 И вотъ безъ чувствъ упала вдругъ.
 Тревожно, робко взоры водить:
 «Гдѣ онъ? Гдѣ трупъ? Гдѣ мой суп-
 ругъ?...»

Но вотъ опять въ себя приходитъ
 Въ восторгѣ, будто внѣ себя:
 «Скажите мнѣ, скажите, братья!
 Когда дождуся мужа я?
 Когда, когда въ свои объятя
 Я заключу, мой другъ, тебя?..»

Затрясся въ основаньи храмъ,
 Ужасно стѣны затрещали,
 И своды, рухнувъ пополамъ,

Загрохотавши, въ прахъ упали... И цвѣсть такъ стали высокъ,
На той землѣ цвѣсть розы стали, Какъ мужъ зарытъ былъ глубоко...
1822.

Деятнадцатый Вѣкъ.—Подраженіе стих. Мицкевича: «(Lilie z piosni gminnej)».

XXXII. ВИДѢНІЕ.

О Д А

НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО
КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА,
30 августа 1823 года.

Какое дивное видѣніе
Очамъ представилось моимъ!
Я вижу въ сладкомъ упоеньѣ:
По сводамъ неба голубымъ,
Надъ пробужденнымъ Петроградомъ
Екатерины тѣнь парить!
Кого-то ищетъ жаднымъ взглядомъ;
Чело величіемъ горить...

Но вотъ отъ устъ царицы мудрой,
Какъ лучъ, улыбка сорвалась:
Предъ нею отрокъ златокудрый,
Средь сонма воиновъ рѣзвась,
То въ длани тяжкій мечъ пріемлетъ,
То бранный шлемъ беретъ у нихъ,
То, трепеща въ восторгѣ, внемлетъ
Разсказамъ воиновъ сѣдыхъ.

Румянцовъ, Минихъ и Суворовъ
Волнуютъ въ немъ и кровь и умъ,
И искрится изъ юныхъ взоровъ
Огонь славолюбивыхъ думъ.
Проникнуть силою разсказа,
Онъ за Ермоловымъ во слѣдъ
Летитъ на сѣжный верхъ Кавказа
И жаждетъ славы и побѣдъ.

Царица тихо ниспускалась
На легкомъ облакѣ какъ дымъ,
И, улыбаясь, любовалась
Предестнымъ правнукомъ своимъ;
Но вдругъ Минервы свѣтлокой
Чудесный ликъ пріявъ, она
Слетѣла, мудрости высокой
Огнемъ божественнымъ полна.

Бъ прекрасному коснувшись дланью,
Ему Великая рекла:
«Я зрю, твой духъ пылаетъ бранью,
Ты любишь громкія дѣла.
Но для полуночной державы
Довольно лавровъ и побѣдъ;
Довольно громозвучной славы
Протекшихъ, незабвенныхъ лѣтъ.

«Военныхъ подвиговъ година
Грозою шумной протекла;
Твой вѣкъ иная ждетъ судьбина,
Иныя ждуть тебя дѣла.
Затмится сводъ небесъ лазурныхъ
Непроницаемою мглой;
Настанетъ вѣкъ бореній бурныхъ
Неправды съ правдою святой.

«Духъ необузданной свободы
Уже возсталъ противъ властей;
Смотри — въ волненіи народы,
Смотри — въ движеніи сонмъ царей.
Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцомъ;
Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.

«Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
Науками очисти нравы
И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.

«Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной любви,
И рабства духъ неблагородный—
Неправосудье истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.

Литературные Листки 1823, № 3.

«Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ;
Будь человекъ для человека.
Будь гражданинъ для согражданъ.
Будь Антониномъ на престолахъ,
Въ чертогахъ мудрость водвори —
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари».

XXXIII. ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО.

О Д А.

Кто этотъ дивный великанъ,
Одѣявъ свѣтлою броней,
Чело покойно, стройный станъ
И весь сіяетъ красотою?
Кто сей украшенный вѣнкомъ,
Съ мечомъ, вѣсами и щитомъ,
Презрѣвъ враговъ и горделивость,
Стоитъ гранитною скалою
И давитъ сильною пятою
Коварную несправедливость?

Не ты-ль, о мужество гражданъ,
Неколебимыхъ, благородныхъ,
Не ты-ли гений древнихъ странъ,
Не ты-ли сила душъ свободныхъ,
О доблесть, даръ благихъ небесъ,
Героевъ мать, вина чудесъ,
Не ты-ль прославила Катонъ,
Отъ Катилины Римъ спасла
И въ наши дни всегда была
Опорой твердою законовъ?

Омужевленные тобой,
Презрѣвъ враговъ, презрѣвъ обиды,
Отъ бѣды спасали край родной,
Сіяя славой, Аристиды;
Въ изгнаніи, въ чужихъ краяхъ
Не погасала въ ихъ сердцахъ
Любовь къ общественному благу,
Любовь къ согражданамъ своимъ:
Они благотворили имъ
И тамъ, на стыдъ Ареопагу.

Ты, ты, которая вездѣ
Была народныхъ благъ порукой,
Которой славны на судѣ
И Пашши наши, и Долгорукой:
Одигъ, какъ твердый стражъ добра,
Дерзаль оспаривать Петра;
Другой, презрѣвши гнѣвъ судьбины
И вопль, и клевету враговъ,
Совѣтъ опровергаль льстецовъ
И былъ столпомъ Екатерины.

Великъ, кто честь въ бояхъ синекаль,
И страхомъ ставъ для чуждыхъ
восьмь,

Къ своимъ знаменамъ приковаль
Побѣду, спутницу героев!
Отчизны щить, гроза враговъ,
Онъ—достояніе вѣковъ;
Пѣвцовъ возвышенные звуки
Прославятъ подвига вождя,
И, юношамъ объ нихъ твердя,
Въ восторгѣ затрепещутъ вѣуки.

Какъ полная луна порой,
Покрыта облаками ночи,
Пробьетъ внезапно мракъ густой
И путникамъ заблещетъ въ очи,
Такъ будетъ вождь сквозь мракъ
временъ

Сіять для будущихъ племенъ;
Но подвигъ воина гигантскій
И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ

Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ— Ничто предъ доблестью гражданскою.	Мужъ добродѣтельный намъ данъ; Уже полвѣка онъ Россію
Гдѣ славныхъ не было вождей Къ вреду законовъ и свободы?	Гражданскимъ мужествомъ дивить; Вотще коварство вокругъ шипитъ:
Отъ древнихъ лѣтъ до нашихъ дней Гордились ими всё народы;	Онъ наступилъ ему на выю.
Подъ ихъ убійственнымъ мечомъ Вездѣ лилася кровь ручьемъ.	Вотще неправый гласъ страстей И съ злобой зависть, козни строя,
Увы, Аттиль, Наполеоновъ Зрѣлъ каждый вѣкъ своей чредой:	Въ безумной дерзости своей Черпая дѣянія героя.
Они являлися тогдашней... Но много-ль было Цицероновъ?...	Онъ твердь, покоепъ, невредимъ, Съ презрѣніемъ внимая имъ,
Лишь Римъ, вселенной властелинъ, Сей край свободы и законовъ, Возмогъ произвести одинъ И Брутовъ двухъ, и двухъ Катоновъ.	Души возвышенной свободу Хранить въ совѣтахъ и судѣ, И гордымъ мужествомъ вездѣ Подпорою власти и народу.
Но намъ ли унывать душой, Когда еще въ странѣ родной Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ Екатерины славныхъ дней, Средь соима избранныхъ мужей, Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?	Такъ въ грозной красотѣ стоитъ Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣхъ мгли- стомъ; Вокругъ буря, градъ и громъ гремитъ, И вѣтръ въ ущельяхъ воетъ съ сви- стомъ;
О, такъ, сограждане, не вамъ Въ нашъ вѣкъ роптать на PROVIDENCE; Благодаренье небесамъ За ихъ святое снисхожденье! Отъ нихъ, для блага русскихъ странъ,	Внизу несутся облака, Шумя въ ручьи, реветъ рѣка; Но тщетны дерзкіе порывы: Эльбрусъ, кавказскихъ горъ краса, Невозмутимъ, подъ небеса Возноситъ верхъ свой горделивый.

1823.

Русская Старина 1871, № 1.

XXXIV. ПУТЬ КЪ СЧАСТІЮ.

С А Т И Р А.

Разговоры поэта съ богачомъ—стариннымъ его знакомымъ.

П О Э Т Ъ.

Придумать не могу, какой достигъ дорогой
Въ храмъ изобилія пріятель мой убогой?
Давно ли ты бродилъ пѣшкомъ по мостовой,
Едва не въ рубищѣ, съ поникшей головой!
Тогда ты не имѣлъ перѣдко даже нищи,
Былъ худъ, какъ труженикъ или послѣдній нищій.
Теперь защеголялъ въ одеждахъ дорогихъ;
Въ каретѣ щегольской, на четвернихъ гадѣхъ

Летишь какъ вихрь и, пыль взвивая за собою,
Знакомымъ съ важностью киваешь головою!
Сіяя роскошью владѣтельныхъ князей,
Твой домъ есть сборище отличнѣйшихъ людей.
Съ тобою въ дружествѣ министры, генералы,
Ты часто имъ даешь и завтраки, и балы;
Что прихоть съ поваромъ лишь избобрѣсть могла,
Все въ дань со всеѣхъ сторонъ для твоего стола...
Межъ тѣмъ товарищъ твой, служитель вѣрный Феба,
И въ прозѣ и въ стихахъ бесплодно просить хлѣба.
Всю жизнь въ ученіи съ дней юныхъ проведя,
Жить съ счастьемъ въ ладу не научился я...
Какъ ты достигъ сего, скажи мнѣ ради Бога?

Б О Г А Ч Ъ.

Умѣть на свѣтѣ жить — одна къ тому дорога!
И тотъ, любезный другъ, бывалъ уже на ней,
Кто пользу извлекалъ изъ глупости людей;
Чьи главы свойства—лесть, уклончивость, терпѣнье
И къ добродѣтели холодное презрѣнье...
Самъ скажешь ты со мной, узнавъ короче свѣтъ:
Для смертныхъ къ счастью пути другого нѣтъ!

П О Э Т Ъ.

Хотя, съ младенчества внимая гласу чести,
Душъ мелкихъ ремесло я видѣлъ въ низкой лести,
Но угнетаемый жестокою судьбой,
И я къ ней прибѣгалъ съ растерзанной душой;
И я въ стихахъ называлъ того Катонъ,
Кто пресмыкается какъ низкій рабъ предъ тронъ!
И я Невѣждину за то, что онъ богатъ,
Сказалъ, не покраснѣвъ: ты — русскій Меценатъ!
И если трепетать душа твоя привыкла
Въ восторгѣ пламенномъ при имени Перикла,
То подивись! Я такъ забылся, наконецъ,
Что просвѣщенья врагъ, невѣжда и глупецъ
И, словомъ, жалкій Клигъ, равно повсюду славный,
Воспѣтъ былъ какъ Периклъ на лирѣ своеправной!
И всякъ, кто только былъ богатъ или знаменитъ,
У бѣднаго пѣвца былъ Цесарь, Брутъ или Титъ!
И что-жъ? Достигъ ли я чрезъ то желанной цѣли?
Увы, я и теперь, какъ видишь, безъ шипели;
И столь хвалимое тобою ремесло
Одно презрѣніе и стыдъ мнѣ принесло!
Что-жъ до терпѣнія... его, скажу неложно,
Такъ много у меня, что подѣлиться можно.

Ко благу нашему, любезный другъ, оно
Въ удѣлъ писателямъ отъ неба суждено.
Ахъ, кто бы могъ безъ сей Всевышняго помощи
Снести цензуры судъ привязчивый и строгій,
Холодность публики и колкость эпиграммъ,
Злость критикъ, что даютъ тревожный толкъ словамъ,
И дерзкихъ крикуновъ недѣльное сужденіе,
И сплетни мелкихъ душъ, и зависти шиньоны,
И площадную брашу помѣсячныхъ вралей,
И грозный приговоръ въ кругу невѣждъ-судей,
И наконецъ, гнѣвъ тѣхъ, которые готовы
На разумъ положить протекшихъ лѣтъ оковы!
И, словомъ, всюду я, куда ни посмотрю,
Лишь непріятности и безпокойства зрю;
Съ терпѣньемъ все сношу, узрѣть плоды въ надеждѣ,
Но остаюсь безъ нихъ какъ и теперь, и прежде.

Б О Г А Ч Ъ.

По правиламъ твоимъ, давая ходъ дѣламъ,
Нельзя успѣха ждать и зрѣть плоды трудамъ.
Искусно должно льстять, чтобъ быть льстецамъ пріятнымъ;
Къ чему приписывалъ ты добродѣтель знатнымъ,
Коль ни ея въ нихъ нѣтъ, ни побужденья къ ней!
Какъ въ зеркалѣ себя мы зримъ въ душѣ своей,
И мнимыхъ свойствъ хвала вельможъ не восхищаетъ,
Но чаще ихъ краснѣть къ досадѣ заставляетъ.
Не въ дружбѣ жить съ тобой ты симъ принудишь ихъ,
Но бѣгать отъ тебя и отъ похвалъ твоихъ.
Когда же думаешь опять за дѣлу взяться,
То помни, что всегда долгъ первый твой—стараться
Не добродѣтели въ вельможалъ выхвалять,
Но слабостямъ умѣть искусно потакать;
Грабителю тверди, что наживаться въ модѣ,
Скажи, что все живетъ добычею въ природѣ;
Красы увядшей видъ уныніемъ зови,
Кокетку старую — царицею любви;
Кто-жъ сластолюбія почти погибъ въ пучинѣ,
Тому изобрази въ прелестнѣйшей картинѣ
Всѣ ласки нѣжныя прелестницъ записныхъ,
И ихъ объятія, и поцѣлуй ихъ,
И чувства пылкія, и нѣгу сладострастья,
Прибавь, что только въ немъ искать намъ должно счастья;
Невѣждамъ повторяй, что просвѣщенье вредъ,
Что завсегда оно причиной было бѣдъ,
Что наши праотцы хоть книгъ и не любили,

Но чуть не во сто кратъ счастливѣй впуковъ жьжж;
Творца галиматы зови красой пѣвцовъ,
Дивись высокому въ безмыслицѣ стиховъ...
Но чтобъ безъ бѣдъ пройти по скользкой сей дорогѣ,
Подчасъ будь глухъ и нѣмъ и забывай о Богѣ;
У знатныхъ баръ шути и забавляй собой,
Въ день другомъ будь для нихъ, а въ сумерки—слугой;
Скрывъ самолюбіе подъ маской униженія,
Съ терпѣніемъ внимай гласъ гнѣва и презрѣнья;
И если вытерпишь и болѣ что-нибудь,
Смолчи, припомнивши, что это къ счастью путь.
Располагаясь такъ, ты будешь всеѣмъ пріятель
И такъ богатъ, какъ я, и точно такъ же знатенъ...

П О Э Т Ъ .

Нѣтъ, нѣтъ! Не уступлю за благо жизни сей
Ни добродѣтели, ни совѣсти моеи!
Не заслужу того, чтобы писатель юный,
Бросающій въ порокъ со струнъ своихъ перуны,
Живыми красками, въ разительныхъ чертахъ,
Меня изобразилъ и выставилъ въ стихахъ!
Судьбой враждующей невольно увлеченный,
Могъ уклониться я отъ истины священной;
Но шествуи льстецовъ презрѣнною стезѣй,
Я мученикомъ былъ, гнушаясь самъ собой;
Съ душою пылкою, младый питомецъ Музы
Влачить позорныя недолго можетъ узы...
И я, попрежнему ставъ истины жрецомъ,
Далъ клятву никогда не быть впередъ льстецомъ.
Когда путь къ счастью столь низокъ въ жизни сей,
Такъ пусть останусь я при бѣдности моеи,
Пусть буду цѣлый вѣкъ скитаться безъ шинели
Въ осенніе дожди и въ зимнія метели;
Мнѣ лютость непогодъ поможетъ перенести
Мое сокровище единственное — честь!

Б О Г А Ч Ъ .

Такъ думая, мой другъ, ты въ нищетѣ, конечно,
При прозѣ и стихахъ останешься навѣчно!
Но было семь... Прощай! Сенаторъ графъ Глаупонъ
Просилъ меня къ себѣ пріѣхать на бостонъ!

1820—1823.

Переводъ польскаго стихотворенія Ө. В. Булгарина. Вѣстникъ Европы
1888, № 11.

XXXV. ИЗЪ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ».

Они подъ звукомъ трубъ повиты
Концомъ копья воскормлены;
Луки натянуты, колчаны ихъ открыты,
Путь свѣдомъ ко врагамъ, мечи наточены.
Какъ волки сѣрые они по полю рыщутъ
И—чести для себя, для князя славы—ищутъ;
Ничто имъ ужасы войны!

Въ душѣ пылая жаждой славы,
Князь Игорь изъ далекихъ странъ
Бѣ коварнымъ половцамъ спѣшить на пиръ кровавый
Съ дружиной малою отважныхъ сѣверянъ.
Но презирая смерть и пламенья боемъ,
Последній ратникъ въ ней является героемъ....

1820—1824.

Русская Старина, 1871.

XXXVI. ВЪ АЛББОМЪ Т. С. К.

Своей любезностью опасной,
Волшебной сладостью рѣчей,
Вы край далекий, край прекрасный
Душѣ напомнили моей.
Я вспомнилъ мрачныя дубравы,
Я вспомнилъ добрыхъ земляковъ,
Гостепримные ихъ нравы
И радость шумную пировъ.
Я вспомнилъ пламенную младость,
Я вспомнилъ первую любовь,

Опять воскресла въ сердцѣ радость,
Пѣвецъ для счастья ожилъ вновь.
Иной подругѣ обреченный,
Обѣтамъ вѣрный навсегда,
Моей Матильды несравненной
Я не забуду никогда.
Она, какъ вы, была прекрасна,
Она, какъ вы, была мила,
И такъ же для сердцеца опасна
И точно такъ же весела.

1820—1824.

Сѣверный Меркурій 1830, № 8.

XXXVII. КЪ N. N.

У васъ въ гостяхъ бывать
накладно;
Я то замѣтилъ ужъ не разъ:
Проголодавшися изрядно,
Сию въ гостиной цѣлый часъ

Я безъ обѣда и безъ васъ.
Порой падъ сердцемъ и разсудкомъ
Съ такой жестокостью шута,
Зачѣмъ, не понимаю я,
Еще шутить вамъ падъ желудкомъ?

1820—1824.

Сѣверный Меркурій 1830, № 11.

XXXVIII.

Оставь меня! Я здѣсь молю,
Да всеблагое провидѣнье

Отпустить дѣвѣ преступленье,
Что я тебя еще люблю.

Молю, да ненависть заступитъ И честь, и стыдъ, и мой покой
Преступной страсти пламень злой— Цѣной достойною искупить!

1820—1824.

Русская Старина, 1871.

XXXIX ¹⁾.

Ахъ, гдѣ тѣ острова,
Гдѣ растегъ тринь-трава,
Братцы!

Гдѣ читають Русelle ²⁾
И летягъ подъ постель
Святцы...

Гдѣ Бестужевъ-драгунъ ³⁾
Не дастъ карачунъ
Смыслу;

Гдѣ нашъ князь-чудодѣй
Не бросаетъ людей
Въ Вислу;

Гдѣ съ зари до зари
Не играютъ....
Въ фанты;

Гдѣ Булгаринъ Ѳадей
Не боится когтей
Танты.... ⁴⁾

Гдѣ Магницкій ⁵⁾ молчить,
А Мордвиновъ ⁶⁾ кричить
Вольно;

1823—1824.

Изд. 1872.

Гдѣ не думаетъ Грець, ⁷⁾
Что его будутъ съчь
Больно...

Гдѣ Сперанскій....
Обдаетъ, какъ клоповъ,
Варомъ...

Гдѣ Измайловъ-чудаць ⁸⁾
Ходитъ въ каждый кабаць
Даромъ....

.....
Тамъ въ ненастные дни
Собирались они
Часто;

Гнули,—Богъ ихъ проси!—
Отъ пятидесяти
На сто;

И выигрывали
И отписывали
Мѣломъ.

Такъ въ ненастные дни
Занимались они
Дѣломъ!

XI. ЭЛЕГІЯ.

Исполнились мои желанья,
Обылись давнишнія мечты:

Мои жестокия страданья,
Мою любовь узнала ты!

Себя напрасно я тревожилъ,
За страсть вполне я награжденъ:

Я вновь для счастья сердцемъ ожилъ,
Исчезла грусть, какъ смутный сонъ.

¹⁾ Это стихотвореніе написано вмѣстѣ съ А. А. Бестужевымъ.

²⁾ Поэма Вольтера.

³⁾ А. А. Бестужевъ.

⁴⁾ «Тантой» звали современники сварливую тещу Ѳ. В. Булгарина.

⁵⁾ Магницкій—попечитель Казанскаго университета, ревностный поборникъ обскурантизма.

⁶⁾ Членъ государственнаго совѣта (см. біографію Рылѣва).

⁷⁾ Николай Ивановичъ Грець слылъ въ это время либераломъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличался трусостью.

⁸⁾ Александръ Ефимовичъ Измайловъ — баснописецъ, благодушный оригиналь.

Такъ, окропленъ росой отрадной Вновь воскресаетъ, ночью хладной
Въ тотъ часъ, когда горитъ востокъ, Полузавалый, василекъ.

1824.

Русское Слово 1861 № 4.

XLІ. ЭЛЕГІЯ.

Покинь меня, мой юный другъ!	Ужъ я—твой узникъ, другъ жестокий.
Твой взоръ, твой голосъ мнѣ опасенъ:	Твой взоръ меня очаровалъ!
Я испыталъ любви недугъ	Я увлеченъ своею судьбою,
И знаю я, какъ онъ ужасенъ...	Я самъ къ погибели бѣгу:
Но что, безумный, я сказалъ?	Боюсь встрѣтиться съ тобою,
Къ чему укоры и упреки?	А не встрѣчаться не могу.

1824.

Русское Слово 1861, № 4.

XLII. КЪ N. N.

Когда душа изнемогала	Мнѣ снова возвратили счастье
Въ борьбѣ съ болѣзною роковой,	И исцѣлили мой недугъ.
Ты посѣтитъ, мой другъ, желала	Съ одра болѣзни роковава
Уединенный уголь мой.	Я всталъ и бодръ, и веселъ вновь—
Твой голосъ нѣжный, взоръ волшебный	И въ сердцѣ запылала снова
Хотѣлъ страдальца оживить,	Къ тебѣ давнишняя любовь.
Хотѣла ты покой цѣлебный	Такъ мотылекъ, порхая въ полѣ
Въ взволнованную душу влить.	И крылья опаливъ огнемъ,
Твое отрадное участие,	Опять стремится поповолѣ
Твое вниманье, милый другъ, *	Къ костру, въ безуміи слѣбомъ *).

1824.

Библиографическія Записки 1861, № 18.

*) Въ черновомъ спискѣ, приведенномъ В. Е. Якушкинымъ, первые куплеты имѣютъ незначительные варианты, а вмѣсто послѣднихъ двухъ стихотвореніе заключается слѣдующими шестью:

Я не хочу любви твоей,	Лишь временно кажусь я слабъ;
Я не могу ее присвоить,	Движеніемъ души владѣю,
Я отвѣчать не въ силахъ ей,	Не христіанинъ и не рабъ,
Моя душа твоей не стоить.	Прощать обидъ я не умѣю.

Полна душа твоя всегда	Мнѣ не любовь теперь нужна,
Однихъ прекрасныхъ ощущеній;	Занятая нужны мнѣ инья,
Ты бурныхъ чувствъ моихъ чужда,	Отраднa мнѣ одна война,
Чужда моихъ суровыхъ мнѣній.	Однѣ тревоги боевыя.

Прощаешь ты врагамъ своимъ,	Любовь никакъ нейдетъ на умъ.
Я незнакомъ съ симъ чувствомъ нѣж-	Увы! Моя отчизна страждетъ;
нымъ	Душа въ волненьи тяжкихъ

И оскорбителямъ моимъ	думъ
Плачу отщепенемъ неизбѣжнымъ.	Теперь одной свободы жаждетъ.

Вѣстникъ Европы 1888, № 12.

XLIII. НА СМЕРТЬ СЫНА.

Земли минутный поселенецъ, Зачѣмъ въ юдоли сей мятежной,
Земли минутная краса, О ангель чистой красоты,
Зачѣмъ такъ рано, мой младенецъ, Среди печали безнадежной
Ты улетѣлъ на небеса? Отца и мать покинулъ ты?

1824.

Русская Старина 1871, № 11.

XLIV. ЭПИГРАММА.

НА ФРАНЦА, ИМПЕРАТОРА АВСТРІЙСКАГО.

Весь міръ великостію духа Онъ непріятель мухамъ былъ,
Сей императоръ удивилъ: А непріятелямъ былъ муха.

1824.

Русская Старина. 1871. № I.

XLV. ЭПИГРАММА.

НА ВОЛЪЗНЬ КРЫЛОВА.

Итъ одобренія талантамъ никакого: О дарованіи Крылова
Въ Россіи глушь и дичь. Едва напомишь параличъ.

1824.

Русскій Архивъ. 1871, № 7—8.

XLVI. НАДГРОБНАЯ РЫЖКУ.

Когда ты одаренъ чувствительной И не дождаться имъ во вѣкъ подобной
душою. холц!

Вдохни, прохожій, глубоко: Бывало, кучеру пѣть воли
Подъ сею насыпью простою, Рыжка клутомъ стегнуть за лѣнь;
Увы, лежитъ Рыжка! Ему особенное стойло,
Его завидовали долѣ И сѣна вдоволь и овса
Всѣ лошади окрестныхъ деревень! И въ Орежики было пошло...
Апрѣль, 1824. Работы жъ въ мѣсяць—три часа.

Изд. 1872.

XLVII. НА СМЕРТЬ БАЙРОНА.

О чемъ средь ужасовъ войны Зрю: въ Миссолонгѣ гробъ средь храма
Тоска и трауръ погребальный? Предъ алтаремъ святымъ стоитъ,
Куда бѣгутъ на зовъ печальный Весь катафалкъ огнемъ блестить
Священной Греціи сыны? Въ прозрачномъ дымѣ еміама.

Давно отъ слезъ и крови взмокла Рыдая, вокругъ его кинитъ
Элада средь святой борьбы; Толпа шумящаго народа,
Какою жъ вновь бѣдой судьбы Какъ будто въ гробъ томъ свобода
Грозятъ отчизнѣ Θεμισтокла? Воскрешей Греціи лежитъ,

Чему на шаткомъ тронѣ радъ Какъ будто цѣпи вѣковыя
Тиранъ роскошнаго Востока, Готовы вновь тягчить се,
За что благодарить пророка Какъ будто плутъ на псе
Спѣшать въ Стамбулъ старъ и младъ? Султанъ и грозная Россія...

Царица гордая морей!
Гордись не силою гигантской,
Но прочной славою гражданской
И доблестью своих дѣтей.
Парящій умъ, свѣтило вѣка,
Твой сынъ, твой другъ и твой поэтъ,
Увянуль Байронъ въ цвѣтъ лѣтъ
Въ святой борьбѣ за вольность грека.

Изъ океана своего
Текутъ лѣта съ чудесной силой:
Нѣтъ ничего уже, что было,
Что есть, не будетъ ничего.
Грядой возлягутъ на твердыни
Почить усталые вѣка;
Ихъ безпощадная рука
Преобразить поля въ пустыни.

Исчезнутъ порты въ тьмѣ времени,
Падутъ и запустѣютъ грады,
Погибнутъ страшныя армады,
Возникнетъ новый Карфагенъ...
Но сердца подвигъ благородный
Пребудетъ для души молодой
Къ могилѣ Байрона святой
Всегда звѣздою путеводной.

1825.

Альбомъ Сѣверныхъ Музъ 1828.—Вѣстникъ Европы 1888 № 12.

XLVIII. СТАНСЫ.

А. А. Бестужеву.

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества
Мнѣ сужденъ въ кругу людей!
Слишкомъ рано мракъ тапштенный
Опытъ грозный разогнать,
Слишкомъ рано, другъ единственный,
Я сердца людей узналъ.
Страшно дней не вѣдать радостныхъ,
Быть чужимъ среди своихъ;

Но ужаснѣй—петить тягостныхъ
Быть сосудомъ съ дней младыхъ.
Съ тяжкой грустью, съ черной думою
И съ тѣхъ поръ одинъ *брыку*
И могилую угрюмою
Миръ печальный нахожу.
Всюду встрѣчи безотрачныя!
Ищешь, суетный, людей;
А встрѣчаешь трупы хладныя
Иль безмысленныхъ дѣтей...

Полярная Звѣзда 1825.

XLIX. ВЪРЪ НИКОЛАЕВНЪ СТОЛЫПИНОЙ.

Не отравляй души тоскою,	Пускай они возненавидятъ
Не убивай себя: ты мать;	Неправду пламенной душой;
Священный долгъ передъ тобою—	Пусть въ сонмѣ гордыхъ исполнимоу
Прекрасныхъ чадъ образовать.	На ужасъ гордыхъ ихъ узримъ
Пусть ихъ сограждане увидятъ	И смѣло скажемъ: «Знайте: имъ
Готовыхъ пасть за край родной,	Отець—Столыпинъ, дѣдъ—Морльви-
Сѣверная Пчела 1825 № 57.	новъ!»

НА СМЕРТЬ ЧЕРНОВА.

Клянемся честью и Черновымъ,	Взоръ бросить полный сладострастья,—
Вражда и брань временщикамъ,	Падеть, перуномъ пораженъ.
. трепещущимъ рабамъ,	И прахъ твой будетъ въ посмѣянье,
Тиранамъ, насъ угнѣсть готовымъ.	И гробъ твой будетъ въ стыдъ и срамъ!
Нѣтъ, не отечества сыны	Клянемся, дочерямъ и сестрамъ—
Нитомцы пришлецовъ презрѣнныхъ!	Смерть, гибель, кровь за поруганье!
Мы чужды ихъ семей надменныхъ,—	А ты—братъ нашихъ ты сердець,
Они отъ насъ отчуждены.	Герой, столь рано охладѣлый,
Тамъ говорятъ не русскимъ словомъ,	Вносятся въ небесные прелѣлы!
Святую ненавидятъ Русь.	Завиденъ, славенъ твой конецъ.
Я ненавижу ихъ, клянусь,	Ликуй: ты избранъ русскимъ Богомъ
Клянусь и честью, и Черновымъ!	Всѣмъ намъ въ священный образецъ;
На нашихъ дѣвъ, на нашихъ жещъ	Тебѣ данъ праведный вѣнецъ;
Дерзнетъ-ли вновь любимецъ счастья	Ты будешь чести намъ залогомъ.

1825.

LI. ГРАЖДАНИНЪ.

Я-ль буду въ роковое время
 Позорить гражданна санъ
 И подражать тебѣ, извѣженное племя
 Переродившихся славянъ?
 Нѣтъ, не способенъ я въ объятыхъ сладострастья,
 Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ молодой
 И изнывать кипящею душой
 Поль тяжкимъ игомъ самовластья!
 Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
 Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
 И не готовятся для будущей борьбы
 За угнетенную свободу челоуѣка.
 Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ
 На бѣдствія страдающей отчизны
 И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ
 И справедливыя потомковъ укоризны.

Они раскаются, когда пародъ, возставъ,
Застанеть ихъ въ объятяхъ праздной нѣни,
И въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріэги.

1825. декабрь.

Изд. 1872.

ЛII. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ.

Прими, прими, святой Евгеній,	Отнынь день твой до могилы
Дань благодарную пѣвца,	Пребудеть святъ въ душѣ моей:
И слово пламенныхъ хваленій,	Въ сей день твой соименникъ милый
И слезы, каплущи съ лица.	Освобожденъ былъ отъ цѣней.

21 января 1826.

Библиографическія Записки 1861.

ЛIII. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ.

О, милый другъ, какъ внятень голосъ	«И плоть, и кровь преграды вамъ
	твой, поставить,
Какъ утѣшителень и сердцу сладокъ:	«Васъ будутъ гнать и предавать,
Онъ возвратилъ душѣ моей покой	«Осмѣивать и дерзостно безславить;
И мысли смутныя привелъ въ поря-	«Торжественно васъ будутъ убивать;
докъ.	«Но тщетный страхъ не долженъ васъ
	тревожить;
Ты правъ: Христось—спаситель нашъ	«И страшны ль тѣ, кто властенъ
одинъ,	жизнь отнять,
И миръ, и истина, и благо наше.	«Но этимъ зла вамъ причинить не
Блаженъ, въ комъ духъ надъ плотью	сможетъ?
властелинъ,	«Счастливъ, кого Отецъ мой избереть,
Кто твердо шествуетъ къ Христовой	«Кто истины здѣсь будетъ пропо-
чашѣ.	вѣдникъ:
Прямой мудрецъ, онъ жребій свой	«Тому вѣнецъ, того блаженство
вознесъ,	ждеть,
Онъ предпочелъ небесное земному,	«Тотъ царствія небснаго наслѣ-
И какъ Петра ведетъ его Христось	дникъ».
По тревоженію мірскому.	
Для цѣли мы высокої созданъ:	Какъ радость, о другъ любезный мой,
Спасителю, сей Истинѣ верховной,	Внимаю я столь сладкому глаголу,
Мы подчинять отъ всей души должны	И какъ орелъ на небо рвусь душой,
И міръ вещественный, и міръ ду-	Но плотью увлекаюсь долу.
ховный.	Душою чистъ и сердцемъ правъ,
Для смертнаго ужасенъ подвигъ сей,	Передъ кончиною, подвижникъ по-
Но онъ къ безсмертію стезя прямая;	стоянный,
И благовѣствуя, мой другъ, речеть о ней	Какъ Моисей съ горы Нававъ,
Сама намъ Истина святая:	Увидитъ край обѣтованный.

1826, іюнь.

Библиографическія Записки 1861.

ЛIV. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ.

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чу-	Творецъ! Ты мнѣ прибѣжице и сила,
Когда я сброшу жизнь мою?	жбищѣ! Вонми мой вопль, услышь мой стонъ;
Кто дастъ крыльѣ мнѣ голубищѣ,	Припикни на мое молеяе,
Да полечу и почию?	Вонми смиренію души,
Весь міръ какъ смрадная могила!	Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
Душа изъ тѣла рвется вонъ.	А мнѣ даруй грѣховъ прощенье
	И духъ отъ тѣла разрѣши.

1826, лѣтомъ.

Библиографическія Записки 1861.

LV. НАБРОСКИ, ПИСАННЫЕ ВЪ

БРѢНОСТИ.

1.

2.

Благой Отецъ! Се часъ приходитъ мой!	Какъ человекъ предъ Богомъ былъ
Прославъ меня, и сынъ Тебя просла-	прекрасень
вить;	Во дни невинности своей!
Ему дана святая власть Тобой,	Какъ былъ умомъ и простъ, и ясенъ,
Да въ плоти онъ жизнь вѣчную воз-	Душою чистъ, свободенъ отъ ст-
1826.	ставить!
Изд. 1872.	растей.

LVI. ОТРЫВКИ НЕИЗВѢСТНЫХЪ ГОДОВЪ.

1.

Я помню васъ, мои друзья,
Я помню васъ, друзья свободы,
И дикой родины суровые края,
Жилище бурь и непогоды.

2.

Свободой, правдой вдохновенный,
Отъ знатныхъ сохранилъ я честь
И не вымѣнивалъ на лесть
Ихъ благосклонности надменной.

3.

Но черный призракъ мнимой чести,
Борьба души, волненье думъ
И жажда кровожадной мести
Затмили юношескій умъ.

4.

Вы спесходительны, я знаю,
Порука мнѣ вашъ милый взоръ;
Русская Старина 1871.—Изд. 1872.

Я съ вами отъ души болтаю,
Простите вы сердечный вздоръ...

5.

Такъ за мечтою легкокрылой
Отъ шумныхъ нескихъ береговъ
Перелеталъ пѣвецъ унылый
Въ страну пустышную снѣ-
говъ...

6.

Лишь отъ пурпурной денницы
Загорѣлся небосклонъ...

7.

Что именинницѣ прелестной
Я пожелаю въ этотъ день?...

8.

Тогда какъ рой друзей молодыхъ
Душою вашей очаровавъ...

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ.

I (стр. 76). Въ этомъ стихотвореніи упоминаются современные бездарные писатели. Павелъ Юрьевичъ Львовъ — написалъ массу повѣстей и др. повѣствовательныхъ произведеній. Князь Сергій Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ— авторъ поэмы «Петръ Великій», духовныхъ стихотвореній и пр.; онъ былъ изъ наиболѣе близкихъ любимцевъ Шишкова, служилъ сначала во флотѣ и кончилъ жизнь афонскимъ монахомъ. Гераковъ, происхожденіемъ грекъ, учитель кадетскаго корпуса, доставлялъ пищу для смѣха своими историческими твореніями въ патріотическомъ духѣ. «Пить слезливый»— князь П. И. Шаликовъ, представитель крайняго и чувственнаго сентиментализма.

II (стр. 76). Стихъ: «Селенія лишилъ ихъ прежней красоты» — указывалъ на военныя поселенія, придуманныя Аракчеевымъ. Стихотвореніе это было напечатано въ «Невскомъ Зрителѣ» съ указаніемъ, что оно «подражаніе Персіевой сатиры: Къ Рубеллію»; но ничего схожаго съ произведеніемъ Рылѣва нѣтъ у Персія, и указаніе на послѣдняго было только обычнымъ пріемомъ обойти цензуру. Такъ же поступилъ въ 1810 г. М. В. Милоновъ, написавшій по адресу того-же Аракчеева сатиру «Къ Рубеллію», которую П. А. Ефремовъ, укоряющій прежнихъ издателей Рылѣва въ безграмотности, считаетъ почему-то «буквальнымъ переводомъ» сатиры Персія.

XIV (стр. 82). Разгадка шарады: Боръ + Ода = Борода.

XV (стр. 82). Петръ Каховскій—одинъ изъ главныхъ преступниковъ 14-го декабря. Онъ подвергся той-же участи, что и Рылѣвъ. Изъ этого стихотворенія видно, что Рылѣвъ былъ уже давно знакомъ съ Каховскимъ.

XXI (стр. 86). А. П. Ермоловъ, управлявшій Грузіею, былъ вызванъ въ Петербургъ, и это подало поводъ къ толкамъ, что онъ назначается главнокомандующимъ въ войнѣ за освобожденіе Греціи; слухи эти не оправдались.

XXIII (стр. 89). Это стихотвореніе было напечатано безъ подписи въ «Сынѣ Отечества», причемъ стихъ: «За претерпѣнныя гоненія» — былъ выпущенъ, а послѣ первыхъ четырехъ шли еще слѣдующіе стихи:

Не вѣрь зоиламъ смѣхъ: они шипятъ изъ праха;

Ни дарованія, ни вкусъ имъ не даны:

Коль Герміона, Пирръ, Орестъ твой, Андромаха

Имъ кажутся смѣшины.

По поводу стихотворенія гр. Д. И. Хвостовъ замѣтилъ впослѣдствіи: «Прехрасно; но опомненіе зоиловъ и даже невниманіе современниковъ не есть гоненіе. Гоимы были Тассъ, Галилей и другіе. Г. Рылѣвъ нанечаталъ сіи стихи съ перемѣнами, что лица мои смѣшины. Я примѣчаніе о семъ помѣстилъ въ примѣчаніяхъ къ одному изъ моихъ посланій. Рылѣвъ былъ еще тогда не на воздухѣ и сказалъ, прочтя мое замѣчаніе: «Я пошутить, а ваше замѣчаніе пойдетъ въ потомство». Въ отвѣтъ ему отвѣчать надобно было:

Потомства не страшись — его ты не увидишь!»

Примѣчаніе, о которомъ говоритъ Хвостовъ, находится во II томѣ его соч., изд. 1821 г., стр. LIII: «Нескромные хвалители найдутъ вездѣ мѣсто къ привѣтствію; иные даже перевозносили автора за то, что лица въ Андромахѣ его перевода инымъ казались смѣшны, и что многіе его не читаютъ.» (См. Русск. Стар. 1892, LXXV, стр. 412).

XXVI и XXVII (стр. 93 и 94). Эти стихотворенія находятся въ связи между собой.

XXVIII (стр. 94). Я. Н. Бедрага—племянникъ М. Г. Бедраги.

XXXVI—XXXVIII (стр. 103). Эти стихотворенія, повидимому, имѣютъ отношеніе къ тому увлеченію Рылѣва, которое онъ испыталъ послѣ женитьбы.

XLIV (стр. 106). Императоръ Францъ-Иосифъ сдѣлался подѣ старость кретиномъ и занимался битьемъ мухъ хлопущкой.

XLV (стр. 106). И. А. Крыловъ былъ пораженъ въ началѣ 1824 г. параличнымъ припадкомъ. По докладу статсъ-секретаря Оленина государь пожаловалъ баснописцу изъ кабинета десять тысячъ рублей. Если эпиграмма Рылѣва имѣетъ въ виду это обстоятельство, то она все-таки несправедлива, потому что и раньше Крылову приходилось испытывать благосклонность Двора.

L (стр. 108). Это стихотвореніе приписывалось В. К. Кюхельбекеру, но, по удостовѣренію П. А. Ефремова, оно принадлежитъ Рылѣву, что гораздо вѣроятнѣе.

LII—LIV (стр. 109 и 110). Эти стихотворенія написаны Рылѣвымъ въ крѣпости и, наколотыя точками на кленовыхъ листьяхъ, были пересланы при посредствѣ сторожа Е. П. Оболенскому.



П Р О З А.

I. НѢЧТО О СРЕДНИХЪ ВРЕМЕНАХЪ.

По дорогѣ отъ Бреслава, 15 мая 1815.

Влѣво за обширными равнинами снѣются горы Силезскія. Гигантскія вершины оныхъ, одиѣ предѣ другими возвышаясь, скрываются наконецъ въ туманныхъ облакахъ. Иѣкоторыя—покрытыя снѣгомъ, другія—лѣсомъ, представляютъ зрѣлище величественное, благоговѣнное. Это Ризенгебирге. Мракъ необразованности среднихъ временъ вѣрилъ, что тамъ обитаютъ чародѣи. Народныя сказки ближнихъ мѣстъ подтверждаютъ то. Умъ не могъ тогда развиться: духъ необычнаго суевѣрія и странныхъ предразсудковъ сковалъ его. Все просвѣщеніе таилось во мракѣ стѣнъ монастырскихъ безъ всякой пользы. Монашество, изъ собственныхъ выгодъ, старалось не токмо не выводить народъ изъ того невѣжества, которое въ тогдашнія времена между опытъ царствовало, но погружало оный еще въ глубочайшее. Тогда ужасныя, теперь смѣшныя сказки о духахъ были главнѣйшимъ содержаніемъ ихъ проповѣдей. Народъ толпами стекался слушать оныя и, пересказывая дѣтямъ своимъ, поселялъ въ нихъ суевѣріе и невѣжество, которое съ возрастомъ болѣе и болѣе въ нихъ укоренилось; и когда являлся одинъ умъ—умъ, который могъ быть страшень монахамъ, то гроза проклятій отъ сихъ послѣднихъ дотолѣ съ каедръ не переставала поражать ихъ, доколѣ оный не умолкалъ или не удалялся. Нерѣдко случалось, что таковыя несчастныя погибали ужасно... Но явился Лютеръ—предпримчивый, благоразумный Лютеръ—и гдѣ ярмо несчастныхъ?... Великій, чудесный духъ! Удивляюсь тебѣ и благоговѣю!...

Изд. 1872 г.

II. ИЗЪ ПИСЕМЪ ИЗЪ ПАРИЖА.

1.

Изъ 3-го письма, отъ 18 сентября 1815.

Сегодня день моего рожденья. Прошлаго года провелъ я оный въ Дрезденѣ — и могъ ли воображать тогда черезъ годъ праздновать его въ Парижѣ? Вотъ, другъ мой, каковы нынѣшнія обстоятельства: сегодня здѣсь, а завтра — Богъ вѣсть! Помнишь ли, какъ мы читали историческія описанія славныхъ вѣковъ Рима и древней Греціи? Это басня! восклицалъ ты часто. Сообрази же теперешніе случаи съ тогдашними — и ты увидишь, что происшествія нашихъ временъ болѣе достойны удивленія, болѣе невѣроятны, нежели всё, дотолѣ въ мірѣ случившіяся, и ежели мы не вѣримъ чрезвычайнымъ событіямъ лѣтъ прошедшихъ, то, не знаю, какъ повѣрять потомки наши происшествіямъ, которые происходили при глазахъ нашихъ. И какъ повѣрять, что одинъ ничтожный смертный былъ причиною столь ужаснѣйшихъ политическихъ переворотовъ! Какъ повѣрять, что въ продолженіе не болѣе какъ десяти лѣтъ возрождалось и унало до десяти государствъ, возстановлялось и низвергалось нѣсколько монарховъ, и все по прихотямъ одного человѣка. Какъ, наконецъ, повѣрять, что сей самый человѣкъ, неоднократно повелѣвавшій судьбою, самъ подпалъ подъ остріе косы сей владычицы міра!...

2.

Изъ 4-го письма, отъ 19 сентября 1815.

.... Наши союзники надменностію и жестокостію своею скоро выведутъ изъ терпѣнія народъ, въ сердцахъ котораго еще съ прежнею горячностью кипитъ любовь къ независимости и къ славі. Я самъ былъ свидѣтелемъ одному происшествію.

Пруссаки поставили въ саду Пале-Рояль караулъ. Солдаты стали обижать проходящихъ. Обиженный закричалъ, и въ минуту сбѣжалось до 200 французовъ. Прусскій офицеръ велѣлъ примкнуть штыки и пошелъ разгонять народъ. Безоружная толпа сія разбѣжалась, но черезъ минуту собралась еще въ большемъ количествѣ. Офицеръ не переставалъ храбриться, но надъ нимъ смѣялись; народъ скоплялся; лавки запирали. Пришелъ патруль парижской національной гвардіи и немного спустя отрядъ англичанъ. Тогда уже ихъ выгнали изъ сада.

Въ это время произошелъ у меня съ французскимъ офицеромъ слѣдующій разговоръ. «Мы покойны, сколько можемъ, сказала онъ, — но союзники ваши скоро насъ выведутъ изъ терпѣнія. Мы — французы, мы съ чувствами!» — Я русскій, и вы напрасно говорите мнѣ. — «Затѣмъ - то я и говорю, что вы русскій. Я говорю другу, ибо ваши офицеры, ваши солдаты такъ обходятся съ нами. Вашъ Александръ покровитель намъ; онъ нашъ благодѣтель, но союзники его — кровопійцы! Чего они хотятъ отъ насъ? Развѣ они еще недовольны бѣдствіями Франціи, что ругаются надъ священнѣйшимъ сокровищемъ нашимъ — честью! Кто мы? Рабы,

что-ли, ваши?... По жребію оружія мы побѣждены, по были нѣкогда и мы побѣдителями, а раздражали-ли народъ подобными обидами?...» — Полно, полно, прошу васъ! Мы не выповаты; мы русскіе—друзья ваши!... Я поцѣловался съ нмъ. Сей сценѣ были свидѣтелями многіе французы. Чувства ихъ были одинаковы. Они громко проклипали прусаконъ. Я спѣшилъ удалиться.

Изд. 1872 г.

III. ОБЪ ОСТРОГОЖСКЪ.

Острогожскъ, пынѣ уѣздный городъ Воронежской губерніи, нѣкогда былъ главнымъ городомъ Острогожскаго слободскаго полка. Онъ построенъ въ 1652 году и первоначально населенъ по указу царя Алексѣя Михайловича заднѣпровскими казаками, въ числѣ 1000 человекъ, пришедшими съ полковникомъ своимъ Дзеньковскимъ. За вѣрныя службы свои противу ногайцевъ и крымцевъ (отъ коихъ впоследствии почти цѣлый вѣкъ оберегали они границы Россіи), а болѣе еще за оказанныя услуги противъ Виговекаго и Брюховецкаго, получили они отъ царя похвальныя грамоты, право свободнаго винокурения и нѣкоторыя другія привилегіи. Сии выгоды и благословенный климатъ привлекли на обширныя земли ихъ множество выходцевъ. Упомянутыя грамоты и права впоследствии были подтверждены почти всѣми монархами Россіи, въ томъ числѣ Петромъ, Екатериною и благословеннымъ внукомъ ея. Обитатели края благоденствовали. Годы за три предъ симъ благосостояніе страны сей стало приходить въ упадокъ. Неурожай и невозможность съ прежнею дешевизною содержать рогатый скотъ нанесли первый ударъ цвѣтущему состоянію тамошнихъ жителей. Торговля годъ отъ году становилась маловажнѣе. Желательно, чтобы попечительное правительство вышло и въ другія причины теперешнихъ несчастныхъ обстоятельствъ края. Я, съ своей стороны, смѣю сказать, что свобода винокурения, которою прежде равно пользовались и богатые и бѣдные всѣхъ сословій, хотя существуетъ и нынѣ для всѣхъ, по по нѣкоторымъ обстоятельствамъ перешла въ руки однихъ капиталистовъ, отчего для многочислѣннѣйшей части дворянства и войсковыхъ жителей, или такъ называемыхъ черкесовъ, почти единственный источникъ ихъ благосостоянія изсякнулъ совершенно. Могу ошибаться, но ошибаюсь, какъ гражданинъ, радующійся о благѣ отечества.

Не за излишнее считаю сказать, что на земляхъ острогожскихъ не выдали крѣпостныхъ крестьянъ до конца прошедшаго столѣтія. Полковыя земли, доставшіяся впоследствии разнымъ чиновникамъ Острогожскаго полка, были обрабатываемы вольными людьми или казаками. Нѣкоторые частныя безпорядки отъ свободнаго перехода сихъ людей, побѣги на Донъ и нѣкоторыя другія причины были поводомъ къ разнымъ прошеніямъ Екатерины Великой и императору Павлу, вследствие которыхъ и состоялся указъ декабря 12 дня 1796 года. Но прикрѣпленные къ землѣ малороссіане по сіе время называютъ себя только подданными, какъ бы въ отличіе отъ крѣпостныхъ, коихъ они зовутъ и дразнятъ крѣпаками.

Русская Старина 1871, № 1.

IV. ЕЩЕ О ХРАБРОМЪ М. Г. БЕДРАГЪ *).

Послѣ десяти-мѣсячнаго отсутствія возвратившись въ здѣшнюю столицу и прочитывая періодическія изданія, въ продолженіе того времени вышедшія, съ великимъ удовольствіемъ нашелъ я во второй книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» слѣдующую статью:

«Поправка сочинителемъ «Партизанскаго Дневника» ошибки, найденной имъ въ выпискѣ, помѣщенной въ 1-й книжкѣ Отечественныхъ Записокъ».

«... Я никогда не командовалъ 1-мъ эскадрономъ, а командовалъ 1-мъ батальономъ Ахтырскаго гусарскаго полка: тогда гусарскіе полки состояли въ 10 эскадронахъ и раздѣлялись на два батальона; 1-мъ же эскадрономъ командовалъ ротмистръ (что нынѣ л.-г. конно-егерскаго полка полковникъ) Михаилъ Григорьевичъ Бедрга, высокой храбрости и дарованій офицеръ, изувѣченный на священной бородинской битвѣ. Пользуясь вкрадшейся опечаткой, я радъ, что имѣю случай изъяснить чувства моя товарищу, столько же достойному уваженія на полѣ брани, какъ и въ мирномъ уединеніи, и проч. Денисъ Давыдовъ.

Такимъ образомъ славный партизанъ нашъ, смѣю сказать, равно оригинальный и на воинѣ, и въ стихотвореніяхъ своихъ, отдалъ предъ публикою должную справедливость храброму и отличному товарищу, подававшему о себѣ великую надежду всѣмъ тѣмъ, которые знали его... Да позволено будетъ и мнѣ сказать объ немъ нѣсколько словъ и тѣмъ припестн ему должную благодарность отъ лица прежняго моего начальника, извѣстнаго въ артиллеріи своею ревностію и усердіемъ къ службѣ, полковника П. А. Сухозанета, а равно и отъ любезныхъ моихъ товарищей: капитана Н. А. Костомарова, командовавшаго въ корпусѣ гр. Витгенштейна въ концѣ 1812 года особеннымъ летучимъ отрядомъ, поручика барона Унгерихъ-Штериберга, столь славно отличившагося при Гальберштадтѣ въ отрядѣ храбраго Чернышева, и отъ прочихъ — за тѣ заслуги и пріятныя бесѣды, коими пользовались мы въ домѣ гг. Бедрга въ продолженіе двухъ-лѣтняго пребыванія нашего съ конно-артиллерійскою ротою № 12 въ селѣ Бѣлогорьѣ, что въ Воронежской губерніи.

М. Г. Бедрга служилъ въ ахтырскомъ гусарскомъ полку почти съ самаго малолѣтства, вмѣстѣ съ младшими братьями своими Николаемъ и Сергѣемъ Григорьевичами. И во время мира, и во время войны всѣ они почитались за отличѣйшихъ офицеровъ, что можетъ засвидѣтельствовать ахтырскій полкъ и прежній начальникъ оного, командующій нынѣ гвардейскимъ корпусомъ генераль-лейтенантъ Л. В. Васильчиковъ. М. Г. Бедрга въ чинѣ поручика до роковой рапы своей командовалъ лейбъ-эскадрономъ и довелъ его до такой степени совершенства, что многіе гг. генералы и штабъ-офицеры, привлекаемые молвою, изъ за нѣсколько сотъ верстъ пріѣзжали смотрѣть оный. Будучи самыхъ высокихъ понятій о чести и благороденъ чувствами и поступками, онъ умѣлъ вдохнуть и въ нижнихъ чиновъ духъ свой и любовь къ чести. Если кто нибудь изъ

*) Письмо къ редактору «Отечественныхъ Записокъ», П. П. Свиньину.

нихъ изобличень бывать въ какомъ либо постыдномъ дѣлѣ, то весь эскадронъ, какъ бы стылился имѣть такого товарища, чуждался его. Всегда постоянно строгій къ себѣ, онъ строгъ былъ и къ подчиненнымъ, но какъ строгость его никогда не выходила за предѣлы благоразумія и не обращалась въ жестокость, то онъ не только не заставлялъ роптать ихъ, но напротивъ, вселялъ къ себѣ глубочайшее почтеніе и почти дѣтскую привязанность; такъ что когда онъ былъ раненъ, эскадронъ, какъ бы приведенный въ ужасъ, замѣшался, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней, по увѣренію нѣкоторыхъ офицеровъ ахтырскаго полка, находился въ примѣтномъ уныніи.

Эскадронъ его, не только на кантонирь-квартирахъ, но даже и въ быстрыхъ переходахъ во время отечественной войны щеголялъ чистотою и исправностью. Во время ужасовъ сраженія гусары его, какъ будто на ученьи, хранили глубокое молчаніе, строились въ примѣрномъ порядкѣ, подъ карточами стояли неподвижно и какъ бы прикованные, взоры свои не сводили съ начальника, на лицѣ коего сіяло хладнокровіе и грозная храбрость. Въ бородинской битвѣ, сраженный пулею близъ самаго виска, онъ упалъ... Нѣсколько гусаровъ подскочили къ нему, дабы подать помощь. Отъ чрезмѣрной боли бывъ не въ состояніи ни слова сказать, но и въ сіе роковое мгновеніе думая единственно о пользѣ любезнаго отечества, онъ отвергъ услуги ихъ, указывая на непріятеля.

Сія-то жестокая язва, лишивъ его возможности продолжать службу, для коей онъ, можно сказать, родился, лишила отечество одного изъ отличѣйшихъ сыновъ его, армию — храбраго и искуснаго воина, офицеровъ — рѣдкаго умомъ и способностями товарища, подчиненныхъ — примѣрнаго начальника.

Теперь живетъ онъ воронежской губерніи въ селѣ Бѣлогорьѣ, въ совершенномъ уединеніи. Тамъ-то имѣлъ я счастливый случай познакомиться съ нимъ и приобрести лестное для меня дружество.

Вотъ вамъ, почтеннѣйшій Павелъ Петровичъ, нѣкоторыя черты храбраго воина. Если письма подобнаго содержанія имѣютъ мѣсто въ «Отечественныхъ Запискахъ», то вы одолжите помѣщеніемъ въ нихъ сего.

Копдратій Рыльевъ

С.-Петербургъ.

Ноября 20 дня 1820.

Отечественныя Записки 1820, ч. IV.

У. ПРОВИНЦІАЛЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

1.

ПЕРВЫЙ ВЫѢЗДЪ. МАГАЗИНЫ.

Приѣхавъ съ женою въ Петербургъ, котораго ни я, ни она родясь еще не видали, захотѣлось намъ побывать въ немъ *вездѣ* и посмотреть *на все*. Вслѣдствіе сего намѣренія, на другой же день нашего приѣзда предположили мы начать осмотръ свой съ храма Казанской Богоматери:

«въ которомъ-де кстати, примолвила жена моя,—и отелужимъ, по долгу добрыхъ христіанъ, благодарственный молебень за благополучное совершеніе нашего пути, а оттуда, душенька, заѣдемъ въ магазинъ мадамъ А...» На первое предложеніе, какъ на богоугодное, я согласился съ удовольствіемъ, но при второмъ, признаюсь чистосердечно, отъ страху я невольно затрепеталъ, лобъ мой покрылся морщинами и брови нахмурились... Жена моя, хотя и не читывала Лафатера, но въ четыре года замужества такъ успѣла всмотрѣться во все черты лица моего, что по малѣйшему движенію умѣетъ узнавать сокровеннѣйшія мысли мои. Примѣтивъ, вѣроятно, что я готовлюсь противорѣчить ей, она подскочила ко мнѣ и такъ нѣжно, такъ сладко поцѣловала, что все мои морщины, подобно тучамъ отъ дуновенія вѣтра, исчезли, и я приказалъ Трифону (который, если не хвастаетъ, знаетъ Петербургъ и вдоль и поперекъ) надѣть свою ливрею и съ запятокъ указывать кучеру дорогу.

Едва проѣхали мы нѣсколько сажень по Невскому проспекту, какъ жена моя вскричала: «Ахъ, другъ мой, посмотри, какая неподобная шляпка! Заѣдемъ, пожалуйста!»—Что ты! Въ умѣ ли? Развѣ позабыла, что мы не отслужили еще молебна!—«Другъ мой, ангель, утѣшь же меня! Ну, самъ посмотри: что за шляпка на мнѣ! Какъ я буду стоять въ Казанской? Я сгорю со стыда!» Она проговорила это съ такимъ жаромъ и такъ громко, что и проѣзжающіе и проходящіе оглянулись на насъ. Боясь, дабы жена моя не заговорила еще громче, я поскорѣй приказалъ поворотить сапи и привезъ ее въ магазинъ.

— Что вамъ угодно? спросила насъ французенка, не приподнявшись даже со стула своего. Она, вѣрно, встрѣтила насъ по платью...

— Вотъ эту шляпку, сказала я, указывая на ту, которая соблазнила жену мою

— Подай! сказала французенка одной изъ сидѣвшихъ за руководѣльемъ дѣвиць.

Шляпокъ было множество и одна другой лучше! Прежняя не обращала уже на себя вниманія. Ее поставили на свое мѣсто, — и начался переборъ, который продолжался около часа. Сама мадамъ подошла на помощь — и, наконецъ, шляпка выбрана. Только я приготовился отсчитать 120 руб., какъ былъ остановленъ теми словами:

— Постои, другъ мой! Я еще хочу взять этотъ эшарпъ.

— Не угодно ли, сударыня, спросила мадамъ съ чрезвычайною вѣжливостію, — взять еще чего-нибудь? У меня теперь очень много новостей изъ Парижа.

— Изъ Парижа? Ахъ, покажите, пожалуйста!

И услужливая торговка начала выдвигать ящики и отпирать шкафы. Не болѣе какъ въ двѣ минуты столы были завалены: матеріи разныхъ сортовъ, платки, платочки, блонды, кружева лежали въ самомъ соблазнительномъ безпорядкѣ.

Между тѣмъ какъ на лицѣ жены моей, у которой, какъ говорится, разбѣжались глаза, было написано удовольствіе и радость, сердце мое билось такъ сильно, такъ сильно... какъ стѣпные часы! Мнѣ весьма было досадно и на жену мою, и на модную торговку. Я предчувствовалъ, что отъ прихотей первой и отъ услужливости другой бумажникъ мой можетъ истончиться. Разсудокъ безпрестанно твердилъ мнѣ: пора для собственнаго благополучія сдѣлать формальную ретираду; но природная моя застѣнчивость и боязнь услышать отъ вѣжливой и услужливой мадамъ А. какое-нибудь неприятное привѣтствіе, не позволили мнѣ воспользоваться добрымъ совѣтомъ его. Я безмолвствовалъ, торговка безъ умолку лепетала, дѣвушки какъ угорѣлыя бѣгали по магазину съ модною дрянью, а жена моя съ жадностію пересматривала все. Наконецъ, выбравъ себѣ матеріи и на капотъ, и на платья—съ длинными и короткими рукавами, два эшарпа, изъ коихъ одинъ *тру-тру*, блондъ и нѣсколько платочковъ, жена моя попросила все уложить въ кордонъ. Я заплатилъ пятьсотъ-семьдесятъ-пять рублей, и мы отправились далѣе. Мадамъ А. проводила насъ до самыхъ дверей, отворила ихъ и наговорила столько вѣжливостей, что самымъ мелкимъ пшечкомъ не упишешь и половины изъ оныхъ на цѣломъ листѣ. Она, вѣрно, проводила насъ по покупкѣ.

Только спустились мы съ Полицейскаго моста, какъ, взглянувъ на лѣво, жена моя опять вскричала: «Ахъ, другъ мой, что мы сдѣлали! Стой, Федотъ!» Кучеръ остановился. Я перепугался и подумалъ, не позабыла ли она чего въ магазинѣ, или не оставилъ ли я въ немъ бумажника своего, въ которомъ было еще четырехста-двадцать-пять рублей, кромѣ пятнадцати рублей, особенно отложениныхъ для молебна; я осмотрѣлся и удостовѣрился, что послѣдней бѣды еще не случилось.

— Что-жъ сдѣлали мы, и куда ты ведешь меня? спросилъ я у жены, которая, взявъ меня за руку, почти тащила на лѣтницу.

— Ужасную глупость! отвѣчала она.

— Какую же?

— Ту, что купили шляпку не въ этомъ магазинѣ. Я видѣла въ окошко одну такую, какой родясь еще не видывала.

— Сумасшедшая! вскричалъ я. Но двери были уже отперты, и мы вошли. Жена моя и здѣсь принялась пересматривать и перебирать модныя вещи, только-что привезенныя изъ Парижа. Мадамъ В. услуживала еще ловче, нежели мадамъ А., и особенно умѣла прельстить одною шляпкою и модными часами съ золотою цѣпочкою. Я было рѣшился вооружиться всею моимъ хладнокровіемъ, не слушать никакихъ просьбъ и убѣжденій и тѣмъ сохранить бумажникъ свой отъ конечнаго разоренія, почему, припавъ рѣшительный видъ, сказалъ твердымъ голосомъ: «Теперь у меня нѣтъ денегъ. Заѣдемъ завтра!» Но жена моя такъ нѣжно взглянула на меня, какъ еще ни разу не взглядывала,—даже и въ самый день свадьбы нашей. Я растаялъ... и спросилъ:

— Что стоятъ часы сіи и шляпка?

— Ровно пятьсотъ рублей.

— Не дорого ли?

— Помилуйте! Мы лишняго никогда не просимъ: это весь городъ знать! Мы никого не грабимъ.

При сихъ словахъ мадамъ сдѣлала такой суровой видъ, какъ будто бы я обидѣлъ ее ужаснѣйшимъ образомъ. «Что дѣлать, потѣшу жену и удовлетворю мадамъ», подумалъ я и, вынувъ бумажникъ, отдалъ послѣдшяе изъ онаго четыреста сорокъ рублей, включая въ то число и пятнадцать, взятыхъ на молебень. Потомъ вынулъ я и кошелекъ, въ которомъ какъ будто нарочно было золота и серебра ровно на шестьдесятъ рублей. Расплатившись такимъ образомъ и простясь съ удовлетворенною французешкою, сѣли мы въ сани.

— Куда же мы теперь поѣдемъ? спросилъ я у жены.

— Какъ куда, другъ мой? А къ Казанской—ты развѣ позабылъ?

— Да зачѣмъ? Вѣдь мы хотѣли молебень отслужить, а у меня, по милости твоей, не осталось теперь ни копѣйки. Что дѣлать! Поворачивай. Федотъ! Поѣдемъ домой.

Такимъ образомъ возвратились мы къ себѣ въ домъ, не только не отслуживъ молебна, но даже не видѣвъ Казанскаго собора. Теперь я вотъ уже трое сутокъ безвыходно сижу дома. Боюсь выйти. Что мнѣ дѣлать, самъ не знаю! Первый выѣздъ стоилъ мнѣ тысячи семидесяти пяти рублей. Что, если и второй, и третій столько же будутъ стоить? Ёхать вмѣстѣ съ женою — бѣда! Одну ее отпустить — и того опасѣе. Самъ выѣхать — боюсь; ибо, судя по нестетупнымъ просьбамъ жены, чтобы опять ёхать въ Казанскій соборъ, я подозреваю, что она снова умышляетъ навѣстить или мадамъ А., или мадамъ В., или незнакому еще мадамъ В., которую особенно рекомендовала жепѣ моеѣ двоюродная сестрица.

2.

ДРЕВНИЕ И НОВЫЕ.

— Что тутъ удивительнаго, сестрица? Люди всегда и вездѣ люди! говорилъ нашъ уѣздный судья.

Люди всегда и вездѣ люди!.. Какъ это прекрасно сказано! Сіе изреченіе, конечно, принадлежитъ какому-нибудь древнему мудрецу, который зналъ свѣтъ, какъ Трифонъ Петербургъ—и вдоль и поперекъ. Готовъ биться объ закладъ, что *новые* не скажутъ такъ коротко и вмѣстѣ такъ ясно.

— Какъ же бы они сказали? спросила меня двоюродная сестрица, которая не теритъ ничего *старого*.

— Они вѣрно бы сказали: «*Люди* и во времена патріарховъ, и во времена фараоновъ, и въ золотой вѣкъ Греціи, и въ славные дни Рима, т.-е. *всегда*, и на востокѣ, и на западѣ, и на сѣверѣ, и на югѣ, т.-е. *вездѣ*, были, какъ и въ наше время,—злы, лицебрыны, низки, подлы, льстивы, глупы, жестоки, коварны, любопытны, невѣрны, слабы, непра-

ведливы...» Но, сударыня, если я стану продолжать, то, вѣрно, и въ цѣлый часъ не кончу, ибо *новые* такъ плодовиты, такъ болтливы, что каждую мысль, которую бѣ *древніе* выразили въ нѣсколькихъ словахъ, распространять, разукрашать, распестрять съ такимъ усердіемъ, что едва оная умѣстится и на двухъ страницахъ. Да и кому можетъ нравиться долгій періодъ? Онъ утомителенъ...

— Воля ваша, сказала сестрица,—думать какъ вамъ угодно, а мнѣ *новые* нравятся гораздо болѣе, нежели *древніе*.

Кто переспоритъ женщину, а особливо такую, какъ моя сестрица? Что однажды возьметъ она себѣ въ голову, того уже ничѣмъ не вытѣсишь изъ нея. Такъ, напримѣръ, она утверждать и твердо стоитъ въ томъ, что «Липецкія воды» несравненно превосходятъ «Недоросля». Сколько я ни опровергалъ сіе странное мнѣніе, но никакъ не могъ опровергнуть онаго. Я говорилъ, что характеры въ «Липецкихъ водахъ» не выдержаны; она, напротивъ, увѣряла, что они и выдержаны, и списаны еще съ натуры, и именно главное лицо и есть настоящій портретъ княгини N., съ которою сестрица не ладитъ. «Когда сужденіемъ управляетъ ненависть или пристрастіе, можно ли тогда ожидать справедливости», подумалъ я и — замолчалъ.

Можетъ быть, нѣкоторые читатели полюбопытствуютъ узнать, къ чему сказалъ я сестрицѣ: люди всегда и вездѣ люди.

Вотъ въ чемъ дѣло.

Сестрица, которой новости обѣихъ столицъ и даже изъ нашей степной губерніи сообщаются посредствомъ ея корреспондентовъ съ неистощимою скоростію, пріѣхала удивить меня и жену мою вѣстью, полученною ею изъ нашего уѣзднаго городка.

— Знаете ли вы госпожу Зефирину?

— Боже мой, какъ не знать! вскричала жена моя:—она первая красавица въ нашемъ уѣздѣ и хотя, по бѣдности родителей своихъ, не имѣла за собою ничего, но по счастію вышла за одного хотя и *старого*, но богатаго и добраго человѣка, который женитьбою своею составилъ не только для нея, но и для всѣхъ родственниковъ ея счастье, помогая имъ въ нуждахъ и воспитывая дѣтей ихъ на свой счетъ.

— Ну, такъ поздравьте же благодѣтельнаго помѣщика: Зефирина бросила *старика* и бѣжала съ однимъ *молодымъ* драгунскимъ офицеромъ.

— Какая ужасная неблагодарность! вскричала жена моя, и на лицѣ ея изобразилось негодованіе.

— Вотъ, братецъ, какіе казусы случаются нынѣ и у васъ въ степи!

— Что-жъ тутъ удивительнаго, сестрица? сказалъ я:—*люди всегда и вездѣ люди!*

Невскій Зритель 1821, ч. V.

VI. Ч У Д А К Ъ.

Угрюмевъ былъ странный человѣкъ: онъ ненавидѣлъ женщинъ и, не вѣря добродѣтели ихъ, вездѣ поносилъ прекрасныхъ. За два года предъ симъ писалъ онъ другу своему:

«Представь себѣ: батюшка было вздумалъ меня женить и, не сказавъ мнѣ ни слова, повезъ къ Доброправову. На половинѣ дороги признался онъ, что ѣдетъ сватать за меня Лизу, старшую дочь сего стараго своего друга, сослуживца и сосѣда. — Но развѣ не знаете вы, что слышъ вашъ никогда не намѣренъ жениться? сказалъ я ему. — Почему? спросилъ онъ сурово. — Потому, что я ненавижу женщинъ. — Такой вздоръ и слушать я не хочу. Ты долженъ непременно жениться, и жениться на Лизѣ, если не пмѣнешь въ виду другой дѣвицы. — Но, батюшка, мнѣ ни Лиза, никто не нравится: вы сдѣлаете насъ несчастными. — И это вздоръ! Женись! Я тебѣ приказываю. — Такъ рѣшительно батюшка никогда еще не говаривалъ мнѣ; я заключилъ, что онъ рѣшился женить меня во что бы то ни стало! Между тѣмъ мы подъѣхали къ дому Доброправовыхъ. Входимъ и застаемъ все семейство въ гостиной. Лиза имѣетъ видъ весьма привлекательный. Что, подумалъ я, еслибы и душевныя ея качества соотвѣтствовали наружнымъ! Я бы могъ быть счастливымъ... Но мечта, мечта! И я, зная, что батюшка никогда не любить шутить, рѣшился открыться ей самой, что я не могу быть ея супругомъ. Избравъ удобный случай, когда старики удалились, я безъ дальнихъ околичностей объяснился съ нею. Она дала слово отказать мнѣ и исполнила оное. Теперь, слава Богу, я спокоенъ. Батюшка не тревожитъ меня, и я восхищаюсь, что такимъ образомъ избавился отъ ужаснаго несчастія — *быть женатымъ*».

Шутливый другъ отвѣчалъ чудяку въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

«Съ боязнію за тебя читалъ я послѣднее письмо твое; оно дышитъ ненавистью къ нѣжному полу... Или ты забылъ, какая участь постигла смѣльчака Тирезія, дерзнуваго только отдать преимущество мужскому полу предъ женскимъ (что онъ одинъ только и былъ въ состояніи справедливо сдѣлать, бывъ и мужчиною, и женщиною). Юнона, метя ему за сіе и, вѣроятно, затѣмъ, дабы онъ впредь не видѣлъ недостатковъ пола ея, безчеловѣчно лишила его зрѣнія, котораго, конечно, не промѣнялъ бы онъ на даръ пророчества, коимъ за оказанную справедливость надѣлилъ его царь боговъ и человѣковъ. Ревнуя ко благу друзей моихъ, поставляю себѣ за свлщенную обязанность предостеречь тебя, дабы ты, говоря впредь о миломъ полѣ, былъ нѣсколько поосторожнѣе, если только не жалаешь на самомъ себѣ испытать несчастіе Тирезія, тѣмъ вѣрише, что Юноны нашего времени нимало не снисходительнѣе и не хуже Юноны лѣтъ древнихъ. Красота многихъ изъ нихъ ослѣпительна, и если ты не надѣленъ отъ Гермеса, подобно Улиссу, чудесною травкою моли, предохраняющею отъ очарованія красоты, то будь увѣренъ, что никакія средства не спасутъ тебя отъ сѣтей какой нибудь красавицы — слѣдственно, и отъ ослѣпленія; даже непобѣдимое хладнокровіе того философа, надъ которымъ славная Лаиса, тщетно истощивъ все средства обольстительнаго искусства хитрыхъ гетеръ, сказала наконецъ, что она взялась прельщать *человѣка*, а не *статую*».

«Такъ, любезный другъ, я боюсь за тебя. Нѣжный полъ, тобою оскорбленный, будетъ непремѣнно отомщенъ».

И представьте: боязнь шутливаго друга была справедлива! По прошествіи года Лиза вышла за Ариста, друга Угрюмова. Посѣщая ихъ, чудакъ непримѣтно влюбился въ прежнюю свою невѣсту и на опытѣ дозналъ, что и женщины могутъ быть добродѣтельными, ибо Лиза, не смотря на то, что сама пламенно полюбила Угрюмова, осталась вѣрною супругою Ариста, за котораго отдана была противъ желанія.

Цевскій Зритель 1821 г., ч. V.

VII. НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ О ПОЭЗИИ.

(Отрывокъ изъ письма къ N. N.)

Споръ о романтической и классической поэзіяхъ давно уже занимаетъ всю просвѣщенную Европу, а недавно начался и у насъ. Жаръ, съ которымъ споръ сей продолжается, не только отъ времени не протываетъ, но еще болѣе и болѣе увеличивается. Не смотря однакожъ на это, ни романтики, ни классики не могутъ похвалиться побѣдою. Причины сему, мнѣ кажется, тѣ, что обѣ стороны спорятъ, какъ обыкновенно случается, болѣе о словахъ, нежели о существѣ предмета, придаютъ слишкомъ много важности формамъ, и что на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни классической, ни романтической поэзіи, а была, есть и будетъ одна истинная, самобытная поэзія, которой правила всегда были и будутъ одни и тѣ же.

Приступимъ къ дѣлу.

Въ средніе вѣка, когда заря просвѣщенія уже начала заниматься въ Европѣ, нѣкоторые ученые люди избранныхъ ими авторовъ для чтенія въ классахъ и образца ученикамъ называли классическими, т.-е. образцовыми. Такимъ образомъ Гомеръ, Софокль, Виргилій, Гораций и другіе древніе поэты наименованы поэтами классическими. Учителя и ученики отъ души вѣрили, что только слѣдно подражая древнимъ и въ формахъ и въ духѣ поэзіи ихъ, можно достигнуть до той высоты, до которой они достигли, и сіе-то несчастное предубѣжденіе, сдѣлавшееся обличьемъ, было причиною ничтожности произведеній болышей части повѣйшихъ поэтовъ. Образцовыя творенія древнихъ, долженствовавшія служить только поощреніемъ для поэтовъ нашего времени, замѣняли у нихъ самые идеалы поэзіи. Подражатели никогда не могли сравниться съ образцами и, кромѣ того, они сами лишали себя силъ своихъ и оригинальности, а если и произвели что либо превосходное, то, такъ сказать, случайно и всегда почти только тогда, когда предметы твореній ихъ взяты были изъ древней исторіи и преимущественно изъ греческой, ибо тутъ подражаніе древнему замѣняло изученіе духа времени, просвѣщенія вѣка, гражданственности и мѣстностей страны того событія, которое поэтъ желалъ представить въ своемъ сочиненіи. Вотъ почему «Меропа», «Эсфирь», «Митридатъ» и нѣкоторыя другія творенія Расина, Корнеля и Вольтера превосходны. Вотъ почему всѣ творенія сихъ же или другихъ писателей, пред-

меты твореній которыхъ почерпнуты изъ новѣйшей исторіи, а вылиты въ формы древней драмы, почти всегда далеки совершенства.

Наименованіе классиками безъ различія многихъ древнихъ поэтовъ не одинаковаго достоинства принесло оцутительный вредъ новѣйшей поэзии и понынѣ служитъ одною изъ главнѣйшихъ причинъ сбивчивости попятій нашихъ о поэзии вообще, о поэтахъ въ особенности. Мы часто ставимъ на одну доску поэта оригинальнаго съ подражателемъ: Гомера съ Virgiliemъ, Эсхила съ Вольтеромъ. Опутавъ себя веригами чужихъ мифій и обезкрыливъ подражаніемъ генія поэзи, мы влеклись къ той цѣли, которую указывала намъ формула Аретотеля и бездарныхъ его послѣдователей. Одна только необычайная сила генія изрѣдка прокладывала себѣ новый путь, и облетая цѣль, указанную педагогами, рвалась къ собственному идеалу. Когда же явилось нѣсколько такихъ поэтовъ, которые, слѣдуя внушенію своего генія, не подражая ни духу, ни формамъ древней поэзи, подарили Европу своими оригинальными произведеніями, тогда потребовалось классическую поэзію отличить отъ новѣйшей, и нѣмцы назвали сію послѣднюю поэзію романтической, вмѣсто того чтобы назвать просто новою поэзію. Дантъ, Тассъ, Шекспиръ, Аріостъ, Кальдеронъ, Шиллеръ, Гёте — наименованы романтиками. Къ сему прибавить должно, что самое названіе романтической взято изъ того парѣчія, на которомъ явился первый оригинальный произведенія трубадуровъ. Сіи нѣмцы не подражали и не могли подражать древнимъ, ибо тогда уже отъ смѣшенія съ разными варварскими языками языкъ греческій былъ искаженъ, латинскій развѣтвился, и литература обоихъ сдѣлалась мертвою для народовъ Европы. Такимъ образомъ поэзію романтическую назвали поэзію оригинальную, самобытную, а въ этомъ смыслѣ Гомеръ, Эсхилъ, Пиндаръ, словомъ всё лучшее греческіе поэты — романтики, равно какъ и превосходнѣйшія произведенія новѣйшихъ поэтовъ, написанныя по правиламъ древнихъ, но предметы коихъ взяты не изъ древней исторіи, суть произведенія романтическія, хотя ни тѣхъ, ни другихъ и не признаютъ таковыми. Изъ всего вышесказаннаго не выходитъ ли, что ни романтической, ни классической поэзи не существуетъ? Истинная поэзія въ существѣ своемъ всегда была одна и та же, равно какъ и правила оной. Она различается только по существу и формамъ, которыя въ разныхъ вѣкахъ приданы ей духомъ времени, степенью просвѣщенія и мѣстностью той страны, гдѣ она появлялась. Вообще можно раздѣлить поэзію на древнюю и новую. Это будетъ основательнѣе. Наша поэзія болѣе содержательная, нежели вещественная: вотъ почему у насъ болѣе мыслей, у древнихъ болѣе картинъ; у насъ болѣе общаго, у нихъ частностей. Новая поэзія имѣетъ еще свои подраздѣленія, смотря по понятіямъ и духу вѣковъ, въ коихъ появлялись ея гени. Таковы «Divina Comedia» Данта, чародѣйство въ поэмѣ Тасса, Мильтопъ, Клопштокъ съ своими высокими религіозными понятіями, и наконецъ, въ наше время поэмы и трагедіи Шиллера, Гёте и особенно Байрона, въ коихъ живоощущаются

страсти людей, ихъ сокровенныя побужденія, вѣчная борьба страстей съ тайнымъ стремленіемъ къ чему-го высокому, къ чему-го безконечному.

Я сказалъ выше, что формамъ поэзіи вообще придаютъ слишкомъ много важности. Это также важная причина сбивчивости понятій нашего времени о поэзіи вообще. Тѣ, которые почитаютъ себя классиками, требуютъ слѣднаго подражанія древнимъ и утверждаютъ, что всякое отступленіе отъ формъ ихъ есть непростительная ошибка. Напримѣръ, три единства въ сочиненіи драматическомъ — у нихъ есть непремѣнный законъ, нарушеніе коего ничѣмъ не можетъ быть оправдано. Романтики, напротивъ, отвергая сіе условіе, какъ стѣсняющее свободу генія, полагаютъ достаточнымъ для драмы единство цѣли. Романтики въ этомъ случаѣ имѣютъ нѣкоторое основаніе. Формы древней драмы, точно какъ формы древнихъ республикъ, намъ не въ пору. Для Аѳинъ, для Спарты и другихъ республикъ древняго міра чистое народоправленіе было удобно, ибо въ ономъ всѣ граждане безъ изыятія могли участвовать. И сія форма правленія ихъ не нарочно была выдумана, не насильно введена, а проросла изъ природы вещей, была необходимостью того положенія, въ какомъ находились тогда гражданскія общества. Точно такимъ же образомъ три единства греческой драмы въ тѣхъ твореніяхъ, гдѣ оныя встрѣчаются, не изобрѣтены нарочно древними поэтами, а были естественнымъ послѣдствіемъ существа предметовъ ихъ твореній. Всѣ почти дѣянія происходили тогда въ одномъ городѣ или въ одномъ мѣстѣ; это самое опредѣляло и быстроту, и единство дѣйствія. Многолюдность и неизмѣримость государствъ новыхъ, степень просвѣщенія народовъ, духъ времени, словомъ, всѣ физическія и нравственныя обстоятельства новаго міра опредѣляютъ и въ политикѣ, и въ поэзіи попроче, болѣе обширное. Въ драмѣ три единства уже не должны и не могутъ быть для насъ непремѣннымъ закономъ, ибо театромъ дѣяній нашихъ служить не одинъ городъ, а все государство, и по бѣльшей части такъ, что въ одномъ мѣстѣ бываетъ начало дѣянія, въ другомъ продолженіе, а въ третьемъ видятъ конецъ его. Я не хочу этимъ сказать, что мы вовсе должны изгнать три единства изъ драмъ своихъ. Когда событіе, которое поэтъ хочетъ представить въ своемъ твореніи, безъ всякихъ усилій вливается въ формы древней драмы, то разумѣется, что и три единства не только тогда не лишнее, но иногда даже необходимое условіе. Нарочно только не надобно искажать историческаго событія для соблюденія трехъ единствъ, ибо въ семъ случаѣ всякая вѣроятность нарушается. Въ такомъ быту нашихъ гражданскихъ обществъ намъ остается полная свобода, смотря по свойству предмета, соблюдать три единства, или довольствоваться однимъ, т.-е. единствомъ происшествія или цѣли. Это освобождаетъ насъ отъ веригъ, наложенныхъ на поэзію Аристотелемъ. Замѣтимъ однакожь, что свобода сія, точно какъ наша гражданская свобода, налагаетъ на насъ обязанности труднѣйшія тѣхъ, которыхъ требовали отъ древнихъ три единства. Труднѣе соединить въ одно цѣлое разныя происшествія такъ, чтобы они гар-

монировали въ стремленіи къ цѣли и составляли совершенную драму, нежели написать драму съ соблюденіемъ трехъ единствъ, разумѣется, съ предметами, равномерно благодарными. Много также вредитъ поэзии суетное желаніе сдѣлать опредѣленіе оной, и мнѣ кажется, что тѣ справедливы, которые утверждаютъ, что поэзии вообще не должно опредѣлять. По крайней мѣрѣ, по сю пору никто еще не опредѣлилъ ее удовлетворительнымъ образомъ: всѣ опредѣленія были или частныя, относящіяся къ поэзии какого нибудь вѣка, какого нибудь народа, или поэта, или общія со всѣми словесными науками, какъ Ансильоново*). Идеаль поэзии, какъ идеаль всѣхъ другихъ предметовъ, которые духъ человѣческой стремится обнять, безконеченъ и недостижимъ, а потому и опредѣленіе поэзии невозможно, да мнѣ кажется, и бесполезно. Еслибъ было можно опредѣлить, что такое поэзія, то можно-бъ было достигнуть и до высочайшаго идеала оной, а когда бы въ какомъ нибудь вѣкѣ достигли до него, то что бы тогда осталось грядущимъ поколѣніямъ? Куда бы дѣвалось *perpetuum mobile*?

Великіе труды и превосходныя творенія нѣкоторыхъ древнихъ и новыхъ поэтовъ должны внушать въ насъ уваженіе къ нимъ, по отнюдь не благоговѣніе, ибо это противно законамъ чистѣйшей нравственности, унижаетъ достоинства человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ вселяетъ въ него какой-то страхъ, препятствующій приблизиться къ превозносимому поэту и даже видѣть въ немъ недостатки. Итакъ, будемъ почитать высоко поэзію, а не жрецовъ ея и, оставивъ бесполезный споръ о романтизмѣ и классицизмѣ, будемъ стараться уничтожить въ себѣ духъ рабскаго подражанія и, обратясь къ источнику истинной поэзии, употребимъ всѣ усилія осуществить въ своихъ писаніяхъ идеалы высокихъ чувствъ, мыслей и вѣчныхъ истинъ, всегда близкихъ человѣку и всегда не довольно ему извѣстныхъ.

Сынъ Отечества 1825, ч. CIV.

VIII. ЗАПИСКА О ДУЭЛИ НОВОСИЛЬЦОВА СЪ ЧЕРНОВЫМЪ.

Лѣтомъ въ прошломъ 1824 году флигель-адъютантъ Новосильцовъ, познакомясь въ семействѣ генераль-маіорши Черновой, находившейся тогда въ имѣніи своемъ близъ села Рождествена, объяснилъ ей желаніе свое жениться на ея дочери и объявилъ ей и прибывшему туда мужу ея,

*) По мнѣнію Ансильона, «поэзія есть сила выражать идеи посредствомъ слова, или свободная сила представлять, помощью языка, безконечное подъ формами конечными и опредѣленными, которыя бы въ гармонической дѣятельности говорили чувствомъ сообщенію и сужденію». Но сіе опредѣленіе идетъ и къ философіи, идетъ и ко всѣмъ человѣческимъ знаніямъ, которыя выражаются словомъ. Многіе также (см. «Вѣстн. Евр.» 1825, № 17, стр. 26), соображаясь съ ученіемъ новой философіи нѣмецкой, говорятъ, что сущность романтической (по нашему истинной) поэзии состоитъ въ стремленіи души къ совершенному, ей самой неизвѣстному, но для нея необходимому стремленію, которое владѣетъ всякимъ чувствомъ истинныхъ поэтовъ сего рода. Но не въ этомъ ли состоитъ сущность и философія всѣхъ изящныхъ наукъ?

генераль-майору Чернову, что имѣть на то дозволеніе своихъ родителей, получивъ ихъ согласіе. Сговоръ и домашнее обрученіе сдѣланы были въ августѣ мѣсяцѣ того года, а вскорѣ и свадьба назначена; но при наступленіи сего времени, Новосильцовъ, подъ предлогомъ болѣзни отца своего, отправился въ Москву, давъ слово возвратиться чрезъ три недѣли. Съ дороги писалъ онъ своей невѣстѣ, но по прибытіи въ Москву прекратилъ переписку и не только не возвратился къ назначенному времени, но оставилъ семейство Черновыхъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ безъ всякой вѣсти. Въ продолженіе сего времени Новосильцовъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, но не только не былъ у невѣсты, но даже не увѣдомилъ о себѣ письменно. Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка подпоручикъ Черновъ, братъ невѣсты, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1824 года отправился въ Москву, желая объясниться въ семъ дѣлѣ съ подпоручикомъ Новосильцовымъ и положить конецъ опому. Въ Москвѣ, послѣ объясненія ихъ обоимъ по сему дѣлу, Новосильцовъ объявилъ Чернову въ присутствіи военного генераль-губернатора и нѣкоторыхъ извѣстныхъ особъ съ обѣихъ сторонъ, что никогда не оставялъ намѣренія жениться на Черновой; послѣ чего Черновъ, называя его женихомъ сестры своей, извинился, что сомнѣвался въ его честности. Мать Новосильцова тогда же письменно изъявила родителямъ Чернова согласіе на бракъ своего сына съ ихъ дочерью. Новосильцова далъ обѣщаніе совершить свадьбу въ теченіе шести мѣсяцевъ, желая отложить оную, какъ говорилъ онъ, для того, дабы не дать поводу думать, что онъ былъ къ тому вынужденъ, и Черновъ принять былъ матерью и семействомъ Новосильцова какъ родной, пробылъ въ Москвѣ около мѣсяцъ и отправился въ Петербургъ, куда поѣхалъ также и Новосильцовъ. Вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ, Новосильцовъ сдѣлалъ вызовъ Чернову за разглашенныя будто бы нимъ послѣднимъ слухи, что принудилъ его жениться. Черновъ объяснилъ ему, что не только никогда не распускалъ такихъ слуховъ, но и не имѣлъ къ сему намѣренія; Новосильцовъ удовольствовался симъ объясненіемъ и объявилъ при посредникахъ, что дѣло ихъ остается въ томъ положеніи, въ коемъ оно въ Москвѣ находилось, т.-е. что онъ женится въ теченіе урѣченнаго времени.

Хотя по всѣмъ вышепронисаннымъ обстоятельствамъ все семейство Черновыхъ не желало болѣе имѣть зятемъ Новосильцова, но подпоручикъ Черновъ, по истеченіи положеннаго времени, желая дать сему дѣлу окончаніе, требовалъ, чтобы Новосильцовъ отправился къ отцу его въ Могилевъ и тамъ бы кончилъ оное; на что Новосильцовъ и далъ письменное обѣщаніе. Подпоручикъ Черновъ, не видя еще исполненія сего обѣщанія, узнавъ, что отецъ его вынужденъ былъ сторонними средствами прислать Новосильцову письменный отказъ, и что по сему случаю имѣлъ генераль-майоръ Черновъ сильное огорченіе. Подпоручикъ Черновъ, чувствуя, что главною причиною сего былъ Новосильцовъ, сдѣлалъ ему вызовъ 8 числа сего мѣсяца, а 10 числа въ 6 часовъ утра они стрѣлялись на пистолетахъ за Выборгскою заставою и оба опасно ранены.

Обстоятельства, въ сей запискѣ изложенныя, основаны болѣею частью на письменныхъ доказательствахъ и извѣстны по изустнымъ объясненіямъ самого подпоручика Чернова и нѣкоторыхъ другихъ особъ заслуживающихъ вѣроятія.

Сентября 1825 года.
Девятнадцатый Вѣкъ.

IX. ОТРЫВКИ и ЗАМѢТКИ.

(О Мазепѣ). Для Мазепы, кажется, ничего не было священнымъ, кромѣ цѣли, къ которой стремился: ни уваженіе, оказываемое ему Петромъ, ни самыя благодѣянія, излитыя на него симъ великимъ монархомъ, ничто не могло отвратить его отъ измѣны. Хитрость въ высочайшей степени, даже самое коварство почиталъ онъ средствами, дозволенными на пути къ оной...

(О нравственности). Прежде нравственность была опорой свободы; теперь должно ею быть просвѣщеніе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ родъ чело-вѣческой снова должно привести къ нравственности. Прежде она была врожденна, чело-вѣкъ былъ добръ по природѣ; съ просвѣщеніемъ онъ будетъ добръ и добродѣтеленъ по знанію, по увѣренности, что быть таковымъ для его блага необходимо. *)

(О Наполеонѣ). Тебѣ всё средства были равны, лишь бы они вели прямо къ цѣли; каковаго бы цвѣта волны ни были....., лишь потокъ достигалъ..... цѣли. Добродѣтели и пороки, добро и зло въ твоихъ глазахъ не имѣли другого различія, какое имѣютъ между собою цвѣта: каждый хорошъ, когда..... Ты старался быть превыше добродѣтелей и пороковъ:

*) Этотъ и слѣдующіе отрывки относятся къ статьѣ, которую Рылѣевъ имѣлъ въ виду написать и для которой составилъ такую программу:

ДУХЪ ВРЕМЕНИ ИЛИ СУДЬБА РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО.

I. Чело-вѣкъ отъ дикой свободы стремится къ деспотизму; невѣжество причиною тому.

1. Первобытное состояніе людей. Дикая свобода.
2. Покушеніе деспотизма. Раздѣленіе политики, нравственности и религіи.
3. Греція. Свобода гражданская, философы, цари.
4. Римъ. Его владычество. Свобода въ немъ. Цезарь. Духъ времени.
5. Римъ поработенный.
6. Христовъ.

II. Чело-вѣкъ отъ деспотизма стремится къ свободѣ; причиною тому просвѣщеніе.

1. Гоненія на христіанъ распространяютъ христіанство. Распри ихъ.
2. Феодалная система и крестовые походы. Духъ времени.
3. Лютеръ, свободомысліе въ религіи. Духъ времени.
4. Французская революція. Свободомысліе въ политикѣ.
5. Наполеонъ, сверженіе его. Духъ времени,
6. Борьба народовъ... Начало соединенія религіи, нравственности и поли-тики.

они для тебя были разноцвѣтныя тучи, посящіяся около Кавказа, который, недосыгаемымъ челомъ прорѣзывая ихъ, касается неба дѣвственными вершинами.

Твое могущество захватило всѣ власти и пробудило народы. Цари, униженные тобою, возстали и при помощи народовъ низвергли тебя. Ты палъ—но самовластіе съ тобою не пало. Оно стало еще тягостнѣе, потому что досталось въ удѣлъ *многимъ*...

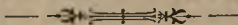
(О духъ времени). Человѣкъ святъ, когда согласуетъ поступки свои съ дѣлами Промысла.

Человѣчество не имѣетъ свободы воли.

Усовершеніе есть цѣль, къ которой стремится оно по предназначенію Промысла; исторія всѣхъ народовъ служить тому неопровержимымъ доказательствомъ. Никакія усилія Омаровъ не въ состояніи остановить его на семь пути; высокія истины, обнаруженныя однажды мудрецами, безсмертны; это такія монеты, штемпель которыхъ отъ времени не изглаживается, но, напротивъ, еще дѣлается явственнѣе. Вотъ почему ни одна истина древнихъ мудрецовъ не пропала для насъ.

Человѣкъ въ частности одаренъ свободою воли; онъ властенъ дѣлать или не дѣлать то, что внушаютъ ему страсти или разсудокъ; но его дѣянія худы или хороши только въ отношеніи къ нему; на судьбу же всего человѣчества они не имѣютъ никакого вліянія, особенно, когда они не согласовались съ видами Промысла. Противорѣчія намѣреній съ послѣдствіями дѣяній человѣческихъ яснымъ служатъ тому доказательствомъ. Брутъ, желая спасти міръ отъ деспотизма, убилъ Цезаря. Дѣяніе это не имѣло вліяніе на судьбу человѣчества, ибо не было согласно съ видами Промысла. Такимъ образомъ, принявъ за истину, что человѣкъ въ частности свободенъ, а человѣчество нѣтъ, можно и должно будетъ поставить нравственнымъ закономъ для нашихъ дѣяній: поступай такъ, чтобы твои поступки не противорѣчили волѣ Промысла. Но спросить: какимъ образомъ распознать волю сію? Воля Промысла изъясняется въ духъ времени.

Вѣстникъ Европы 1888, № 11.



ПИСЬМА.

1. Отцу.

Милостивый государь батюшка, Ѳеодоръ Андреевичъ. Я ваше письмо получилъ отъ того генерала, который съ вами приходилъ въ корпусъ въ казакомъ платьѣ, и благодарю васъ за присланное ко мнѣ отъ васъ письмо. Я все, слава Богу, здоровъ; здоровы ли вы, любезный батюшка. Я послѣ вашего отъѣзда былъ переведенъ въ 3-й средній классъ изъ 5-го

средняго, черезъ два класса выше. Любезный батюшка, сдѣлайте милость, пришлите мнѣ (денегъ) на покупку вещей и бумаги; но сдѣлайте милость, не позабудьте мнѣ прислать денегъ также и на книги, потому что я, любезный батюшка, весьма великой охотникъ до книгъ. Кланяется вамъ матушка и сестрица. *) Любезный батюшка, вы не печальтесь о сестрицѣ: она отдана въ пансіонъ генерала Рейбота, въ которомъ уже говорить по французски и по цѣмцки. Она и я цѣлуемъ ваши ручки и пожки. Сдѣлайте милость, не забудьте мою просьбу и если хотите прислать, то, сдѣлайте милость, и Аннѣ Ѳеодоровнѣ—она васъ очень просила—пришлите въ письмѣ мнѣ и Аннѣ Ѳеодоровнѣ, любезной сестрицѣ. Остаюсь вашъ сынъ Ко н д р а т і й Ры л ѣ в ъ.—Санктпетербургъ.—Прибавленіе: Поздравляю васъ съ праздникомъ, любезный батюшка; пришлите мнѣ также и на праздникъ деньги, ибо меня одинъ кадетъ учить геометріи; мнѣ ему надобно подарить; того кадета зовуть Бурковъ.

2. Отцу.

С.-Петербургъ, 17 декабря 1812.

Дражайшій родитель! Вотъ уже почти три года, какъ не имѣю я объ васъ никакихъ извѣстій. Много писалъ писемъ, но не получалъ на опыя ни одного отвѣта. Конечно, болѣзнь или какое нибудь другое несчастное обстоятельство, думалъ я, вамъ то воспрепятствуетъ; старался освѣдомиться объ васъ; былъ у генерала Сергѣева, который принялъ меня какъ родного сына и успокоилъ въ разсужденіи васъ. Я восхищался, что нашелъ такого человѣка, который будетъ увѣдомлять меня о моемъ родителѣ—но недолго. Скоро принужденъ былъ я лишиться и его! Онъ уѣхалъ въ Казань. Послѣ его отбытія, снѣшу къ вамъ писать, но тщетно; отвѣта нѣтъ! Я рѣшился не писать до тѣхъ поръ, пока точно не узнаю, гдѣ вы находитесь; не писалъ болѣе года, но нужда снова меня принудила взяться за перо. Та минута, которую достигъ жаждалъ я, не менѣе какъ и райской обители священнаго Эдема, но которую умъ мой, утраченный философию, желалъ бы отдалить еще на время, быстро приближается. Эта минута—есть переходъ мой въ волнуемый страстями міръ. Шагъ безспорно важный, но вѣрно не столь опасный, какимъ представили его моему воображенію мудрецы, безпрестанно вопіющіе противу разврата, обуревающаго міръ сей. Такъ, любезный родитель, я знаю свѣтъ только по одиѣмъ книгамъ, и онъ представляется уму моему страшнымъ чудовищемъ, но сердце видитъ въ немъ тысячи пытательныхъ для себя надеждъ. Тамъ разсудку моему представляется бѣдность во всей ея обширности и горестномъ ея состояніи; но сердце показываетъ эту же самую бѣдность въ златыхъ цѣняхъ вольности и дружбы, и она кажется мнѣ не въ бѣдной хижинѣ и не на соломенномъ одрѣ, но въ позлащенныхъ чертогахъ, возлежащую на мягкихъ пуховикахъ, въ иѣгѣ и удовольствіи. Тамъ, въ свѣтѣ, умъ мой видитъ рядъ непрерывныхъ бѣдствій—и ужа-

*) Анна Ѳеодоровна—побочная дочь Ѳедора Андреевича.

ается. Несчастія занимают первое мѣсто, за ними слѣдуютъ обманы, грабительства, вѣроломства, развратъ и такъ далѣе. Устрашенное мое воображеніе и разсудокъ мой съ трепетомъ гласятъ мнѣ: «Заблужденный молодой человѣкъ! развѣ ты не видишь, чего желася съ такимъ безмѣріемъ. Ты стремишься въ свѣтъ—но посмотри, тамъ гибель ожидаетъ тебя. Посмотри, тамъ бездны изрыты на каждомъ шагу твоёмъ, берегись низринуться въ нихъ. Безразсудный! въ свѣтъ каждая минута твоя будетъ отравляема горькимъ страхомъ, и ты не насладишься жизнію. Хотя бы ты проходилъ свѣтъ ощупью, но не избѣгнешь несчастія: скрытныя сѣти вовлекутъ тебя въ оныя, и ты погибнешь». Такъ говоритъ мнѣ умъ, но сердце, вѣчно съ нимъ соперничающее, учитъ меня противоположному: «Иди смѣло; презирай все несчастія, все бѣдствія и если оныя постигнутъ тебя, то переноси ихъ съ истинною твердостью, и ты будешь героемъ, получишь мученической вѣнецъ и вознесешься превыше человѣчества». Тутъ я восклицаю: «Быть героемъ, вознестися превыше человѣчества! Какія сладостныя мечты! О, я повинуюсь сердцу». Разберемъ теперь, кому истинно должно повиноваться, уму или сердцу? Первый бываетъ всегда важенъ, разбирателенъ, строгъ, осудителенъ, все почти человѣческія страсти и предпріятія оуждаетъ безжалостно; свѣтъ для него есть обиталище разврата и пустыня необозримая, гдѣ не находитъ онъ ни единого человѣка; между тѣмъ какъ онъ съ избыткомъ наполненъ ими. Сердце же, напротивъ того, видитъ въ немъ одни радости и всегда готово ими наслаждаться, не утомляя себя скучными разбирательствами; строгость его непричастна; оно снисходительно ко всемъ, много хвалитъ и никого не осуждаетъ; для него свѣтъ—прелесть, въ коемъ вездѣ вина добродѣтель, и порокъ изрѣдка показывается въ немъ такъ, какъ туманное облако въ ясный день. И люди кажутся сердцу любезными существами. Вотъ какъ судить о свѣтѣ сердце и какъ судить о немъ умъ. Или лучше сказать, что такъ судятъ о немъ мудрецъ и свѣтскій человѣкъ. Слѣдовать первому—есть быть человѣко-ненавидцемъ, людей не считать людьми и искать ихъ, при свѣтѣ яснаго дня, съ фонаремъ. Но поступай такъ, и ты будешь счастливъ: бѣдствіе никогда, никогда не постигнетъ тебя. Но соразмѣрно ли силамъ человѣческимъ принять методу мудрецовъ? Не лучше ли любить своего ближняго съ нѣжною дружбою, не раздражать его самолюбія, не хулить чужихъ поступковъ, и злоба ихъ никогда не коснется тебя, ты будешь также счастливъ, хотя счастье будетъ и зыблемо, хотя ты падешь въ бѣдствіи, но вдругъ утѣшишь тебя въ твоей горести, ты найдешь отраду въ его состраданіи, и возвращеніе твое къ счастью будетъ неизяснимо пріятно и съ рукоплесканіями твоихъ друзей. Мы должны все умереть, но опять возстанемъ для блаженства, предъ коимъ пржее было—ничто.

Вотъ, любезный родитель, мои мысли, вотъ мои правила, плоды наставленій и размышленій собственнаго разума, коимъ слѣдовать я намѣренъ.—Отечество наше потеряло отъ врага вселенной, нуждалось въ вои-

нахъ, кои и были собраны. Изъ нашего корпуса были нынѣшній годъ три выпуска, въ кои вышло кадетъ до 200; да нынѣ выходитъ чело-вѣкъ 160. Слышно, что будетъ выпускъ въ маѣ мѣсяцѣ будущаго 1813-го года. Мои лѣта и нѣкоторые успѣхъ въ наукахъ даютъ мнѣ право требовать чинъ офицера артиллеріи,—чинъ, плѣняющій молодыхъ людей до безумія и который мнѣ также лестенъ, но нѣчѣмъ другимъ, какъ только тѣмъ, что буду имѣть я счастье приобщиться къ числу защитниковъ своего отечества, царя и алтарей земли нашей, приобщиться и возблагодарить монарха кроткаго, любезнаго, чадолюбиваго, за тѣ попеченія, которыя были восприняты обо мнѣ, во все время долготѣшняго пребыванія моего въ корпусѣ. Такъ, любезный родитель, любезны для меня виновники благъ, коими наслаждался я во младенчествѣ, мила для меня страна, гдѣ родились моя мать и отецъ и въ коей я самъ родился; неслыханно пріятна для меня вѣра, которую исповѣдуютъ мои родители, въ коей и я воспитывался. Обожаю я монарха нашего, потому что пещется объ подданныхъ своихъ, какъ отецъ, обожающій чадъ своихъ, и какъ царя, надъ нами Богомъ поставленнаго! Хочу возблагодарить его; но чѣмъ же и гдѣ мнѣ его возблагодарить? Чѣмъ, какъ не мужествомъ и храбростію на полѣ славы? Я буду проситься въ конную артиллерію, ибо вообще конная служба мнѣ нравится. Въ маѣ изъ первыхъ чиселъ, вѣрно, будетъ выпускъ. Вотъ почему опять велѣно набирать рекрутовъ съ 500 по 8; почему можно безошибочно заключать, что и насъ потребуютъ, болѣе же потому, что въ арміи недостаетъ офицеровъ по крайней мѣрѣ до двухъ тысячъ, не смотря на то, что много было выпущено. Почему, любезный родитель, прошу вашего родительскаго благословенія, такъ и денегъ, нужныхъ для обмундировки. Вамъ небезызвѣстно, что ужасная нынѣ дороговизна на все вообще вещи, почему нужны и деньги сообразныя нынѣшнимъ обстоятельствамъ. Два мундпра, сюртукъ, трое панталонъ, жилетки три, рейтузы, хорошенькая шляпка, шарфъ серебряный, киверъ съ серебряными кншкетами, шага или сабля, шляпа или шинкакъ, конфедератка, тулупъ и прочее требуютъ по крайней мѣрѣ тысячи полторы; да съ собою взять рублей до пятисотъ, а не то придется ѣхать ни съ чѣмъ. Надѣюсь, что виновникъ бытія моего не заставитъ долго дожидаться отвѣта и пришлетъ нужныя мнѣ деньги къ маю мѣсяцу; также прошу васъ прислать мнѣ при первомъ письмѣ рублей 50, дабы нанять мнѣ учителя биться на сабляхъ. Кланяются вамъ и кланялись во всякомъ письмѣ матушкѣ Петръ Ѳеодоровичъ, *) Катерина Ивановна, его супруга, сестрица и другіе, между прочими генераль Дашкевичъ и господинъ кавалеръ Нейманъ и его супруга. Въ заключеніе, поздравляю васъ съ наступающимъ новымъ годомъ и, желая вамъ всякихъ благъ, остаюсь покорѣйшимъ вашимъ сыномъ К. Рыльевъ.

*) П. Ѳ. Малютинъ, ген.-лейтенантъ.

Р. S. Вотъ уже два года какъ я нахожусь въ гренадерской ротѣ. Слѣдственно, подписывайте: въ 1-й корпусъ гренадерской роты Его Высочества кадету N. N. R.

3. Отцу.

(С.-Петербургъ, іюль 1813).

Дражайшій родитель! Письмо ваше, отъ 25 іюня, получено мною; я не могъ оно читать безъ пролитія слезъ и сокрушался сердцемъ, что вы, не разобравъ все въ совершенствѣ, меня вините. Вы пишете, что письма мои наполнены противорѣчіями; я не мало сему удивляюсь! Копія съ оныхъ и теперь еще лежатъ передо мной, и я въ нихъ ничего такого не нахожу, кромѣ разнаго назначенія времени выпуска; вотъ тому причина: послѣ прошлагодняго выпуска ожидали вдругъ другого; оный не случился, а время назначенія было февраль, мартъ, апрѣль, май или іюнь, ссылаясь на то, что рекрутамъ въ сіи мѣсяцы будто бы было назначено придти въ Петербургъ, гдѣ обучивъ ихъ, отправятъ на границы; но ничего сего не состоялось. Вотъ почему и я назначалъ различное время моего выпуска; но теперь уже подходит то время, въ которое обыкновенно бывають годовые выпуски, а именно, сентябрскіе. Могъ бы я и далѣе оправдываться, представя вамъ въ подробности все причины, все обстоятельства, которыя препятствуютъ мнѣ поступить въ сродственность вашихъ желаній касательно моего выпуска (смотрите письмо мое отъ 22 числа въ разсужденіи о выпускѣ); но зная, сколь несприлично мнѣ опаривать мнѣние отца, хотя и несправедливое, оставляю то. Будьте увѣрены, что желаніе ваше, дабы я пріѣхалъ къ вамъ, есть и мое собственное; оно, во что бы то ни стало, свято будетъ исполнено. Но съ чѣмъ я поѣду къ вамъ? Какъ проживу двѣ трети года въ полку безъ жалованья? Вотъ два вопроса, которые прошу васъ разрѣшить. Просилъ я у васъ 50 рублей, дабы нанять учителя биться на сабляхъ, ибо я выйду въ конную артиллерию; но, не получа на то никакого отвѣта, осмѣливаюсь повторить свою просьбу. Засимъ, свидѣтельствуя сыновнюю мою къ вамъ любовь и почтеніе, остаюсь покорнѣйшій сынъ вашъ К. Рыльевъ.

Р. S. Письмо къ матушкѣ въ тотъ же день послано. Она въ деревнѣ. Аннѣ Ѳедоровнѣ, слава Богу, легче.

4. Матери.

Городъ Дрезденъ, февраль, 28 число 1814.

Дражайшая матушка! Здѣсь нашель дялюшку Михайла Николаевича *), который при семь какъ вамъ, такъ и Петру Ѳедоровичу, Катеринѣ Ивановнѣ, господамъ Прево **) и своей естрицѣ кланяется. Очень, очень добрый и рѣдкій! Все еще страдаетъ раною. Онъ мнѣ довольно подробно

*) Рыльева, коменданта г. Дрездена.

**) Ив. Ив. Прево-де-Луміанъ, ген.-маіоръ, членъ военно-уч. комитета.

объяснилъ дѣло батюшки и очень сожалѣлъ, что я не побѣхалъ черезъ Кіевъ, ибо тамошній полиціймейстеръ, его пріятель, выдать бы мнѣ лучшія вещи. Что жъ дѣлать! Мы этого не знали!

На что высокій чинъ, богатства,
На что и множество крестовъ!
Въ нихъ вовсе, вовсе нѣтъ пріятства,
Когда душевно нездоровъ.
Богатъ будь добрыми дѣлами—
И будешь счастливъ навсегда;
Не лѣзь за суетой—чинами,
И не споткнешься никогда!

Вашъ покорнѣйшій сынъ Кондратій Рыгѣевъ. При семъ вложено письмо въ корпусъ.

5. Матери *).

Дрезденъ. 21 сентября 1814 года.

Ради Бога, не безпокойтесь обо мнѣ. Читая письмо ваше къ дядюшкѣ, я увидѣлъ изъ него, сколь много вы отягчаете себя печалію; сдѣлайте милость, поберегите себя! Я, благодаря Бога, здоровъ, чего и вамъ всеѣмъ живущимъ въ Петербургѣ желаю. Дядюшка находится теперь въ Дрезденѣ комендантомъ. Мѣсто прекрасное, по 300 р. серебромъ жалованья въ мѣсяцъ. Почтеннѣйшая супруга его Марья Ивановна съ нимъ—и онъ въ полномъ удовольствіи Слава. Богу и благодареніе! Такого дяди, каковъ онъ, больше другимъ не найти! Добръ, обходителенъ, помогаетъ, когда въ силахъ; ну, словомъ, онъ замѣнилъ мнѣ умершаго родителя! Князь Репнинъ **) его любитъ и все, что ни скажетъ, исполняетъ. Недавно выхлопоталъ мнѣ дядюшка мѣсто въ Дрезденѣ, при артиллерійскомъ магазинѣ. Въ день моего рожденія подарилъ онъ мнѣ на мундиръ лучшаго сукна. Вы, читая письмо сіе, благодарите и благословляйте душевно благодѣтельнаго дядю! Такъ онъ достоинъ того. Почтеннѣйшая его супруга, замѣняющая у меня здѣсь ваше мѣсто, своею материнскою нѣжностію, своею заботливостію и попеченіемъ превосходитъ всякое описаніе! И мы, не могуціе заплатить имъ въ сей жизни ничѣмъ, какъ только благодареніями, предоставимъ то Всевышнему...

Не получая столь долгое время отъ васъ писемъ, съ самаго моего отѣзда, я безпокоюсь въ разсужденіи вашего здоровья: почему и прошу, поспѣшите присланиемъ; двѣ строчки, писанныя вашею рукою, утѣшатъ меня...

6. Матери.

(1815).

Дражайшая матушка Настасья Матвѣевна! Ровно почти черезъ годъ я вновь переправляюсь чрезъ Рейнъ. Какая величественная рѣка! Какое чудесное зрѣлище! При приближеніи къ ней, я ощутилъ нѣкоторый родъ

*) Опущено начало и окончаніе писемъ.

**) Репнинъ-Волконскій, кн. Николай Григорьевичъ, ген.-ад., членъ госуд. совѣта.

благоговѣнія: множество различныхъ чувствъ волновали душу мою!... Года за четыре предъ симъ, кто предполагалъ, что войска чуждыхъ странъ такъ легко будутъ переправляться черезъ рѣку сію? Этого мало: кто могъ предполагать столь быстрыя дѣйствія союзниковъ и столь слабое сопротивленіе противниковъ? Но обстоятельства переѣнились: что было за четыре года, что могло быть тогда — то не будетъ и не можетъ быть теперь. Великая нація теперь слабая, войско ея — шайка разбойниковъ, начальникъ — странствующій Донъ-Кихоть. Но куда завлекли меня мрачныя размышленія? Какъ могу я опредѣлять случаи будущности? Время, время! Лѣта скорѣе удвойте полетъ свой, любобытство знать будущее сѣдаетъ меня. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и такою же преданностью вашъ всепокорный сынъ Кондратій Рыльевъ.

P. S. Всѣмъ роднымъ и знакомымъ свидѣтельствую нижайшее почтеніе, желаю того здоровья и удовольствія, которымъ я наслаждаюсь. Теперь я съ самой границы ѣду квартирмейстеромъ; довольно заботъ, прежде немного трудноватыхъ, но теперь пріятныхъ, ибо начальникъ мой подполковникъ очень доволенъ мной. Кондратій Рыльевъ.

Право, нѣкогда: ѣду впередъ.

7. Матери.

Несвижъ. Марта 6 дня, 1815.

Накопецъ послѣ годовой разлуки получилъ я отъ васъ 5-го числа сего марта письмо. Сколько несоѣннаго утѣшенія, сколько неизъяснимаго удовольствія принесло оно мнѣ. О, дражайшая матушка! Я молю только Создателя, да продлитъ Онъ дни ваши и да утѣшитъ Онъ васъ въ скорбяхъ вашихъ! Впрочемъ объ деньгахъ теперь не забочусь — и, слава Богу, я кой-что уже исправилъ, чему много помогло сукно, купленное мною за границей и проданное здѣсь весьма выгодно. Теперь недостаетъ у меня только вальтрапа и лошади; первый постараюсь вскорости сдѣлать, а безъ второй обойдусь до время. Теперь я нахожусь въ минской губерніи, въ городѣ Несвижѣ, съ командою для обученія верховой ѣздѣ. Надѣюсь самъ скоро быть ѣздокомъ. Предъ отъѣздомъ моимъ занялъ я у капитана 200 рублей асс., но уже и выплатилъ оныя какъ изъ жалованья за сентябрьскую треть, такъ и за деньги, добытыя при продажѣ сукна. Сѣло и весь приборъ для лошади купилъ я весьма дешево; лошадь имѣю я изъ казенныхъ и безъ своей покаместъ обойдусь. Когда же не вошедшій въ опись домъ въ Кіевѣ продается, то можно будетъ и ее купить. Одинъ офицеръ изъ нашей роты, человекъ очень хорошій и надежный, имѣющій самъ умѣренный достатокъ, поѣхавъ передъ симъ въ Кіевъ, гдѣ будетъ служить, взялся справиться обо всемъ въ Кіевѣ. Хотя это будетъ и лишнее, однако я хочу написать письмо къ княгинѣ Варварѣ Васильевнѣ. *) О, вельможи! О, богачи! Неужели сердца ваши не человѣческія? Неужели

*) Голицыной, рожденной Энгельгартъ (12 марта 1757 † 1815), вдовѣ князя Сергія Федоровича (20 авг. 1748 † 20 ян. 1810)

они ничего не чувствуютъ, отнимая послѣднее у страждущаго? Но, удивляясь безчувственности человѣчества къ страданіямъ себѣ подобныхъ, я утѣшаю себя сладостною надеждою на Спасителя, который, въ противность варварства людей, гонимыхъ ими всегда бываетъ послѣднимъ и лучшимъ прибѣжищемъ и защитой.

Вы пишете, что Петръ Ѳедоровичъ *) болеетъ; но, дражайшая матушка, неужели Творецъ благости отнять у бѣдныхъ, страждущихъ сиротъ послѣднюю подпору? Удались, исчезни, мысль ужасная, мысль пагубная! Нѣтъ, нѣтъ! Онъ не умретъ, онъ будетъ жить; онъ будетъ жить для блага, для счастья невинныхъ дѣтей своихъ, для оживленія насъ бѣдныхъ! О дражайшая матушка! Неужели Богъ не слышитъ тѣ ежедневныя, пламенные моленія, сопровождаемыя токомъ слезъ, которыя я ежедневно возсылаю къ нему! Вы пишете, дражайшая матушка, что не имѣется у васъ денегъ, дабы выкупить послѣднюю фамилію драгоцѣнность, сыновнее сокровище — вашъ портретъ! Не присылайте лучше ко мнѣ ни копѣйки, я, право, не нуждаюсь въ деньгахъ, ей-Богу не нуждаюсь, постарайтесь только выручить портретъ!

Вы желаете знать, потерялъ ли я вмѣстѣ съ своими и бывшія посылки въ роту? Нѣтъ, онѣ отданы капитану Сухозанету, по письму, которое писалъ къ нему хозяинъ оныхъ, г-нъ Маркевичъ.

Радуюсь сердечно, что Бреклинъ вышелъ; дай-Богъ ему счастья службу начать счастливымъ моимъ, хотя я, слава и благодареніе Богу, не могу теперь пенять на опую, ибо я очень доволенъ нынѣшнимъ командиромъ моимъ; впрочемъ, не подумайте, что я не желаю оттого быть адъютантомъ при генералѣ Бепигсенѣ; не желать сего — я почелъ бы себѣ за величайшій проступокъ. Всегда удивляюсь отличнымъ достоинствамъ сего воепачальника, я надѣюсь, находясь при немъ, не только составить себѣ счастье, но и почерпнуть много полезнаго для рода службы, въ который себя посвятилъ; и я, уже будучи столь много облагодѣтельствованъ Петромъ Ѳедоровичемъ, осмѣливаюсь просить его объ семъ, но только надобно поспѣшить, ибо теперь время дорого. Женѣ Ѳедора Павлова скажите отъ него, чтобы она не печалилась, что онъ все, слава Богу, здоровъ и при первой оказіи пріѣдетъ. Я никакъ не могу нахвалиться симъ добрымъ старикомъ и желалъ бы, дражайшая матушка, дабы вы его, когда онъ пріѣдетъ, отправили въ деревню на покой, за его труды и добродѣтель.

Впрочемъ, благодаря Творца, я здоровъ; беспокоился только въ разсужденіи васъ, но полученное мною отъ васъ письмо не только меня утѣшило, но вознесло на верхъ неописаннаго удовольствія. Желая, чтобы и мое письмо вамъ то же принесло и въ ожиданіи отъ васъ отвѣта, остаюсь съ искреннею любовію и глубочайшимъ почтеніемъ...

P. S. Отъ дядюшки Михайла Николаевича, при пропаяхъ денегъ, получилъ я 200 рублей асс., да въ другіе раза до 150 рублей.

*) Малютинъ.

Сдѣлайте милость, пришлите поскорѣй Федора и еще одного мальчика попятнаго, и первый будетъ за лошадьми смотрѣть, какъ охотникъ до нихъ, а второй будетъ въ горницѣ. Также покорнѣйше прошу купить въ Петербургѣ золотыя на черномъ суевѣ конно-артиллерійскія петлицы, также для вальтрапа золотой приборъ.

8. Матери.

Сл. Бѣлогорье. Августа 10 дня, 1817.

Долго, долго беспокоился я и не зналъ, къ чему отнести столь продолжительное молчаніе; самыя мучительныя мысли тревожили меня неурезанно. Наконецъ, получаю я письмо; узнаю на конвертѣ руку Аннушки, *) узнаю печать вашу; сѣмшу разломать оную — и вынимаю ваше письмо. Сердце мое затрепетало отъ восхищенія. О, любезная матушка! Какую неоцѣненную минуту блаженства доставили вы мнѣ! Ни на какія въ мірѣ сокровища не промѣнялъ бы ея!

Въ письмѣ своемъ вы хвалитесь гг. офицерами расположенной въ Рождественѣ, **) 2-й батарейной роты и любуетесь братскимъ согласіемъ и дружествомъ, между ними существующимъ. Не удивляйтесь сему: въ артиллеріи ведется то издавна; и съ сей стороны я также считаю себя счастливымъ, и еслибы не обстоятельства, о которыхъ я неоднократно уже изустно и письменно съ вами изъяснялся, то, конечно, никогда бы не подумалъ объ оставленіи службы, которая доставляетъ молодому человѣку такое общество, въ коемъ кромѣ образцовъ истиннаго благородства, дружескаго согласія и безкорыстной другъ къ другу любви, онъ ничего не видитъ. Въ слѣдующемъ письмѣ я изъяснюсь о семъ поподробнѣе, а равно изложу вамъ свои намѣренія въ разсужденіи службы.

Вы желаете знать, каковы наши квартиры? Такія, какихъ мы еще никогда не имѣли. Мы расположены на лѣто въ слободѣ Бѣлогорѣ, въ полуверстѣ отъ Дона. Время проводимъ весьма пріятно: въ будни свободныя часы посвящаемъ или чтенію, или пріятнымъ бесѣдамъ, или прогулкѣ; ѣздимъ по горамъ и любуемся восхитительными мѣстоположеніями, которыми страна сія богата; подъ вечеръ бродимъ по берегу Дона и при тихомъ шумѣ воды и пріятномъ шелестѣ лѣсочка, на противоположномъ берегу растущаго, погружаемся мы въ мечтанія, строимъ планы для будущей жизни и чрезъ минуту уничтожаемъ оныя; разсуждаемъ, споримъ, умствуемъ—и наконецъ, посмѣявшись всему, возвращаемся каждый къ себѣ и въ объятіяхъ сна ищемъ успокоенія. Иногда посѣщаемъ живущую въ слободѣ вдову генераль-майору Анну Ивановну Ведрагу; у нея лѣжится теперь сынъ ея, подполковникъ гвардейскаго конно-егерскаго полка, раненый при Бородинѣ. Домъ весьма почтенный и гостепріимный, и мы въ ономъ приняты какъ нельзя лучше. Въ праздничныя дни ѣдемъ

*) Сестры.

**) Село Рождествено (Слб. губерніи) въ нѣсколькихъ верстахъ отъ деревни Батовой, родового имѣнія Рылѣвыхъ.

къ другимъ помѣщикамъ, а я чаще на зимнія свои квартиры, въ село Подгорное, гдѣ также живетъ добрый, гостепріимный и любезный помѣщикъ, г-нъ Тевяшѣвъ; въ семействѣ его мы также приняты какъ свои и проводимъ время весьма, весьма пріятно.

Сдѣлайте милость, пишите чаще... Въ іюнѣ мѣсяцѣ былъ въ Петербургѣ одинъ изъ нашихъ офицеровъ и, имѣя отъ меня къ вамъ письмо, заходить въ домъ, но, какъ онъ сказываетъ, никого не засталъ, ибо всѣ, не исключая Петра Ѳедоровича, были въ то время въ деревнѣ. Онъ же говорилъ мнѣ, что въ Вырѣ на почтѣ сказывали ему, что Петръ Ѳедоровичъ не всѣ деревни продалъ; я было утѣшился сею мыслію, но письмо ваше лишило меня сего. Жаль, весьма жаль. Сдѣлайте милость, увѣдомьте меня поподробнѣе обо всѣхъ дѣтяхъ и перецѣлуйте всѣхъ ихъ за меня.

Я весьма нуждаюсь теперь въ платкѣ; сдѣлайте милость, пришлите изъ С.-Петербурга суконъ: чернаго мнѣ пужно... всего 8 аршинъ; изъ нихъ четыре аршина купите лучшаго; сѣраго сукна нужно 4 аршина; сверхъ того необходимо нужны мнѣ одна пара эпюлетъ съ 11-мъ номеромъ и шарфъ, который у меня еще все тотъ же, который купленъ мнѣ при моемъ выпускѣ. Сдѣлайте милость, пошлите пріеязкою сихъ вещей: насъ въ октябрѣ будетъ смотрѣть, какъ говорятъ, самъ государь. Служащій у насъ Ѳедоръ Петровичъ Миллеръ, сынъ бывшаго нашего исправника, кланяется вамъ; онъ бывалъ у насъ съ Бреклиномъ. Кетати, не имѣете ли вы какого свѣдѣнія объ немъ?..

Письма свои надписывайте: Воронежской губерніи, въ г. Павловскѣ, копно-артиллерійскоѣ № 11-го ротѣ.

Увѣдомьте меня, не сдѣлали-ли вы чего въ разсужденіи кievскаго дѣла, по письму Зубковскаго.*)

Надняхъ пріѣхалъ въ нашу дивизию служившій въ елисаветградскомъ гусарскомъ полку—генераль-маіоръ Рылѣвъ. Онъ у насъ будетъ бригаднымъ генераломъ. На будущей недѣлѣ я надѣюсь быть у него. Генеральна Барчукова давно желаетъ меня видѣть, но обстоятельства службы препятствовали мнѣ до сего побывать у нея. Прощайте...

9. Матери.

С. Вѣлгородье. Сентября 17 дня, 1817.

Давно уже примѣтилъ я, что съ самаго того времени, какъ я только въ состояніи сталъ разсуждать, ни вы, ни я совершеннымъ счастіемъ еще не наслаждались. Долго измысливалъ я сему причину. Наконецъ примѣтилъ, что разстроенныя домашнія обстоятельства главною и настоящею тому виною. Ахъ, сколько разъ увлекаемый порывомъ какой-нибудь страсти виновный сынъ вашъ предавался удовольствіямъ и могъ забывать тогда о горестяхъ и заботахъ своей матери! Но, благодаря ангелу-хранителю, это заблужденіе не долго продолжалось. Первый предметъ, напоминавшій

(* Опекунъ Рылѣвыхъ.)

мнѣ васъ, извлекалъ меня изъ онаго; мнимое мое счастье нечаяно, а мѣсто онаго заступало мучительное безпокойство въ разсужденіи васъ. Не однажды, среди самаго веселаго общества, взирая на прочихъ товарищей, на лицахъ коихъ свѣтлѣла безпечность и удовольствіе, ничѣмъ не отравляемая, задумывался и говорилъ самъ себѣ: «почему подобно имъ и я не могу быть счастливымъ?» Такъ протекло около четырехъ лѣтъ; въ продолженіе оныхъ я непрестанно придумывалъ средства, кои бы, поправивъ домашнія обстоятельства, могли спокойствіе ваше сдѣлать прочнымъ; но по сіе время минутныя, но частые восторги пылкой и неопытной юности прешаствозвали разсудку моему найти ихъ. Наконецъ, теперь случай открылъ и, можетъ быть, рѣшилъ все. Но не распространяясь далѣе, скажу короче: посѣщая довольно часто живущаго отъ Вѣлгорья въ 30 верстахъ, добраго и почтеннаго помѣщика Михаила Андреевича Тевяшева и бывъ принятъ въ домѣ почти какъ за роднаго, я имѣлъ пріятные случаи видѣть двухъ дочерей его, видѣть—и узнать милыя и добродѣтельнѣйшія ихъ качества, а особенно младшей. Не будучи романистомъ, не стану описывать ея милую наружность, а изобразить душевныя ея качества почитаю себя весьма слабымъ; скажу только вамъ, что милая Наталія, воспитанная въ домѣ своихъ родителей, подъ собственнымъ ихъ присмотромъ, и не видѣвшая никогда большого свѣта, имѣетъ только тотъ порокъ, что не говоритъ по французски. Ея псевинность, доброта сердца, иѣлнительная застѣчивость и умъ, обработанный самою природою и чтеніемъ нѣсколькихъ отборныхъ книгъ, въ состояніи сдѣлать счастье каждаго, въ комъ только искра хоть добродѣтели осталась. Я люблю ее, любезнѣйшая матушка, и надѣюсь, что любовь моя продолжится вѣчно, ибо я предался оной не вдругъ, какъ средно пылкому юношѣ; нѣтъ, я, напротивъ, въ первый разъ видѣлъ ее весьма равнодушно, но уже по прошествіи нѣсколькихъ посѣщеній, узнавъ нѣкоторыя достоинства милой Наталіи, а особенно доброту души ея, я полюбилъ ее, и теперь время отъ времени любовь моя болѣе и болѣе увеличивается; но я, однако, имѣлъ твердость еще не открыться, хотя твердо надѣюсь, что и она любитъ меня взаимно, и почтенные родители ея, любя ее особенно отъ прочихъ дѣтей своихъ и будучи ко мнѣ весьма отлично расположены, не захотѣли бы лишитъ насъ нашего счастья. И такъ, любезнѣйшая матушка, отъ васъ заявите благословить сына вашего и, позволивъ ему выйти въ отставку, заняться единственно вашимъ и милой Наталіи счастіемъ. Знаю, что неприлично въ такой молодости оставить службу, и что четырехлѣтнія безпокойства недостаточная еще жертва съ моей стороны отечеству и государю за тѣ благодарія, коими я отъ нихъ осыпанъ... Но развѣ не могу и не въ военной службѣ доплатить имъ то, чего не додалъ въ военной; а равно и разстроенное имѣніе, годъ отъ году болѣе уменьшающееся, не есть ли самый справедливый предлогъ, на которомъ осповываясь, я могу оправдаться и въ глазахъ своихъ родственниковъ и всѣхъ благоразумныхъ людей? (благодѣтельствованный Петромъ Федоровичемъ на всю жизнь свою и зная,

сколь живое участіе принимасть онъ во всемъ, что касается до нашей фамиліи, я почитаю за непростительный проступокъ и неблагодарность присутствіи къ столь важному дѣлу, не спросясь у него совѣта и благословія; почему и прошу у васъ покорнѣйше, любезная матушка, показать ему сіе письмо. Каконъ бы отвѣтъ ни былъ, я клянусь сдѣлать оному, хотя бы то было съ утратою моего спокойствія; но только поспѣшите отвѣтомъ, дабы я могъ принять надлежачія мѣры. Письмо сіе посылаю страховымъ. Рая Бога, отвѣчайте поскорѣе.

10. Матери.

Сл. Подгорная. Ноября 31 дня, 1817 г.

Въ прошедшемъ письмѣ я увѣдомлялъ васъ о моемъ намѣреніи выйти въ отставку, дабы только жить для васъ и для милой Паталіи, и просилъ вашего на то соизволенія; не получая по сіе время никакого на сіе отвѣта, я уже теряю надежду, чтобы желаніе мое могло въ нынѣшнемъ году совершиться, ибо уже приближается то время, когда болѣе не будутъ принимать просьбъ объ оставкахъ; а какъ теперь произошла у насъ перемѣна въ формѣ мундировъ: прежніе отмѣнены, а положено теперь имѣть однобортный колетъ и виць-мундиръ по образу драгунскихъ, только съ петлицами и красною выпушкою кругомъ; сверхъ того велѣно имѣть лялунку съ золотою перевязью на махеръ гвардейской конной артиллеріи, съ тою только разницею, что у насъ на лялункѣ, вмѣсто орла, должны быть крестообразно пушки; эполеты золотые, такіе же точно какъ въ гвардіи, но съ прибавкою нумеровъ; у насъ они должны быть съ 11-мъ нумеромъ; протупея къ саблѣ также золотая; все прочее остается по прежнему. Вся обмундировка, по приказу корпуснаго командира, должна непремѣнно кончиться до февраля мѣсяца будущаго года, ибо около того времени мы выступимъ на смотръ къ государю. На всю сію необходимую обмундировку нужно: 1) темно-зеленаго (не чернаго) сукна на колетъ, виць-мундиръ и двое панталонъ 6^{1/2} аршинъ; 2) сукна сѣраго для шинели 6 аршинъ и сѣраго полочки для рейтузъ 2 аршина, и ¹/₂ аршина лучшаго краснаго; 3) лялунку съ золотою перевязью; 4) къ саблѣ золотую протупею; 5) двѣ пары эполетъ золотыхъ съ серебряными нумерами; 6) петлицъ двѣ же пары золотыхъ на черномъ сукнѣ, и 7) два темляка. Не имѣи никакой возможности все сіе самъ исправить, осмѣливаюсь я безноконтъ васъ, любезная матушка. Знаю, сколь сіе васъ опечалитъ, но дѣлать печего. обстоятельство и судьба расположили такъ. Прибѣгите съ просьбою къ Петру Федоровичу, если сами не въ состояніи; онъ самъ увидитъ нашу необходимость и поможетъ, а мы, съ помощію Божию, современемъ отблагодаримъ его. Сдѣлайте милость только, любезная матушка, поспѣшите присылкою упомянутыхъ вещей до февраля мѣсяца, дабы я могъ быть исправенъ къ смотру государя, который непремѣнно будетъ въ мартѣ мѣсяцѣ. Вы не повѣрите, любезная матушка, какъ больно мнѣ, что сіе письмо обезноконтъ васъ! Одинъ Богъ свидѣтель, что у меня теперь на сердцѣ!

Про Наталію и ея родителей напишу въ слѣдующемъ письмѣ обстоятельнѣе; а теперь некогда: спѣшу отправить сіе письмо.

11. Матери.

Апрѣля 7 дня, 1818.

Письмо ваше, которымъ вы увѣдомляете меня вторично о тѣсныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находитесь вы теперь, по случаю предстоящаго срока ко взносу денегъ въ ломбардъ, я получилъ на сихъ дняхъ. Изъ онаго также вижу я, что вы не менѣе беспокоитесь и въ разсужденіи меня, касательно обмундировки; почему и спѣшу увѣдомить васъ, любезная матушка, дабы вы въ разсужденіи сего были покойны; ибо я увѣренъ, что подполковникъ нашъ, зная, что я уже писалъ къ вамъ и просилъ позволенія оставить службу, не станетъ принуждать меня сдѣлать новую обмундировку. Изъ того же письма вижу я, что вы писали ко мнѣ въ разсужденіи моей женитьбы, но какъ я сего письма не получалъ, то и прошу васъ покорнѣйше, любезная матушка, увѣдомить меня вторично. При семъ скажу вамъ откровенно, что отъ вашего рѣшенія зависить моя участь: вашъ отказъ погубить меня. Не подумайте, что любовь ослѣпляетъ меня. Я все разсмотрѣлъ прежде, нежели рѣшился просить вашего благословенія, и нашелъ, что тогда только буду счастливъ, когда вы согласитесь на мою просьбу. Полагаю, что и ваше собственное спокойствіе отъ сего же зависить. Вамъ извѣстно лучше, чѣмъ мнѣ, какъ разстроено ваме имѣніе! Кто жъ другой долженъ заняться устройствомъ онаго, какъ не я? И такъ уже много прошло времени въ службѣ, которая никакой не принесла мнѣ пользы, да и впередъ не предвидится, и съ моимъ характеромъ я вовсе для нея неспособенъ. Для нынѣшней службы нужны, а я, къ счастью, не могъ имъ быть и по тому самому ничего не выигрую. Прошу также увѣдомить меня, какого о семъ мнѣніи Петръ Ѳедоровичъ.

На всякій случай прилагаю здѣсь адресъ, по которому вы можете, если заблагоразсудитея, писать къ Матрениѣ Михайловнѣ, сурругѣ Михаила Андреевича Тевяшева.

Любезная матушка, пришлите, сдѣлайте милость, книжку съ узорами, для вышиванія по канвѣ, а также и разноцвѣтнаго бисеру. Наталія Михайловна старалась сама достать въ Воронежѣ, но не нашла. Сдѣлайте милость, пришлите.

12. Матери.

Іюня 18 дня, 1818 года.

Слезы текли изъ глазъ моихъ, когда я читалъ письмо ваше; чувствовалъ всю цѣну совѣтовъ вашихъ, разсуждая, испытывалъ себя, и наконецъ, чувствуя, что я буду несчастнѣйшій человѣкъ, если не соединюсь съ Наташей, показалъ родителямъ ея ваше письмо. Кажется, они были довольны симъ поступкомъ. Спрашивали Наташу и на другой день объявили мнѣ ея и собственное свое согласіе, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобы я вышелъ въ отставку. Скажите, любезная матушка, какъ было

мпѣ не согласиться для Наташи оставить службу? Могъ-ли я отказаться отъ нея? А это было бы все равно.

Такъ какъ намъ въ октябрѣ мѣсяцѣ походъ опять въ Орловскую губернію, о чемъ я извѣстилъ и почтеннаго Михаила Андреевича, то онъ и положилъ было такъ: дабы я, получивъ отставку, съѣздилъ къ вамъ получить благословіе; но когда я изъяснилъ ему, что поѣздка въ такую даль будетъ сопряжена съ значительными издержками, и что я письмомъ могу исходатайствовать ваше благословіе, то онъ согласился и на то, дабы я вдругъ по полученіи отставки пріѣхалъ къ нему.

Такъ какъ у Наташи есть здѣсь 25 душъ крестьянъ, то онъ меня и спрашивалъ: гдѣ я, здѣсь или въ вашей деревнѣ намѣренъ жить? Я отвѣчалъ на сіе, что это будетъ въ волѣ Натальи Михайловны, но что намъ непремѣнно надобно будетъ ѣхать въ Петербургъ къ вамъ, на что тогда же всѣ согласились и положили во всемъ отдаваться на вашу волю. Вотъ, любезная матушка, что произошло послѣ полученія вашего письма. О свойствахъ Наташи я повторять не стану; я уже писалъ къ вамъ, что они ангельскія, и вы это сами скажете, когда узнаете ее.

Въ прошедшемъ письмѣ я просилъ васъ, дабы вы писали къ Матрешѣ Михайловнѣ, супругѣ Михаила Андреевича. Сдѣлайте милость, любезная матушка, пишите, равно и пришлите мнѣ благословіе, а также исходатайствуйте оное и отъ Петра Ѳеодоровича.

Любезная матушка, я уже писалъ къ вамъ, что я имѣю крайнюю надобность въ деньгахъ, и дѣйствительно, я такъ обносился, что даже стыдно. Бѣлье скоро совсѣмъ нельзя будетъ носить, а въ платья не знаю какъ и исправить, потому что нѣтъ денегъ и сверхъ того, какъ я еще изъ Мценска писалъ къ вамъ, долженъ товарищамъ. Это-то самое и было причиною, что я почти ничего не могъ сдѣлать себѣ на свое жалованье, ибо я онымъ ушачивалъ имъ дапныя ими мнѣ деньги, когда меня обокрали подлѣ Мценскомъ. Теперь я остался долженъ 300 р. Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ хотя 500 р., а равно и суконъ, дабы я могъ одѣться по цивильному, ибо я уже не намѣренъ обмундировываться по военному.

Долженъ я еще извѣдомить васъ, что у насъ было случилась въ ротѣ весьма неприятная исторія: С-тъ, дабы перессорить между собою офицеровъ, представилъ младшихъ къ повышенію чиновъ. Это догадались и всѣ пошли къ нему. Тѣ, которыхъ онъ представилъ, сказали ему, что они не чувствуютъ, дабы они сдѣлали для службы что либо отличное противу своихъ товарищей; а тѣ, которыхъ онъ хотѣлъ было обойти, сначала довольно учтиво, а наконецъ, видя, что онъ не унимается, съ неудовольствіемъ доказали ему—какъ онъ несправедливъ. Видя-же, что и это его не трогаетъ, всѣ офицеры, и представленные и обойденные, подали къ переводу въ кирасеры; меня же тогда при штабѣ не случилось. Ѳеодоръ же Петровичъ Миллеръ, находясь въ числѣ обиженныхъ, будучи имъ весьма дерзко оскорбленъ, вынужденъ былъ поступить съ нимъ какъ съ п.....мъ.

Но, слава Богу, все обошлось хорошо. Корпусный начальник артиллеріи пріѣзжалъ нарочно въ Вѣлогорье, дабы успокоить гг. офицеровъ и увѣрить С-та, что онъ кругомъ виноватъ. Послѣ сего, хотя онъ и примирился съ нимъ, но этотъ миръ не продолжится долго, ибо всѣ рѣшились разными дорогами выбраться изъ роты. Федоръ Петровичъ выходитъ въ отставку. Кажется, что и С-тъ послѣ полученнаго отъ него подарка долженъ оставить службу.

Впрочемъ будьте спокойны, я теперь совершенно уволенъ отъ штабныхъ занятій и стою особенно въ Подгорномъ съ командою, слѣдственно со мною ничего случиться не можетъ. А равно и то, что я подаю въ сентябрѣ въ отставку, С-тъ не можетъ причестъ къ послѣдствіямъ случившихся въ ротѣ неудовольствій, ибо намѣреніе мое ему давно было извѣстно...

Наша рота переименована 12-ю. Адресъ все старый.

P. S. Если будете писать къ Маргренѣ Михайловнѣ, то вложите въ мое письмо.

13. Настасья Михайловнѣ Тевяшевой *).

Воронежъ, января 14 дня, 1819.

Милая, несравненная сестрица, Настасья Михайловна! Вы желаете знать объ новостяхъ и веселостяхъ воронежскихъ? Что я скажу вамъ объ нихъ, когда я почти ни у кого и нигдѣ не бываю? Мнѣ здѣсь такъ грустно, такъ грустно, что я и выразить того не въ состояніи. Будучи разлученъ съ вами и съ милою, несравненно вашею сестрицею, какія могу я вкушать радости?... Одно, одно только удовольствіе осталось мнѣ: оно состоитъ въ воспоминавіи о прошедшемъ и въ ожиданіи блаженства въ будущемъ — вотъ единственное мое утѣшеніе, которымъ я еще наслаждаюсь. Странно: чѣмъ ближе я къ своему блаженству, тѣмъ болѣе опасеній и болзни для моего сердца! Представьте себѣ... я вообразилъ, ужъ не заболѣлъ ли кто въ вашемъ домѣ!... Наконецъ, узнаю я, что всѣ вы здоровы и веселы. Это обрадовало меня и вмѣстѣ опечалило. Можно ли быть тому веселымъ, кто въ разлукѣ съ тѣмъ, кого любить! Ахъ, я по собственному опыту знаю, что невозможно. Къ тому-жъ сестрица ваша еще и насмѣшница! Желаетъ мнѣ «проводить въ Воронежѣ въ радости и въ удовольствіи все время!» Не значить ли это думать, что я въ состояніи безъ нея радоваться и быть счастливымъ? Не значить ли это не довѣрять чувствамъ моего сердца? Богъ съ нею; пусть теперь сомнѣвается во мнѣ; время оправдаетъ меня и, можетъ быть, наградитъ такую-же точно любовію ко мнѣ Натальи Михайловны, какую я теперь и всегда питаю къ ней и буду питать въ душѣ своей. Можетъ ли она сомнѣваться во мнѣ?... Я въ Воронежѣ, но мысли мои, по сердце мое, по душа моя у васъ въ Подгорномъ. А здѣсь...

*) Сестра жены.

Ахъ, нѣтъ ея со мной! Безцѣнная далеко!
И я въ разлукѣ съ ней сталъ точно сиротой!
Брожу въ уныніи, въ печали одинокой,
И все мнѣ говорить: ахъ, нѣтъ ея со мной!

По пройдетъ двѣ съ половиною недѣли, и можетъ быть, я въ силахъ буду сказать:

Какъ сладко вмѣстѣ быть!... Какъ тѣ часы отрадны,
Когда прелестной я могу сто разъ твердить:
Люблю, люблю тебя, мой ангелъ ненаглядный!
Какъ мило близъ тебя! Какъ сладко вмѣстѣ быть!

Въ разсужденіи новостей, я ничего болѣе не могу вамъ сказать, какъ только то, что губернаторъ завтра, т.-е. въ четвергъ, уѣзжаетъ въ С.-Петербургъ, гдѣ займетъ по министерству финансовъ мѣсто директора по части государственнаго хозяйства. Мѣсто важное, означающее къ нему довѣріе государя, который также прислалъ ему на проѣздъ 20,000 р., да за губернію 5000 десятинъ земли! Носятся слухи, что вся Россія будетъ раздѣлена на генераль-губернаторства, какъ при Екатеринѣ—на намѣстничества, и что въ воронежской, курской, орловской и тамбовской губерніяхъ будетъ генераль-губернаторомъ князь Голицынъ.

Да, позабылъ разсказать вамъ довольно забавный анекдотъ, недавно здѣсь случившійся, про который довольно долго здѣсь шумѣли. Извѣстно, что почти все находящіяся здѣсь кабаки сняты Маринимъ, Чарыковымъ и, подъ чужимъ именемъ, и самимъ вице-губернаторомъ. Крѣпостные ихъ люди, продающіе въ кабакахъ вино, надбавя одни на родство, а другіе на дружбу ихъ господъ съ Солнцевымъ, безъ всякой совѣсти обмѣривали покупателей. Это разнеслось повсюду. Петръ Александровичъ, желая на опытѣ испытать то, въ партикулярномъ платьѣ, ночью поѣхалъ по кабакамъ. Пришедъ въ одинъ изъ нихъ, онъ дѣйствительно застаётъ сидѣльца, который обмѣривалъ... «Что ты дѣлаешь, братецъ? Зачѣмъ обмѣриваешь?» спросилъ Солнцевъ. Сидѣлецъ, не узнавъ вице-губернатора, отвѣчалъ: «И, баринъ, кому-жъ и обмѣривать, какъ не намъ? Нашъ вить баринъ-то родня Петру Александровичу!» (человѣкъ сей былъ Марина). Сей анекдотъ, который, конечно бы, должно было скрыть, самъ Солнцевъ по неосторожности разсказалъ за столомъ у своего тестя при многочисленной публикѣ. Но вотъ новость, которая вѣрно будетъ весьма пріятна Михаилу Андреевичу и Матрѣѣ Михайловнѣ: при 306-мъ номерѣ Инвалида увидѣлъ я, что приказомъ государя, отданнымъ отъ 26-го декабря, въ С.-Петербургѣ, конно-артиллерійской № 12 роты прапорщикъ Рыльцевъ увольняется отъ службы подпоручикомъ, по домашнимъ обстоятельствамъ. (Михайло Андреевичъ! За это можно выпить рюмку водки). Итакъ, теперь я свободенъ, или по крайней мѣрѣ очень скоро буду такимъ. Признаться, когда я прочелъ этотъ приказъ въ комиссіи, то такъ обрадовался, что даже на минуту позабылъ, что я не въ Подгорномъ!... Прилагаю при семъ два узора; радъ, если понравятся намъ; но извините, что такъ худо срисовать: снѣшилъ. Надѣюсь, что я Ангелъ Херувимовна проститъ мнѣ то...

Прошу, милая сестрица, не забыть бѣднаго, разлученнаго съ милѣйшими для него существами воронежскаго труженника, который отъ 6 часовъ утра до 3 вечера безпрестанно мерзнетъ въ комиссаріатскихъ лабазахъ, стараясь поскорѣй отдѣлаться отъ послѣднихъ хлопотъ службы. Попросите также милую сестрицу вашу, чтобы и она написала ко мнѣ, да чуръ побольше, какъ она проводитъ время, помнить ли меня и проч...

14. Матери.

Сл. Подгорная. Января 31 дня, 1819.

Больно, очень больно мнѣ, что я умножаю ваши печали; но видно Богу такъ угодно. Въ этомъ мірѣ ничего вѣтъ вѣчнаго, и потому несчастія наши должны когда нибудь кончиться. Я уже писалъ вамъ, какимъ образомъ я сіе намѣренъ сдѣлать, и просилъ вашего благословенія. Вы ничего въ отвѣтъ не пишете; не знаю, чему приписать ваше молчаніе! Если оно есть знакъ вашего несогласія, то почему вы не изъявите онаго прямо, дабы я могъ изложить яснѣе свои мнѣнія. Когда вы полагаете меня слишкомъ молодымъ, дабы сдѣлать столь важный шагъ, то я бы могъ вамъ на сіе представить тысячи опроверженій къ моему оправданію. Если почитаете за неприличное въ такихъ молодыхъ лѣтахъ оставить службу, то я уже на сей конецъ писалъ къ вамъ, что служить можно не въ одной военной службѣ. Впрочемъ, все мечта! Человѣкъ рождается не для другихъ только, онъ долженъ заботиться и о себѣ—и потому, кажется, довольно пяти лѣтъ; пора подумать и о своихъ! Между тѣмъ, любезная матушка, если Богъ поможетъ вамъ прислать мнѣ вещи, объ которыхъ я писалъ къ вамъ, то я постараюсь ихъ хорошо сберечь до сентября, дабы съ позволенія вашего подавши въ отставку, могъ бы оныя хотя съ нѣкоторою уступкою продать. Объ переводѣ же я болѣе не думаю; все равно годъ гдѣ бы вы было дослужить. Впрочемъ, скажу вамъ откровенно, что я не безъ сожалѣнія разстанусь съ своими товарищами.

Р. S. Если бы вы знали, чего мнѣ стоило написать письмо къ Петру Федоровичу; если бы я не зналъ его, то никогда бы на то не рѣшился.

15. Женѣ.

С.-Петербургъ. 25 ноября 1820.

Милый другъ Наташинька! Увѣдомляю, что просьба матушкина получена въ сенатѣ, но какъ полагаютъ, возвращена будетъ съ надписью, ибо таковыхъ въ общемъ собраніи не разсматриваютъ. Такъ говорилъ мнѣ одинъ секретарь сенатскій; но я думаю, что это въ переводѣ значить: дай! Я писалъ уже объ этомъ къ Алексѣю Михайловичу. Я буду стараться, сколько моей силы станеть. Оберъ-прокуроръ Мавринъ знакомъ намъ весьма хорошо; но все безъ денегъ ничего нельзя будетъ сдѣлать. Деньги лучшіе стряпчіе, а потому и скажи матушкѣ и Ивану Михайловичу *), чтобъ посѣивили выслать къ январю рублей тысячу. Разумѣется,

*) Должно быть, братъ жены Рылѣва.

я употреблю ихъ въ такомъ случаѣ, когда дѣлу можно будетъ дать чрезъ то хорошій оборотъ. Завтра же ѣду къ оберъ-секретарю Ушакову просить, дабы просьба была принята. Изъ прилагаемой записки изъ сената отъ секретаря въ отвѣтъ на мою выpravку чрезъ Крестьяна Ивановича увидите, что уже пора подмазывать.

16. О. В. Булгарину.

Острогожскъ, іюня 20 дня 1821.

Вотъ уже три недѣли какъ я пирую на Украинѣ: пью донскія вина и обжираясь стерлядями, а ты по сіе время не поздравилъ меня съ такимъ благополучіемъ! Ты, будучи самъ однимъ изъ главнѣйшихъ петербургскихъ гастрономовъ, для возбужденія въ своемъ пріятелѣ еще большаго аппетита, не хочешь изъ одной лѣности порадовать меня здѣсь хотя тремя строчками.... Но добро жъ, сарматъ невѣрный, я отплатчу тебѣ, и ты не получишь ни сухой стерляди, ни балыка, по возвращеніи моемъ въ Питеръ, если не прилетишь ко мнѣ по крайней мѣрѣ двухъ грамотокъ—сюда, въ мое счастливое уединеніе, гдѣ я такъ доволенъ, такъ блаженствую, что право не хочется и вспомнить о шумной Пальмирѣ съвера....

Давно мнѣ сердце говорило:
 Пора, молодой пѣвецъ, пора,
 Оставивъ шумный градъ Петра,
 Летѣть къ своей подругѣ милой,
 Чтобъ оживить и духъ унылый,
 И смутный сопъ молодой души
 На лонѣ нѣги и свободы
 И расцвѣтающей природы
 Прогнать съ заботами въ тиши.
 Насталъ желанный часъ—и съ тройкой
 Извожикъ ухарской предсталъ;
 Залился колокольчикъ звонкой—
 И юный другъ твой поскакалъ....
 Едва загаву Петрограда
 Пѣвецъ унылый миновалъ,
 Какъ разлилась въ душѣ отрада,
 И я дышать свободнѣй сталъ,
 Какъ будто вырвался изъ ада....

Теперь я на ярмаркѣ въ городѣ Острогожскѣ, въ которомъ городничимъ Григорій Николаевичъ Глинка, братъ почтеннѣйшаго Федора Николаевича. Я познакомился съ нимъ еще года за два предъ симъ. Тогда онъ былъ вдовъ, но недавно женился на одной любезной дѣвицѣ, которая весьма любить литературу, и я съ большимъ удовольствіемъ провожу у нихъ время.

Въ своемъ уединенія прочелъ я девятый томъ Русской Исторіи.... Ну, Грозный! Ну, Карамзинъ! Не знаю, чему больше удивляться: тираниству ли Іоанна, или дарованію нашего Тацита. Вотъ бездѣлка моя—плодъ чтенія девятаго тома. *)

*) Здѣсь приведена дума: «Курбскій».

Если бездѣлка сія будетъ одобрена почтеннымъ Николаемъ Ивашовичемъ Гидичемъ, то прошу тебя отдать ее Александру Федоровичу въ «Сынъ Отечества». Прощай. Свидѣтельствуй мое почтеніе всеѣмъ добрымъ людямъ, сирѣчь Н. П. Гидичу, Н. П. Гречу, Барону *), также Александру Федоровичу **) и проч.... Писни ко мнѣ на Павловскъ. Твой другъ К. Рыльевъ.

17. О. В. Булгарину.

С. Подгорная. Августа 8-го, 1821

Скоро долженъ я буду оставить мое тихое, безмятежное уединеніе, дабы опять явиться въ сѣверную Пальмиру. Холодъ обдасть меня, когда я вспомню, что кромѣ множества разныхъ заботъ, меня ожидаютъ въ оной мучительныя крючкотворства неутомимаго и ненасытнаго рода приказныхъ....

Когда отъ русскаго меча
Легли монголы въ прахъ, стеноя,
Россію Богъ карать не преставаля,
Столь многочисленный, какъ сарапча,
Приказныхъ родъ въ странахъ ея обширныхъ
Повсюду расселилъ,
Чтобы сердца согражданъ мирныхъ
Онъ завсегда какъ червь точиль..

Ты, любезный другъ, на себѣ испыталъ безсовѣстную алчность ихъ въ Петербургѣ; но въ столицахъ приказные пѣвоторымъ образомъ еще сносны.... Если-бы ты видѣлъ ихъ въ русскихъ провинціяхъ — это настоящіе кровопійцы, и я увѣренъ, что ни хищныя татарскія орды во время своихъ нашествій, ни твои давно просвѣщенные соотечественники въ страшную годину междуцарствія не принесли Россіи столько зла, какъ сіе лютое отродіе.... Въ столицахъ берутъ только съ того, кто имѣеть дѣло, здѣсь — со всѣхъ... Предводители, судьи, засѣдатели, секретари и даже копіисты имѣютъ постоянные доходы отъ своего грабежа; а неправники....

Кто не слыхалъ изъ насъ о хищныхъ печенѣгахъ,
О лютыхъ половцахъ, иль о татарахъ злыхъ,
О ихъ неистовыхъ набѣгахъ
И о хищеньяхъ ихъ?
Давно-ль сей край, гдѣ Донъ и Сосна протекають
Средь тучныхъ пажитей и бархатныхъ луговъ
И ихъ холодными струями наполють,
Быль достоанемъ сихъ враговъ?
Давно ли крымскіе набѣзники толпами
Изъ отческой земли
И старцевъ, и дѣтей, и женъ, тягча цѣпями,
Въ Тавриду дальнюю влекли?
Благодаря Творцу, Россія покорила
Враговъ надменныхъ всѣхъ

*) Дельвигу.

**) А. О. Воейковъ съ половины 1820 г. до начала 1822 г. участвовалъ съ Гречемъ въ изданіи «Сына Отечества».

И лѣтъ за нѣсколько со славою отразила
Разбойника славнѣйшаго набѣгъ....
Теперь лишь только при набѣздахъ
Свирѣпствуютъ одни исправники въ уѣздахъ.

Но полно объ этой дряпи....

При семь посылаю нѣсколько моихъ бездѣлокъ. Потрудись показать ихъ почтенному Николаю Ивановичу Гнѣдичу, и если годятся, отдай ихъ Александру Федоровичу *) для «Сына Отечества».

Прощай; я въ половинѣ сего мѣсяца выѣзжаю, по буду въ Петербургъ не прежде половины сентября, ибо ѣду на своихъ.

Поручая себя дружеской твоей памяти и прося засвидѣтельствовать мое почтеніе всѣмъ, остаюсь твой другъ К. Рылѣевъ.

18. Женѣ

Харьковъ. Юня 28 дня, 1822.

Милый другъ мой, Наташинька! Мы пріѣхали въ Харьковъ вчера, т. е. въ воскресенье, поутру. Наканунѣ ночевали отъ Харькова въ 6 только верстахъ на постояломъ дворѣ, ибо хотя и было еще рано, по по грязной дорогѣ лошади едва волочили бричку... Отсюда надо завтра на почтовыхъ на Ахтырку, Ромень и Прилуки. Слѣдовательно, могу надѣяться быть у Алексѣя Михайловича. Подорожную я получилъ уже отъ губернатора. Прекраснѣйшій человекъ! Меня принялъ весьма ласково, разспрашивалъ—зачѣмъ я въ Харьковѣ, и когда я ему сказалъ, то онъ весьма хвалилъ г-на Роберти.

Мишенька послѣ меня сталъ скучать и просился на время ко мнѣ, но г. Роберти не отпустилъ его. Опъ хотя и не сѣчетъ, по строго содержать учениковъ; они его любятъ, по вмѣстѣ и боятся... Самъ Роберти съ женою и дѣтьми кушаетъ всегда вмѣстѣ съ учениками. По русски почти не говорятъ, а все по французски или по нѣмецки.

Пиши ко мнѣ въ Кіевъ съ первою же почтою, ибо я буду въ немъ, съ Божією помощію, дня черезъ четыре. Прощай.

Мой другъ! Хранитель Ангелъ мой!
О ты, съ которой нѣтъ сравненья!
Люблю тебя, дышу тобой!
Но гдѣ для страсти выраженья!

19. Женѣ.

Кіевъ. Юля 7 дня. 1822.

Я былъ у брата Алексѣя Михайловича въ эскадронѣ, но, къ сожалѣнію, не засталъ его, и пробывъ полторы сутки, принужденъ былъ поспѣшить въ Кіевъ, поручивъ капитану Балабину объявить ему о смерти почтеннѣйшаго батюшки... **) Ты я думаю весьма удивилась, что я въ

*) Воейкову.

**) Т. е. отца Натальи Михайловны

письмъ изъ Харькова не послалъ даже и поклона Настинькѣ; мнѣ хотѣлось немножко разсердить тебя. Увѣдомляю тебя, что я не пробуду здѣсь и мѣсяца; все идетъ хорошо. Не знаю, какъ будетъ далѣе.

Новостей я здѣсь не слышалъ. Только недѣль шесть назадъ случилось здѣсь весьма трагическое происшествіе. Одинъ гвардейскій офицеръ нашелъ въ Выборгѣ, что въ Финляндіи, портретъ одной прекрасной дамы и влюбился въ нее. Долго искалъ онъ оригинала въ Петербургѣ и другихъ городахъ, наконецъ пріѣзжаетъ въ Кіевъ и находитъ то, къ чему стремился всею душою. Это была дочь генерала Рейхеля. Представь, какое для него восхищеніе! Онъ старается познакомиться въ домѣ. Его полюбили и дали слово выйдти за него. Онъ пишетъ къ родителямъ своимъ. Между тѣмъ, невѣрная Лиза вдругъ перемѣняется и отказываетъ ему. Несчастный проситъ, умоляетъ ее возвратить ему прежнюю любовь,—уже поздно. Вѣтреница уже полюбила другого и назначила день свадьбы. Вѣдняякъ, получивъ письмо отъ отца, который позволялъ ему жениться, бѣжитъ съ опымъ въ домъ невѣрной; но жестокая принимаетъ его такъ холодно, такъ холодно, что несчастный схватываетъ пистолеть, чтобы застрѣлиться; отецъ невѣсты вырываетъ у него оный, но онъ, выбѣжавъ на улицу, вскричавъ еще разъ: «Лиза, Лиза!» предъ ея окошками стрѣляетъ себѣ въ самое сердце! Въ оставленномъ письмѣ онъ просилъ, дабы портретъ невѣрной положили съ нимъ. Онъ похороненъ недалеко отъ города, въ дубовой рощѣ, безъ всякаго обряда, какъ самоубійца! Жестокая Лиза чрезъ недѣлю обвѣнчалась съ другимъ. Вотъ каковы женщины!...

20. Е. А. Баратынскому.

С.-Петербургъ. 6 сентября 1822.

Милый Парип! Сатиры твоей не пропускаетъ Вируковъ *). На дняхъ и пришло ея къ тебѣ съ замѣчаніями, которыя, впрочемъ, легко выправить. Жаль только, что мы не успѣемъ ее помѣстить въ Звѣздѣ, въ которую взяли мы Римъ, Къ Хлоѣ и Призваніе; въ сей послѣдней не пропущено слово *небеснаго* огня. Дельвигъ поставилъ *прекраснаго*. Нѣтъ ли чего новенькаго? Ради Бога присылай. Трехъ новыхъ піесъ Пушкина не пропустили. Въ слѣдующемъ письмѣ пришло къ тебѣ списки съ нихъ. Въ одномъ посланіи онъ говорить;

Прошелъ веселый жизни праздникъ!
Какъ мой задумчивый проказникъ,
Какъ Баратынскій, я твержу:
Нельзя ль пайти подруги вѣжной,
Нельзя ль найти любви надежной,—
И ничего не нахожу.

Усердный твой читатель и почитатель К. Рылѣевъ.

*) Цензоръ.

21. Юліану-Урзину Нѣмцевичу *).

С.-Петербургъ. Января 1823.

Прекрасныя чувства, которыми исполнено письмо ваше, живо меня тронули... Такъ, отечество ваше несчастно; оно въ наши времена имѣло и недостойныхъ сыновъ, но безславіе ихъ не могло помрачить чести великодушнаго народа, и изъ среды онаго явились мужи, которые славою дѣлъ своихъ несравненно болѣе возвысили славу Польши, нежели первые предательствомъ своимъ оную омрачили. Такъ, — и вы не одними воспоминаніями славныхъ дѣяній, совершенныхъ въ вѣкахъ минувшихъ, можете утѣшать себя. Къ счастью всего человѣчества, добрая слава дѣлъ нашихъ зависить не отъ одного успѣшнаго окончанія, но также отъ источника ихъ и побужденія, — и славныя имена Костюшки, Колонтая, Малаховскаго, Понятовскаго, Потоцкаго, Нѣмцевича и другихъ знаменитыхъ патріотовъ, не смотря на то, что успѣхъ не увѣнчалъ ихъ благородныя усилія, никогда не перестанутъ повторяться съ благоговѣніемъ, а дѣянія мужей сихъ будутъ всегда служить для юности достойными образцами. Сѣмена добра и свѣта уже посѣяны въ отечествѣ вашемъ. Скоро созрѣютъ прекрасныя плоды ихъ. Вы были однимъ изъ ревностнѣйшихъ сѣятелей; вы во все продолженіе жизни своей, какъ Тиртей, высокими пѣснями возбуждали въ сердцахъ согражданъ любовь къ отечеству, усердіе къ общественному благу, ревность къ чести народной и другія благородныя чувства. Итакъ, мужъ почтенный, утѣштесь и, снявъ лиру свою съ печальной вербы, подобно лебеди на водахъ Леандра, воспойте на закатѣ дней своихъ высокіе гимны, удвойте, если возможно, завидную славу вашу и порадуйте достойное ваше отечество...

Прошу милостиво принять увѣреніе въ высокому уваженію и почитанію, съ которымъ имѣю честь оставаться вашъ, милостивый государь, нижайшій слуга.

P.S. Отсутствіе мое изъ Петербурга причиной тому, что я такъ долго былъ лишень счастья получить ваше письмо (отъ 30-го октября) и отвѣчать на него.

22. Ѳ. В. Булгарину.

(Петербургъ. 7 сентября 1823 г.)

Я былъ тебѣ другомъ, Булгаринъ; не знаю, что чувствовалъ ты ко мнѣ; по крайней мѣрѣ, ты также увѣрялъ меня въ своей дружбѣ, и я отъ души вѣрилъ. Какъ другъ, отдаю на твой собственный судъ, исполнилъ ли я обязанности свои. Изслѣдуй все мои поступки, взвѣсь все мои слова, разбери каждую мысль мою и скажи потомъ, по совѣти, заслуживалъ ли я такого оскорбленія, какое ты сдѣлалъ мнѣ сегодня, сказавъ, что ты, «если бы и вздумалъ просить отъ кого-нибудь въ Петербургѣ совѣтовъ, то я былъ

*) Письмо это сохранилось въ трехъ черновикахъ: одномъ — по-русски и двухъ по польски.

бы послѣдній...» Что побудило тебя, гордецъ, къ этому, я не знаю. Знаю только то, что я истинно любилъ тебя, и если когда противорѣчилъ тебѣ, то не съ тономъ холоднаго наставника, но съ горячностью пѣкной дружбы. Такъ и вчера, упрекая тебя за то, что ты скрылъ отъ меня черное свое предпріятіе противъ Воейкова, я говорилъ, зачѣмъ ты не сказалъ; я на козляныхъ уговорилъ бы тебя оставить это дѣло. Скажи же, похоже ли это на совѣтъ; можно ли тѣмъ было оскорбиться, и оскорбиться до того, чтобы наговорить мнѣ дерзостей самыхъ обидныхъ?... Еще повторяю и прошу тебя вспомнить все мои поступки, слова и мысли — и разобрать ихъ со всею строгостью. Рано ли, поздно ли, но ты или самья послѣдствія докажутъ тебѣ справедливость мнѣйшій моихъ и правоту.

Въ пылу своего небагороднаго мнѣнія, ты не видишь или не хочешь видѣть всей черноты своего поступка; но рано ли, поздно ли... Извѣсти моему пророчеству и прими его за остатокъ прежней моей дружбы и привязанности, которыя одинъ удерживаютъ меня требовать отъ тебя должнаго удовлетворенія за обиду, мнѣ сдѣланную... Ты гордишься теперь своимъ поступкомъ и радъ, что напелъ людей, оправдывающихъ его, не викинувшихъ въ обстоятельства дѣла, другихъ ослѣпленныхъ, какъ нынѣ и ты, мнѣніемъ и враждою, и думаешь, что и все, кромѣ меня, раздѣляютъ твое мнѣніе. Но узнай, какъ ты жестоко обманываешься. Не говоря о множествѣ другихъ, которыхъ ты въ души своей уважаешь, В. А. Жуковский, этотъ столь высокой нравственности человѣкъ, котораго ты любишь до обожанія, — въ негодованіи отъ твоего поступка *). Онъ поручилъ мнѣ сказать тебѣ, что ты оскорбляешь не одного Воейкова, по цѣлое семейство, въ которомъ ты былъ принятъ какъ родной; что онъ употребитъ всевозможныя средства воспрепятствовать исполненію твоего желанія, и что если ты и уступь, то не иначе, какъ съ утратою чести! Вотъ, Булгаринъ, какого ты человѣка тронулъ. Скажи же теперь, справедливы ли мои опасенія? Удаляя отъ себя людей, въ которыхъ, по собственному сознанію твоему, ты болѣе всѣхъ былъ увѣренъ — скажи, на кого ты надѣшься, въ чью дружбу увѣривалъ? Чтѣ иное, какъ не дружба къ тебѣ, побуждало меня говорить Н. И. Гречу рѣзкія и вѣрно непріятныя для него истины; что заставляло меня говорить ихъ тебѣ самому, какъ не желаніе тебѣ добра? И ты смѣлъ сказать, что мы закормлены обѣдами

*) Вся эта исторія вышла изъ-за того, что Воейковъ, поссорившись съ Гречемъ и оставивъ сотрудничество въ «Сынѣ Отечества», получилъ «доходное» редакторство «Русскаго Инвалида», благодаря хлопотамъ Жуковского, на племянницѣ котораго онъ былъ женатъ. Чтобы уязвить Греча, онъ какъ-то напечаталъ въ «Инвалидѣ», что на «Сынѣ Отечества» только 750 подписчиковъ, а на «Русскій Инвалидъ» 1700. Булгаринъ тотчасъ воспользовался этимъ и подалъ прошеніе въ «Комитетъ о раненыхъ» объ отдачѣ ему въ аренду «Русскаго Инвалида», обязуясь платить вдвое больше Воейкова. Друзья Воейкова, и особенно Жуковский, пришли въ негодованіе отъ такого поступка со стороны Булгарина и, благодаря ихъ настояніямъ, онъ долженъ былъ отказаться отъ своего предложенія.

Воейкова, тогда какъ я у него въ продолженіе года былъ только два раза. Послѣ всего этого ты самъ видишь, что намъ должно разстаться. Благодарю тебя за преподанный урокъ; я молодъ — но сіе можетъ послужить мнѣ на предбудущее время въ пользу, и прошу тебя забыть о моемъ существованіи, какъ я забываю о твоёмъ: по разному образу чувствованій и мыслей намъ скорѣе можно быть врагами, нежели пріятелями.

23. Матери.

Апрѣль, 1824.

Покорнѣйше благодарю васъ любезная матушка, за присылку гостинцевъ на праздникъ, съ которымъ имѣю честь поздравить, и желаю провести оный въ радости и удовольствіи. Отъ Настасьи Михайловны и отъ Матрены Михайловны мы получили на дняхъ письма. Настинька, слава Богу, здорова и почти все говоритъ; такъ по крайней мѣрѣ пишутъ; но тамъ случилось другое несчастіе: Настасья Михайловна лишилась мужа. Александръ Даниловичъ скончался на второй недѣлѣ поста, 23 февраля, въ домѣ Матрены Михайловны. Онъ пріѣхалъ проводить Алексѣя Михайловича, который пріѣзжалъ изъ полка въ отпускъ; пошелъ въ баню; вынесши, выпилъ 4 стакана холоднаго квасу и получилъ горячку; ее однако успѣли перервать; мать его пріѣхала; пріѣхали еще два лѣкаря; но мокроты, скопившіеся въ груди, кончили жизнь его; онъ погребенъ въ Сагунахъ, гдѣ жилъ. Старуха мать какъ убитая: лишилась послѣдняго сына. Теперь проситъ Настасью Михайловну, чтобы не покинула ее на старости и жила бы съ нею. Я писалъ къ Настасьѣ Михайловнѣ и, какъ умѣлъ, старался утѣшить ее; а равно писалъ я и къ старухѣ. Съ наступающимъ праздникомъ прошу васъ покорнѣйше поздравить Катерину Ивановну, Наталью Никигишну и дѣтей *).

24. Женѣ.

Москва. 1824 года, декабря 9.

Я сейчасъ ѣду въ Петербургъ. Москвою я чрезвычайно доволенъ: я былъ здѣсь принять какъ нельзя лучше, гдѣ только ни былъ. Представь себѣ: я встрѣтилъ здѣсь Черновыхъ—Константина и Сергѣя Пахомовичей; они пріѣхали сюда стрѣляться съ Новосильцовымъ, и уже чуть не было дуэли, наконецъ все кончилось миромъ. Отецъ и мать Новосильцова позволили ему жениться наконецъ, и скоро будетъ свадьба. Слава Богу, что такъ благополучно кончилось. Здѣсь только и говорятъ объ этомъ. Наводненіе въ Петербургѣ было ужасное, а равно и въ Кронштадтѣ корабли ходили по улицамъ. Не описываю тебѣ подробностей до пріѣзда въ Петербургъ... Я очень здоровъ: все еще дѣйствуетъ подгоренскій воздухъ...

Изъ Петербурга напишу о своемъ пребываніи въ Москвѣ подробно къ тебѣ, такъ и къ Бедргамъ. Теперь скажи имъ, что Денисъ Давыдовъ кланяется имъ.

*) Далѣе шло стих. «Надгробная Рыжку».

25. Женѣ.

С.-Петербургъ. Декабря 14 дня, 1824.

Накопецъ я добрался до Петербурга. Ты, я думаю, уже слышала о бывшемъ здѣсь наводненіи и объ ужасахъ, которые оно произвело. Представъ же себѣ мое удивленіе, когда я, въѣхавъ въ городъ, едва могъ замѣтить слѣды онаго. Не смотря на то, многіе однакожь пострадали, и еслибъ не пособія правительства и людей частныхъ — голодъ и нищета довершили бы зло, причиненное водою. Теперь почти всемъ потерпѣвшимъ сдѣлано возможное вспоможеніе. Мы же съ тобою должны благодарить Александра Александровича Вестужева: наши люди совершенно потерялись, и еслибъ не было его, то мы лишились бы всей мебели и всего, что было въ комодахъ. Вестужевъ прежде сталъ законопачивать двери; когда же вода начала пробираться въ щели и сквозь полъ, онъ приказалъ мебели ставить одиѣ на другія и выбирать изъ комодовъ все, и находисъ почти по поясъ въ водѣ, до тѣхъ поръ не оставилъ квартиры, покуда все не прибралъ. Такимъ образомъ онъ спасъ все почти, и твой мѣхъ; попортилсѣ только мое бюро, письменный столъ, твой рабочій столикъ, половина моей библіотеки и еще кое-что. Прочее все спасено; да потонула корова. Въ компатахъ воды было выше полтора аршина. Катерина Ивановна также пострадала; она съ дѣтми провела около сутокъ на чердакѣ и лишилась довольно мебели; а что всего хуже — потеряла Вѣрочку; крошечка умерла отъ простуды, точно тою-же болѣзнію, какъ и нашъ Саша. *) Теперь, слава Богу, ей помогли, и есть надежда, что царь назначитъ ей пенсію. Веберъ ужасно пострадалъ; потери много. Пракковыя Алексѣевна больна и живутъ въ одной гостиной и въ ужасной сырости. Наша прежняя квартира стоитъ теперь безъ оконъ; въ ней жилъ Нелидовъ и все потерялъ. Слава и благодареніе Богу, что мы выѣхали. По 16 линіи, гдѣ ни взглянешь, вездѣ опустошеніе. Передъ Вебера домомъ лежало нѣсколько утопшихъ. Представъ себѣ ужасъ его. Множество домовъ совершенно снесено. Кронштадтъ также весьма пострадалъ. Но будь покойна: скоро не останетея и слѣдовъ ужаснаго бѣдствія. Все, что можно было сдѣлать людямъ, люди все сдѣлали.

О себѣ скажу тебѣ, что я до Москвы отъ Воронежа ѣхалъ уже на саняхъ. Въ Москвѣ пробылъ недѣлю и никогда не забуду этого времени. Гостепріимная старушка Москва очень мила. Мепя приняли и знакомые и незнакомые, какъ нельзя лучше, и я едва могъ выбратъся: затаскали по обѣдамъ, завтракамъ и ужинамъ. Супруга Владиміра Ивановича барона Штейнгель проситъ, чтобы ты, во время проѣзда своего чрезъ Москву, остановилася въ ихъ домѣ; она обѣщаетъ показать тебѣ все любопытное. Я у нихъ былъ принятъ какъ родной — и это вѣзлосъ въ серицѣ моемъ...

*) Сынъ Гылѣва умеръ ребенкомъ. Онъ былъ похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Касательно Мишеньки, я уже справлялся. Итътъ ничего легче, какъ опредѣлить его въ измайловскій полкъ. А это право нехудо... Вестужевы кланяются тебѣ; они уже прѣехали...

26. А С Пушкину.

До 25 января 1825.

Рылѣвъ обнимаетъ Пушкина и поздравляетъ съ Цыганами. Они совершенно оправдали наше мнѣніе о твоёмъ талантѣ. Ты идешь шагами великана и радуешь истинно русскія сердца. Я пишу къ тебѣ ты, потому что холодное вы не ложится подъ перо; надѣюсь, что имѣю на это право и по душѣ, и по мыслямъ. Пуцинъ познакомитъ насъ короче. Прощай, будь здоровъ и не лѣнись. Ты около Пекова: тамъ задушены послѣднія вѣшники русской свободы,—настоящій край вдохновенія, и неужели Пушкинъ оставить эту землю безъ поэмы?

27. Женѣ.

С.-Петербургъ. Января 27 дня, 1825.

Письмо твое, въ которомъ увѣдомляешь меня о прѣздѣ брата Алексѣя Михайловича, я получилъ вчера.... Объ себѣ скажу, что я, благодаря Бога, здоровъ; но только часто страдаю припадкомъ скуки.... Какъ я былъ здоровъ въ Подгорномъ! Самъ удивляюсь и не знаю, чему это чудо приписать: подгоренскому климату или подгоренскому добродушію.

Сколько разъ жалѣю я, что непреодолимыя обстоятельства приковываютъ меня къ Петербургу, тогда какъ слабость здоровья, расположеніе, душевное желаніе, поэзія и чувства влекутъ меня на Украину.

Сейчасъ была у меня Татьяна Николаевна.... Хорошая женщина по сію пору плачетъ о маменькѣ.... Дома все благополучно.... Въ гостиной перекладывали печь; наводненіе совершенно ее испортило. Въ спальнѣ нашей велю также перекладать, но не прежде весны; тогда же будутъ и красить комнаты; у насъ въ комнатѣ воды было выше аршина. Впрочемъ большаго вреда не было. В. С. получила по случаю наводненія 2500 р. Въ деревнѣ продолжаютъ возить лѣсъ: уже привезено до 200 бревенъ. Весною съѣзжу въ деревню на недѣлю и займусь поправкою дома и флагея къ твоему прѣзду....

Могилка Саши цѣла.

28. Женѣ.

(С.-Петербургъ. Между 27 января и 10 февраля 1825.)

Вотъ я уже пишу къ тебѣ третье письмо изъ Петербурга, а ты еще только однимъ порадовала меня. Это, дружочекъ мой, стыдно и грѣшно. Пожалуйста, пиши хоть два раза въ мѣсяць: мнѣ очень скучно безъ твоихъ писемъ. Хочется знать обо всѣхъ васъ; ждешь почты; она приходитъ и вдругъ—ничего, даже досадно. Я по большей части сижу дома. Принялся за Полярную Звѣзду: надѣюсь выдать къ Святой. Теперь же еще скопилось много дѣлъ по Компаніи, которыя всѣ въ этомъ мѣсяцѣ надобно бу-

летъ оковчить; хлопотъ пропасть. При тебѣ все бы шло веселѣе. Впередъ и на мѣсяцъ не разлучусь съ тобою. Пиши ко мнѣ... У тебя столько предметовъ, о которыхъ можешь писать ко мнѣ чуть не каждый день. Поль-листа, а ты лѣняшься.

Здѣшніе все здоровы... Бестужевъ Николай произведенъ въ слѣдующій чинъ и уже щеголяетъ въ большихъ эполетахъ... Локоны получились пердею масляницей.

29. Женѣ.

С.-Петербургъ. Февраля 10 дня, 1825.

Письмо твое милое я получилъ на самой масляницѣ. Оно тѣмъ болѣе было мнѣ пріятно, что утѣшило въ скукѣ. Нынѣшняя масляница была мнѣ не въ масляницу.... Желаю, чтобы ты провела лучше; да иначе быть не могло: находившись въ кругу добрыхъ родныхъ, съ которыми все мило... а я былъ въ совершенномъ почти одиночествѣ—настоящій сирота. Одинъ только Бестужевъ могъ разсѣять грусть мою, но на ту пору и у него было свое горе—и мы вдвоемъ довольно мрачно проводили вечера. Къ этому еще захворалъ нервическою горячкою бѣдный Яковъ и нѣсколько дней находился въ опасности. Теперь, благодаря Бога, началъ онъ поправляться мало-по-малу. Теперь собралось много дѣлъ въ Компаніи, сверхъ того пачато печатаніе Полярной Звѣзды—это все вмѣстѣ заняло меня и нѣсколько разсѣяло скуку и пустоту душевную наполнило.... На счетъ Мишеньки мнѣніе мое не перемѣнилось. Науки онъ можетъ еще лучше кончить здѣсь, въ Петербургѣ, подъ моимъ надзоромъ и при знакомствѣ моемъ съ лучшими профессорами. Къ тому-жъ расходы будутъ тѣ же; быть можетъ, еще умѣрненіе, жительствова съ нами. Что же касается до большихъ, будто бы, издержекъ для содержанія его въ гвардіи, я болѣе ничего сдѣлать не могу, какъ только указать на Михаила Петровича Малютина и сотню другихъ гвардейскихъ офицеровъ, служащихъ здѣсь при самомъ ничтожномъ вспоможеніи со стороны родныхъ. Притомъ же, лучше двѣ-три тысячи издержать лишнія, но видѣть зато молодого человека въ хорошемъ обществѣ и быть покойнымъ на счетъ его нравственности и образованія, теперь для каждаго необходимаго. Знакомство мое будеть и для него знакомствомъ; а тебѣ извѣстно, что я онымъ счастливъ.

30. А. С. Пушкину.

С.-Петербургъ. 12 февраля 1825.

Благодарю тебя, милый поэтъ, за отрывокъ изъ Цыганъ и за письмо: первый прелестенъ, второе мило. Раздѣляю твое мнѣніе, что картины свѣтской жизни входятъ въ область поэзіи. Да еслибъ и не входили, ты съ своимъ чертовскимъ дарованіемъ втолкнулъ бы ихъ насильно туда. Когда Бестужевъ писалъ къ тебѣ послѣднее письмо, я еще не читалъ вполнѣ первой пѣсни Онѣгина. Теперь я слышалъ всю: она прекрасна; ты схватилъ все, что только подобный предметъ представляетъ. Но Онѣгинъ. сужу по первой пѣсни, ниже и Бахчисарайскаго Фонтана,

и Кавказскаго Пѣвника. Не сомнѣвъ правъ ты и во мнѣніи о Жуковскомъ. Неспоримо, что Жуковскій принесъ важныя пользы языку нашему; онъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на стихотворный слогъ нашъ — и мы за это навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не за вліяніе его на духъ нашей словесности, какъ пишешь ты. Къ несчастію, вліяніе это было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которыя въ немъ иногда даже прелестны, растлили многих и много зла надѣлали. Зачѣмъ не продолжаетъ онъ дарить насъ прекрасными переводами изъ Байрона, Шиллера и другихъ великановъ чужеземныхъ. Это болѣе можетъ упрочить славу его. Съ твоими мыслями о Батюшковѣ я совершенно согласенъ: онъ точно заслуживаетъ уваженія и по таланту, и по несчастію. Очень радъ, что Войнаровскій понравился тебѣ. Въ этомъ же родѣ я началъ Паливайку и составляю планъ для Хмѣльницкаго. Последняго хочу сдѣлать въ 6 пѣняхъ: иначе не все выскажешь. Сейчасъ получено Бестужевымъ послѣднее письмо твое. Хорошо дѣлаешь, что хочешь посвятить изданіемъ Цыганъ; всѣ шумятъ объ ней и всѣ ждутъ ее съ нетерпѣніемъ. Прощай, чародѣй. Рыльевъ.

Приписка Бестужева. Письмотвое сердечное получилъ, но отвѣчать теперь нѣтъ время. Буду писать съ требуемымъ номеромъ журнала, и тогда потолкуемъ о комедіи. Замѣчанія твои во многомъ правы. До свиданія на письмѣ. Прощай, мой поэтъ, будь самимъ собою и помни друзей, которые желаютъ тебѣ счастья и славы. Твой Александръ.

31. Женѣ.

Изъ письма 20 февраля 1825. С.-Петербургъ.

Я по прежнему сижу все дома вмѣстѣ съ Бестужевымъ и работаемъ для Полярной Звѣзды. Напечатано больше половины...

32. Женѣ.

С.-Петербургъ, февраля 26 дня, 1825.

Письмо твое, отъ 2-го числа февраля, получилъ. Вижу, что ты тоскуешь очень, не получивъ отъ меня около двухъ недѣль письма. Не понимаю, отчего письма мои не доходятъ къ тебѣ; я пишу постоянно чрезъ двѣ недѣли и часто каждую. Только предъ послѣднимъ письмомъ не писалъ недѣли три: былъ въ хлопотахъ какъ по службѣ, такъ и по изданію Полярной Звѣзды. Сверхъ того самъ грустилъ и при всемъ этомъ боялся за Якова, который былъ при смерти. А ты, мой другъ, могла написать, что я, можетъ быть, тебя забылъ! Миѣ это очень больно и обидно. Будто въ столько лѣтъ ты не могла увѣриться въ моей къ тебѣ любви и привязанности. Чѣмъ сомнѣваться въ чувствахъ моихъ, ты взяла бы подорожную, сѣла въ сани и пріѣхала бы сюда—это было бы лучше. Въ другомъ мѣстѣ письма твоего ты думаешь, что сержусь на тебя. Но за что? Какъ тебѣ не стыдно такой вздоръ думать, и еще болѣе плакать. Видно,

что ты стала слишком грустить; я и самъ грущу безъ тебя, мой милый ангель, но что же дѣлать! Мы сами виноваты: ты въ томъ, что осталась на такое долгое время въ Подгорномъ; а я, — что позволилъ тебѣ остаться. Впередь отъ меня этой милости не ожидай... Мишеньку непременно надобно привезти сюда, а то онъ много потеряетъ время, да и лучше ѣхать съ братомъ. Денегъ на дорогу я вышлю тебѣ чрезъ недѣли три. Если же почему либо ты не получишь оныхъ въ половинѣ мая, то достань сама и выѣзжай съ подорожною по почтѣ. Лошадей я раздумалъ покупать въ нашихъ краяхъ. Впрочемъ объ этомъ я еще буду писать къ тебѣ. Во всякомъ случаѣ я болѣе тысячи рублей не въ состоянїи буду послать тебѣ. Не забудь одѣть Настеньку потеплѣе, да дорогой не давай ей воды безъ вина... Бестужевы кланяются тебѣ, и все упрекають меня, что я рѣшился разстаться съ тобою на восемь мѣсяцевъ. Тебѣ также достается и по-дѣламъ...

33. Женѣ.

С.-Петербургъ. 3 марта 1825.

Очень радъ, что ты успокоилась моими письмами. Благодарю тебя и сестрицу за увѣдомленіе объ Настинкѣ. Поцѣлуй ее и благослови за меня. На счетъ раздѣла — твое дѣло, а я на все буду согласенъ, на что ты будешь согласна, чтобъ сдѣлать угодное братцу Алексѣю Михайловичу. Не знаю, почему сестрицѣ не выйти за Раевского... Вчера здѣсь былъ пожаръ; сгорѣлъ до тла новый деревянный театр, который былъ построень у Чернышева моста. Въ немъ и двадцати пяти разъ не успѣли сыграть; пожаръ былъ 12 часовъ ночи; я ѣздилъ съ Бестужевымъ смотрѣть: ужасная картина!

Дома у насъ все благополучно... Все въ цѣлости, только не выкрашены стѣны, что сдѣлаю я въ концѣ апрѣля. Готовься къ дорогѣ; я скоро пришлю деньги; уговори матушку послать передъ Святой недѣлею за Мишею, чтобъ онъ не задержалъ тебя. Все вы вмѣстѣ съ братцемъ Алексѣемъ Михайловичемъ затѣяли вздоръ, вздумавъ опредѣлить его по министерству. Ему необходимо служить въ гвардіи: расходъ лишннихъ не будетъ, это я беру на себя. Только, ради Бога, привези его съ собою; я писалъ объ этомъ къ Алексѣю Михайловичу...

34. О. В. Булгарину.

Петербургъ. (Между 14 и 26 марта 1825).

Любезный Ѳадей Венедиктовичъ. Читалъ твое сужденіе о Войнаровскомъ съ чувствомъ. Вижу, что ты попрежнему любишь меня; ничто другое не могло заставить тебя такъ лестно отзываться о поэмѣ, и это обязываетъ меня благодарить тебя и сказать, что и я не переставалъ и вѣрно не перестану любить тебя. Прошу вѣрить этому. Знаю и увѣренъ, что ты самъ убѣжденъ, что намъ сойтись невозможно и даже безчестно: мы слишкомъ много наговорили другъ другу грубостей и глупостей, но по крайней мѣрѣ я не могу, не хочу и не долженъ остаться въ долгу; я долженъ благодарить тебя. Прилично или неприлично дѣлаю, отсылая

къ тебѣ письмо это—не знаю еще: слѣдую первому движенію сердца. Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что поступокъ мой приищешь человѣку, а не поэту. Прошу тебя также, любезный Булгаринъ, впередь самому не писать обо мнѣ въ похвалу ничего; ты можешь увлечься, какъ увлекся, говоря о Войнаровскомъ, а я человѣкъ: могу на десятый разъ и повѣрить; это повредить мнѣ: я хочу прочной славы, не даромъ, но за дѣло. Рылъевъ.

Слышу, что сужденіе о «Думахъ» тобою уже написано и что ты ими не совсемъ доволенъ, особенно предисловіемъ. Въ такомъ случаѣ съ Богомъ; печатай и ради Бога ничего не перемѣняй, если не хочешь оскорбить меня.

Вверху письма написано рукою Булгарина: Письмо сіе расцѣловано и орошено слезами. Возвращаю назадъ, ибо подлый міръ недостойнъ быть свидѣтелемъ такихъ чувствъ и могъ бы перетолковать — а я понимаю истинно.—Булгаринъ.

Отвѣтъ на томъ же Рылъева: Напрасно отослалъ письмо: я никогда не раскаиваюсь въ чувствахъ, а мнѣніемъ подлаго міра всегда пренебрегалъ. Письмо—твое и должно остаться у тебя. Рылъевъ.

Прежде нежели увидишь меня, поговори съ Александромъ Бестужевымъ: онъ, можетъ быть, сегодня будетъ у тебя.

35. Неизвѣстному.

(С.-Петербургъ. Мартъ 1825).

Исполняя твое желаніе, спѣшу увѣдомить, что общес собраніе было 18-го марта, и по обыкновенію, весьма шумное и не совсемъ разумное. Голосистѣ прочихъ горлапли братья Лобановы, исподтишка—Политковскій. *) Дѣло шло о балансѣ, который по сіе время не подписанъ еще, потому что Крамеръ **) не захотѣлъ явиться для разсмотрѣнія оного. Это рѣшено тѣмъ, чтобы упряма вызвать посредствомъ правительства. Потомъ читали извлеченія изъ депешъ Муравьевскихъ; ***) положено изъяснить ему отъ лица общаго собранія благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ просить его, чтобы онъ остался въ колоніяхъ еще года хоть на два. Третье дѣло было о долгѣ Болтона и компаніи.—опредѣлено остальную сумму 6000 р. и процентъ 20000 взыскать съ Крамера, какъ съ директора, выдавшаго сіи деньги въ отсутствіе одного и безъ согласія другого директора. Мордвиновъ при первомъ дѣлѣ о Крамерѣ сказалъ: «Когда онъ къ намъ невѣжливъ, такъ нечего и намъ падить его». Засимъ предложено было о избраніи члена совѣта, и всѣ единогласно избрали В. М. Головинна. ****) Этому выбору я очень радъ. Знаю, что онъ упряма, любитъ умничать;

*) Гаврило Герасимовичъ Политковскій, сенаторъ, до 1825 г. членъ совѣта Р.-Амер. компаніи, потомъ ея акціонеръ.

***) Комм. сов. Венедиктъ Веніаминовичъ Крамеръ до 1825 г. былъ членомъ совѣта и членомъ главнаго правленія Компаніи.

****) Флота кап.-лейт. Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ былъ главнымъ правителемъ всѣхъ колоній и портовъ Компаніи въ Америкѣ.

*****) Вице-адмиралъ Василій Михайловичъ Головинъ (1776—1831).

что онъ стоскъ передъ правительствомъ, а въ теперешнемъ положеніи компаніи это нужно. Говорять, что онъ за что-то меня не жалуетъ, да я не слишкомъ этимъ занимаюсь: такъ—хорошо; не такъ,—такъ... такъ и безъ компаніи молодець: лишь бы она цвѣла. Последнее дѣло было о прибавкѣ тысячи рублей къ пенсіону Зеленскаго. *) Большинство голосовъ опредѣлило сію прибавку сдѣлать ему. Хоть онъ поистинѣ и не заслуживаетъ этого, но я хлопоталъ за него у нѣкоторыхъ акціонеровъ. Занявъ мѣсто этого старца, у меня что-то лежало на совѣсти, особливо, когда онъ жаловался. Теперь я покоенъ. Вотъ тебѣ возможно подробный отчетъ. Спасибо за письма. Спасибо, что полюбилъ Пуццина; **) я еще отъ этого ближе къ тебѣ. Кто любитъ Пуццина, тотъ уже непременно самъ рѣдкій человекъ. Селивановскій пишетъ ко мнѣ то же, что онъ говорилъ тебѣ. Морской офицеръ привезъ къ Смирдину экземпляры, съ нимъ посланные, позже полученнымъ имъ съ почтою. Но тоска; пора объ этихъ дрязгахъ забыть. Селивановскому буду писать я первую почтою. Проси его, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ окончательный счетъ. Зачѣмъ онъ отправилъ остальные экземпляры въ контору компаніи, кто его просилъ объ этомъ? Во-первыхъ, я удаляюсь отъ всякихъ расчетовъ денежныхъ съ компаніей; во-вторыхъ, я по сіе время не получилъ экземпляровъ и, вѣроятно, еще дней десять не получу; между тѣмъ я теряю... Опять математика! Къ чорту ее... Твой другъ К. Рылѣвъ.

У Пуццина тѣя экземпляръ «Звѣзды». Увѣдомн, будетъ ли довольна Москва.

35. А. С. Пушкину.

Марта 20 дня (1825).

Не знаю, что будетъ Онѣггнѣ далѣе; быть можетъ, въ слѣдующихъ лѣтяхъ онъ будетъ одного достоинства съ До н ѣ Ж у а н о м ѣ: чѣмъ далѣе въ лѣтъ, тѣмъ больше дровъ; но теперь онъ ниже Бахчисарайскаго Фонтана и Кавказскаго Плѣнника. Я готовъ спорить объ этомъ до второго пришествія.

Мнѣніе Байрона, тобою приведенное, несправедливо. Поэтъ, описавшій голоду картъ лучше, нежели другой—деревья, не всегда выше своего соперника. У каждаго свой даръ, своя муза. Майкова Елисей прекрасенъ; но былъ ли бы онъ такимъ у Державина—не думаю, не смотря на превосходство таланта его передъ талантомъ Майкова. Державина Маріамна никуда не годится. Слѣдуетъ ли изъ того, что онъ ниже Озерова?

Несогласенъ и на то, что Онѣггнѣ выше Бахчисарайскаго Фонтана и Кавказскаго Плѣнника, какъ твореніе искусства. Сдѣлай милость, не оправдывай софизмовъ Воейковыхъ: имъ только дозвоительно ставить искусство выше вдохновенія. Ты на себя клеплешь и взводишь Богъ знаетъ что.

*) Ив. Ос. Зеленскій занималъ до Рылѣва его должность.

**) Ив. Ив. Пуццинъ съ 1824 г. былъ надворнымъ судьей въ Москвѣ.

Думаю, что ты получилъ уже изъ Москвы Войнаровскаго. По нѣкоторымъ мѣстамъ ты догадасишься, что оцъ нѣсколько оципанъ. Дѣлать нечего. Суди, но не кляни. Знаю, что ты не жалуешь мои Думы; не смотря на то, я просилъ Пуцина и ихъ переслать тебѣ. Чувствую самъ, что нѣкоторыя такъ слабы, что не слѣдовало бы ихъ и печатать въ полномъ собраніи. Но зато убѣжденъ душевно, что Ермакъ, Матвѣевъ, Волыняскій, Годуновъ и имъ подобное—хороши и могутъ быть полезны не для однихъ дѣтей. Полярная Звѣзда выйдетъ на будущей недѣлѣ. Кажется, она будетъ лучше двухъ первыхъ. Увѣренъ заранѣе, что тебѣ понравится первая половина взгляда Бестужева на словесность нашу. Онъ въ первый разъ судить такъ основательно и такъ глубокомысленно. Скороли ты начнешь печатать Цыганъ? Рылѣевъ.

Чуть не забылъ о концѣ твоего письма. Ты великій лъстенецъ — вотъ все, что могу сказать тебѣ на твоѣ мнѣніе о моихъ поэмахъ. Ты всегда останешся моимъ учителемъ въ языкѣ стихотворномъ. Что Дельвигъ? Не у тебя ли онъ? Здѣсь говорятъ, что онъ опасно заболѣлъ.

36. А. С. Пушкину.

Марта 25 дня 1825.

Спѣшимъ доставить тебѣ Звѣзду. Увѣрены, что она понравится Пушкину, и заранѣе радуемся этому. Она здѣсь всеѣмъ пришла по сердцу. Это хоть не всеѣмъ хорошій знакъ, но увѣрены, что въ ней есть довольно и такихъ пьесъ, которыхъ похвалить не откажутся и истинные цѣнители произведеній нашего Парнасса. Мы много одолжены нашимъ добрымъ поэтамъ и прозаикамъ за доставленные пьесы, но какъ благодарить тебя, милый поэтъ, за твои безцѣнные подарки нашей Звѣздѣ? Отъ Цыганъ все безъ ума; Разбойникамъ, хотя и давнишнимъ знакомцамъ, также чрезвычайно обрадовались. Теперь для Звѣздочки стыдимся и просить у тебя что нибудь; такъ ты надѣлилъ насъ. На послѣднее письмо я еще не получалъ отъ тебя отвѣта. Ужъ не сердился ли за откровенность мою? Это, кажется, тебѣ не въ пору; ты выше этого. Что Дельвигъ? По слухамъ, онъ долженъ быть у тебя. Радуюсь его выздоровленію и свиданію вашему. Съ нетерпѣніемъ жду его, чтобъ выслушать его мнѣніе объ остальныхъ нѣняхъ твоего Онѣгина. Не пишешь ли ты еще чего? Что твои записки? Чѣмъ ты занимаешься въ праздное время? Мы съ Бестужевымъ намѣреваемся лѣтомъ провѣдать тебя: будетъ ли это кстати? Вотъ тебѣ нѣсколько вопросовъ, на которые буду ожидать отвѣта. Твой Рылѣевъ.

37. А. С. Пушкину.

Апрѣль 1825.

Письмо твое Бестужевъ получилъ, но не успѣлъ отвѣчать: его услали въ Москву провожать принца Оранскаго. Можетъ быть, онъ напишетъ тебѣ оттуда. Здѣсь слышно, что Дельвигъ уже у тебя: правда ли? Въ субботу былъ я у Плетнева съ Кюхельбекеромъ и съ братомъ твоимъ.

Левъ *) прочиталъ намъ нѣсколько новыхъ твоихъ стихотвореній. Они прелестны; особенно отрывки изъ Алкорапа. Страшный Судъ ужасенъ! Стихи—

И братъ отъ брата побѣжить,
И сынъ отъ матери отпрянетъ—

превосходны. Послѣ прочитаны были твои Цыгане. Можешь себѣ представить, что сдѣлалось съ Кюхельбекеромъ. Что за прелестный человекъ этотъ Кюхельбекеръ! Какъ онъ любить тебя! Какъ онъ молодъ и свѣжъ! Цыганъ слышалъ я четвертый разъ, и всегда съ похвалою, съ живѣйшимъ наслажденіемъ. Я подыскивался, чтобъ привязаться къ чему нибудь, и нашелъ, что характеръ Алеко нѣсколько ушженъ. Зачѣмъ водить онъ медвѣдя и собирать вольпую дань. Не лучше ли было сдѣлать его кузнецомъ? Ты видишь, что я придираюсь, а знаешь почему и зачѣмъ? Потому, что сужу поэмѣ Александра Пушкина; затѣмъ, что желаю отъ него совершенства. На счетъ слога, кромѣ небрежнаго начала, мнѣ не нравится слово: рекъ. Кажется, оно несвойственно поэмѣ; оно принадлежитъ исключительно лирическому слогу. Вотъ все, что я придумалъ. Ахъ, еслибы ты ко мнѣ былъ такъ же строгъ! Какъ бы я былъ благодаренъ тебѣ.

Прощай, обни.... **)

а ты обними Дельвига....

не пишешь ни слова о Полярной Звѣздѣ...

ни Наливайко? Прощай—милая сирена....

Твой Рылѣевъ.

38. Женѣ

Апрѣля 3 дня, 1825.

Письмо твое я имѣлъ удовольствіе получить. Благодарю и цѣлую тебя за него. Одно мнѣ только досадно и на тебя и, признаться, на всѣхъ васъ, даже и на почтенѣйшую матушку Матрену Михайловну,—это за вашу общую нерѣшимость насчетъ Мишеньки.***) Не понимаю, какъ можно думать, что лучше и дешевле кончить въ Харьковѣ. Я, кажется, писалъ объ этомъ довольно обстоятельно. А я вижу: тутъ замѣшалась слабость маменки, которую поддерживаетъ слабость сестрицы и словъ братцевъ, что въ гвардіи содержаніе дорого, такъ для этого надо служить по министерству. Кто же вамъ сказалъ, что по министерству служба дешевле? Та же—если не дороже. Я повторяю, что если можно служить Малютину, то можно и Тевяшеву. Да если и желаете вы, чтобы онъ выгодиѣ началъ службу, то всетаки лучше въ гвардіи. Прослуживъ года четыре, онъ можетъ вступитъ въ службу гражданскую прямо титулярнымъ совѣтникомъ, а пять—такъ коллежскимъ ассесоромъ или надворнымъ совѣт-

*) Л. С. Пушкинъ.

***) Въ оригиналѣ оторванъ край письма.

****) Братъ жены Рылѣева.

пикомъ. Ради Бога, уговори маменьку отправить его съ тобой, иначе Минна пропадетъ. Пусть хоть послѣднее время не пропадетъ у него даромъ. На первый годъ болѣе тысячи, а можетъ, и болѣе 800 р. не будетъ нужно; а въ Харьковѣ все дороже. Прощай, будь здорова, на слѣдующей почтѣ вышлю къ тебѣ деньги.

39. Женѣ.

Апрѣля 30 дня, 1825.

Не знаю застанетъ ли мое письмо тебя въ Острогожскѣ, по на всякій случай пишу. На оборотѣ найдешь распсаніе станцій отъ Воронежа и сколько на каждой должно будетъ платить за 4 лошади. Сверхъ того давай вездѣ копѣекъ по 20 на воду, если хорошо и бережно будутъ везти. Разсчитать пускай В... ведетъ, если онъ ѣдетъ съ тобой. Подорожную возьми на три лошади, а плати вездѣ за чтыре: лучше везти будутъ. Береги себя и Настиньку; останавливайся почевать, когда устанете. Въ Воронежѣ купи хорошаго вина, чтобъ дорогою подкрѣплять и себя и Настиньку! Прощай, мой другъ, будь здорова и поспѣшай къ другу, который стосковался по тебѣ...

40. А. С. Пушкину.

Мая 12 дня 1825.

Дельвигъ пересказалъ мнѣ замѣчанія твои о Думахъ и Войнаровскомъ. Хочется поспорить, особливо о послѣднемъ, но удерживаюсь до поры: жду мнѣнія твоего на письмѣ и жду съ петериѣнцемъ. Ты ни слова не говоришь о Исповѣди Наливайки, а я ею гораздо болѣе доволенъ, нежели Смертью Чигиринскаго Старосты, которая такъ тебѣ понравилась. Въ Исповѣди—мысли, чувства, истина, словомъ, гораздо болѣе дѣльнаго, чѣмъ въ описаніи удалства Наливайки, хотя, наоборотъ, въ удалствѣ болѣе дѣла. Ты правъ, опасаясь, что Звѣздочка отниметъ у меня много времени. Петербургъ тошнѣнъ для меня, онъ студитъ вдохновеніе; душа рвется въ степи; тамъ ей просторнѣе, тамъ: только могу я сдѣлать что либо, до стойное вѣка нашего; но, какъ бы на зло, желѣзныя обстоятельства приковываютъ меня къ Петербургу. Ты общаешь также поспорить съ Бестужевымъ за обзорѣніе, общалъ прислать свое опроверженіе на Байрона и Бокля—и вѣрно все это отложишь въ длинный ящикъ. Слышалъ отъ Дельвига и о слѣдующихъ пѣсняхъ Онѣгина, но по изустнымъ разсказамъ судить не могу. Какъ великъ Байронъ въ слѣдующихъ пѣсняхъ Донъ Жуана! Сколько поразительныхъ идей, какія чувства, какія краски! Тутъ Байронъ вознесся до невѣроятной степени: онъ сталъ тутъ выше пороковъ и выше добродѣтелей. Пушкиня, ты приобрѣлъ уже въ Россіи пальму первенства: одинъ Державинъ только еще борется съ тобою, но еще два, много три года усилій, и ты опередилъ его. Тебя ждетъ завидное поприще: ты можешь быть нашимъ Байрономъ, но ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета, не подражай ему. Твое огромное дарованіе, твоя пылающая душа могутъ вознести тебя до Байрона, оставивъ Пушки-

нымъ. Если бъ ты зналъ, какъ я люблю, какъ я цѣню твое дарованіе!
Прощай, чудотворецъ. Рыльевъ.

Бестужевъ еще въ Москвѣ.

41. А. А. Дельвигу.

9 октября 1825.

Потому тебѣ, сладостно поющему на русскій ладъ и мило на ладъ древнихъ грековъ, не поэтъ, а гражданинъ желаетъ здоровья, благоденствія и силы духа, лишь поборающей! вмѣстѣ съ симъ уведомляетъ онъ о полученіи 500 р., этой прозаической потребности, которая и поэта и гражданина мучитъ только тогда, когда нечего ѣсть. *Сего* со мною не было, и потому гражданинъ Рыльевъ не помнилъ о долгѣ поэта Баратынскаго.

42. А. С. Пушкину.

Благодарю тебя, милый чародѣй, за твои прямодушныя замѣчанія на Войнаровскаго. Ты во многомъ правъ совершенно; особенно говоря о Миллерѣ. Онъ точно истуканъ. Это важная ошибка; она вовлекла меня и въ другія. Вложивъ въ него вѣроподобническія филиппики за нашего Великаго Петра, я бы не имѣлъ надобности прибѣгать къ хитростямъ и говорить за Войнаровскаго для Вирюкова. *) Впрочемъ поправлять не намѣренъ; это ужасно неспосно для такого лѣнтяя, какъ я; лучше написать что нибудь новое. О Думахъ я уже сказалъ тебѣ свое мнѣніе. Бестужевъ собирается отвѣчать тебѣ—и, правда, ему есть о чемъ поспорить съ тобой касательно мнѣній твоихъ объ его обзорѣнн. Главная ошибка твоя состоитъ въ томъ, что ты и ободреніе, и покровительство принимаешь за одно и то же. Что ободреніе необходимо не только для таланта, но даже для генія, я твердилъ Бестужеву еще до полученія твоего письма; по какое ободреніе? Полагаю, что характеръ и обстоятельства генія опредѣляютъ его. Можетъ быть, Гомеръ сочинялъ свои рапсодіи изъ куска хлѣба; Байрона подстрекало гоненіе и вражда съ родиной, Тасса—любовь, Петрарка—также; иначе быть не можетъ, и покровительство въ состояніи оперять, но думаю, что оно скорѣй можетъ дѣйствовать отрицательно. Сила душевная слабѣетъ при дворахъ и геній чахнетъ; все дѣло добрыхъ правительствъ состоитъ въ томъ, чтобы не стѣснять генія. Пусть онъ производитъ свободно все, что внушаетъ ему вдохновеніе. Тогда не надобно ни пенсій, ни орденствъ, ни ключей камергерскихъ; тогда онъ не будетъ безъ денегъ, слѣдовательно,—безъ пропитанія; онъ тогда будетъ обезпеченъ. Геній же немного и требуетъ въ жизни. Тогда потерпятъ, быть можетъ, только одни самозванцы-геніи. Прощай, геній. Твой Рыльевъ.

Еще обнимаю тебя за твои примѣчанія. Войнаровскаго выпилю съ слѣдующей почтою.

*) Цензоръ.

Ты сдѣлался аристократомъ; это меня разсмѣшило. Тебѣ ли чваниться пятисотлѣтнимъ дворянствомъ? И тутъ вижу маленькое подражаніе Байрону. Будь, ради Бога, Пушкинымъ. Ты самъ по себѣ молодецъ.

43. А. С. Пушкину.

Ноября 1825.

Извини, милый Пушкинъ, что долго не отвѣчалъ тебѣ; разныя непріятныя обстоятельства, то свои, то чужія, были тому причиною. Ты мастерски оправдывалъ свое чванство шестисотлѣтнимъ дворянствомъ, но несправедливо. Справедливость должна быть основаніемъ и дѣйствіемъ и самыхъ желаній нашихъ. Преимущество гражданскихъ не должно существовать, да они для поэта Пушкина ни къ чему и не служатъ ни въ залѣ невѣжды, ни въ залѣ знатнаго подлеца, не умѣющаго цѣнить твоего таланта. Глупая фраза журналиста Булгарина также не оправдываетъ тебя, точно такъ, какъ она не въ состояніи уронить достоинства литератора и поставить его на одну доску съ камердинеромъ знатнаго барина. Чванство дворянствомъ непростительно, особенно тебѣ. На тебя устремлены глаза Россіи; тебя любятъ, тебѣ вѣрятъ, тебѣ подражаютъ. Будь поэтъ и гражданинъ. Мы опять собираемся съ Полярною. Она будетъ послѣдняя; такъ по крайней мѣрѣ мы рѣшились. Желасмъ распротиться съ публикою хорошо, и потому просимъ тебя подарить насъ чѣмъ нибудь подобнымъ твоему послѣднему намъ подарку. Тутъ объ тебѣ Богъ вѣсть какіе слухи: успокой друзей твоихъ хотя нѣсколькими строчками. Прощай, будь здоровъ и благоденствуй. Твой Рылѣвъ.

На дняхъ будетъ напечатана въ Сынѣ Отечества моя статья о поэзіи; *) желаю узнать объ ней твои мысли.

44—61.

ПЕРЕПИСКА СЪ ЖЕНОЮ ИЗЪ КРѢПОСТИ.

1.

19 декабря, 1825.

Увѣдомляю тебя, другъ мой, что я здоровъ. Ради Бога, будь покойна. Государь милостивъ. Положись на Бога—и молись. Настипку благословляю. Увѣдомь меня о своемъ и ея здоровьѣ. Твой другъ К. Рылѣвъ**).

*) См. выше, стр. 122—125.

***) Жена К. О. Рылѣва 19 декабря подала прошеніе на Высочайшее имя, объ объявленіи ей, гдѣ находится ея мужъ, и о разрѣшеніи допускать ее къ нему. Между тѣмъ Государь еще наканунѣ разрѣшилъ Рылѣву переписываться съ женою. Официально-же объявлено ей 23 декабря, что на прошеніе ея соизволенія не послѣдовало.—Всѣ письма Рылѣва адресованы: «Натальѣ Михайловнѣ Рылѣвой. У Синяго моста, въ домѣ Россійско-Американской Компаніи»; а ея письма: «Кондратію Фодоровичу Рылѣву» и на каждомъ другой рукою выставленъ № 17, т.-е. № камезата, въ которомъ онъ былъ заключенъ въ Алексѣевскомъ рavelинѣ.

Декабря 21, 1825.

Отвѣтъ. Другъ мой, не знаю какими чувствами, словами изъяснить непостижимое милосердіе нашего Монарха. Третьяго дня обрадовалъ меня Богъ: Императоръ прислалъ твою записку и вслѣдъ затѣмъ 2000 р. и позволеніе посылать тебѣ бѣлье. Теперь умоляю тебя, молись небесному Творцу: все существо наше въ его власти. Поставь меня, другъ мой, какъ благодарить отца нашего отечества. Я не такъ здорова; Настинька подлѣ меня про тебя спрашиваетъ, и мы всю надежду нашу возлагаемъ на Бога и на Императора. Остаюсь любящая тебя Наталья Рылѣва. Пиши мнѣ, ради Бога. При семъ посылаю тебѣ двѣ рубашки, двое чулокъ, два платка, полотенце.

2.

23 декабря, 1825.

Милосердіе Государя и поступокъ Его съ тобою потрясли душу мою. Ты просишь, чтобы я поставилъ тебя, какъ благодарить Его. Молись, мой другъ, да будетъ опъ имѣть въ своихъ приближенныхъ друзей нашего любезнаго отечества и да осчастливитъ Онъ Россію своимъ царствованіемъ. Ты пишешь, что ты не такъ здорова. Ради Бога, береги себя. Положись на Всевышняго и на милосердіе Государя и укрѣпи себя. Настипьку поцѣлуй и благослови за меня. Сегодня день ея именинъ: поздравь ее. За бѣлье благодарю тебя; чрезъ подѣлю пришли опять. Я, благодаря Бога, здоровъ. Безпокоюсь о тебѣ. Ради самого Создателя, береги себя. Увѣдомляй меня о себѣ и о Настинькѣ; также о родныхъ нашихъ. Успокой матушку свою и сестрицу и засвидѣтельствуй имъ мое почтеніе. Вѣрѣ Сергѣевнѣ мое душевное почтеніе. Попроси ее, чтобы она тебя навѣщала чаще. Въ твоемъ горѣ ея совѣты могутъ быть для тебя полезны; тебя же, мой другъ, прошу простить меня; чувствую, какъ ужасно и огорчилъ тебя. Съ бѣльемъ не забудь прислать фуфайку.

Декабря 26-го, 1825.

Отвѣтъ. Ахъ, другъ мой, благодарю тебя за утѣшительное письмо твое: я его получила въ самый день праздника Рождества Христова. Оно облегчило нѣсколько мое сердце. Настинька, слава Богу, здорова и я съ нею. Молю Всемогущаго, да утѣшитъ меня извѣстіемъ, что ты невиненъ. Заклинаю тебя не унывай, въ надеждѣ на благодать Господню и на состраданіе ангелоподобнаго Государя Императора. Незъясними милости, вновь оказанныя. Добродѣтельнѣйшая Императрица Александра Ѳедоровна прислала мнѣ 22 числа, т.-е. въ именины Настиньки, тысячу рублей. Чѣмъ я могу, несчастная сирота, возблагодарить милосердѣйшую Монархиню? Богъ видитъ слезы благодарности: онѣ проводятъ меня до могилы. Но до ~~тѣхъ~~ поръ, да сохранишь Спаситель твое здоровье. На Бога и на милосердіе Государя нашего надѣюсь. Отъ маменьки *) и сестрицы я получила письма: онѣ, слава Богу, здоровы, но къ нимъ еще не могу рѣшиться писать. Въ моемъ несчастіи Прасковья Васильевна **) меня не оставляетъ. Вѣра Сергѣевна была у меня одинъ разъ и то на минуточку. Анна

*) Магрена Михайловна Тевяшева
**) Пчелова.

Федоровна тебѣ кланяется. Настинька тебя все дожидаетъ: она думаетъ, что ты въ Москвѣ. Пиши мнѣ, ради Бога... Фуфайку пришло съ бѣльемъ. *)

3.

Декабря 28 дня, 1825.

Ради Бога, не унывай, мой добрый другъ; безъ воли Всемогущаго ничего не дѣлается! Я здоровъ; береги свое здоровье: оно нужно для нашей малютки. Молись Богу за императорскій домъ. Я могъ заблуждаться, могу и впередъ, но быть неблагодарнымъ не могу. Милости, оказанныя намъ Государемъ и Императрицею глубоко врѣзались въ сердце мое. Чтѣ бы со мной ни было, буду жить и умру для нихъ. Быть можетъ, скоро позволятъ мнѣ увидѣться съ тобою; тогда привези и Настиньку. Впрочемъ, если она думаетъ, что я въ Москвѣ, то не лучше ли будетъ оставить ее въ сихъ мысляхъ. Сдѣлай, какъ найдешь лучше. Благодарю за меня почтеннѣйшую Прасковью Васильевну за то, что она тебя не оставляетъ. Истинные друзья узнаются въ несчастіи. Скажи ей, что моя благодарность къ ней вѣчна. Богъ видитъ сердце мое. Здорова ли Катерина Ивановна**) и ея семейство? Засвидѣтельствуй ей мое почтеніе. Сестрицу благодари и кланяйся. Настиньку обими; тебѣ должно беречь себя. Отъ твоего спокойствія зависитъ мое. Положись на Всемогущаго: Онъ благъ, Государь милосердъ.

Декабря 30-го, 1825.

Отвѣтъ. Милый другъ мой, ты пишешь, безъ воли Всемогущаго ничего не дѣлается; я это знаю — и полагаюсь твердо на Него. Напоминаешь, чтобъ я молилась Богу за Императорскій домъ; я молюсь и буду молиться до гроба съ невинною малюткою: Богъ услышитъ ея моленія. Мое существованіе напоминаетъ мнѣ, что благодать Всемогущаго и милосердіе августѣйшаго дома подкрѣпляютъ бытіе мое. При всей несчастной участи, я еще могу ходить, говорить, видѣть и слышать, то кто благодѣтель сему, какъ не Всевышнее существо и милосердіе Монарха, отца нашего? Ты могъ заблуждаться и можешь впредъ, но быть неблагодарнымъ не можешь: эти слова твои, какъ истиннаго христіанина, чистое раскаяніе. Молись, мой другъ, Всевышнему — да укрѣпитъ тебя въ добромъ намбрѣніи; я знаю чистую душу твою, надѣюсь, что ты постарайшься загла-

*) На этомъ письмѣ рукою Рылѣва: Катеринѣ Ивановнѣ Малютиной 2000. Будакову 3500. Компани 3000. За деревню въ лембардѣ 8000 (каждый годъ съ 2 іюля по 700 или 800 р.). За серебро 2200. Разнымъ лицамъ 10'0. (Всего) 19.700. — На Пущинѣ около 1500 р. Онъ оставилъ съ томъ письмомъ отцу своему, сенатору. — У Петра Александровича Муханова надо будетъ спросить: кому онъ поручилъ домъ въ Кіевѣ; за нимъ по моему счету еще 2000 р.; 5 тыс. онъ переслалъ ко мнѣ въ разное время черезъ Пущина. За Орлицкимъ 200 р. За Миллеромъ 100 р. Въ Военной типографіи до 200 экз. Полярной Звѣзды на 1825 годъ. У Сленина 100 экз. Думъ. У Селивановскаго въ Москвѣ по 50 экз. Думъ и Войпаровскаго. — Въ бюро: крупности и 10 акцій Росс.-Амер. Компани. На Ф. П. Миллерѣ 100 р. Приписаны въ деревнѣ 1 чех. Прокофьева и 1 Неймана. — Мишка и Олимпіада должны быть вольные: они взымаютъ па то право и это желаніе покойной матушки.

О кіевскомъ домѣ надо писать къ надв. сов. Ивану Семену Зубковскому или стат. сов. Матвію Вас. Могиланскому. Документы на домъ сей и планъ потерянъ Ф. П. Миллеромъ. Въ Кіевѣ онъ въ Главномъ Судѣ есть нексель За каретникомъ Книппе; домъ и нексель сей, на который въ десять лѣтъросло еще 1000 р., и дарю Аннѣ Федоровнѣ**). Жалѣю, что больше не могу. Я самъ получилъ изъ Кіева вмѣсто 10000 только 5000 р. по милости Муханова. Домъ можетъ она сейчасъ продать, а о деньгахъ надо похлопотать и просить в. Александра Сергѣевича Голицына, чтобы онъ далъ отъ себя свидѣтельство, что онъ отъ иска на покойномъ батюшкѣ отказывается: подобныя свидѣтельства отъ 6-ти братьевъ ужъ получилъ. (**)

**) Т. е. с. стѣ.

***) Писано, вѣроятно, около 13 апрѣля 1826 г.

дить поступок свой и возвратить милость и любовь отца отечества нашего. Быть можеть, ты говоришь, мой другъ, будетъ позволено съ тобою видѣться. Я нѣсколько разъ читала; не вѣрю глазамъ, что ты пишешь; нѣтъ, это мечта; я, кажется, не доживу этой минуты. Ты знаешь душу мою, мои чувства: представь себѣ мое положеніе: одна въ мірѣ съ невинною сиротою! Тебя одного имѣли и все счастье полагали въ тебѣ. Николай Ивановичъ и Марья Ѳедоровна тебѣ кланяются; они меня навѣщаютъ. Катерина Ивановна съ семействомъ здорова. Прасковья Васильевна кланяется. Настинька кланяется и ручку цѣдуетъ. Прощай, другъ мой, будь здоровъ.

4.

Января, 4 дня, 1826.

Изъ письма твоего вижу, мой милый другъ, какъ ты страдаешь. Прошу тебя, ради Создателя, не изнуряй себя горестью. Вспомни, что у тебя дочь. Покорись волѣ Всемогущаго и уповай на благость его святую. Старайся устроить хозяйственныя дѣла наши; всѣ бумаги и документы лежать въ бюро. Счеты по опекунству надъ дѣтьми Катерины Ивановны тамъ же. Ихъ надо сохранить для отчета. Марья Ѳедоровна и Николаю Ивановичу мое душевное почтеніе и благодарность. Я прошу ихъ навѣщать тебя. Катеринѣ Ивановнѣ и всему семейству пожелай всякаго благополучія и здоровья. Почтеннѣйшей Парасковьи Васильевнѣ мое почтеніе. Увидѣться съ тобою надѣюсь скоро. Государь обѣщалъ. На счетъ мой будь покойна. Повторяю: отъ твоего спокойствія зависитъ мое. Обнимаю тебя и Настиньку, поцѣлуй ее за меня. Я здоровъ.

Ради Бога, увѣдомь меня откровенно о своемъ здоровьи; не обманывай меня; я не могу повѣрить, чтобы ты была здорова. О Настинькѣ также. Если Настинька захвораетъ, то, пожалуйста, возьми опять Зеланда, а если ты — Сальмона. Повторяю, что твоя обязанность беречь себя — и молиться Богу. Матушку свою старайся приготовить къ горестному извѣстію обо мнѣ. Прежде напиши, что я нездоровъ.

Января 7-го, 1826.

Отвѣтъ. Милый мой другъ, страданіе мое не прекратится до тѣхъ поръ, какъ я увижу тебя свободнымъ и достойнымъ вѣрнопопавшимъ отцу отечества нашего. Тогда страданія кончатся, тогда здоровье мое возвратится, тогда свободно буду дышать. Впрочемъ, чистосердечно скажу тебѣ, мой горестный другъ, я не лежу въ постели, но не знаю сама, что я. Между страхомъ и надеждою, жду рѣшительной минуты. Покоряюсь волѣ Всемогущаго, уповаю на благость его. Настинька здорова; она ѣздила вчера съ Прасковьей Васильевной къ Иордани и слушала, какъ пушки палили. Я ее предупреждаю, что скоро поѣдемъ въ Москву къ папенькѣ. Она рада, суетится, спрашиваетъ, скоро-ли, и молится усердно Богу. Я много обязана Авдотѣ Петровнѣ: она меня не оставляетъ; Настиньку очень ласкаютъ; она тамъ почти всякій вечеръ у дѣтей и тебѣ кланяются. Что ты не пишешь, не нужно-ли бѣлья? Ради Бога, мой другъ, пиши мнѣ о своемъ здоровьи. Настинька тебѣ ручку цѣдуетъ. Остаюсь любящая по гробъ мой тебя.

5.

14 Января, 1826.

Очень радъ, мой другъ, что ты подкрѣпляешь себя вѣрою. Ты всегда была добрая христіанка: Богъ тебя не оставитъ въ горѣ твоемъ. Жди рѣ-

шительной минуты съ надеждою на благость Всемогущаго и милосердіе Государя. Думаю, что минута сія недалека. Ты безпокоишься о моемъ здоровьѣ напрасно. Увѣряю тебя, что я совершенно здоровъ, хотя правда нѣсколько дней и былъ немного боленъ, но это было слѣдствіемъ прежней простуды. Я не нахожу словъ для изъясненія душевной моей благодарности почтеннѣйшей Прасковѣ Васильевнѣ: вижу, что она у тебя безпрестанно. Богъ воздастъ ей за то. Почтеннѣйшей Авдотѣ Петровнѣ мое почтеніе. Равно Ивану Васильевичу *). Чувствую, какъ онъ и прочіе гг. директоры въ правѣ негодовать на меня. Виповать. Богъ видитъ душу мою. Настиньку поцѣлуй и благослови. Скажи, чтобы она у Прасковьи Васильевны и у Авдотьи Петровны поцѣловала ручки за то, что не оставляютъ ее и маменьку. Бѣлья пришли мнѣ полную перемѣну, да сверхъ того два бѣлыхъ шейныхъ платка, да два колцака. Прощай, мой другъ.

16-го января, 1826.

Отвѣтъ. Будь покоенъ, мой другъ, что я истинная христіанка, вѣрю, что есть создавшій насъ Творецъ и пекущійся объ насъ. Но что я говорю — за кого воплотился, поруганъ, мучимъ, пролилъ кровь, чтобы обмыть нашу совѣсть, искупить погнѣвшихъ; претерпѣлъ смерть, чтобы даровать намъ жизнь, съ тѣмъ, чтобы мы были причастники славы Его; чистое раскаяніе грѣшника приѣмлетъ паче праведнаго, то въ чемъ могу я усомниться? Накажи, испытай, но не до конца прогнѣвайся на насъ. Милосердъ Творецъ! Неужели приѣмлющій образъ его на земли не подобенъ ему? Нѣтъ, скорѣ повѣрю, что будетъ вѣчная тьма на землѣ, нежели правосудіе Божіе и чадолюбиваго Отца отечества нашего не будетъ существовать. Мы не на словахъ, но на самомъ дѣлѣ видимъ милосердіе его къ намъ. Ты говоришь, что Богъ видитъ сердце твое: если оно чисто, то и дѣла также; Богъ милосердъ, Государь справедливъ. — Въ прежнихъ письмахъ твоихъ, другъ мой, ты утѣшалъ меня скорымъ свиданіемъ, но въ послѣднемъ ни слова. Что это значитъ? Вѣрно, ты очень боленъ или что скрываешь отъ меня; увѣдомь, ради Бога, меня. Отъ маменьки и сестрицы я получила письмо: онѣ тебѣ кланяются. Настинька ручку цѣлуетъ, собирается къ тебѣ ѣхать. Бѣлье посылаю все, что ты просилъ, нужное для тебя. Прощай, мой другъ, дай Богъ, чтобы ты былъ здоровъ.

6.

21 января, 1826.

Ты напрасно безпокопшься, мой милый другъ, о моемъ здоровьи. Я петинно здоровъ и не стану обманывать тебя. Я уже писалъ тебѣ, что я былъ нѣсколько боленъ прежде, но это было слѣдствіе прежней простуды; теперь же я совершенно оправился. Безпокоюсь только о тебѣ; боюсь, чтобы ты въ своемъ горѣ не впала въ какую нибудь болѣзнь; ты и безъ того такъ часто страдала грудью. Ради Бога, береги себя, другъ мой. Я это пишу къ тебѣ во всякомъ письмѣ и все боюсь, что ты просьбы моей не исполняешь. Пожалуйста, увѣдомь меня подробно о состояніи своего здоровья и кто тебя лѣчитъ. Также о Настинькѣ. Бѣлья больше мнѣ не нужно, а примили мнѣ, пожалуйста, всѣ 11 томовъ Карамзина Исторіи; но не тѣ, которые испорчены наводненіемъ, а лучшіе: они, кажется,

*) Прокофьевъ — одинъ изъ директоровъ Р. А. Компаніи.

стоять въ большомъ шкапу; да прикажи также прискаты въ книжныхъ лавкахъ книгу: О подражаніи Христу, перевода М. М. Сперанскаго.

Изъ того, что я не писалъ къ тебѣ въ послѣднемъ письмѣ о нашемъ свиданіи, которое мнѣ обѣщано, ты заключила, что я долженъ быть боленъ. Я и теперь больше ничего не могу тебѣ написать касательно сего, какъ только то, что я надѣюсь скоро увидѣться съ тобою; тогда ты увидишь, что я точно здоровъ; а до того пиши ко мнѣ и пришли книги. Всѣмъ роднымъ и знакомымъ, и особенно Прасковѣ Васильевѣ, мое почтеніе. Настиньку обнимаю.

Января 25-го 1826.

Отвѣтъ. Милый другъ мой, ради Бога, не безпокойся обо мнѣ: я здорова. Береги ты свое здоровье — оно дороже для Настиньки, нежели мое: ты ей можешь счастье составить, а я — ничего. Сдѣлай одолженіе, мой другъ, не унывай, положишься на Бога и милосердіе нашего Монарха. Ты спрашиваешь, мой другъ, кто меня лѣчитъ? Кто можетъ лѣчить отъ душевной скорби, кромѣ Бога! Твои письма — мое лѣкарство. Ежели-бъ не царское милосердіе надъ нами, то вѣрно-бы я уже не могла этого перенести. Съ каждымъ твоимъ письмомъ я получаю повья силы и надежду. И теперь я здорова, молюсь Богу съ Настинькою за императорскій домъ и надѣюсь на милосердіе. Настинька, слава Богу, здорова; она съ такимъ удовольствіемъ письма твои слушаетъ, когда я читаю, и спрашиваетъ: скоро-ли папенка пріѣдетъ? Наши всѣ здѣшніе родные и знакомые здоровы и кланяются тебѣ. Отъ маменьки и сестрицы не получаю писемъ. Настинька тебѣ ручку цѣлуетъ. Прощай, мой другъ, будь здоровъ.

7.

Февраля 5, 1826.

Послѣднее письмо твое меня много успокоило насчетъ твоего здоровья; ради Бога, не разстройвай его скорбью: мать нужиѣ дочери, нежели отецъ. Положись на Создателя: Опъ знаетъ, что дѣлаетъ. Благодарю тебя за твои письма, мой милый другъ. Можешь представить себѣ, какое удовольствіе доставляютъ они мнѣ. Пожалуйста, увѣдомляй меня подробнѣе о Настинькѣ. Благодарю тебя также за присланную книгу: она питаетъ меня теперь. Совѣтую тебѣ снова прочесть ее: въ часъ скорби она научаетъ внятнѣе, и высокія истины ея тогда доступнѣе. Роднымъ и знакомымъ нашимъ мое почтеніе скажи. Я, благодаря Бога, здоровъ. Настиньку поцѣлуй и благослови.

Я просилъ тебя прислать Карамзина Исторію; ты, вѣрно, позабыла. Пожалуйста, пришли.

9-го февраля, 1826.

Отвѣтъ. Мой милый другъ, какъ мучительно прелева я время! Такъ долго не получала отъ тебя отвѣта на послѣднее мое письмо. Ты можешь себѣ представить! Слава Богу, теперь успокоилась: все утѣшеніе мое въ нихъ, перечитываю ихъ нѣсколько разъ и будто съ тобою бесѣдную. Наконецъ, что жъ съ надеждою душа моя обращается къ Всевышнему: онъ видитъ сердце мое осиротѣвшее, неужели лишитъ того, въ комъ я полагаю все счастье и спокойствіе моей жизни. Пишешь, мой другъ, что мать нужиѣ дочери; правда, но

не въ такомъ положеніи. Настинька, слава Богу, здорова. Отъ маменьки я получила (письмо) и отъ сестрицы; онѣ тебѣ кланяются; наши всѣ знакомые кланяются. Пиши мнѣ, ради Бога, чаще. Прощай... Настинька ручку цѣлуетъ. Очень рада, мой другъ, что книга «Подражаніе Христу» приноситъ тебѣ удовольствіе. Исторію Карамзина я не посылаю, боюсь препятствія въ оной пересылкѣ.

8.

Февраля 15, 1826.

Ты пишешь мнѣ, мой милый другъ, что ты мучилась, долго не получая отъ меня отвѣта на послѣднее твое письмо. Вѣрю, другъ мой; но надобно имѣть болѣе твердости и надежды на Создателя. Если сердце твое съ надеждою обращается къ Нему, какъ пишешь ты, то не унывай и будь увѣрена, что Онъ ни тебя, ни малютки нашей не оставитъ и все устроить къ лучшему. Я совершенно предался Его святой волѣ и съ тѣхъ поръ совершенно успокоился, какъ въ разсужденіи тебя съ Настинькой, такъ и насчетъ участи, какую предназначаетъ мнѣ милосердіе Государя. Тебѣ то же надо сдѣлать. Я, благодаря Бога, здоровъ. Поцѣлуй Настиньку и скажи, чтобы она училась прилежнѣе. Роднымъ и знакомымъ засвидѣтельствуй мое почтеніе, особенно-же Прасковьѣ Васильевнѣ. Что бѣдная Прасковья Михайловна и дочери ея? Какъ переносятъ они горе свое?

20 февраля, 1826.

Отвѣтъ. Милый мой другъ, какая радость для меня: я совсѣмъ не полагала такъ скоро отъ тебя получить письмо. Слѣшу и къ тебѣ писать. Чувствую, какое удовольствіе можетъ приносить переписка въ такой горестной жизни. Сколько разъ перечитываю. Забудусь — какъ будто съ тобой говорю и слушаю твои наставленія. Истинно ничѣмъ невозможно перемѣнить участь нашу, кромѣ Бога и милосерднаго отца нашего, Государя. Да будетъ воля ихъ. Совершенно полагаюсь: отъ нихъ зависить жизнь и счастье, какъ твое, равно и мое, съ невинною нашею малюткою. Молю Всевышняго, да сохранить и продлить жизнь всему благословенному дому Императора нашего. Молю, да спасетъ тебя и подкрѣпитъ меня Его святая воля. Настинька и я здоровы. Пиши, мой другъ: твои письма для меня пища. Маменька и сестрица тебѣ кланяются. Прасковья Михайловна и дочери тоже въ горести. Прасковья Васильевна благодаритъ, что ты ее помнишь; она со мною неотлучно; я ей много благодарна. Родные и знакомые наши тебѣ кланяются. Прощай, мой другъ, будь здоровъ... Вѣра Сергѣевна тебѣ кланяется; она теперь нездорова. *)

*) На оборотѣ набросано, съ помарками, рукою Рылѣва: Полагая необходимо привести въ устройство дѣла свои и будучи не въ состояніи самъ заняться тѣмъ, прошу тебя принять въ полное свое распоряженіе, какъ имѣніе мое, состоящее С.-Петербургской губерніи, Софійскаго уѣзда, въ деревнѣ Батовѣ, такъ равно домъ, находящійся въ Кіевѣ, и десять акцій Россійско-Американской компаніи, мнѣ принадлежащія, съ правомъ все упомянутое имущество мое или по твоему усмотрѣнію какую либо часть изъ оного, въ случай надобности, продать для уплаты долговъ моихъ разнымъ лицамъ. Равноѣрно прошу тебя принять на себя ходатайство по произвождающему въ Кіевскомъ Главномъ Судѣ дѣлу покойнаго родителя моего, подполковника Федора Андреевича Рылѣва, съ княземъ Александромъ Сергѣевичемъ Голицынымъ, и по всемъ симъ дѣламъ, или по какимъ либо могущимъ встрѣтиться, подавать отъ имени моего прошенія и за меня подписываться, и что ты по онымъ ни сдѣлаешь, или тотъ, кого ты уполномочишь, а спорить и прекословить не буду. Въ чемъ я тебѣ вѣрю.

Марта 13 дня 1826.

Ты я думаю, мой другъ, чрезвычайно беспокоилась, такъ долго не получая отъ меня извѣстiя, но напрасно: я здоровъ и съ дня на день болѣе и болѣе успокоиваюсь, возлагая всю мою надежду на Создателя. Повѣрь, мой другъ, что самое несчастiе мое принесло мнѣ уже важныя пользы. Пробывъ три мѣсяца одинъ съ самимъ собою, я узналъ себя лучше; я разсмотрѣлъ всю жизнь свою—и ясно увидѣлъ, что я во многомъ заблуждался. *Раскаиваюсь и благодарю Всевышняго, что онъ открылъ мнѣ глаза.* *) Что бы со мной ни было, я столько не утрачу, сколько приобрѣлъ отъ моего злополучiя; **) жалѣю только, что я уже болѣе не могу быть полезнымъ моему отечеству и Государю, *столь милосердному.* Ради Бога, и ты имѣй, мой милый другъ, ***) болѣе твердости и надежды на благость Творца. Я знаю твою душу и совершенно увѣренъ, что Опъ ни тебя, ни малютки нашей не оставитъ безъ своего покровительства. Надѣйся и молись Богу не за одного меня, но за всѣхъ, кто пострадалъ вмѣстѣ со мною. ****) Скажи мое истинное почтенiе Ирасковѣ Васильевичѣ. Благодарю ее душевно, что она тебя въ твоемъ горѣ не оставляетъ. Да воздастъ ей за то Богъ. Дай Богъ, чтобы это письмо застало уже Вѣру Сергѣевну здоровою. Здорова ли Катерина Ивановна съ семействомъ, а также Николай Ивановичъ и Марья Фѣдоровна? Увѣдомь меня о себѣ и о Настинкѣ. Прощай, мой милый другъ, да ниспослетъ тебѣ Господь спокойствiе и твердость.

Марта 17-го, 1826.

Отвѣтъ. Мой милый другъ! Въ несчастiи ко всему привыкнешь. Долго не получала отъ тебя извѣстiя; теперь, слава Богу, успокоилась нѣсколько. Ты пишешь, что здоровъ и покоенъ; а я не могу имѣть такого духу. Женщина, убитая горестью, имѣю въ глазахъ несчастную сироту, которая многого требуетъ попеченiя и заботы; да и все, на что ни взгляну, такъ разстроено—не знаю, какъ и приступить. Надѣялась по письмамъ твоимъ, что скоро буду видѣться и совѣтуюсь съ тобою, мой другъ, но и по сию пору цѣтъ свиданiя. Что дѣлать! Будь воля Божiя и милосердiе добраго нашего Государя; повинуюсь ихъ волѣ. Ты пишешь, увѣдомить объ Настинкѣ—она, слава Богу, здорова и учится по русски читать; я также здорова; первую недѣлю говѣла и приобщалась Святыхъ Таинъ. Ты совѣтуешь мнѣ, мой милый другъ, молиться не за тебя одного, но и за всѣхъ, пострадавшихъ съ тобою. Есть долгъ каждаго христiанина молиться за всѣхъ: я это очень помню. Отъ маменьки и сестрицы часто получаю письма: онѣ, слава Богу, здоровы и тебѣ кланяются. Вѣрѣ Сергѣевичѣ есть теперь лучше; она поправляется въ своемъ здоровьи. Ка-

*) Это письмо доставлено г-жѣ Рылѣвой взаимнѣ написаннаго ей мужемъ отъ 11 марта, которое тогда было удержано, но послѣ смерти К. Ф. выдано вдовѣ вмѣстѣ съ ея письмами.

**) Того, что курсивомъ, не было въ письмѣ отъ 11 марта.

***) Въ письмѣ отъ 11-го было: «Благодарю за то каждый день Всевышняго и жалѣю объ одномъ только» и пр.,

****) Было: «Ради Бога, мой милый другъ.»

*****) Въ письмѣ отъ 11-го было далѣе: «многие изъ нихъ истинно достойны милосердiя царскаго и заслуживаютъ лучшей участи. Скажи» и пр.

терина Ивановна съ семействомъ, слава Богу, здоровы; Вѣлавины также; Прасковья Васильевна и всѣ наши знакомые кламяются. Настинька тебѣ ручку цѣлуетъ; все тебя дожидаетъ. Пиши мой другъ, ради Бога, мнѣ чаще. Прощай. Молю Всевышняго, да облегчитъ твои страданія и подкрѣпитъ твои силы.

10.

17—20 марта 1826.

Прости меня великодушно, мой милый другъ, я иногда Богъ знаетъ, что пишу къ тебѣ, чтобы только тебя успокоить: могу ли быть покоенъ, когда ты и несчастная наша малютка безпрестанно предъ моими глазами. Мой милый другъ, я жестоко виноватъ предъ тобой и ею: прости меня, ради Спасителя, которому я каждый день васъ поручаю; признаюсь тебѣ откровенно, только во время молитвы и бываю я покоенъ за васъ. Богъ правосуденъ и милосердъ: онъ васъ не оставитъ, наказывая меня. Тебѣ должно беречь себя: ты мать. Къ тому-жъ, повторяю, что писалъ къ тебѣ прежде; отъ твоего спокойствія зависитъ и мое. О свиданіи нашемъ опять не могу тебѣ болѣе ничего сказать, какъ только: надѣйся и моли Бога. Ежели же эту милость намъ окажутъ, то обдумай хорошенько, брать ли съ собой Настиньку. Лучше откажусь отъ сладкаго утѣшенія видѣть ее, если она отъ свиданія со мною разстроитъ свое здоровье: она такъ слаба. Матушкѣ твоей и сестрицѣ мое душевное почтеніе; также всѣмъ здѣшнимъ роднымъ и знакомымъ, и особенно Прасковьѣ Васильевнѣ. Прощай, мой другъ, да будетъ надъ тобой и мною и нашею малюткою Божіе благословеніе.

Тотъ образъ, которымъ благословила насъ матушка на смертномъ одрѣ, пришли, пожалуйста, ко мнѣ. Тѣ же пять живописныхъ образовъ, которые обѣщаны мною въ Подгоренскую церковь, вели привезти бережно изъ деревни и отошли къ матушкѣ своей. Въ такомъ случаѣ ихъ надо будетъ снять съ рамокъ и накатать на палку. Ты посовѣтуйся объ этомъ. Образа не пужно ли будетъ подновить,—спроси Ивана Васильевича.

Марта 20, 1826.

Отвѣтъ. Прости и меня, несчастный мой другъ, если я написала, что могло тебя огорчить. Неужели ты думаешь—я могу вѣрить, что ты покоенъ. Знаю твою душу, другъ мой, на что повторять: виноватъ предъ нами. Ради Бога, не пиши и не думай, чтобы я могла тебя винить: на все есть власть Божія. Ты никогда не желалъ зла не только намъ, но и постороннимъ; всегда дѣлалъ добро. Насчетъ свиданія молю Бога и нетерпѣливо ожидаю. Настиньку непременно возьму; она желаетъ тебя видѣть и спрашиваетъ, скоро ли поѣдемъ въ Москву къ папенькѣ. Образъ, мой другъ, посылаю и поручаю его милосердію, да подкрѣпитъ тебя въ страданіи. Не безпокойся объ насъ; положишься на благость Божію. Настинька цѣлуетъ твою ручку и молится усердно за насъ Богу. Прости, несчастный мой страдалецъ, да будетъ благость Божія съ тобою.

11.

Марта 27 дня 1826.

Ты знаешь, мой другъ, что для уплаты долговъ покойной матушки, я долженъ былъ заложить деревню. Я надѣялся, что при хорошемъ жалованьи, которое получалъ я, и при трудахъ уплата ежегоднаго взноса

въ Ломбардъ не будетъ намъ тягостна. Въ теперешнихъ же обстоятельствахъ боюсь, чтобы долгъ сей тебя не обременилъ. Къ тому же за деревней нуженъ личный присмотръ, а тебѣ и родство и собственное хозяйство не позволятъ остаться въ Петербургѣ, а потому и полагаю я необходимость (мою) деревню продать и, уплативъ долги, остальную сумму положить въ Банкъ, дабы процентами съ оной ты могла воспитать нашу малютку и помогать себѣ. Марья Федотовна Донаурова давно имѣетъ желаніе купить деревню нашу: она для нея и необходима, находясь въ срединѣ ея имѣній. Дядя Пелагеи Моисѣевны, Посниковъ, также хотѣлъ купить ее, и какъ мнѣ сказывали еще при матушкѣ предлагалъ за оную 50.000 р., по я полагаю, мой другъ, что деревни съ подобными удобствами и такъ близкой отъ столицы, за сію цѣну отдать нельзя (хоть въ ней и всего 48 душъ). Если же Донаурова или Посниковъ согласятся дать 60.000 р., то отдай. Когда жъ примутъ они на себя ломбардный долгъ, то придется получить 52.000 р. Дай имъ объ этомъ знать (и увѣдомь меня), а я, между тѣмъ, буду просить позволенія выдать тебѣ полную довѣренность. Ты мать и вѣрно лучше каждаго будешь заботиться о судьбѣ своей дочери. Между тѣмъ не забудь, что 2-го іюля должно будетъ внести въ Ломбардъ около 700 р. Объ этомъ отнесись въ Ломбардъ къ чиновнику Уткину: онъ всегда мнѣ услуживалъ. Въ деревнѣ прикажи овесъ и сѣно продать. Серебро, отобравъ которое найдешь нужнымъ, также можно будетъ продать. Долгъ мой Компаніи проси Ивана Васильевича и прочихъ гг. директоровъ простить мнѣ: когда не по заслугамъ, такъ хоть по теперешнимъ моимъ обстоятельствамъ; взысканіе онаго не такъ мнѣ, какъ семейству моему, будетъ тягостно. Михайлу Матвѣевичу Булдакову можно будетъ возвратитъ купленные мною у него акціи; но объ этомъ совѣтуйся съ Иваномъ Васильевичемъ; теперь дѣла на акціи возвысились: притомъ скоро и прибыли будутъ раздаваться. О другихъ дѣлахъ напишу въ слѣдующемъ письмѣ. До того да будетъ съ тобою и крошечкою нашего благословеніе Создателя и да подкрѣпятъ Онъ тебя. Прощай.

Я, благодаря Бога, здоровъ. Мой поклонъ всемъ.

12.

Апрѣля 13 дня, 1826.

Мнѣ позволили, мой другъ, выдать тебѣ довѣренность, и ты скоро ее получишь, если уже не получила; я тебя уполномочилъ во всемъ. Дай Богъ, чтобы ты все устроила благополучно. Аннѣ Федоровнѣ я отдаю домъ кіевскій и вексель на иностранца Кнппе, по которому теперь считается за нимъ 2000 р. Вексель сей находится въ Кіевскомъ Главномъ Судѣ по дѣлу съ княземъ Александромъ Сергѣевичемъ Голицынымъ, котораго надо будетъ Аннѣ Федоровнѣ просить, что (бъ) онъ выдалъ ей на мое имя актъ (на 3-хъ-руб. листѣ), что онъ отъ иску на покойнаго родителя моего отказывается за себя и за наслѣдниковъ своихъ. Онъ въ этомъ не откажетъ, нбо все другіе братья его подобные акты мнѣ выдали; его же

я самъ не успѣлъ просить. Чтобъ однажды навсегда копчить съ Анной Ѳедоровной, ты покажи ей это письмо и ей ли самой, или кому она доверитъ, выдай довѣренность какъ на ходатайство по дѣлу съ княземъ Голицынымъ, такъ и на продажу дома, если она разсудитъ его продать, и пусть она дѣлается сама, какъ хочетъ; тебѣ же не слѣдуетъ въ это мѣшаться. Крѣпость на домъ и планъ потерины Ѳ. П. Миллеромъ, но это не помѣшаетъ, ибо домъ написанъ на имя Орловскаго, который заявилъ объ этомъ въ судѣ. Я совѣтую Аннѣ Ѳедоровнѣ поговорить объ этомъ съ Александромъ Яковлевичемъ Перрепомъ; можетъ быть, онъ имѣетъ въ Кіевѣ знакомыхъ, которымъ можетъ поручить продажу дома. Также пусть она напишетъ въ Кіевъ къ ст. сов. Матвѣю Васильевичу Могилянскому и над. сов. Ивану Семеновичу Зубковскому и посоветуется съ ними. Болѣе я ничего не могу сдѣлать для нея: я самъ получилъ вмѣсто 10.000 только 5.000 р. по милости Муханова. О долгахъ моемъ Катериинѣ Ивановнѣ теперь я не могу ничего сказать, и потому пришли мнѣ записку мою изъ бумагъ по опекѣ, въ которой я отмѣчалъ, кому сколько мною заплачено было долговъ покойнаго Петра Ѳедоровича. Скажи Катериинѣ Ивановнѣ, чтобъ она не беспокоилась; что ей все будетъ отдано съ процентами. Портному Яухце отдай теперь же 571 р., а 295 тогда, когда узнаешь, что Каховскій не въ состояніи заплатить, ибо я поручился за него. При отдачѣ возьми росписку. Деревню поручи Якову и вели ему все принять отъ Кондратія, а то онъ надѣлаетъ пакостей безъ меня. Сѣно продай за то, что даютъ. Увѣдомь, былъ отвѣтъ отъ Донауровой и увѣдомила ли ты Поееникова о деревнѣ. Попроси Петра Истровича Миллера, чтобъ онъ сказалъ о продажѣ и своимъ сосѣдямъ. Я, благодаря Бога, здоровъ и на прошедшей недѣлѣ удостоился приобщиться Св. Таинъ. Это много меня успокоило. Прости меня и ты, какъ простилъ меня Создатель: я много виноватъ предъ семействомъ своимъ. Поцѣлуй Настиньку и засвидѣтельствуй мое истинное почтеніе Прасковьи Васильевнѣ; также роднымъ и знакомымъ. Да поможетъ тебѣ Создатель и да подкрѣпитъ тебя. О чловѣкѣхъ Ивана Васильевича посоветуйся съ нимъ. Также и о повѣренномъ.

15 Апрѣля, 1826.

Отвѣтъ. Поздравляю тебя, мой милый другъ, съ принятіемъ Святыхъ таинъ; благодарю Создателя и молю, да подкрѣпитъ твое здоровье и утвердитъ въ надеждѣ Его милосердіе. Ты пишешь о довѣренности. Я еще не получила. Насчетъ деревни ничего, мой другъ, сказать не могу. Донаурова, какъ я вижу, хочетъ за самую малую цѣну. Еще приходилъ помѣщикъ Диринъ, но и тотъ болѣе 40,000 р. не даетъ. Къ Поееникову я послала; отвѣта настоящаго еще не получила. Всегда въ несчастіи, мой другъ, хотятъ за ничто послѣднее взять. Я не знаю, не припечатать ли въ газетахъ лучше. Съ Ив. Вас. видѣлась и дала прочитать письмо твое. Онъ мнѣ сказалъ, написать тебѣ: гдѣ акціи, купленные тобою у Буддакова? Болѣе на письмо онъ мнѣ ничего не сказалъ. Человѣка Авдотья Петр. хочетъ перевести на имя сестры своей. Яухце не соглашается взять 571 р., а требуетъ всѣ. Записку насчетъ опеки посылаю. Пр. Вас. тебѣ кланяется и желаетъ здоровья; всѣ наши знакомые здоровы; слава Богу, здоровы и родные. Настинька тебѣ кланяется и ручку цѣлуетъ; Молю Бога, чтобы ты дождалъ праздника Воскресенія Христова въ добромъ здоровьи и благопо-

лучи. Прощай... Лучше я уже сегодня отдала 571 р. и росписку получила от него. Да еще, мой другъ, напиши мнѣ, пожалуйста, что мнѣ дѣлать съ «Думами»: такъ много экземпляровъ.

13.

Апрѣля 20 д., 1826.

Христось воскресъ!

Поздравляю тебя, мой милый другъ, съ наступившимъ праздникомъ. Молю Создателя, да ниспошлетъ онъ тебѣ твердость и силы къ перенесенію тѣхъ бѣдствій, которыя я причинилъ моему семейству. Я, благодаря Бога, здоровъ; что-то ты и наша малютка? Поздравь ее отъ меня съ праздникомъ и поцѣлуй. Также всѣхъ родныхъ и знакомыхъ. О деревнѣ припечатай въ газетахъ: попроси объ этомъ Крестьяна Ивановича. Да не забудь упомянуть, что кромѣ 700 десятинъ земли, показанныхъ на планѣ, при деревнѣ 200 десят. строевого лѣсу особнякомъ, на который плана не взято изъ Сената. Ты пишешь, что Диринъ даетъ 40.000 р., но не увѣдомляешь, всего ли даетъ столько, или сверхъ того беретъ на себя и уплату ломбарднаго долга. Я долго обдумывалъ и полагаю, что въ твоемъ положеніи деревню непременно надобно будетъ продать, хотя съ убыткомъ; и потому думаю, что въ крайности надобно будетъ рѣшиться отдать ее за 50.000 или съ переводомъ долга въ Ломбардъ за 42.000. Въ газетахъ цѣны не надо выставлять. Акціи мои лежать въ бюро въ верхнемъ ящикѣ съ лѣвой стороны; тамъ же крѣпость на деревню и другіе разные документы. Узнай, когда будутъ раздаваться прибыли на акціи и по сколько; тогда можно будетъ сообразить, чего онѣ стоятъ. Думы и Войнаровскаго отдай Ивану Васильевичу Сленину на комисію; у него еще прежнихъ 100 экземпляровъ Думъ.

Пущинъ (Иванъ Ивановичъ) остался мнѣ долженъ около полуторы тысячи рублей, о чемъ и отецъ его извѣщенъ. Имѣй это въ виду, но сама не посылай за долгомъ. Пришлютъ—хорошо; нѣтъ—что дѣлать! Къ тому жъ я давалъ Пущину, какъ другу, и не напоминалъ о томъ и прежде, а теперь напомнить грѣшно. Другіе долги небольшіе за генеральшей Палицыной и за Миллеромъ тебѣ извѣстны. При случаѣ напомнишь. Попроси Катерину Ивановну, чтобы она дала тебѣ записку, сколько и когда она и дѣти ея отъ меня получали, равно кому сколько заплатилъ я кредиторамъ ея. Матушку свою, сестрицу и братьевъ поздравь съ праздникомъ отъ меня. Прощай, мой другъ, да будетъ съ тобой Богъ.

Апрѣля 22-го, 1826.

Отвѣтъ. Воистину воскресъ! Равно и тебя, мой милый другъ, поздравляю съ наступившимъ праздникомъ и молю Создателя, чтобы ты былъ здоровъ и покоенъ. Я и Настинка, благодаря Всевышняго, здоровы и тебя заочно цѣлуемъ. О деревнѣ, мой другъ, скажу, что Диринъ всего-на-все даетъ 40.000 р.; а въ Ломбардъ должна я внести. Кромѣ же его никто не покупаетъ. Теперь постараюсь припечатать въ газетахъ. Что будетъ. Я сдѣлала вычисленіе по ревизскимъ сказкамъ и дворовой описи: съ исключеніемъ умершихъ, на лицо всѣхъ съ новорожденными 42 души муж. пола. Объ акціи, какъ скоро узнаю,

то подробно увѣдомлю тебя, мой другъ. Счетъ Кат. Ив. тебѣ посылаетъ. Родные и знакомые наши всѣ тебѣ кланяются. Кат. Ив. мнѣ говорила, что это тѣ деньги, что она тебѣ дала 500 р. на похороны матушки: такъ изъ тѣхъ денегъ она все получала по мелочи. Прости, мой другъ, поручаю Создателя и моллю, да подкрѣпить тебя въ перенесеніи несчастія твоего... Еще, мой другъ, я сегодня получила довѣренность на деревню *).

14.

Мая 6 дня, 1826.

Въ бумагахъ опекунскихъ находится, мой другъ, нѣсколько счетовъ, по которымъ я платилъ долги покойнаго Петра Ѳедоровича. Потрудишься, пожалуйста, и сдѣлай изъ нихъ краткую выписку. Многого я не могу припомнить, и потому очень бы хотѣлъ увидѣться съ тобою. Увѣдомь меня, припечатала ли ты въ газетахъ о продажѣ деревни и есть ли кромѣ Дирина другіе покупщики, а также и объ акціяхъ, если узнала, когда будутъ выдавать на нихъ прибыли и по сколькоу. Не присылала ли также опять Донаурова. Съ Анной Ѳедоровной постарайся поскорѣй кончить, чтобы и меня и себя успокоить. Увѣдомь меня, знаетъ ли твоя матушка о нашемъ положеніи. Если знаетъ отчасти, то предупреди ее лучше заранѣе и напиши обо всемъ, что сдѣлалъ для насъ Государь, чтобъ она не отчаявалась. Какъ я предъ всѣми вами виноватъ! Здорова ли ты съ Настинькою? Я, благодаря Бога, здоровъ. Скажи мое почтеніе всѣмъ нашимъ роднымъ и знакомымъ, и особенно почтенивѣйшей Прасковѣ Васильевѣ.

Мая 8-го, 1826.

Отвѣтъ. О деревнѣ, мой другъ, я припечатала въ газетахъ. Покупщиковъ очень много, даже наскучили, а цѣну даютъ малую: никто больше 40.000 не даетъ; а Дирина для Донауровой торгуетъ: онъ ея племянникъ — я это узнала стороной. Насчетъ лѣсу говорятъ, что это мертвый капиталъ: рѣка не судоходная, а гужомъ доставлять нѣтъ выгодъ; то и цѣнять однѣ души и доходы. Я не знаю, что и дѣлать. Съ Ив. Вас. я говорила о прибыляхъ акцій. Онъ сказалъ, если и будутъ прибыли, то осенью, да и то не навѣрное; бываетъ и такъ, что не только прибыли, но и настоящую сумму теряютъ; то я хочу рѣшиться, и онъ совѣтуетъ ихъ отдать въ Компанію, тогда они заплатятъ долгъ твоей Булдакову и компанейскій долгъ они прощаютъ; боберъ также взялъ обратно. Гг. директоры очень добрые люди; я ими много обязана; они меня до сей поры квартирою не беспокоятъ; я все въ той же квартирѣ живу и такъ, какъ и при тебѣ, мой другъ. Анна Ѳедоровна по твоему письму недовольна и говорить, что она не привыкла хлопотать о такихъ вещахъ, которыя невѣрны; говоритъ, что я должна хлопотать, а не она, и написала мнѣ предезкое письмо. Я послѣ этого съ нею не видалась. Ради Бога, наставь меня, что дѣлать съ нею. На счетъ моихъ родныхъ будь покоенъ: они все знаютъ и полагаются на власть Божію и милосердіе Государя; молятъ Создателя о тебѣ, мой милый другъ. Сестрица моя больна лихорадкою близъ года, и я отъ нихъ уже давно не получаю писемъ и не знаю, что съ ними тамъ дѣлается. По счетамъ опеки мудрено сдѣлать выписку: тамъ все глухо — въ которомъ году и кѣмъ уплачено — не сказано. По запискамъ же К. И. и М. П. по сложности значительная сумма, но неизвѣстно, по всѣмъ ли дѣланы выдачи; также есть черновая просьба въ Надворный Судъ о запрещеніи имѣнія твоего и ея дома. При семъ, что могла, по-

* На оборотѣ рукою Рыльева написанъ списокъ повидимому уплатъ и долговъ, всего 25 счетовъ № 4649 р.

сылаю выписку. Пожалуйста, увѣдомь, много ли взято книгъ въ магазинѣ Смирдина и какія? Они требуютъ отъ меня. Прощай, мой милый другъ, Божіе милосердіе съ тобою. Пиши, пожалуйста, чаще.

Рукою дочери: «Миленькій папенька, цѣлую ручку».

Кондратій Ѳеодоровичъ, Настинька къ тебѣ сама пишетъ; у нея большая охота писать и рисовать: все занимается этимъ. Присемь препровождаю четыре счета *).

Мая 18-го, 1826.

Письмо Натальи Михайловны. Мой милый другъ, я на прошедшей недѣлѣ ѣздила въ деревню съ Пр. Вас. и пробыла тамъ сутки. Отслужила на гробѣ панихиду по маленькѣ. Священникъ опять прежній—Василій Агапѣвъ, а тотъ умеръ. Я его просила, чтобъ обѣдню 2-го іюня онъ служилъ и панихиду на гробѣ. Ѣно продано по 30 к., только не все еще перевезли. Староста все тотъ же: онъ теперь старается заладить прежній свой поступокъ. Я нашла все въ порядкѣ, и клянется, что онъ никогда болѣе пить не будетъ. Насчетъ продажи деревни, теперь торгуетъ колл. сов. Веселковъ, пріѣзжій изъ Пермь. Вчера былъ у меня, отобралъ нѣкоторыя подробности и просилъ позволенія туда ему съѣздить посмотрѣть. По возвращеніи оттуда, какой конецъ будетъ я тебя, мой другъ, увѣдомлю. Послѣднюю цѣну ему сказала 50,000 р. и крѣпость его. Ты пишешь, мой другъ, распоряжайся—мнѣ ничего не нужно. **) Какъ жестоко сказано! Неужели ты можешь думать, что я могу существовать, безъ тебя? Гдѣ бы судьба ни привела тебѣ быть, я всюду слѣдую съ тобой. Нѣтъ, одна смерть можетъ разорвать священную связь супружества. У насъ есть дочь; мы должны вмѣстѣ раздѣлить участь, постигшую насъ, и общимъ попеченіемъ стараться о будущей ея судьбѣ—вотъ все, чѣмъ могу себя утѣшать въ моемъ несчастіи; иначе я не переживу; ты знаешь мои чувствованія. Отъ маленьки и сестрицы получила письмо: слава Богу, здорова; сестрица все также больна и тебѣ кланяется. О прочихъ дѣлахъ въ будущемъ письмѣ увѣдомлю. Я и Настинька здоровы и молимъ Создателя о твоемъ здоровьи, да подкрѣпятъ твои силы. Поручаю въ его покровительство и милосердіе Государя. Прости, мой другъ, да будетъ благодать Божія съ тобою.

Рукою дочери: «Любезный папенька, цѣлую вашу ручку; пріѣзжайте поскорѣе, я по васъ соскучилась; поѣдмте къ бабинькѣ».

Въ бытность мою въ деревнѣ я была у Ю., купчихи. Она считаетъ за маленькой кромѣ 250 р. еще по счетамъ сына ея большое количество забора. Хотѣла доставить счетъ всей суммы. Для меня сомнительно, почему у маленьки нѣтъ въ запискѣ кромѣ 250 р. По счету Дюкло уплачено 599 р., остается 441 р. 50 к.; въ аптеку 6 апрѣля 1821 г. уплачено 50 р., 1823 г. декабря 18-го остальные 94 р. 55 к. отданы. Еще, мой другъ, какъ ты присовѣтуешь: я думаю лошадей продать; мнѣ некуда ѣздить; одинъ убытокъ. Я послала на конную—даютъ только 300 р., также нѣкоторые знакомые смотрѣли и говорятъ, что у вороной переднія ноги попорчены; а другая—въ лѣтахъ. Не знаю, какъ рѣшиться; въ этомъ ты болѣе знаешь; пожалуйста, увѣдомь.

15.

Мая 24 дня, 1826.

Хорошо сдѣлала, мой милый другъ, что побывала въ деревнѣ. По Кондратія напрасно оставила старосгой. Теперь особенно надо за нимъ присматривать. Ю—ѣ кромѣ 250 р. мы ничего не должны. Въ против-

*) На оборотѣ рукою Рыльева написано; «расходъ въ 1824». Всего 40 счетовъ на 7111 р., за тѣмъ ост. 2720 и итогъ 9890.

**) Этого письма не сохранилось.

помъ случаѣ матушка не забыла бы записать, да и сама она вдругъ бы по смерти матушки о томъ меня увѣдомляла. Это должны быть плутни сына ея и Кондратія, какъ это уже и было разъ. Съ нетерпѣніемъ жду увѣдомленія о деревнѣ и чѣмъ кончила ты съ Веселковымъ. Авось-либо хотя въ пемъ пошлетъ Богъ покупщика совѣтнаго. Посылала ли ты къ П. П. Миллеру? Онъ можетъ найти покупателей. Попроси его. Лошадѣй продай. Я прежде полагалъ, чтобы отправить на нихъ нѣкоторыя вещи въ Подгорную при отъѣздѣ твоемъ туда, но это можно будетъ сдѣлать и на пасмныхъ. Не сердись на меня за то, что я сказала: мнѣ ничего не нужно. Я пишу тебѣ то, что мнѣ внушаютъ чувства, и ты никогда не думай, чтобы я согласился и допустилъ тебя раздѣлять со мною участь мою. Ты не должна забывать, что ты мать. Впрочемъ, мой другъ, надѣйся на благость Божию и милосердіе Государя. Какъ ни велико преступленіе мое, но по сію пору обращаюся со мною не какъ съ преступникомъ, а какъ съ несчастнымъ, и потому не предавайся отчаянію. У Бога все возможно и все, что ни творять Онъ, все творить къ лучшему. Молись ему вмѣстѣ съ малюткою нашею и, чтобъ бы ни постигло меня, прими все съ твердостію и покорностію Его святой воли.

Настянку цѣлую и молю Бога, да устроитъ Онъ ся судьбу и здѣсь и тамъ. Засвидѣтельствуй мое почтеніе Прасковѣ Васильевнѣ. Благодарю се душевно, что не покидаетъ тебя и была съ тобою въ деревнѣ. Воображаю, какъ она плакала надъ гробомъ друга своего.

Мнѣ бы желалось, мой другъ, чтобы ты, устроившись, положила въ Банкъ рублей сто и билетъ отдала въ Рождественскую церковь съ тѣмъ, чтобы за проценты на него тамошній священникъ каждагодно отслуживалъ 2-го іюня панихиду на гробъ матушки, когда и насъ не будетъ. Здорова ли Катерина Ивановна и ся семейство, а также Пр. Мих. съ дочерьми. Давно ли ты была у нихъ? Ведемъ и роднымъ и знакомымъ мое почтеніе. Да будетъ надъ тобою благословеніе Божіе.

Отъ Смирдина потребуй записку, какія книги считаетъ онъ на мнѣ, и скажи ему, что эту записку ты пошлешь ко мнѣ.

Мая 26-го, 1826.

Отвѣтъ. Мой милый другъ! Веселковъ еще не былъ въ деревнѣ, его что-то удержало, а поѣдетъ въ пятницу и тогда чѣмъ Богъ рѣшитъ. Донаурова еще присылала съ тѣмъ, что она даетъ 40.000, крѣпость и всѣ расходы беретъ на себя. Я не знаю, мнѣ говорятъ, что крѣпость и прочіе расходы будутъ стоить 2.500. Правда ли это? Но я рѣшительно сказала, менѣе 50.000 не отдаю, и если Ломбардъ возьметъ на себя, то 42.000. Не знаю, что будетъ. Теперь только двое покупателей — Веселковъ и она, а болѣе никто не торгуетъ. Мой другъ, я заказала для Сашеньки поминки и кругомъ рѣшотку. Стишки твои нашла, которые ты ему написалъ, будутъ подписаны ему. На этой недѣлѣ будетъ кончить. Къ Петрову я послала за книгами. Онъ прислалъ по хозяйственной части, и болѣе никакихъ, говорить, у него нѣтъ. Онъ уѣхалъ въ Кіевскую губернію въ партикулярную должность. Къ Смирдину я отослала книги, на которыхъ есть нумера его лавки; о прочихъ просила дать записку, но онъ сказалъ, чтобъ я не беспокоилась, только нѣтъ ли Исторіи Рейналя 6-ти частей которыхъ я не нашла въ твоихъ книгахъ. Не помнишь ли ты, кто взялъ ихъ

у тебя? По совѣту твоему я писала къ Аннѣ Федоровнѣ. Она мнѣ отвѣчала тѣмъ, что сама будетъ въ воскресенье — и была. Сначала много горячилась, и чтобы рѣшить, я прочтала ей твое слова въ письмѣ, то она утихла и сказала, что согласна взять довѣренность, которую я постараюсь къ ней доставить скоро. Маменька и сестрица кланяются тебѣ, мой другъ; также всѣ родные и знакомые здоровы. Настинька ручку цѣлуетъ и благодаритъ, что не забылъ ея рожденія. Прости, будь благодѣтель Божій надъ тобою. Настинька цѣлуетъ ручку и молитъ Бога, да ниспошлетъ тебѣ силы и терпѣніе. *)

16.

Мая 27, 1826.

Я писалъ къ тебѣ, что въ крайности можно деревню уступить и за 45.000; разумѣется, въ такомъ случаѣ расходы покупщика. Впрочемъ, мой другъ, дѣлай, какъ найдешь лучшимъ, или какъ заставятъ обстоятельства. Дѣлать нечего. Одного мѣся должно винить во всемъ. Надо однакожь подождать рѣшительнаго отвѣта отъ Веселкова. Очень радъ и благодарю Бога, что Анна Федоровна одумалась и что ты скоро кончишь съ нею. Книги къ Смирдину, на которыхъ были нумера его лавки, ты напрасно отослала. Многія у него куплены съ нумерами. Увѣдомъ меня, сколько книгъ и на какую сумму ты отослала ему. Боюсь, чтобы ты не отослала лучшія книги, которыя могли бы пригодиться и Настинькѣ современемъ. Книгъ Смирдина, кромѣ бывшихъ у Петрова, у меня немного было

Сколько расходовъ будетъ при совершеніи купчей не знаю, но также полагаю, что не менѣе 2,500 р. Въ такомъ случаѣ, и если Донаурова, кромѣ расходовъ возьметъ на себя и ломбардный долгъ, то можно будетъ отдать деревню за 36.000 р. Но это только мнѣніе мое. Ты себя не связывай имъ, а дѣлай, какъ почтешь полезнѣйшимъ. Не забудь, что по 2 іюля надо внести въ Ломбардъ около 700 р. Пошли объ этомъ спрашивать въ Ломбардъ къ чиновнику Уткину. Онъ не доставлялъ еще и квитанціи за прошлагодній взносъ. Что ты не увѣдомишь меня: довольна ли Катерина Ивановна моимъ распоряженіемъ. За крестьянами 400 р. Сколько кому и когда дано, ты найдешь въ записной книгѣ. Половину долга прости имъ, а другую половину пусть Кондратій соберетъ съ нихъ и отдай ихъ ему же въ награду. Ему же отдай и всѣ вещи въ деревнѣ, которыя оставишь. Всѣмъ роднымъ и знакомымъ скажи мое почтеніе. Я, благодаря

*) На оборотѣ рукою Рылѣева. О милая душой подруга! О милый другъ, твой духъ скорбнѣ и мнѣ скорбнѣе стало. Я.... *) но намель духѣ отраду. Мы душой стремимся другъ къ другу, но оболочка раздѣляетъ. Мы стремимся къ правственому, духовному міру, оболочка увлекла насъ за собою. Кто же духъ отъ тѣла разрѣшитъ? Христосъ. Въ немъ единомъ весь духовный міръ, единый, истинный и вѣчный. Но гдѣ же Онъ? Въ груди твоей. Нетлѣнной плотию своей онъ пріобщилъ тебя духовной, безъредельной сущности своей — міру духовному; нетлѣннѣю кровію своей онъ пріобщилъ тебя вѣчной любви, т. е. жизни Творца. Въ ней единой истина, спокойствіе и благо. Она все прощаетъ, примиряетъ и въ лучшему концу приводитъ, всему учитъ и все исправляетъ. Въ Христѣ она авлзася міру; въ Немъ единомъ ты найдешь ее. Полюби ее, о мой милый другъ, въ глубокомъ уединеніи сердца, и она неизлечимо тебя утѣшитъ. Ты любовью соединился съ миромъ физическимъ, временнымъ; Христомъ ты долженъ соединиться съ міромъ духовнымъ, вѣчнымъ, и содѣлавъ въ себѣ два міра, всей душою подчинить себя любовію вѣчности. Вотъ, милый другъ, предначаченіе наше. Мы должны любовію подчинить Христу физическій міръ и въ Немъ, какъ въ духовномъ мірѣ, подчинить себя вѣчной любви: Богу ради Бога, по любви Христа.

*) Не разобрано.

Бога, здоровъ, и молю Его, да испошлетъ Онъ на тебя и Настиньку свое благословеніе. Матушку и сестрицу душевно благодарю. Давно ли писалъ къ тебѣ Алексѣй Михайловичъ, и каково его здоровье. Прасковья Михайловна здорова ли съ семействомъ? Благодарю тебя, мой другъ, за памятникъ Сашинькѣ.

Юня 4-го, 1826.

Отвѣтъ. Я думаю—ты, мой другъ, соскучился, что я долго тебѣ не отвѣчаю. Я сама измучилась — всѣ друзья въ благополучіи, а въ несчастіи нѣтъ ни одного. Ужасное положеніе женщины — имѣть дѣла съ тѣми, кто радуется ея погибели, готовы все отнять. Нѣсколько времени я молчала, не хотѣла тебя огорчить. Одна нѣсколько смягчилась, другая возсталла. Ты знаешь эту женщину, какова она! Продажа деревни и довѣренность — ихъ совѣтъ совѣтъ обнаружилъ. Мой другъ, болѣе не скажу, какъ: Богъ все видитъ, на него уповаю. Мнѣ также ничего не надо. Въ теченіе всего времени я на многихъ надѣялась; думала, что мнѣ помогутъ и устроятъ всѣ мои запутанныя дѣла и подадутъ дружескій совѣтъ; но вижу, что пустая надежда; только на словахъ. Принужденно нашлась взятъ стряпчаго Соколова, переписавъ счетъ твой, какъ ты писалъ, а твоей руки оставила у себя. Переписанныя онѣ подписали и отдали мнѣ. Потомъ я написала просьбу о снятіи запрещенія съ имѣнія нашего, пошла къ ней и просила, чтобъ она подписала бумагу и подать куда слѣдуетъ. Она никакъ не соглашается; говоритъ, что я не могу подписаться прежде, пока не разсмотрю дѣла, и когда найду справедливымъ, тогда подпишусь. Она мнѣ говорила, что по опекѣ большое упущеніе, что ты ни о чемъ не старался. Если жъ она не возьметъ на себя отвѣтственность, то мнѣ сказали знающіе законъ люди, что я не могу продать и здѣсь не совершать крѣпостъ, а надо въ Москвѣ или въ какой либо губерніи, то поспѣши, мой другъ, меня увѣдомить обо всемъ, о чемъ я тебѣ пишу. Веселковъ по сіе время не бывалъ и не знаю, что значить; однакожъ, какъ скоро будетъ, то увѣдомлю. Къ Уткину я посылала: за прошедшій годъ квитанцію мнѣ доставилъ; за нынѣшній годъ надо внести іюля 3-го проценты 672 р. Книгъ осталось дома изъ присланныхъ Петровымъ: «Кругъ хозяйственныхъ свѣдѣній» 3 книги, «Экономическій журналъ» Кукольника — 3, «Хозяйственныя записки» — 3, «Основаніе сельскаго домоводства» — 1, «Журналъ практическаго правовѣднія и стряпчества» — 1, «Хозяйственныя записки» — 3. Отослано Смирдину 10, по хозяйственной части же, его книги. Еще, мой другъ, дай мнѣ наставленіе, что дѣлать съ сиротами Олимпіадою и братомъ ея Мишкой? Ты знаешь, что покойная маменька обвинялась ихъ на волю, то какъ я приступлю къ этому дѣлу: они не имѣютъ вида. Лошадей продала за 350 р. и очень рада: онѣ совѣтъ испорчены, чуть насъ не убили, коляску попортили; я отдала въ починку. Миллеръ Ѳедоръ Петр. опредѣлился по таможенной части и очень выгодная должность: уѣхалъ уже давно отсюда и сюда, говорятъ, придетъ мѣсяцевъ черезъ 5. Я напомнила отцу его о долгѣ; онъ обѣщался со мною видѣться скоро и между тѣмъ 3 недѣли его нѣтъ, а на-дняхъ проходилъ мимо окошка — и ни слова, будто не знаетъ меня. Отъ маменьки и сестрицы я получаю письма. Сестрица мнѣ писала, что и братья всѣ здоровы, но я ни отъ одного не получила ни строчки и не знаю, здоровы ли братья Алексѣй М., или нѣтъ. Маменька и сестрица тебѣ кланяются; Пр. Мих. и дочери ея, слава Богу, здоровы—я недавно съ ними видѣлась: всѣ наши знакомые и родные, слава Богу, здоровы. Настинька кланяется и ручку цѣлуетъ. Пр. Вас. одна, которая во все время меня не покидаетъ, раздѣляетъ вмѣстѣ со мною мою горестъ; рѣдкая женщина! Прощай, мой другъ, будь здоровъ. Божіе и царское милосердіе надъ тобою. Ради Бога, пиши мнѣ, мой другъ.

Іюля 21 дня, 1826.

Послѣ свиданія нашего я не могъ къ тебѣ писать скоро; я былъ сильно разстроены и свиданіемъ и милосердіемъ великодушнаго Государя; но теперъ, успокоившись, спѣшу отвѣчать на послѣднее письмо твое.

Я предугадывалъ, что съ нею не обойдется безъ непріятностей и что наше несчастіе подастъ ей случай свою ненависть къ намъ обнаружить явно. Но ты, мой милый другъ, ради Бога, этимъ не тревожься. Богъ видитъ все и не дастъ тебя въ обиду. Скажи своему повѣренному, что два билета, принадлежащіе дѣтямъ покойнаго Петра Ѳеодоровича находились въ Надворномъ Судѣ въ обезпеченіе иска Дескина на покойномъ, и какъ дѣло сіе завязалось надолго, то упомянутые билеты по желанію Катерины Ивановны выданы, одинъ ей, а другой мнѣ, съ наложеніемъ запрещенія па ся и мое имѣніе. Деньги по моему билету употреблены на уплату долговъ покойника, признанныхъ и ею и мною за справедливые; при чемъ кредиторы по моему настоянію и стараніямъ сдѣлали важныя уступки. Остальная сумма, въ 4 тысячахъ состоящая, включая въ то число и проценты, должна быть представлена обратно въ Надворный Судъ при совершеніи купчей. Счеты долговые и мою записку о расходѣ денегъ ты уже имѣешь у себя. Другой билетъ находится у Катерины Ивановны; проценты съ суммы сей, какъ и съ той, которая находится въ вѣдомствѣ опеки, она употребляла на домашній расходъ. Оброкъ съ людей получала сама, а слѣдовательно сама и должна подать во всемъ этомъ отчетъ. Еслибы даже она истратила и все 6000 р. съ процентами по билету ей отданному, то и то не бѣда. За это отвѣчаетъ домъ ея. А потому и не думаю, дабы что либо могло препятствовать совершенію купчей. Да еслибы и случились какія препятствія, то ты можешь отвратить ихъ, сдѣлавъ при совершеніи купчей денежное обезпеченіе, какое опека или Надв. Судъ признаетъ нужнымъ, и потомъ вестъ дѣло съ нею судебнымъ порядкомъ.

Дней черезъ десять пошли къ Донауровой сказать рѣшительно, что ты деревню уступаешь за 36.000, съ тѣмъ, чтобы она взяла на себя ломбардный долгъ и расходы при совершеніи купчей. Не забудь, что 3 Іюля надо внести проценты за деревню. Олимпіадѣ и Мишкѣ дай отпускныя и по 50 р. и скажи крестной ихъ матери, чтобы прискала имъ мѣсто въ ученье.

Пощлуй Настиньку. Какъ она у тебя худа. Ради Бога, береги ее. Прошу тебя, постарайся кончить дѣла свои чрезъ мѣсяць и уѣзжай къ матушкѣ. Это необходимо и для тебя, и для малютки.

О какихъ 10 тысячахъ говорила ты мнѣ по счетамъ Катерины Ивановны?

Почтеннѣйшую Прасковью Васильевну душевно, сердечно благодарю за ся къ тебѣ дружбу. Ѳ. В. *) мой дружескій поклонъ. Здоровъ ли почтен-

*) Булгарину.

ный дядя его и что его процессъ? Каково здоровье Вѣры Сергѣевны? Прощай, мой другъ, и уповай на Бога и милосердіе Государя.

(25 іюня, 1826).

Отвѣтъ. Мой милый другъ, могу вѣрить тебѣ, что ты разстроился. Я по сію пору не вѣрю, что я тебя видѣла. Точно сонъ или мечта — такъ краткое время! Я не нашлась ничего поговорить съ тобою; теперь не имѣю мысли писать къ тебѣ. Вся душа моя наполнена однимъ: сегодня день торжества, день рожденія того, отъ кого зависитъ все счастье Россіи. О всещедрый Отецъ и сердцевидецъ, ниспосли на него вся благая, онъ подобенъ тебѣ въ милосердіи! Сегодня многіе будутъ благословлять имя сего милосердаго отца и прольютъ сердечныя слезы благодарности предъ престоломъ Всевышняго. Какое утѣшеніе въ несчастіи — упованіе на Бога, надежда на правосуднаго и милосердаго Государя. Мы первые должны во всю свою жизнь чтить его ангеломъ-хранителемъ нашимъ. Ты, мой другъ, пишешь объ Настинкѣ, что она худа: она была очень больна, теперь только начала поправляться. Я благодарна Соломону — онъ ее пользовалъ. Еще спишу тебя увѣдомить: Веселковъ деревню не покупаетъ; говорить, что мужики очень бѣдны и избалованы; надо много суммы, чтобы привести въ порядокъ, чтобы имѣть доходъ. Теперь должно рѣшиться съ Донауровой; что будетъ? Ты спрашиваешь, о какихъ я 10 тыс. говорила Кат. Ив.? По выправкѣ ея въ Надворномъ Судѣ на 12 тысячъ слѣдуетъ ему, Малютину, со всего капитала по 27 октября 1823 г. получить процентовъ 4,897 р. 69 к., т. е. по день полученія оныхъ билетовъ. Она говоритъ, что ты ихъ получилъ; она не знала и потому не можетъ взять всей обязанности на себя и просить о снятіи запрещенія съ нашего имѣнія. Однакожь я еще буду ее просить, и если она не согласится, тогда буду поступать по твоему наставленію. Я не понимаю, что тебѣ, мой другъ, хочется, чтобы я ѣхала къ маменькѣ, и какъ ты легко судишь, могу ли я гдѣ либо быть покойна безъ тебя. Для меня не страшно какое бы ни было несчастіе, но съ тобою вмѣстѣ раздѣлить. Нѣтъ ужаснѣе для меня съ тобою разлуки: я не перенесу — и тогда что будетъ съ нашею несчастною сиротою? Не будемъ ли отвѣчать предъ Создателемъ! Неужели ты отчаяваешься въ милосердіи Государя, что онъ этого не позволитъ? Нѣтъ, онъ самъ супругъ и отецъ, и правосуденъ. Проси сего единого блага и надѣйся, а я буду стараться устроить все дѣла. Прошу твоего совѣта, что мнѣ дѣлать съ мебелью? Я не знаю, что стоитъ, также и библиотека. Ты молчишь. Увѣдомь, ради Бога. Прости, мой несчастный другъ. Пиши. Одно мое утѣшеніе. Родные и все знакомые тебѣ кланяются. Настинка кланяется и ручку цѣлуетъ; хотѣла сама тебѣ писать, да карандашъ свой гдѣ-то потеряла и въ большой печали, что не можетъ писать тебѣ. *)

18.

13 іюля, 1826.

Богъ и Государь рѣшили участь мою: я долженъ умереть и умереть смертію позорною. Да будетъ его святая воля! Мой милый другъ, предайся и ты волѣ Всемогущаго, и Онъ утѣшитъ тебя. За душу мою молись Богу. Онъ услышитъ твои молитвы. Не ропщи ни на Него, ни на Государя: это будетъ и безразсудно, и грѣшно. Намъ ли постигнуть неисповѣдимые суды Непостижимаго? Я ни разу не возронталъ во все время моего заключенія, и за то Духъ Святой давно утѣшалъ меня. Подивись,

*) На оборотѣ этого письма рукою Рыльева написано: „Черновъ“. „Новосильцевъ“. Потому перенимать весь 6-й исаломъ: Господи, да не ярости твоею обличили мя.

мой другъ, и въ сію самую минуту, когда я занятъ только тобою и нашею малюткою, я нахожусь въ такомъ утѣшительномъ спокойствіи, что не могу выразить тебѣ. О, милый другъ, какъ спасительно быть христіаниномъ. Благодарю моего Создателя, что онъ меня просвѣтилъ и что я умираю во Христѣ. Это дивное спокойствіе поручую, что Творецъ не оставитъ ни тебя, ни нашей малютки. Ради Бога, не предавайся отчаянію: ница утѣшенія въ религіи. Я просилъ нашего священника посѣщать тебя. Слушай совѣтовъ его и поручи ему молиться о душѣ моей. Отдай ему одну изъ золотыхъ табакерокъ въ знакъ признательности моей, или лучше сказать на память, потому что возблагодарить его можетъ только одинъ Богъ за то благодѣяніе, которое онъ оказалъ мнѣ своими бесѣдами. Ты не оставайся здѣсь долго, а старайся кончить скорѣе дѣла свои и отправься къ почтеннѣйшей матушкѣ. Проси ее, чтобы она простила меня, равно всѣхъ родныхъ своихъ проси о томъ же. Катеринѣ Ивановѣ и дѣтямъ ея кланяйся и скажи, чтобы они не роптали на меня за Михайла Петровича*); не я его вовлекъ въ общую бѣду. Онъ самъ это засвидѣтельствуетъ. Я хотѣлъ было просить свиданія съ тобою; но раздумалъ, чтобъ не разстроить себя. Молю за тебя и Настиньку и за бѣдную сестру Бога, и буду всю ночь молиться. Съ разсвѣтомъ будетъ у меня священникъ, мой другъ и благодѣтель, и опять причаститъ. Настиньку благословляю мысленно нерукотвореннымъ образомъ Спасителя и поручаю всѣхъ васъ святому покровительству Живаго Бога. Прошу тебя болѣе всего заботиться о воспитаніи ея. Я желалъ бы, чтобы она была воспитана при тебѣ. Старайся перелить въ нее свои христіанскія чувства—и она будетъ счастлива, не смотря ни на какія превратности въ жизни, и когда будетъ имѣть мужа, то осчастливитъ и его, какъ ты, мой милый, мой добрый и неоцѣненный другъ, счастливила меня въ продолженіе восьми лѣтъ. Могу ли, мой другъ, благодарить тебя словами: они не могутъ выразить чувствъ моихъ. Богъ тебя наградитъ за все. Почтеннѣйшей Прасковѣ Васильевнѣ моя душевная, искренняя, предсмертная благодарность. Прощай! Велятъ одѣваться. Да будетъ Его Святая воля.

Твой истинный другъ К. Рылѣвъ.

У меня осталось здѣсь 530 р. Можетъ быть, отдадутъ тебѣ.

62. Е. П. Оболенскому.

Іюнь, 1826 г.

Любезный другъ, какой безцѣнный даръ прислалъ ты мнѣ! Сей даръ чрезъ тебя, какъ чрезъ ближайшаго моего друга, прислалъ мнѣ самъ Спаситель, котораго давно уже душа моя исповѣдуетъ. Я ему вчера молился со слезами. О, какая это была молитва, какія это были слезы и

*) Михайлъ Петровичъ Малютинъ, сынъ Катерины Ивановны, былъ замѣшанъ въ дѣло.

благодарности, и обѣтовъ, и сокрушенія, и желаній — за тебя, за моихъ друзей, за моихъ враговъ, за Государя, за мою добрую жену, за мою бѣдную малютку; словомъ, за весь міръ. Давно ли ты, любезный другъ, такъ мыслишь, скажи мнѣ: чужое ли это или твое? Ежели это рѣка жизни излилась изъ твоей души, то чаще ею животвори твоего друга. Чужое ли оно или твое, по оно уже мое, такъ какъ и твое, если и чужое. Вспомни броженіе ума моего около двойственности, духа и вещества.

63. Черновое письмо къ Государю.

Около 21 юня, 1826 г.

Святымъ даромъ Спасителя міра я примирился съ Творцомъ моимъ. Чѣмъ же возблагодарю я Его за это благодѣяніе, какъ не отреченіемъ отъ моихъ заблужденій и политическихъ правилъ? Такъ, Государь! отрекаюсь отъ нихъ чистосердечно и торжественно, по чтобы запечатлѣть искренность сего отреченія и совершенно успокоить совѣсть мою, дерзая просить тебя, Государь, будь милосердь къ товарищамъ моего преступленія. Я вповнѣе ихъ всѣхъ; я, съ самага вступленія моего въ Думу Сѣвернаго Общества, упрекалъ ихъ въ недѣятельности; я преступною ревностію своею былъ для нихъ самымъ гибельнымъ примѣромъ; словомъ, я погубилъ ихъ; чрезъ меня пролилась невинная кровь. Они, по дружбѣ своей ко мнѣ и по благородству, не скажутъ сего, по собственная совѣсть меня въ томъ увѣряетъ. Прошу тебя, Государь, прости ихъ: ты пріобрѣтешь въ нихъ достойныхъ себѣ вѣрноподапныхъ и истинныхъ сыновъ отечества. Твое великодушіе и милосердіе обяжетъ ихъ вѣчною благодарностью. Казни меня одного: я благословлю десницу, меня карающую, и твое милосердіе и предъ самую казнь не престану молить Всевышняго, да отреченіе мое и казнь навсегда отвратятъ юныхъ согражданъ моихъ отъ преступныхъ предирятій противу власти верховной.

INSTITUT
BADAŃ I NECHACKICH PAN
BIBLIOTEKA

(00-33) Warszawa, ul. Nowy Świat 3

Tel. 26-68-63



24156

120

By

BIBLIOTEKA IBL

F. 24117

F. 24155

F. 24156

F. 24158

F

24.117
24.155-24.156
24.158